

ISSN 0236-2481

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВРЕМЕННОИК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ

Выпуск 37

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ВРЕМЕННИК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ**

Выпуск 37

Санкт-Петербург
2023

УДК 821.161.0
ББК 83.3 (2Рос=Рус) 1
В81

*Издание основано в 1962 году
Выходит один раз в год*

Редакционная коллегия:
А. Ю. Балакин (*ответственный редактор*),
М. Н. Виролайнен, Е. Е. Дмитриева

Рецензенты:
Доктор филологических наук
А. В. Кошелев
(*Государственный архив Новгородской области*)
Доктор филологических наук
О. Б. Лебедева
(*Томский государственный университет*)

ISBN 978-5-94668-370-8

© Авторы статей, 2023
© Пушкинская комиссия РАН, 2023

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тридцать седьмой выпуск «Временника Пушкинской комиссии» состоит из традиционных разделов: «Материалы и сообщения», «Обзоры», «Статьи и заметки», «Из истории пушкиноведения», «Хроника» и «In memoriam».

Первый раздел открывается двумя статьями, А. В. Курочкина и В. Ф. Кушниренко, анализирующими один эпизод из кишиневской жизни Пушкина 1822 года — его дуэль с полковником С. Н. Старовым и ссору с Тодораки Балшем. Авторы статей, которые были присланы в редакцию «Временника» почти одновременно, используя разные историографические подходы и разную логику исследования, приходят к одинаковому выводу о датировке нескольких пушкинских записок. С. В. Березкина и Н. Л. Дмитриева публикуют письма Д. Н. Блудова к В. А. Жуковскому середины 1810-х годов, которые вносят ряд важных уточнений, связанных с историей литературного общества «Арзамас».

В разделе «Обзоры» помещена роспись пушкиноведческих материалов журнала «Вопросы литературы» (2000—2020), выполненная А. К. Михайловой.

Раздел «Статьи и заметки» состоит в основном из работ о творчестве Пушкина. Е. В. Кардаш анализирует европейский литературный фон мадригала «Цветы последние милей...»; Н. Л. Дмитриева показывает, откуда взялся «лысый Наполеон» в «<Репутации г-на Беранжера>»; Т. А. Китанина обращается к текстологии одной из эпиграмм на картинки к «Невскому альманаху»; Д. Н. Чердаков высказывает гипотезу о генезисе словосочетания «Бог изобретатель» в наброске «О сколько нам открытий чудных...»; С. А. Фомичев аргументирует предположение, что «грибоедовский эпизод» в «Путешествии в Арзрум» был написан ранее остального текста; В. Ю. Проскурина сравнивает две редакции повести Гоголя «Нос», показывая, что ее вторая версия, созданная в период тесного

взаимодействия писателя с пушкинским кругом, проливает свет на важные аспекты литературной, языковой, идеологической позиции Пушкина и его окружения в 1836 году.

В статьях раздела «Из истории пушкиноведения» затрагиваются различные аспекты как изучения пушкинского наследия, так и его бытования в XX веке.

В разделе «Хроника» публикуется обзор деятельности Всероссийского музея А. С. Пушкина за 2021—2022 годы.

Мемориальные статьи о В. А. Кошелеве и Н. Н. Скатове помещены в разделе «In memoriam».

Цитаты из Пушкина, если цитируемое издание не указано особо, приводятся либо по Полному собранию сочинений (М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1949. Т. 1—16; 1959. Т. [17]; Справочный том) со ссылками в скобках (римские цифры обозначают том, арабские — страницу), либо по новому академическому Полному собранию сочинений (СПб.: Наука, 1999—2019. Т. 1—3, 7; издание продолжается) с сокращением в скобках АПСС и указанием тома, книги и страницы. Ссылки на автографы Пушкина, хранящиеся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, даются сокращенно: ПД (т. е. Рукописный отдел Пушкинского Дома, ф. 244, оп. 1), далее указывается номер единицы хранения и в случае необходимости — лист рукописи.

Указатели составлены А. К. Михайловой. В редактировании выпуска принимали участие Лидия Трипиччионе и В. В. Турчаненко.

I. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

А. В. КУРОЧКИН

КИШИНЕВСКАЯ ЗАПИСКА ПУШКИНА К НЕИЗВЕСТНОМУ

Во время пребывания в Кишиневе Пушкин получил от городского вице-губернатора Матвея Егоровича Крупенского следующую записку: «Monsieur Pouskin, ayez la complaisance de passer dans l'instant chez moi» («Господин Пушкин, будьте любезны тотчас же пожаловать ко мне» (франц.) — XIII, 65, 525). Очевидно доставленная посыльным, она не содержит подписи. Далее на том же листе находится приписка самого поэта: «Voilà, mon colonel, une lettre de Kroupensky que je viens de recevoir. Ayez la bonté de m'attendre. Pouchkine» («Вот, полковник, записка Крупенского, которую я только что получил. Будьте добры, подождите меня. Пушкин» (франц.) — Там же). Ниже Пушкин изобразил мужской профиль.

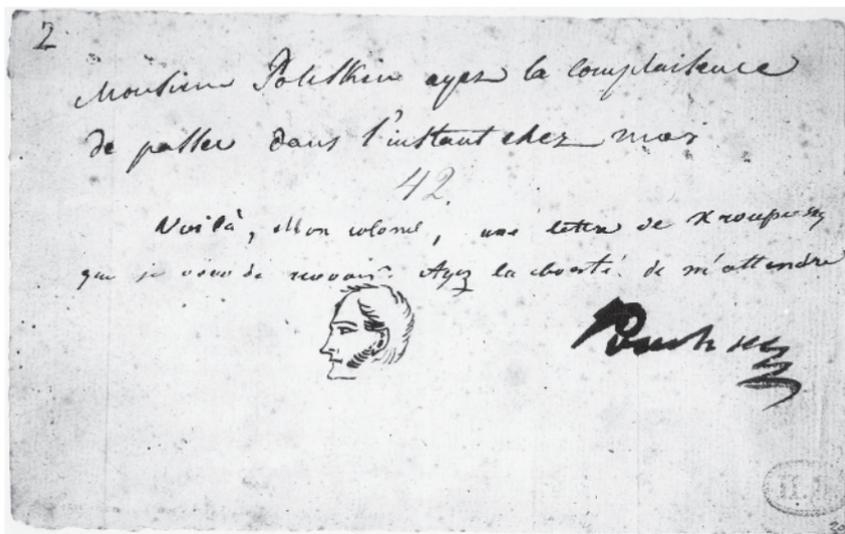
При первой публикации обеих записок Б. Л. Модзалевский предположил, что адресатом пушкинской был И. П. Липранди,¹ однако затем, присоединившись к мнению Ю. Г. Оксмана, не исключил вероятности, что поэт писал к П. И. Пестелю.² В Большом академическом собрании сочинений Пушкина обращение поэта к полковнику опубликовано как записка к неизвестному, с датировкой октябрём 1820 года — июнем 1823 года, и приведено факсимиле листа с двумя записками (XIII, вклейка между страницами 64 и 65).

В специальной работе, посвященной эпистолярному поэту периода южной ссылки, Т. И. Левичева справедливо отвела кандидатуру

---

¹ См.: Пушкин А. С. Письма / Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. М.; Л., 1926. Т. 1. С. 15, 219.

² См.: Там же. Т. 2. С. 501.

Лист с записками Крупенского и Пушкина (ПД 440)

Пестеля, во время общения с Пушкиным носившего еще чин подполковника. Однако, не приведя иных аргументов, кроме отсутствия других служивших в Кишиневе полковников — знакомых поэта, за исключением Липранди, исследовательница заключила, что адресатом записки мог быть только он. Исходя из периода, когда Липранди носил чин полковника, исключив время его отсутствия в Кишиневе, она ограничила датировку записки двумя интервалами: июнь (после 25-го) 1821 года — 4 февраля 1822 года или июль — ноябрь 1822 года.³ Выдвинутое предположение не может считаться бесспорным. До сих пор не предпринималось попыток скрупулезно рассмотреть события, с которыми могло быть связано появление обеих записок. Лишь прояснив данные обстоятельства, можно получить достаточные основания для установления пушкинского адресата и времени написания записок.

Поэт обращается к полковнику, с которым заранее условился о встрече, и просит дождаться своего возвращения от вице-губернатора. Заметим, что Пушкин счел необходимым сообщить визитеру причину своего отсутствия, поэтому обе записки написаны на одном листе. Как представляется, между запланированным приходом пол-

³ См.: Левичева Т. И. Письма А. С. Пушкина Южного периода, 1820—1824: Проблемы текстологии. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001. С. 32—33.

ковника и вызовом к Крупенскому существовала связь, поэт и адресат его записки догадывались или знали о цели приглашения вице-губернатора, поэтому гость Пушкина не должен был удивиться его внезапной отлучке, предполагая такой ход событий.

Попробуем установить причину, побудившую Крупенского написать Пушкину, и когда это произошло. Описывая пребывание поэта в южной ссылке, П. И. Бартенев отмечал: «Нередко хаживал он <Пушкин> также обедать к вице-губернатору Крупянскому,⁴ жена которого Екатерина Христофоровна жила и кормила порусски, что не могло не нравиться Пушкину, потому что ему надоели плаинды⁵ и каймаки⁶ других кишиневских хлебосолов».⁷ Липранди в своих замечаниях на труд Бартенева привел уточнение: «Пушкин часто хаживал к Матвею Егоровичу Крупянскому по вечерам, а не обедать. Если же стол его был лучше других “кишиневских хлебосолов” (у которых, впрочем, никто не обедал без особенного зова, и то только изредка у Варфоломея⁸), то уже, во всяком случае, он был несравненно хуже обеда Орлова, Бологовского, Инзова, Черемисинова, Кантакузиных,⁹ где Пушкину не пришлось бы скучать за плаиндами и каймаками. Пушкин и пользовался этим, но действительно не для того только, чтобы избегнуть упомянутых блюд, а, как я думаю, потому, что Пушкин предпочитал всему беседу с людьми, его понимающими».¹⁰

Однако в записке Крупенского чувствуется не столько обычное приглашение в гости, сколько настоятельное требование явиться. И такой визит Пушкина к вице-губернатору, зафиксированный в свидетельствах современников, действительно имел место. Он состоялся 8 марта 1822 года¹¹ и был вызван ссорой поэта с молдав-

---

⁴ Бартенев и пушкинские современники фамилию Крупенского пишут: «Крупянский».

⁵ Молдавские лепешки с начинкой.

⁶ Молочное блюдо (ср.: пушкинское стихотворение «Недавно бедный мультман...» — вольное переложение начала сказки Антуана Бодерона де Сенесе «Утерянное доверие, или Эмей, любитель каймака, и турок, его поставщик»).

⁷ Бартенев П. И. Пушкин в южной России // Русский архив. 1866. № 8—9. Стб. 1156.

⁸ Е. К. Варфоломей и его семейство — кишиневские знакомые поэта.

⁹ Проживая одно время у своего начальника И. Н. Инзова, поэт регулярно обедал у него. Гостеприимные дома генералов М. Ф. Орлова, Д. Н. Бологовского и Я. Я. Черемисинова, как и семьи Кантакузиных, поэт часто посещал в период пребывания в Кишиневе.

¹⁰ Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. 3-е изд., доп. СПб., 1998. Т. 1. С. 292.

¹¹ См.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 1 / Сост. М. А. Цявловский. С. 277.

ским боярином Тодором Балшем, случившейся 6 марта.¹² Обстоятельства столкновения и последовавшие за ним события в доме Крупянского зафиксировал 9 марта в своем дневнике П. И. Долгоруков: «В прошедшее воскресенье на маленькой вечеринке у молдаванки Богдан дочь ее г-жа Балш, вмешавшись в разговоры и суждения насчет удовлетворения, каковое требовать должен брат ее мужа Янко Балш¹³ за причиненные ему побои, сказала Пушкину, вызвавшемуся отместить честь обиженного: “Vous vous défendez assez mal vous m^{me}”¹⁴ и пр. Пушкин, любя страстно женский пол, а в особенности, как полагают, г-жу Балш, забыл на ту минуту все, бросился к мужу ее Теодарашке Балш, который играл в карты, и объявил, что ему надобно за жену драться. Сей не знал, на что ему решиться. Но когда сама жена стала жаловаться на Пушкина, то и его забрало в очередь. Полетели ругательства. <...> Об этом немедленно донесли наместнику, который тотчас велел помирить ссорящихся. Вечера поутру свели их в доме вице-губернатора. Балш начал просить прощения, извиняясь похмельем, но Пушкин, вместо милости и пощады, выхватил заряженный пистолет и, показывая оный, сказал Балшу: “Вот как я хотел с вами разделаться. Здесь уже не место”. При сих словах, положив пистолет обратно в карман, он ударил его в щеку. Их тотчас розняли, и Пушкин потом приехал к генералу, который мыл ему голову в кабинете и после обеда отправил его с адъютантом под арест. Несмотря на зверский его поступок, многие винят Балша. По общему признанию, в молдаванах нет ни доброты, ни честности, ни благородства».¹⁵

Уточнение деталей этого инцидента, упомянутого позднее и в работе Бартенева,¹⁶ дал Липранди: «Столкновение произошло у того же Крупянского, у которого потом и последовала развязка. <...> Не могу также пропустить без замечания и то, что, как мне кажется, с Алексеевым¹⁷ был и Пуштин¹⁸ в кабинете Крупянского, когда Пушкин разделался с Балшем (через несколько лет возведенным в гетманы, то есть в главнокомандующие войсками Молдавии). О присутствии тут Пуштина говорю не положительно, ибо в то вре-

¹² См.: Там же. С. 276.

¹³ Ошибка, правильно: Иорго Балш.

¹⁴ Вы и себя-то плохо защищаете (франц.).

¹⁵ Долгоруков П. И. 35-й год моей жизни, или Два дни вёдра на 363 ненастья // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 348—349.

¹⁶ Бартенев П. И. Пушкин в южной России. Стб. 1167—1169.

¹⁷ Н. С. Алексеев — чиновник особых поручений при Инзове, входивший в ближайший круг общения поэта в кишиневский период.

¹⁸ П. С. Пуштин — генерал, член «Союза благоденствия», глава масонской ложи «Овидий», в которой состоял Пушкин.

мя я был в отсутствии и возвратился через четыре месяца, а потому и не вполне нахожу этого в записках своих».¹⁹

После новой ссоры с Балшем у Крупенского Пушкин оказался под домашним арестом, а произошедшие события нашли отражение в стихотворении «Мой друг, уже три дня...». Таким образом, получается объяснение причина вызова поэта к вице-губернатору и определяется дата написания обеих записок — утро 8 марта 1822 года.

Попробуем установить адресата пушкинской записки. Во время описываемых событий Липранди находился в отъезде. Кроме того, едва ли поэт обращался к близкому знакомому, каким был для него Липранди, по воинскому чину. В письме к П. А. Вяземскому от 2 января 1822 года Пушкин характеризовал его так: «Он мне добрый приятель и (верная порука за честь и ум) не любим нашим правительством и, в свою очередь, не любит его» (XIII, 34). Доверяя Липранди, поэт передал с ним корреспонденцию, которую не хотел отправлять почтой.²⁰ Во время пребывания в Петербурге Липранди вручил письма Пушкина его родным и затем неоднократно с ними встречался.²¹

Размышляя над тем, как распорядиться запиской, поэт стал рисовать. Заметим, что Липранди доводилось наблюдать за этим процессом: «Пушкин имел особенный дар юмористически изображать физиономии и вообще всю фигуру. <...> Александр Сергеевич на ломберном столе мелом, а иногда и особо карандашом, изображал сестру Катакази, Тарсису, — Мадонной и на руках у ней младенцем генерала Шульмана, с оригинальной большой головой, в больших очках, с поднятыми руками, и пр. Пушкин это делал вдруг с поразительно-уморительным сходством».²² Под текстом записки поэт ставит подпись с чуть растекшимися чернилами. Если бы адресатом являлся Липранди или кто-либо из близких знакомых поэта, он непременно признал бы его руку и рисунок, поэтому не обязательно было подписывать записку. Можно предположить, что предназначалась она лицу, не входившему в круг пушкинских приятелей, хорошо знавших его почерк и привычки.

Между тем неверно было бы утверждать, что Липранди являлся для Пушкина единственным знакомым полковником в кишиневской период. Поэт общался и с полковником Федором Федоровичем Орловым, бывавшим в Кишиневе наездами у своего брата М. Ф. Орлова, но не в рассматриваемый нами момент времени, ибо

¹⁹ Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний. С. 319—320.

²⁰ См.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 1. С. 274.

²¹ См.: Там же. С. 276—278.

²² Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний. С. 327.

сам Михаил Федорович еще в январе 1822 года уехал с женой из Кишинева²³ и командование его дивизией принял на себя генерал Пущин. 30 апреля 1822 года Долгоруков стал свидетелем спора Пушкина с артиллерийским полковником Алексеем Матвеевичем Эйсмонтом о рабстве крестьян.²⁴ Данный эпизод следует рассматривать как мимолетнюю встречу, не позволяющую судить о каком-либо более раннем общении двух собеседников, которых за обедом у Инзова свел случай. Полковником в отставке был и Алексей Петрович Алексеев, местный почтмейстер, участник Отечественной войны 1812 года и заграничных походов, который, пребывая на гражданской службе, не переставал носить отставной драгунский мундир. По свидетельству В. П. Горчакова, Пушкин, «по преимуществу уважавший самоотвержение и неподдельную отвагу, с наслаждением выслушивал все рассказы Алексеева, как участника в битвах при Бородине и на высотах Монмартра».²⁵ В октябре 1820 года в бильярдной у поэта произошла ссора с А. П. Алексеевым и Ф. Ф. Орловым, закончившаяся при посредничестве Липранди примирением.²⁶ Обращение молодого поэта к почтмейстеру Алексееву в уважение его лет уместнее было бы по имени и отчеству. Именованье же адресата по воинскому чину скорее должно относиться к действующему полковнику и, как отмечалось, не близкому знакомому. И такой человек имелся в кишиневском окружении Пушкина. Им являлся командир 33-го егерского полка Семен Никитич Старов, произведенный в чин полковника 26 декабря 1821 года,²⁷ незадолго до его дуэли с поэтом, состоявшейся 6 января 1822 года.²⁸ Хотя, по свидетельству Долгорукова, «происшествие тогда же разнеслось по городу, и скоро об нем забыли, исключая двух или трех молдаван, у которых оно осталось в памяти»,²⁹ — о нем напомнила Пушкину жена Балша. Приведенная в дневнике Долгорукова ее колкость в адрес поэта, что тот не смог постоять и за свою честь, относилась как раз к его конфликту со Старовым. Бар-

---

²³ См.: *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина*. Т. 1. С. 271, 496.

²⁴ См.: *Долгоруков П. И. 35-й год моей жизни, или Два дни ведра на 363 ненастья*. С. 353.

²⁵ *Горчаков В. П. Воспоминание о Пушкине // Пушкин в воспоминаниях современников*. Т. 1. С. 267.

²⁶ См.: *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина*. Т. 1. С. 217.

²⁷ См.: *Подмазо А. А. Шефы и командиры регулярных полков русской армии (1796—1825) // URL: http://www.museum.ru/1812/Library/Podmazo/alfshcom_s.html (дата обращения: 01.10.2022)*.

²⁸ См.: *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина*. Т. 1. С. 271.

²⁹ *Долгоруков П. И. 35-й год моей жизни, или Два дни ведра на 363 ненастья*. С. 348.

тенеv, ссылаясь на Горчакова, привел диалог Пушкина и жены Балша: «“Экая тоска! Хоть бы кто нанял подраться за себя!” Молдаванка вспыхнула. “Да вы деритесь лучше за себя”, — возразила она. “Да с кем же?” — “Вот хоть с Старовым; вы с ним, кажется, не очень хорошо кончили”». ³⁰ Поводом к дуэли стал инцидент, который случился 5 января на вечере с танцами, где поэт приказал музыкантам играть мазурку, а один из офицеров полка, которым командовал Старов, — кадрили. Музыканты исполнили приказание Пушкина. Полковник принял это за оскорбление своего подчиненного. ³¹ Горчаков, оставивший подробности происшествия, дал яркую характеристику личных качеств полковника:

«Вы сделали невежливость моему офицеру, — сказал Старов, взглянув решительно на Пушкина, — так не угодно ли вам извиниться перед ним, или вы будете иметь лично дело со мною». — «В чем извиняться, полковник, — отвечал быстро Пушкин, — я не знаю; что же касается до вас, то я к вашим услугам». — «Так до завтра, Александр Сергеевич». — «Очень хорошо, полковник». Пожав друг другу руку, они расстались. <...> На другой день утром, в девять часов, дуэль была назначена: положено стрелять в двух верстах от Кишинева; Пушкин взял к себе в секунданты Н. С. Алексеева. По дороге они заехали к полковнику Липранди, к которому Пушкин имел исключительное доверие, особенно в делах этого рода, как к человеку опытному и, так сказать, весьма бывалому. Липранди встретил Пушкина поздравлением, что он будет иметь дело с благородным человеком, который за свою честь умеет постоять и не способен играть честью другого. Подобные замечания о Старове и мы не раз слышали, и не от одного Липранди, а от многих, и между многими можем назвать: Михаила Федоровича Орлова, Павла Сергеевича Пушина, этих участников в битвах 12-го года и под стенами Парижа, где и С. Н. Старов также участвовал, и со славою, еще будучи молодым офицером. Мы не имели чести видеть Старова в огне, потому что сами в то время не служили и не могли служить; но зато впоследствии, смеем уверить каждого, мы ни разу не слышали, чтоб кто-нибудь упрекнул Старова в трусости или в чем-либо неблагоприятном. Имя Семена Никитича Старова всеми его сослуживцами и знакомыми произносилось с уважением. ³²

Во время поединка случилась метель. Противники сделали по два выстрела, закончившиеся промахами. Дуэль отложили:

³⁰ *Бартенев П. И.* Пушкин в южной России. Стб. 1168.

³¹ См.: *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина*. Т. 1. С. 270—271.

³² *Горчаков В. П.* Воспоминание о Пушкине. С. 269—270.

«Итак, до другого разу», — повторили оба в один голос. «До свидания, Александр Сергеевич!» — «До свидания, полковник!»

На возвратном пути из-за города Пушкин заехал к Алексею Павловичу Полторацкому и, не застав его дома, оставил ему записку следующего содержания:

Я жив,
Старов
Здоров,
Дуэль не кончен.

<...> Полторацкому вместе с Алексеевым пришла мысль помирить врагов, которые по преимуществу должны быть друзьями. И вот через день эта добрая мысль осуществилась. <...> Без дальнейшего вступления со стороны примирителей и недавних врагов примирение совершилось быстро. «Я вас всегда уважал, полковник, и потому принял ваше предложение», — сказал Пушкин. «И хорошо сделали, Александр Сергеевич, — отвечал Старов, — этим вы еще более увеличили мое уважение к вам, и я должен сказать по правде, что вы так же хорошо стояли под пулями, как хорошо пишете». Эти слова искреннего привета тронули Пушкина, и он кинулся обнимать Старова.³³

Отметим одну существенную деталь: Пушкин всякий раз обращается к Старову точно так же, как и в записке, — исключительно по его воинскому чину.

Когда поэт случайно услышал, как местная кишиневская молодежь судачит о его поединке с полковником, то немедленно вмешался в их разговор: «Господа, — сказал он, — как мы кончили с Старовым — это наше дело, но я вам объявляю, что если вы позволите себе охуждать Старова, которого я не могу не уважать, то я приму это за личную обиду, и каждый из вас будет отвечать мне, как следует!»³⁴

По поводу поединка с Пушкиным близко знавший Старова Липранди «спросил его, как это пришло ему в голову сделать такое дурачество в его лета и в его положении? Он отвечал, что и сам не знает, как все это сошлось; что он не имел никакого намерения, когда подошел к Пушкину. “Да он, братец, такой задорный”, — присовокупил он». Спустя «тридцать два года после поединка он искренне

³³ Горчаков В. П. Воспоминание о Пушкине. С. 270—271.

³⁴ Там же. С. 271.

обвинял себя и говорил, что это одна из двух капитальных глупостей, которые он сделал в жизни своей».³⁵

После ссоры с Балшем и до визита поэта к Крупенскому прошел день. У Пушкина было время осмыслить произошедшее и подумать о выборе секунданта. Старов подходил на эту роль как никто другой. Оба щепетильные в вопросах чести, Пушкин и полковник с поразительным хладнокровием выдержали выстрелы друг друга, которые каждому могли стоить жизни. Не удивительно, что поэт мог пригласить в секунданты бывшего противника. Так он поступит и позднее, в ноябрьской дуэльной ситуации 1836 года с Дантесом, когда позовет в секунданты графа В. А. Соллогуба, с которым ранее имел инцидент, едва не закончившийся поединком. Одновременно Пушкин демонстрировал окружающим, что удовлетворен исходом дуэли со Старовым и искренне уважает его. Этот шаг явился бы красноречивым ответом на язвительное высказывание жены Балша в адрес Пушкина, послужившее причиной конфликта с ее мужем. Выбор же в качестве секунданта кого-либо из близких знакомых или друзей, например Н. С. Алексеева, поэт едва ли рассматривал. Любой из них предпринял бы шаги к примирению. Это Пушкина никак не устраивало, что и подтвердила новая стычка с Балшем в доме Крупенского. Да и Липранди, находясь он в Кишиневе, постарался бы предотвратить возможный поединок. Пушкин, безусловно, это понимал.

В связи с вновь установленным адресатом записки поэта необходимо снять прежнюю атрибуцию рисунка под ней как изображения Липранди или Пестеля.³⁶ Как и трудно представить, что это уже находившийся в достаточно пожилом возрасте отставной полковник А. П. Алексеев. По поводу изображения Липранди позволим себе высказать предположение, что поэт оставил его в рукописи стихотворения «Завидую тебе, питомец моря смелый...». В левом нижнем углу листа со стихотворением мы видим мужской портрет, который ранее не привлекал внимания исследователей пушкинских рисунков. Профиль развернут в сторону от зрителя, взгляд изображенного устремлен вдаль, словно тот смотрит на море. 11 ноября 1822 года Липранди оставил военную службу и 3 марта 1823 года вступил в службу статскую — чиновником по особым поручениям при новороссийском генерал-губернаторе и бессарабском наместнике М. С. Воронцове.

³⁵ Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний. С. 318, 319.

³⁶ См.: Жуйкова Р. Г. Портретные рисунки Пушкина: Каталог атрибуций. СПб., 1996. С. 218. № 468, 591.

Изображение И. П. Липранди
в рукописи стихотворения
«Завидую тебе, питомец моря
смелый...» (ПД 834, л. 12)

ставших в Греции или Южной Америке.³⁸ Находясь в Одессе, поэт представлял Липранди уже на пути в чужие края. Также и сам он морем мечтал совершить побег из ссылки. Таким образом, присутствие изображения Липранди в рукописи стихотворения «Завидую тебе, питомец моря смелый...» соотносится с общим мотивом его создания. Время работы над стихотворением определяется июнем — первой половиной октября 1823 года (см.: АПСС. Т. 2. Кн. 2. С. 894). Поэта волнует судьба Липранди. В конце октября 1823 года в письме к Ф. Ф. Вигелю он интересуется: «Где и что Липранди? Мне брюхом хочется видеть его» (XIII, 73). Любимое пушкинское выражение (ср. в письме к Н. И. Гнедичу от 27 сентября 1822 года: «Мне брюхом хочется театра и кой-чего еще» (XIII, 49) и в письме к П. А. Вяземскому от 19 февраля 1825 года: «...прозы твоей брюхом хочу» (XIII, 145)) содержит и буквальный намек на изобильную трапезу, которую Липранди устраивал для своих гостей. В воспоминаниях Вигеля о парижском периоде жизни Липранди говорится: «Всякий раз что, немного поднявшись по лестнице, заходил я к нему <Липранди>, находил я изобильный завтрак или пышный обед: на столе стояли горы огромных персиков, душистых груш и доброго винограда, искусственно произрастающего в Фон-

³⁷ См.: Кибовский А. В. 500 неизвестных. М., 2019. С. 25, 272—273.

³⁸ См.: Эйдельман Н. Я. Пушкин и декабристы: Из истории взаимоотношений. М., 1979. С. 28—29.

тенбло, под названием шассела».³⁹ Как представляется, традицию подобного хлебосольства Липранди сохранил и позднее.

Между тем первая стычка поэта с Балшем 6 марта получила широкую огласку. Можно предположить, что о намерении Крупенского выступить примирителем стало известно Старову, и он предупредил Пушкина о возможном вызове к вице-губернатору. В таком случае смысл записки поэта становится более очевидным: он извещает полковника, что получил ожидаемое приглашение Крупенского. По-видимому, его записка пришла в тот момент, когда Пушкин намеревался встретиться с полковником, уже заручившись или для того, чтобы заручиться его поддержкой как секунданта. Заранее предвидя намерения вице-губернатора, поэт не предполагал задержаться у него надолго, тотчас отказавшись от примирения, и надеясь на скорое возвращение, для чего и просил полковника дожждаться его для обсуждения дальнейших действий. Под текстом записки Пушкин изобразил и адресата — полковника Старова.

Мы можем лишь предполагать, как поэт распорядился уже написанной запиской, но встреча с полковником не состоялась. Пушкин, возможно, отказался от первоначального намерения привлечь его к делу, чтобы избежать дальнейших пересудов, не оставил записку, и гость сразу же ушел, не застав хозяина. Могло случиться, что по каким-либо обстоятельствам Старов не явился или пришел, прочитал оставленную поэтом записку, но не дождался его, а Пушкин вернулся домой уже под арест. Поэтому лист с записками при любом развитии событий остался в бумагах поэта и был обнаружен В. А. Жуковским после его смерти.⁴⁰

В свете вышеизложенного адресатом записки Пушкина можно считать полковника С. Н. Старова, и датировать ее, как и записку М. Е. Крупенского к поэту, следует 8 марта 1822 года.

---

³⁹ Вигель Ф. Ф. Записки / Издание «Русского архива» (дополненное с подлинной рукописи): В 7 ч. М., 1892. Ч. 5. С. 120.

⁴⁰ См.: Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Научное описание / Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. М.; Л., 1937. С. 182.

ВИКТОР КУШНИРЕНКО

**«БУДЬТЕ ДОБРЫ, ПОДОЖДИТЕ МЕНЯ...»
К истории ссоры в Кишиневе опального Пушкина
с яским боярином Тодором Балшем**

Когда мы говорим о кишиневских дуэлях, ссорах А. С. Пушкина, то непременно вспоминаем его друзей, ангелов-хранителей, особенно подполковника И. П. Липранди и отставного майора Н. С. Алексеева. Правда, 6 января 1822 года, когда случилась самая страшная кишиневская дуэль Пушкина с полковником С. Н. Старовым, Липранди избрал позицию стороннего, хоть и не безучастного, наблюдателя. Очевидно, он испугался за исход дела.¹

По воспоминаниям Н. С. Алексеева и самого Пушкина, противники стрелялись насмерть: сначала — с 16, потом — с 12 шагов и, наконец, требовали еще «сдвинуть барьер».² Липранди знал, что Старов «за свою честь умеет постоять»,³ что он «обстрелянный» и «бой будет не ровный», ибо «Пушкин был так молод, неопытен»,⁴ и что оба противника, горя нетерпением, «поспешат сойтися, и тогда последствия будут ужасны».⁵ В этой дуэли секундантами были: со стороны Пушкина — Н. С. Алексеев, со стороны Старова — майор М. С. Гаевский. Ссылаясь на метель, на отсутствие должных зарядов, именно они уберегли от смерти и Пушкина, и Старова. Тогда и родились известные пушкинские строки:

---

¹ См.: Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1974. Т. 1. С. 320.

² Там же. С. 321.

³ Горчаков В. П. Воспоминание о Пушкине // Там же. С. 269.

⁴ Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний. С. 320.

⁵ Там же. С. 321.

Я жив,
Старов
Здоров,
Дуэль не кончен.

(XIII, 352).

В. П. Горчаков и А. П. Полторацкий сделали все для того, чтобы примирить дуэлянтов. 8 января их свели у ресторатора Николетти. Именно здесь Пушкин с уважением отозвался о Старове, а тот ответил: «...я должен сказать по правде, что вы так же хорошо стояли под пулями, как хорошо пишете».⁶ Пушкин кинулся обнимать Старова. Они подружились.

Однако слухи, сплетни поплыли по городу и принесли немало огорчений участникам дуэли. Мы не знаем, как реагировал на них Старов, но Пушкин дважды отстаивал честь и свою, и своего противника. Первый раз там же, у Николетти, где в его присутствии местная молодежь вздумала смеяться над Старовым.⁷ Второй раз — 5 марта 1822 года на вечеринке у вдовы ворника⁸ Смаранды Богдан, когда ее дочь Мария публично осмеяла Пушкина как не сумевшего защитить себя в поединке со Старовым. В тот вечер Пушкин вызвался «отмстить честь обиженного» кем-то ворника Янко Балша — брата мужа Марии Балш. Хорошо знавшая исход дуэли, но уязвленная, что Пушкин свое внимание в те дни с нее перевел на другую яскую красавицу, блиставшую в кишиневских салонах, — генеральшу Екатерину Альбрехт, она бросила поэту с усмешкой: «*Vous vous défendre assez mal vous même*» («Вы и себя-то плохо защищаете» — *франц.*). Произошла всем известная ссора Пушкина с Балшем. Она тогда закончилась тем, что «генерал Пушин успел все привести в порядок и, схватив Пушкина, увез с собою».⁹

И тут мы подходим к документам, фактам, которые в пушкинистике до конца не расшифрованы, не выстроены во времени и должным образом не включены в пушкинскую «Летопись жизни и творчества». Речь идет о записках, опубликованных в Большом академическом собрании сочинений поэта под номерами 54, 55, 358 (XIII, 65, 351), а также о письме Тодораки Балша к бессарабскому наместнику генералу И. Н. Инзову, которое дошло до нас в черновике. Две записки находятся на одном листе бумаги, сложен-

⁶ Горчаков В. П. Воспоминание о Пушкине. С. 270.

⁷ См.: Там же. С. 270—271.

⁸ Ворник — одна из высших государственных должностей в Бессарабии.

⁹ Долгоруков П. И. 35-й год моей жизни, Или два дни вёдра на 363 ненастья // Звенья: Сборник материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века. М., 1951. Т. 9. С. 52.

ной при передаче в восемь раз по длине.¹⁰ Первая — от Крупенского к Пушкину, вторая — от Пушкина к неизвестному. Обе датированы широко: «Октябрь 1820 г. — июнь 1823 г. Кишинев» (XIII, 65). Третья записка — от А. Балша (Бальша) к Пушкину — датирована еще более широко: «Май 1821 г. — июнь 1823 г. Кишинев или около 10 сентября 1826 г. — 1827 г. Москва — Петербург» (XIII, 351). На ее обороте — программа «Влюбленного беса».¹¹ В «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» датировка сужена временем пребывания Пушкина в Кишиневе: «1821. Май...1823. Июнь».¹²

Между тем думается, что все эти записки имеют твердую дату, а также известных адресатов. Они коротки, динамичны и тесно связаны одна с другой. Иными словами, в них все говорит о том, что они — существенная часть истории ссоры Пушкина с Балшем, которая случилась утром 8 марта 1822 года.

С ней тесно связано и письмо Тодораки Балша. Оно было обнаружено в архивных материалах семьи Балшей в Бухаресте еще в 1938 году Ефросинией Двойченко. В том же году она опубликовала письмо и комментарий к нему в Париже в «Revue des études slaves».¹³ В 1947 году письмо Балша было на французском языке напечатано в книге Георге Безвикони (Безвиконного) и Скарлата Каллимаки «Puşkin în ezil», изданной в Бухаресте на румынском языке и до сих пор не переведенной на русский язык.¹⁴ К этому письму и истории обращались в 1961 году — Г. Ф. Богач,¹⁵ а в 1979-м — Е. М. Двойченко-Маркова,¹⁶ но письмо, по сути дела, так и осталось неисследованным.

Приведем его ниже:

Excellence!

A la suite des plaintes que j'ai eu l'honneur de porter à V. E. contre l'indigne procédé de Mr. Pouschkin envers mon épouse et envers moi,

¹⁰ Лист воспроизведен: XIII, между с. 64 и 65; см. также с. 6 наст. изд.

¹¹ См.: Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме / Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. М.; Л., 1937. С. 105. № 267; здесь ошибочно указано, что это программа «Уединенного домика на Васильевском».

¹² См.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 1. С. 249.

¹³ *Dvoicenco E. Puşkin et les Balsch a Kişinev // Revue des études slaves. 1938. T. 18, f. 1—2. P. 73—75.*

¹⁴ *Bezviconi G. și Callimachi S. Puşkin în exil. Bucureşti, 1947. P. 159—170.*

¹⁵ См.: *Богач Г. Ф. К истолкованию стихотворения Пушкина «Мой друг, уже три дня...» // Пушкин на юге. Кишинев, 1961. Т. 2. С. 255.*

¹⁶ См.: *Двойченко-Маркова Е. М. Пушкин в Молдавии и Валахии. М., 1979. С. 54—57.*

[Elle a bien voulu charger Mr. M. de K.], Votre Excellence, désirant que ce différend se terminât à l'amiable, a eu la bonté de charger Mr. M. de K. d'amener une réconciliation.

Mr. de K., remplissant l'engagement qu'il avait pris [envers Vous], vint me faire une proposition qui se trouvait parfaitement conforme à vos désirs [et avec mes dispositions], auxquels je me suis disposé aussi [par l'engagement de], engagé par Mr. Kroupenski. Je n'hésitais pas un instant [à y consentir] [l'accepter], en lui observant cependant que je ne m'y prêtais qu'autant qu'il m'assurerait que [Mr.] dans cette [occasion] entrevue avec Mr. de P., ce dernier mettrait de la modération dans sa conduite et que je ne serais pas exposé à recevoir une seconde insulte. M'ayant dit tout ce qui était propre à dissiper mes craintes, je me rendis en toute confiance chez Mr. de Kroupenski, où la réconciliation devait avoir lieu. Mais quel fut mon étonnement lorsqu'aux premières paroles de raccommodement que Mr. K. lui adressa, Mr. P. pour toute réponse tire de la poche un pistolet et [s'avance] s'élançe sur moi [d'un air menaçant et me l'appuyant sur ma poitrine, me dit que, s'il ne s'était pas trouvé où il était, c'en eût été fait de ma vie] pour me tuer, et ce ne fut qu'avec les plus grands efforts que Mr. de K. et Mr. le G. P. parvinrent à le faire sortir de la chambre. Toutes les circonstances de cette scène sont exactement et fidèlement<sic!> rapportées et peuvent être attestées par les personnes qui étaient présentes.

D'après un acte pareil que je n'hésite point de [sic] qualifier d'assassinat prémédité, puisqu'il en porte tout [sic] les caractères, et dont l'exécution n'a manqué que parce qu'heureusement on s'est saisi de sa personne, regardant mon existence comme hautement compromise et en danger, j'ose demander d'abord au nom de S. M. l'E. de toutes les Russies dont nous jouissons de la haute protection, — une sauve garde contre les attentats que cet individu peut encore méditer contre [ma sûreté] mes jours, et en second lieu qu'[on procède] il soit procédé envers lui d'après la rigueur des loix qui ne peuvent laisser impunie une action aussi criminelle que celle dont Mr. de P. s'est rendu coupable, et qu'il subisse en conséquence la peine portée par les loix en vigueur dans l'Empire de Russies contre les assassins.

Je supplie V. E. de prendre mes réclamations en considération et de me faire rendre une prompte justice, [qu'elle croira m'être due] [Persuadé que...] [Je ne saurais avoir de meilleur garant de mes]. Confiant entièrement dans les principes qui caractérisent V. E., j'ai l'honneur d'être avec les sentiments de la plus haute...¹⁷

---

¹⁷ *Dvoicenco E. Puškin et les Balsch a Kišinev. P. 74—75; перевод: «Ваше Высокопревосходительство!*

Это письмо, а вернее, жалобу Тодораки Балша надо датировать не «Март, 9...27», как дано и в «Летописи...»,¹⁸ а 8 марта 1822 года.¹⁹

Вследствие жалобы, которую я имел честь представить В<ашему> В<ысокопревосходительству> на недостойный поступок г. Пушкина относительно моей супруги и меня [Вам было угодно поручить г. М. К<рупенскому>], Ваше Высокопревосходительство, желая, чтобы этот разлад закончился по-дружески, соблаговолили поручить г. М. К<рупенскому> привести к примирению. Г<-н> К<рупенский>, выполняя обязательство, которое он взял [перед Вами], тотчас сделал мне предложение, которое полностью соответствовало Вашему желанию [и моему настроению] и к которому я также был расположен по призыву г. К<рупенского>. Я не колебался ни минуты [с этим согласиться] [принять это], заметив ему, однако, что я соглашаюсь лишь постольку, поскольку он может поручиться, что [г.] при [этом случае] этой встрече с г. П<ушкиным> последний станет вести себя сдержанно и что я не буду подвергнут новому оскорблению. После того как он мне высказал все, что могло развевать мои опасения, я направилась с полным доверием к г. Крупенскому, где должно было бы произойти примирение. Но каково было мое удивление, когда при первых же словах, с которыми г. К<рупенский> обратился к нему, г. П<ушкин> вместо ответа вытащил из кармана пистолет и [устремился] бросился на меня [с угрожающим видом, приставив его к моей груди и сказав, находишься он сейчас в ином месте, он бы со мной расправился] с намерением убить, и лишь ценой немалых усилий г. К<рупенского> и г. г<енералу> П<ушину> удалось вывести его из комнаты. Все обстоятельства этой сцены изложены точно и достоверно и могут быть засвидетельствованы присутствовавшими при этом лицами.

После подобного деяния, которое я без колебаний оцениваю как преднамеренное убийство, поскольку в нем наличествуют все признаки такового, а довести дело до конца помешало лишь то, что, по счастью, его <Пушкина. — В. К.> удержали силой, я, полагая, что моя жизнь подвергнута прямой угрозе и находится в опасности, смею просить, во-первых, именем Е. В. Императора Всероссийского, под чьим высочайшим покровительством мы пребываем, — защиты от посягательств, которые этот человек может еще задумать против [моей безопасности] моей жизни, а во-вторых, чтобы с ним поступили по всей строгости законов, которые не могут оставить безнаказанным столь преступное деяние, как то, в котором виновен г. П<ушкин>, и чтобы он таким образом понес наказание, предусмотренное действующими в Российской империи законами против убийц.

Я прошу В<аше> В<ысокопревосходительство> принять во внимание мою жалобу и незамедлительно свершить правосудие [которое, как Вы сочтете, мне полагается]. [Будучи убежден, что...] [Я не мог бы иметь лучшего залога моей] Всецело доверяясь принципам, которые отличают В<аше> В<ысокопревосходительство>, я имею честь оставаться с чувством самого высокого...» (франц.; перевод Анны Завалистой под редакцией В. В. Зельченко).

¹⁸ См.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 1. С. 277.

¹⁹ См.: Кушницренко В. «В стране сей отдаленной...»: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина в Бессарабии, Каменке, Кieve и Одессе и связанных с ним событий с 20 сентября 1820 года по 1 августа 1824 года. Новое издание: В 2 т. Кишинев, 1999. Т. 2. С. 68.

И вот почему. Вторая ссора между Пушкиным и Балшем произошла утром 8 марта. Зная нрав Пушкина и Балша, их намерения, Инзов не стал выжидать, как накануне, а, упреждая возможные страшные последствия, в тот же день «после обеда отправил его <Пушкина> с адъютантом под арест».²⁰ Между тем Балш, еще не ведая об аресте поэта, вечером передает жалобу на имя Инзова и просит «принять во внимание мою рекламацию и незамедлительно свершить правосудие...». Что же из себя должно представлять это «правосудие»? Балш требовал: во-первых, обеспечения безопасности, защиты своей жизни от Пушкина, причем требовал именем Александра I; во-вторых, наказать поэта по всей строгости российских законов как убийцу. Посадив Пушкина под арест немедленно, И. Н. Инзов именем российского императора и в соответствии с законами России тем самым уже выполнил просьбу Балша о незамедлительном свершении правосудия. Все это позволяет нам датировать его жалобу именно 8 марта 1822 года.

Однако жестокость жалобы Балша требует необходимого отступления и пояснения. Требуя от Инзова наказания Пушкина по всей строгости российских законов против убийц, поскольку-де Балш и ему подобные бояре-беженары (беженцы) пользовались «высокой протекцией» Александра I, сам Балш был далеко не честен и не откровенен. Он двуличничал, поскольку еще в феврале 1822 года выезжал из Кишинева в Яссы, а оттуда — в Силистрию, где свиделся с Юсуф-пашой, которому передал челобитную от группы крупных бояр-беженаров, находившихся все еще в Бессарабии, к турецкому султану с просьбой назвать Балша или одного из ясских бояр, но не второстепенных, а крупных, таких как сам Балш, господарем Молдовы, вернув те законы и обычаи, которые тут были 150 лет назад.²¹ Таким образом, в те дни Балш сам жил не по российским законам, а хотел видеть себя господарем Молдовы в объятиях Турции. Но его двуличие, о котором тогда никто еще не ведал, грозило в те дни суровым наказанием для Пушкина.

Теперь, чтобы определиться в предшествовавших 8 марта событиях, надо заметить, что в четырехтомной «Летописи» неверно указано, что первая ссора Пушкина с Балшем, в доме вдовы Богдан, состоялась 6 марта 1822 года.²² Она случилась вечером 5 мар-

---

²⁰ Долгоруков П. И. 35-й год моей жизни... С. 52.

²¹ Подробнее см.: Богач Г. Ф. К истолкованию стихотворения Пушкина «Мой друг, уже три дня...». С. 260—263.

²² Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 1. С. 276; здесь повторена ошибка М. А. Цявловского в примечаниях к публикации дневника П. И. Долгорукого (см.: Звенья. Т. 9. С. 135).

та, поскольку П. И. Долгоруков в своем дневнике 9 марта фиксирует, что эта ссора имела место «в прошедшее воскресенье»,²³ которое попадает именно на эту дату.²⁴

Таким образом, приведенное выше письмо Балша и указанные записки отражают события, имевшие место между 5 и 8 марта. И тут любопытно наблюдение за поведением в эти дни П. И. Долгорукова и И. Н. Инзова. Долгоруков помечает в дневнике так эти дни марта: «4. 5. Не примечательны» (и это понятно: ссора у Богдан была 5-го вечером); «6» — Долгоруков «докладывал наместнику», тот «привязывался ко всему» (Инзову уже донесли о ссоре, он выжидал, нервничал, меры принимал не спеша); «7» — «наместник опять перестал ласкать меня»²⁵ (Инзову уже было не до ласки ближних, все накалилось, дело шло к дуэли, примирением не пахло). Только 8 марта все проясняется и объясняется для Долгорукова, и он тут же пишет: «Пушкину объявлен домовый арест за то, что прибил одного знатного молдаванина, не хотевшего с ним выйти на поединок».²⁶

Как же на этом фоне можно восстановить события? Безусловно, Инзов мог знать о ссоре еще 5 марта, со слов Крупенского, П. С. Пуштина, да и самого Пушкина, жившего с ним в одном доме. Мог все узнать и 6 марта. Далее события происходили так.

6 марта — судя по началу жалобы Балша, он в этот день, скорее всего под сильным давлением своей жены, явился к Инзову и обратился с письменной или устной жалобой от имени жены и себя «на недостойный поступок г. Пушкина относительно моей супруги и меня», с пожеланием, чтобы ссору разобрал если не сам Инзов, то непременно Крупенский. Инзов убеждает Балша, что все надо решить «по-дружески», соглашаясь поручить примирение Крупенскому. По всей видимости, в этот день Инзов беседует с Пушкиным и Крупенским, которому поручает примирить соперников. В свою очередь, Крупенский там же, у Инзова, беседует с Пушкиным и также советует пойти на мировую и в связи с этим предупреждает, что после разговора с Балшем он сообщит ему о дате и месте примирения. Никто не форсирует события, видя настрой Балша и особенно Пушкина.

7 марта, выполняя поручение Инзова, Крупенский беседует с Балшем о примирении с Пушкиным. Из письменной жалобы

²³ Долгоруков П. И. 35-й год моей жизни... С. 53.

²⁴ См.: Хронологический справочник (XIX и XX века) / Сост. М. И. Перпер. Л., 1984. С. 15.

²⁵ Долгоруков П. И. 35-й год моей жизни... С. 48.

²⁶ Там же.

Балша видно, что он, не веря в возможность этого, очевидно располагая какой-то информацией о настрое Пушкина, высказывает опасение, что Пушкин может подвергнуть его «новому оскорблению». Крупенский успокаивает, сообщая, что он уже беседовал с Пушкиным и тот обещал ему, что «проявит сдержанность в своем поведении». Успокоенный Крупенским, Балш обещает прийти утром 8 марта в дом Крупенского. Но к вечеру участники и свидетели встреч и переговоров видят, что примирение осуществить не так-то просто. Пушкин ведет дело к дуэли, в исходе которой вряд ли кто сомневался. Вот почему в этот день нервничал Инзов.

Наконец наступает 8 марта. И теперь самое время обратиться к названным выше запискам. Дело в том, что до утра 8 марта о случившемся в доме Богдан знал довольно узкий круг лиц: Инзов, Пушкин, Алексеев, семья Крупенского, вдова Богдан, оба семейства Балшей. Вездесущий подполковник И. П. Липранди находился в Херсоне — он все узнал только через две недели.²⁷ Многие известные поэту полковники по разным причинам тоже отсутствовали в Кишиневе или были замешаны в событиях, которые исключали их участие в ссорах, дуэлях, — гетеристы, декабристы, масоны. Вполне естественно, что вся эта история имела свое отличительное звучание в доме Янко (Иорго, Иордаки) Балша. Да, Пушкин устроил ссору, но ведь он из благородных побуждений вызвался заступиться за Янко. Балши сочувствовали поэту, особенно был тронут поступком Пушкина сын Янко — Алеко. Несомненно, он, как и его отец, как и многие в те дни молодые яские бояре, слыл «карбонарием» (чего не скажешь о Тодораки Балше). И это сближало его с Пушкиным, с которым он виделся часто в домах своих родственников. И очевидно, узнав о решительности Пушкина, Янко поспешил к поэту, чтобы отговорить его от дуэли. Он пытался это сделать утром, до свидания поэта с Тодораки Балшем у Крупенского. Отсюда и его записка № 358: «Comment faire pour vous trouver? A. Balsch» («Как застать вас? А. Балш» — *франц.*; XIII, 351, 565). Но Пушкина уже ранним утром не было дома. Он получил записку от М. Е. Крупенского. И эта записка № 54 гласила: «Monsieur Pouskin, ayez la complaisance de passer dans l'instant chez moi» («Господин Пушкин, будьте любезны тотчас же пожаловать ко мне» — *франц.*; XIII, 65, 525). Тотчас — значит, немедленно, по получении оной. Но кто знает, как там повернется дело? Да и надо ли его так кончать? И кто вообще хорошо знает всю эту историю? На кого можно положиться? Будь на месте Липранди, Пушкин, вне всякого со-

---

²⁷ См.: Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний. С. 323.

мнения, обратился бы только к нему. Но его нет, и скоро не будет. И все же был еще один, и прекрасный, ангел-хранитель — это полковник С. Н. Старов. Именно он — в курсе всей истории с дуэлью, не даст в обиду ни Пушкина, ни себя. Думается, что на этой записке, полученной от Крупенского утром 8 марта, торопясь к вице-губернатору по вызову, Пушкин именно Старову адресовал свою записку № 55: «Voilà, mon colonel, une lettre de Kroupensky que je viens de recevoir. Ayez la bonté de m'attendre. Pouchkine» («Вот, полковник, записка Крупенского, которую я только что получил. Будьте добры, подождите меня. Пушкин» — *франц.*; XIII, 65, 525). Вместо пояснений — рисунок: мужской профиль, так схожий с Балшем. Но был ли это Тодор Балш? Может быть, это профиль Старова?.. Саму записку относил, скорее всего, пушкинский дядька Никита. Но Старова, по всему, дома не оказалось, и Никита принес записку назад. Так она дошла до нас.

Пушкин просил полковника Старова подождать... Значит, он шел к Крупенскому не для примирения. Потому там примирение и не состоялось. Потому Пушкин и не искал с утра ни Пущина, ни Алексеева. Балш и Пушкин вновь повздорили в доме Крупенского. Пушкин дал ему пощечину, грозил пистолетом. Он явно вел все к дуэли. Отсюда — и выбор Старова, записка к нему. Это был верный расчет. Старов без колебаний встал бы на сторону поэта. Но по чьей-то просьбе (Крупенского или Балша) в доме опять оказался генерал Пущин, он и помог Крупенскому «с большими усилиями» увести поэта из этой комнаты.

Далее опять вмешался Инзов. Вместо дуэли Пушкин оказался под арестом. Вечером 8 марта Тодор Балш передал Инзову свою жалобу в письменном виде. Всю эту историю П. И. Долгоруков изложил 9 марта, заметив, что вчера, то есть 8 марта, «поутру свели их в доме вице-губернатора. Балш начал просить прощения, но Пушкин, вместо милости и пощады, выхватил заряженный пистолет и, показывая оный, сказал Балшу: “Вот как я хотел с вами разделаться. Здесь уже не место”. При сих словах, положив пистолет обратно в карман, он ударил его в щеку».²⁸ 10—11 марта Пушкин сам поведал нам всю историю в стихах:

Мой друг, уже три дня
Сажу я под арестом,
И не видался я
Давно с моим Орестом.

---

²⁸ Долгоруков П. И. 35-й год моей жизни... С. 52.

Спаситель молдаван,
Бахметьева наместник,
Законов провозвестник,
Смиренный Иоанн
За то, что яский пан,
Известный нам болван
Мазуркою, чалмою,
Несносной бородою,
И трус и грубиан,
Побит немножко мною
И что бояр пугнул
Я ново <ю> тревогой,
< > строгий
Приставил караул.

(АПСС. Т. 2. Кн. 2. С. 125)

Тут нельзя не заметить, что еще 8 марта, после схватки у Крупенского, дав пощечину и до смерти перепугав Балша, Пушкин стал успокаиваться — и от дуэли отказался. Поэтому и видел его в тот день у Пушина В. П. Горчаков «бледного как полотно и улыбающегося».²⁹

Таким образом, все три записки должны быть датированы 8 марта 1822 года. С этими датировками они должны публиковаться в собрании пушкинской переписки, а письмо-жалоба Балша — упомянута в «Летописи жизни и творчества Пушкина».

---

²⁹ Бартнев П. И. Пушкин в южной России. М., 1862. С. 97.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ «АРЗАМАССКИЕ» ПИСЬМА Д. Н. БЛУДОВА К В. А. ЖУКОВСКОМУ (1815—1817)

*Вступительная статья и примечания С. В. Березкиной
Подготовка текста С. В. Березкиной и Н. Л. Дмитриевой**

Граф Дмитрий Николаевич Блудов (1785—1864) в последнее тридцатилетие становился героем или, по крайней мере, значимым персонажем многих научных работ, в том числе диссертационных, связанных с его многообразной служебной деятельностью и широчайшим спектром тех исторических процессов и событий, к которым он был причастен.¹ Для историков литературы фигура Блудова интересна, в первую очередь, как члена «Общества безвестных людей» «Арзамас» (1815—1818), в котором он был наречен Кассандрой (по одноименной балладе В. А. Жуковского 1809 года).² В «послеарзамасские» годы творческие занятия Блудова ограничивались историческими работами (изданием в 1828 году посмерт-

---

* Исследование проведено в Томском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00083 «Русская эпистолярная культура первой половины XIX века: текстология, комментарий, публикация»).

¹ См., например: *Долгих Е. В.* К проблеме менталитета российской административной элиты первой половины XIX века: М. А. Корф, Д. Н. Блудов. М., 2006; *Ружицкая И. В.* 1) Просвещенная бюрократия (1800—1860-е гг.) / ИРИ РАН. М., 2009. С. 108—156; 2) Законодательная деятельность в царствование императора Николая I / ИРИ РАН. М.; СПб., 2015. По указ.; 3) Государственный совет при Николае I: Особенности функционирования / ИРИ РАН. М.; СПб., 2018. По указ.

² См.: Арзамас и арзамасские протоколы / Ввод. ст., ред. и примеч. М. С. Боровковой-Майковой. Л., 1933; «Арзамас»: Сб. в 2 кн. / Под общ. ред. В. Э. Вацура и А. Л. Осповата. М., 1994. По указ.; *Майофис М. Л.* Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815—1818 годов. М., 2008. С. 348—365, 479—486, 737—741 и др.

ного тома «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, а также статьи по секретным материалам Государственного архива, опубликованные после смерти Блудова).³ Большой интерес для историков литературы имеют его работы, писавшиеся по заданию правительства и вызванные такими важными историческими событиями, как восстание декабристов и смерть Николая I.

По позднейшему признанию Блудова, «область творческого ума» была для него «землей обетованной», в «пределы» которой он не решился войти.⁴ Письма Блудова, публиковавшиеся на страницах журналов с 1860-х годов, показывают особую роль Жуковского в его дружеском окружении. Именно ему он охотно писал о своих «литературных мечтаниях», как, например, в письме от 15 августа 1802 года, перед отъездом из Москвы в Петербург, вызванным перемещением его по службе в Коллегии иностранных дел: «...я всегда боюсь, чтобы ты не усмехнулся, когда я говорю как автор, однако же скажу, что и у меня в голове много планов».⁵ Среди писем Блудова к Жуковскому не опубликованными до сих пор оказались те, которые охватывают период с 1801 по 1817 год. В их составе есть несколько писем, имеющих большой биографический и историко-литературный интерес, причем в отношении как Блудова, так и Жуковского. Творческие замыслы молодого, даже, можно сказать, юного, Блудова были связаны с театром, и он не только сообщал о них в своих письмах, но и предлагал Жуковскому для отзыва написанные им тексты.⁶ Мнение Жуковского, по-видимому, сыграло свою роль в решении Блудова отказаться от драматургического поприща, принятом им в 1803 году. Неопубликованные письма Блудова содержат многочисленные свидетельства об истории произведений Жуковского; так, в них сохранилось поистине уникальное, поскольку оно является единственным, эпистолярное свидетельство о работе поэта в 1802 году над переводом либретто оратории Й. Гайдна «Времена года».

Четыре письма Блудова 1815—1817 годов к Жуковскому связаны с «Арзамасом».⁷ Открывающая нашу публикацию записка — это всего

---

³ См.: Песков А. М. Блудов Дмитрий Николаевич // Русские писатели. 1800—1917: Биограф. словарь. М., 1989. Т. 1. С. 283—284.

⁴ Ковалевский Е. П. Граф Блудов и его время: (Царствование императора Александра I). СПб., 1866. С. 254.

⁵ РО ИРЛИ, № 21823, л. 4 об.; архивная единица включает 29 писем за 1801—1817 гг. (одно из них из-за выцветших чернил и синей глянцевого бумаги не читается).

⁶ См.: Березкина С. В. Театральные замыслы молодого Дмитрия Блудова: (По неопубликованным письмам В. А. Жуковскому 1802—1804 гг. // Вестник Томского гос. ун-та. 2022. № 479. Июнь. С. 41—50.

⁷ О плодотворных усилиях по восполнению истории «Арзамаса» на основании новых архивных находок свидетельствует ряд современных работ, напри-

лишь краткое свидетельство об одном эпизоде светской жизни Блудова и Жуковского, но запечатленное «арзамасским» именем автора, позволяющим, что немаловажно, определить дату ее написания.

Три письма 1817 года дают целый ряд новых сведений из истории «Арзамаса». Прежде всего, это письмо Блудова от 1 мая, которое представляет собой остроумнейший образец изложения событий, разворачивающихся в кругу «арзамасцев». В нем идет речь об Александре Ивановиче Мещёвском (ок. 1792 — ок. 1820), воспитаннике московского университетского благородного пансиона, где высоко ценилось его поэтическое дарование. В 1812 году Мещёвский поступил на военную службу юнкером, однако вскоре оставил свой полк, за что в 1814-м как дезертир был сослан в Оренбургский гарнизонный полк без права выслуги. В Оренбурге он жил в бедности, зарабатывая уроками, и умер от чахотки.⁸ Известно четырнадцать писем Жуковского за октябрь 1816 — апрель 1817 годов к А. П. Елагиной, А. И. Тургеневу Д. Н. Блудову и П. А. Вяземскому, в которых он говорит о помощи Мещёвскому.⁹ Лейтмотивом этих писем было недовольство равнодушием друзей-«арзамасцев» к участи бедствующего поэта и их медлительностью в оказании ему поддержки. Письмо Блудова от 1 мая 1817 года дает повествование в «истинно-арзамасском» духе о тех сложностях, которое встретило начинание Жуковского в кругу «арзамасцев». Успешное разрешение этого начинания, возложенного им на Блудова, было связано с заседанием «Арзамаса» 29 апреля, о котором, помимо данного письма, нет иных документальных свидетельств, хотя именно в этот день заслушивалось членами общества обращение к ним Жуковского, известное под названием «В общее собрание Нового Арзамаса от действительного секретаря Его Превосходительства всепокорнейшее завывание».¹⁰ Письмо Блудова, полное юмористических подробностей о заседании «арзамасцев» и их восприятии «всепокорнейшего завывания» секретаря Светланы (то есть самого Жуковского), можно рассматривать как своего рода набросок ненаписанного «арзамасского» протокола.

Письма Блудова от 10 октября и 29 ноября включают в себя фрагменты, написанные в «арзамасском» духе. Они адресовались Жуковскому

мер: Литературное общество «Арзамас»: История и современность. Арзамас; Нижний Новгород, 2015; Панов С. И. Из литературной почты «Арзамаса» // Литературный факт. 2016. № 1—2. С. 179—198.

⁸ См.: Зыкова Г. В. Мещёвский Александр Иванович // Русские писатели. 1800—1917. Т. 4. С. 37—38.

⁹ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2018. Т. 15. С. 501, 509, 516, 520—522, 525—526, 531—536, 538—539. Последние упоминания о Мещёвском обнаруживаются в письмах Жуковского к Вяземскому и Тургеневу в апреле 1818 г., в которых он благодарил их за денежную помощь ему (Там же. Т. 16. С. 14, 16—17).

¹⁰ См.: Там же. Т. 11 (1). С. 52—53.

в Москву и говорили о крепости уз между «арзамасцами» петербургскими и московскими, «избранными» и «природными».

Письма Блудова к Жуковскому за 1801—1817 годы хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, № 21823; в настоящей статье публикуются л. 36, 28—30 об., 31—31 об., 32—33. Публикации, позволяющие восстановить двустороннюю переписку корреспондентов, дают значительный объем новых сведений биографического характера. Свидетельством тому являются, в частности, публикуемые ниже письма Блудова.

1.

Ноябрь 1815 — март 1816. Петербург.

Я приходил сказать тебе, что дал за тебя и себя слово обедать завтра у графа С. П. Румянцева; а сегодня не хочешь ли обедать у меня. Если хочешь, то приходи в п<ятом> часу, не позднее.

Твой Д. Блудов Кассандра

Записка датируется временем после создания «Арзамаса». Можно предположить, что она относится к ноябрю 1815 г. — марту 1816 г. (до отъезда Жуковского в Дерпт), когда все, что было связано с «Арзамасом», в том числе прозвище «Кассандра», поставленное Блудовым в конце записки, было для него ново.

В записке речь идет о приглашении к графу Сергею Петровичу Румянцеву (1755—1838), дипломату, историку. В конце весны 1816 г. Румянцев посетил Жуковского в Дерпте. 4 июня 1816 г. Жуковский писал А. И. Тургеневу: «Через Дерпт проехал граф Сергей Петр<ович> Румянцев. Он был у меня, потом я просидел у него целый вечер с Моргеншерном и Парротом (профессорами Дерптского университета. — С. Б.). Мы много говорили о нашем Николае М<ихайловиче> (Карамзине. — С. Б.), которому он кланяется» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2015. Т. 15. С. 489). В январе 1818 г. Жуковский послал С. П. Румянцеву первый выпуск сборника «Для немногих» с письмом к А. И. Тургеневу, где писал: «...право, имею к нему особенное чувство привязанности и всегда люблю вспоминать о его ко мне дружеском расположении» (Там же. Т. 16. С. 8; см. также упоминание о Румянцеве в письме к Тургеневу от 11 февраля 1823 г., подразумевающее встречи с ним в Петербурге: Там же. С. 179). В июне 1827 г. Жуковский посетил С. П. Румянцева в Париже (Там же. Т. 13. С. 268, 556). Сообщение в записке Блудова является самым ранним свидетельством знакомства с ним Жуковского.

На обороте письма запись Жуковского о трех французских изданиях: «Les Enfants par P. Guizot née Meulan», «Le livret des Etrennes de Cadmus», «Le Berquin anglais par Bertin». Имеется в виду, во-первых, вышед-

ший в 1812 г. сборник сказок «Дети» французской писательницы и автора педагогических сочинений Полины Гизо (Guizot, 1773—1827), уродд. де Мелан (об интересе к ее творчеству см.: Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 10 (2). С. 608), во-вторых, «Книга подарков Кадмия» для обучения детей чтению (Кадм, или Кадмий (Cadmus), — персонаж греческой мифологии, которому приписывают изобретение греческого алфавита), в-третьих, «английский Беркен в изложении Бертена», т. е. вышедшее в 1803 г. четырехтомное издание «Le nouvel ami des enfants, ou le Berquin anglais par Thomas Day et autres écrivains distingués. Traduction de l'anglais de T.-P. Bertin» («Новый друг детей, или Английский Беркен, написанный Томасом Деем и другими знаменитыми писателями. Переведено с английского Т.-П. Бертеном»). А. Беркен (Berquin, 1749—1791) — французский писатель, драматург, педагог. Его книга «Друг детей» («L'ami des enfants», 1782—1783; рус. пер. 1799) — сборник детских рассказов — была удостоена премии Парижской академии. Издание, названное Жуковским, — французский перевод сочинения английского писателя, аболициониста, педагога Т. Дея (Day, 1748—1789) и других авторов. В эпистолярно-творческих текстах и дневниковых записях Жуковского следов интереса к этим трем французским изданиям не обнаружено.

На обороте письма Жуковский сделал также запись дневникового характера: «К Плещеевой / К Румянцеву / Послать за посылкой / К Елиз^{авете} Марк^{овне} / К Кубе <ниже:> Посылка / К Тургеневу / Деньги С. Флорану / К Кубе / Оленину <?> о долге». В записи упоминаются: Н. Ф. Плещеева (1768—1855), уродд. Веригина, впоследствии близкая приятельница Жуковского (по-видимому, это первое упоминание о ней в письмах поэта), гр. С. П. Румянцев, Е. М. Оленина (1768—1838), уродд. Полторацкая, жена упоминаемого ниже А. Н. Оленина (1763—1843), директора Имп. Публичной библиотеки, Л. И. Кубе (1785—1855), впоследствии лифляндский генерал-губернатор (первое свидетельство о знакомстве с ним Жуковского, причем еще в Петербурге), А. И. Тургенев, наконец, петербургский книгопродавец Ф. Сен-Флоран (первое свидетельство о контактах с ним Жуковского). О какой посылке, а также о каком долге Жуковского Оленину идет речь в записке, неизвестно.

2.

1 мая 1817. Петербург.

СПБ. 1-е мая 1817-го года

Любезный, сердечный и добрый баловень Арзамаса, пишу к тебе немного строчек, потому что, к сердечной радости, узнал о твоём намерении быть к нам. Приезжай, друг, приезжай и не забудь, что ты дал мне слово не тесниться у Эоловой арфы, а жить на

просторе у Кассандры.¹ Приезжай скорее и не сердись; во-первых, потому что на друзей никогда сердиться не должно; во-вторых, и потому что сердиться, по крайней мере на них, тебе не за что. Твое поручение в рассуждении Мещевского² давно с моей стороны исполнено: я как скоро получил твое письмо, то вздумал печатать его «Наталью»,³ но мы были больны оба, т. е. Кавелин и я, а в переписке не умели объясниться. Когда я выздоровел, то проехал к нему и на первое предложение получил ответ, что в его типографии печатать нельзя,⁴ не только «Наталью», но и твои «12 спящих дев», зане де сия типография занята Столетним Вестником и другими отличными произведениями в сем роде.⁵ Что же мне оставалось делать? Печатать в другой типографии? Кроме того, что это станет гораздо дороже, нежели ты полагал, для этого нужно более тех денег, нежели сколько их было у меня одного. Итак, я решился пригласить на *помощь* других арзамасцев. Эти другие арзамасцы объявили, и все единогласно, что они рады давать деньги, но только бедным людям, а не богатым типографщикам; что если напечатать печатью, то Арзамас пожертвует несколькими сотнями рублей, а Мещевский едва ли получит несколько копеек; потому что его «Натальи» покупать не будут. Одним словом, что лучше просто собрать деньги и отправить их в Оренбург или к тебе. Я представляю арзамасцам, что ты желал сделать несчастному Мещевскому не только пособие деньгами, а сверх того еще одобрение в трудах литературных, и что для этого ты хотел, чтобы он получил не подарок, а плату за сочинение. Но арзамасцы стояли крепко в своем мнении и наконец поручили Арфе уведомить тебя и просить твоего согласия.⁶ Не знаю, что сделала Арфа; только мы не очень давно получили твое соборное послание. Оно еще недель пять валялось в кармане Арфы. Наконец, третьего дня (только и не прежде) сообщено *Собранию*.⁷ В нем нет никакого согласия и никакого совета; но есть твоя обыкновенная бесценная галиматзя. Все помирили со смеху, а смех расположил к жалости. Кассандра этим воспользовалась и сделала следующее предложение. Дадим денег Мещевскому, не оскорбляя его самолюбия, то есть уверим его, что «Наталья» куплена каким-то книгопродавцем, или кем хотите, будет напечатана когда-нибудь, сумму, нужную для напечатания, перешлем через Светлану к нему. Сказано, сделано: все согласились, к счастью Мещевского; я забыл привезти с собою твой расчет⁸ и вместо 350 рублей, коих ты требовал, мы собрали 650 рублей, разумеется, полагая в то число твои 50 рублей, *Двух Рук* и *Асмодеевы*.⁹ хотя признаюсь, с него грех брать 50 рублей. Нам сказывал Жихарев, что Асмодей послал уж к Мещевскому и не 50, а 500 рублей.¹⁰ Впрочем, воля твоя

и его: во всяком случае верных 600, а собранных 350, именно от Арфы, Варвика, Пустынника, Чу!, Кассандры, Громобоя и Рейна. Не заплатили еще Резвый Кот, Старушка, Ивиков Журавль, Две огромных руки и сам ты, бессменный Секретарь!¹¹ Собранные деньги я хотел сегодня к тебе отправить, но вчера узнал, что ты к нам будешь. За тем останавливаю их здесь, а может быть, к твоему приезду соберу и последние со здешних членов. Надеюсь, что тебя привлекают сюда из Дерпта не неприятности. От Тургенева я не добился толку. Прости, друг любезный, прости до свидания. Сердись на меня или нет, а все по-прежнему твой и навсегда

Б<лудов>.

¹ Ответа на это письмо Блудова не было, поскольку 2 мая Жуковский уже выехал из Дерпта в Петербург (см.: Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 543). В мае—сентябре 1817 г. Жуковский жил, как и предлагал Блудов, в его доме («у Кассандры») на углу Невского проспекта и набережной Фонтанки (см.: Иезуитова Р. В. Жуковский в Петербурге. Л., 1976. С. 97; Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 952). Сначала, впрочем, он остановился в мае 1817 г. на квартире А. И. Тургенева (Эоловой арфы, как он назван в письме), в обыкновенном своем пристанище в Петербурге, но затем перебрался к Блудову.

² Об Александре Ивановиче Мещёвском и письмах о нем Жуковского см. во вступ. статье, а также примеч. 8—9 к ней.

³ Блудов имеет в виду письмо Жуковского, датируемое предположительно серединой января 1817 г. В нем Жуковский сообщал о своем плане помощи Мещёвскому посредством издания его поэмы «Наталья боярская дочь»: «Я послал к Кавелину рукопись “Натальи”, поэмы Мещёвского <...> дело о помощи и нравственной, и материальной бедному несчастливцу, который имеет дарование и может быть со временем и поэтом, и человеком, если только несчастье не убьет его, а просто поучит. Чтобы оно не было убийцею, а учителем — это забота “Арзамаса”. “Наталья” посвящена Карамзину: хорошее знаменование для судьбы автора (посвящение в издании было снято. — С. Б.). <...> Вот что предписываю Кассандре: для напечатания “Натальи” нужны деньги, и вот сколько: (далее следуют расчеты на издание и итог в рублях. — С. Б.) 467. Эти деньги надобно собрать с арзамасцев, с некоторых (Вяземский, я, два Тургеневы, Уваров, ты) не надобно делать сбор в полном “Арзамасе”, дабы никого не принуждать; а тем, кого ты выберешь кроме назначенных (ибо эти не должны отказаться), сказать келейно, взять с них деньги и передать Кавелину — его вклад будет состоять в заботе о напечатании. За Вяземского и за меня заплати ты: я бы послал сию же минуту, но у меня нет гроша (думаю, что и Северин не откажет, и Дашков — но об этом переговори с ними сам). На первый случай довольно 360, итак, по 60 рублей, а если пристанут Дашков и Северин, по 50 с брата. Твое дело собрать

деньги, передать их Кавелину...» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 521).

⁴ Речь идет о Медицинской типографии, которая находилась под началом Д. А. Кавелина (Пустынника).

⁵ Отказ Кавелина в печатании поэмы Мещёвского был связан не с какими-то сложностями в работе Медицинской типографии, которая печатала разнообразнейшие по тематике издания. В ней были выпущены и первое издание стихотворений Жуковского (1815—1816), и «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах» (1815—1817. Ч. 1—6). Уверение Кавелина в невозможности печатания в Медицинской типографии «Двенадцати спящих дев» Жуковского также не соответствовало действительности, поскольку именно в ней и появилось в 1817 г. первое полное издание этой баллады. Ссылка Пустынника на то, что «типография занята Столетним Вестником», подразумевает, по-видимому, журнал «Чтение в Беседе любителей русского слова», последний выпуск которого вышел в 1816 г. Кавелин мог исходить из понимания заведомой неудачи издания поэмы Мещёвского, и его мнение отражено в письме Блудова как уверенность «арзамасцев» в том, что ее «покупать не будут». Повесть в стихах «Наталья боярская дочь» (подпись: А. М.) вышла в Морской типографии в 1817 г. (ценз. разр. 24 августа 1817 г.). По-видимому, работа по изданию «Натали» была энергично продвинута вперед после приезда в Петербург Жуковского в мае 1817 г.

⁶ После писем Жуковского, где он писал Тургеневу о своем плане издания поэмы Мещёвского в середине января 1817 г. («Мещёвский должен быть приемышем “Арзамаса”. Я писал к Кавелину и к Блудову о том, что я располагаю сделать с его поэмою <...>. Будь деятелен: дело идет о сотворении поэта и спасении человека». — *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 522) и затем около 18 февраля 1817 года (с возмущением о его молчании — Там же. С. 532—533), был наконец получен от Тургенева ответ (в печати неизвестен). Жуковский с неодобрением отнесся к тому, что предлагал Тургенев относительно помощи Мещёвскому (в письме от 1 мая 1817 г. об этом предложении Жуковскому напомнил и Блудов). Жуковский писал 24 февраля 1817 года Тургеневу, нехотя соглашаясь с ним: «Вы собираетесь сделать сбор для напечатания Мещёвского поэмы <...> Послать эти деньги Мещёвскому и поэму продать — это скорее и менее хлопот. Правда! Но зато менее и денег. Я бы думал: напечатать 600 экземпляров на счет “Арзамаса”, 300 распродать самим по 5 рублей экземпляр, остальные 300 продать рубля по два гуртом в лавку: вышло бы 2 000 рублей с лишним. Впрочем, сделайте, как сами рассудите, только сделайте, и поскорее» (Там же. С. 534).

⁷ «Соборным посланием» Жуковского Блудов называет его «В общее собрание Нового Арзамаса от действительного секретаря Его Превосходительства всепокорнейшее завывание», написанное, по-видимому, на предпоследней неделе Великого поста (т. е. в середине марта 1817 г.), с напоминанием о близящейся Пасхе (ср.: Там же. Т. 11 (1). С. 643). Во «всепокорнейшем завывании» Жуковский порицал медлительность «арза-

масцев» в решении вопроса об издании поэмы Мещёвского: «Все ли вы в добром здравье, друзья мои? *Старушка* сударыня, не стаскалась ли ты с черным конем или с тем, кто сидел впереди? *Резвой Кот*, не сделалась ли у тебя вместо бархатной лапки триповая? *Чу*, не потерял ли ты чутья? *Пустынник*, не сделался ли ты Пустарнаком? *Громобой*, не убило ли тебя громом? *Кассандра*, не засиделась ли ты слишком долго на благовонном вместилище ежедневных извержений твоего духа и твоей материи? *Журка*, не залез ли ты носом в горло к какому-нибудь беседному волку и не отгрыз ли этот волк у тебя твоего члена, столь нужного для разных твоих прихотей? *Варвик*, не сделался ли ты Варварою, Варравою или варваром? *Арфа*, не сделалась ли ты Марфою, не вышла ли замуж за седого отрока и не пометала ли каких-нибудь беседных уродцев? Словом, не провалились ли вы к чёрту, почтенные друзья моего сердца?» (Там же. С. 52–53). Письмо Блудова содержит сообщение о собрании «Арзамаса» в воскресенье 29 апреля 1817 года, когда в нем было прочитано «завывание» Жуковского (ср. с датой письма Блудова, где говорилось о дне собрания: «третьего дня (только и не прежде)»). Об арзамасских прозвищах лиц, поименованных в этом письме, см. примеч. 11.

⁸ О письме Жуковского с расчетами по типографии см. примеч. 3.

⁹ Две Руки — А. Ф. Воейков, Асмодей — П. А. Вяземский.

¹⁰ Уже в марте Жуковский знал о помощи, оказанной Мещёвскому Вяземским, о чем писал ему: «Обнимаю тебя за Мещёвского! Ты — истинный арзамасец! Другие наши братья — петербургские бздуны. Я писал к ним не один раз, а десять раз, во всяком письме пишу одно и то же — никто ничего не делает!» (Там же. Т. 15. С. 539). В письме Блудова к Жуковскому называется та денежная сумма (500 руб.), которую Вяземский послал Мещёвскому в Оренбург. Он помогал ему и в дальнейшем, о чем свидетельствует письмо Жуковского к Вяземскому от 17 апреля 1818 г. (Там же. Т. 16. С. 16).

¹¹ Имеются в виду Александр и Николай Тургеневы (Эолова арфа и Варвик), Д. А. Кавелин (Пустынник), Д. В. Дашков (Чу!), Д. Н. Блудов (Кассандра), С. П. Жихарев (Громобой), М. Ф. Орлов (Рейн), Д. П. Северин (Резвый кот), С. С. Уваров (Старушка), Ф. Ф. Вигель (Ивиков журавль), А. Ф. Воейков (Две огромные руки), В. А. Жуковский (Светлана, он же Бессменный секретарь Арзамаса).

3.

10 октября 1817. Петербург.

<Адрес:> В. А. Жуковскому.

Из Петербурга 10 октября 1817.

Посылаю к тебе, друг милый, оставленные тобою здесь деньги. Надеюсь, что их получишь еще не слишком поздно, хотя отправленными позднее условленного между нами.¹ Право, в прошедший по-

недельник мне было не до того, чтобы думать об отправлении этих денег. Твоя кума Антуанета² нас очень напугала; у нее сделалась болезнь, которую сегодня доктор называет по-немецки: Friesel*, то есть летучею, или фальшивую, корью, но первые два дни почитал за настоящую корь или даже за scarlatinu. Мне тебя нечего уверять, что я очень беспокоился: беспокоюсь и теперь, ибо не смею еще поверить новому имени этой болезни, весьма похожей на корь; однако ж вижу, что жар уменьшился и что, следственно, можно полагать и уменьшение самой болезни.

Прости, любезная Светлана! желаю, чтобы твои деньги и мое письмо застали тебя здоровым, счастливым и чтобы все худые вести были так же ложны, как вести о мнимой опасной болезни Принцессы. Прости: здесь нет нового. С. О. глуп и постарел.³ Пиши. Соарзамасцы все здоровы.

Р. С. Тебе кланяется, между прочим, граф Румянцев, который недавно приехал: оба его открытия же ты, вероятно, узнаешь в Москве.⁴ Не забудь за меня от сердца поклониться всем московским арзамасцам, природным и избранным,⁵ также и посреднику нашему Булгакову.⁶ Получил ли Северин мою записку и знает ли, что я хотел заочно, но усердно поздравить его.

Б<лудов>

¹ Речь идет о деньгах, которые Жуковский оставил у Блудова в Петербурге, когда 4 октября 1817 г. отправился в Москву. В письме, написанном около 9 октября 1817 г. (еще до получения письма Блудова от 10 октября), он упрекал его за свою глупую «осторожность» в ответ на уговоры Блудова оставить деньги у него — из опасения нападения «разбойников»: «...а ты когда пришьлешь их ко мне, Бог ведает» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 548).

² Антуанеттой в семье Блудова звали его старшую дочь Антонину Дмитриевну Блудову (1813—1891). Именование ее Блудовым в письме к Жуковскому «твоей кумой» характеризовало, по-видимому, особенность его общения с ней и могло быть связано с исключительным для четырехлетнего ребенка развитием — ср. в следующем письме, где Блудов передает Жуковскому слова своей Антуанетты: «Сказала, что поблагодарит тебя от всей души и от самой глубины души за твоё участие». 17 апреля 1828 г. Жуковский писал о ней А. А. Воейковой: «Эта Антонина необыкновенное творение; но она слишком уже зрела по своим летам; ее ум в такой несоразмерности к ее летам, как и ее рост. <...> В Антонине множество гения...» (Переписка В. А. Жуковского и А. А. Воейковой. 1811—1829. Томск, 2020. С. 203, см. также примеч. на с. 391—392). Впоследствии, с 1835 г., она стала адресатом многочисленных писем Жуковского,

* просовидная сыпь, потница (нем.).

написанных в духе «арзамасской» галиматъи; А. Д. Блудова отвечала ему в той же стилистике (см.: Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 17 (1), в печати).

³ О ком идет речь, установить не удалось.

⁴ Имеется в виду граф Николай Петрович Румянцев (1754—1826), неутомимый коллекционер русских древностей. 1817 год был переломным в деятельности румянцевского кружка, когда на средства мецената стали проводиться фронтальные обследования документального архивно-библиотечного комплекса того или иного региона в ходе специальных археографических экспедиций. В 1817 г. началась Подмосковная археографическая экспедиция К. Ф. Калайдовича и П. М. Строева, принесящая сенсационные открытия, в числе которых был Сборник князя Святослава Ярославича 1073 г., являющийся вторым по древности памятником славяно-русской письменности и книжности (см.: Козлов В. П. Колумбы российских древностей. М., 1981. С. 69—73). Какие-то из этих находок имел в виду Блудов, когда писал Жуковскому о двух выдающихся открытиях Румянцева. Жуковский был представлен ему в мае 1815 г. В письме к А. П. Елагиной от 11 июня 1815 г., сообщавшем новости о круге его петербургских знакомств, говорилось: «Два раза обедал я у канцлера, который очень хотел меня узнать и очень обласкал» (Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 367). В письме к Вяземскому от 27 января 1817 г. поэт писал о Румянцеве: он «показывает мне особенную и весьма драгоценную ласку» (Там же. С. 525).

⁵ Из числа избранных «арзамасцев» в Москве были в это момент кн. П. А. Вяземский (Асмодей), В. Л. Пушкин (Вот я вас), Д. П. Северин (Резвый кот). Природные «московские арзамасцы» — Н. М. Карамзин и И. И. Дмитриев.

⁶ Имеется в виду Александр Яковлевич Булгаков (1781—1863).

4.

29 ноября 1817. Петербург.

С.П.Б. Ноября 29-е 1817.

Милый, неоцененный друг мой, я получил твое письмо¹ и спешу отвечать несколькими словами. Сказать, что Антуанета моя, хотя еще не совсем здорова, но, слава Богу, кажется, вышла из опасности. Сказала, что поблагодарит тебя от всей души и от самой глубины души за твое участие. Оно послужило бы, смею думать, утешением для меня в несчастье; а теперь прибавляет новую сладость к чувству милости Небесной. Никогда, друг любезный, никогда твои прекрасные стихи не действовали на меня столь сильно, как полученная мною вчера несказанно красноречивая проза: в ней видна самая лучшая связь, та, которая существует между нашими сердцами и которая будет вечно существовать: кажется, в этом можно

ручаться за будущее. Прости, друг и брат! Надеюсь обнять тебя в Москве, но это удовольствие куплено будет дорогою ценою.² И ты еще говоришь о моем счастье или выгодах! Нет, милый друг, расстаться на несколько месяцев со всем тем, что драгоценно, и потом — несколько лет не видеть многих любезных людей и предметов; нет, этого нельзя назвать счастьем. А выгоды? Будут ли в раю, и не хочу знать. Я бы стал краснеть, если б выгоде пожертвовал хотя одною радостью сердца, хотя одною милою привычкою; нам можно и должно жертвовать, но только тому, что мы почитаем обязанностью. Мой отъезд в Лондон есть обязанность и требует жертв; потому я на всё согласился. Может быть, я ошибаюсь, но так думал, когда отвечал Северину; кажется, и теперь еще так же думаю. Впрочем, всякая жертва тому, что мы, хотя по ошибке, почитаем за долг, не есть ли уже изрядное дело? И тот вернее приносит плод. Например, я теперь же за свою награжден весьма приятным чувством, ибо она мне добавила случай хорошенько узнать добрую ревностную дружбу нашего Резвого Кота.³ Что касается до будущего, скажу еще раз с тобою:

Тут будет то, что должно быть,⁴

и с тобою же:

Всё в жизни к прекрасному средство.⁵

Дай Бог скорее и благополучнее дойти к сему прекрасному, то есть к *тихому* гробу; но дотоле, однако ж, дай Бог! пожить с тобою и с другими друзьями, *близкими к тебе*. Одному из них, Батюшкову, я показывал твои стихи: думаю, что они были некоторым утешением в его печали. Бедный болен, расстроен и потерял отца. Говорит, что этот родитель был похож на отца Жихарева, но, к несчастью, Батюшков не имеет Громобоевой философии.⁶

Еще раз прости, мой друг не только любезный, но и полезный, истинно полезный для ума и души; я в эту минуту чувствую себя лучшим и всякий раз в беседе с тобою, писать к тебе, даже об тебе думать, производит на меня такое действие. Прости, обними всех наших. Ивану Ивановичу⁷ мое почтение.

Б<лудов>.

¹ Письмо Жуковского, на которое отвечает Блудов, неизвестно.

² Выздоровление дочери позволило Блудову вскоре приехать с семьей в Москву, где он оказался не ранее 10 декабря 1817 г. и где жил до апреля 1818 г. Переезд был связан с его подготовкой к новой должности:

Блудов был определен советником, а затем поверенным русского посольства в Лондоне, где служил в 1818—1820 гг. Далее он пишет о расставании с друзьями, которого требует от него новое назначение.

³ Речь идет о Д. П. Северине, который способствовал получению Блудовым новой должности.

⁴ Блудов с неточностью цитирует послание Жуковского «Стихи, сочиненные в день моего рождения. К моей лире и к друзьям моим» (1803) — ср.: «Пусть будет то, что должно быть!» (Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 58).

⁵ Цитата из стихотворения Жуковского «Теон и Эсхин» (1814) — ср.: «Все в жизни к великому средство»; вариант, приведенный Блудовым (с заменой «к прекрасному»), использовался и Жуковским, и его дружеским окружением как своего рода жизненный девиз (Там же. С. 384, 729). Толкование «прекрасного» в письме Блудова, возможно, является развитием мысли, высказанной Жуковским в письме к Карамзину от 8 ноября 1817 г., написанном по поводу смерти сына Вяземского и адресованном в Петербург: «Кто скажет: счастье цель ее, тот ничего не скажет, а только смутит настоящее понятие о жизни. <...> Бог дает нам одни материалы — наш долг употреблять их добрым образом к лучшему! Что бы ни было этот материал: горе или радость, это знает тот, кто выдает его! А нам только принимать и обрабатывать! Всё в жизни к прекрасному средство! Но прекрасное и счастье — не одно и то же!» (Там же. Т. 16. С. 555). Мысли Жуковского, сводившей «прекрасное» к «действию нравственному», Блудов придал строго религиозный смысл, упомянув о «тихом гробе», к которому движется человеческая жизнь. Это подтверждает воспоминания Вигеля, восхищавшегося смелостью и независимостью Блудова: в то время, когда «неверие почиталось неприменимым условием просвещения», а целомудрие — «верным признаком его слабости», он не скрывал ни своих убеждений, ни своих чувств (Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1892. Ч. 2. С. 47; см. также: Ружицкая И. В. «Просвещенная бюрократия» (1800—1860-е гг.). М., 2009. С. 112).

⁶ Речь идет о переживаниях К. Н. Батюшкова в связи со смертью его отца Николая Львовича (1755—1817). Блудов сравнивает Батюшкова с С. П. Жихаревым, который, по-видимому, немногим ранее или в том же году также потерял отца: Петр Степанович Жихарев (род. 1755), секунд-майор в отставке, помещик Рязанской и Тамбовской губ.; год его смерти неизвестен, но на основании свидетельства в письме Блудова можно считать, что это было не позднее 1817 г. «Громобоевой философией» Блудов называет жизнелюбие С. П. Жихарева, которым Батюшков, действительно, не обладал.

⁷ И. И. Дмитриев.

II. ОБЗОРЫ

ПУШКИНОВЕДЕНИЕ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ» (2000—2020)

Аннотированная библиография

Составила А. К. Михайлова

2000

№ 2

Герштейн Э. Г. Как это случилось. — С. 143—197.

Об обстоятельствах, приведших к смертельной дуэли Пушкина. Вводится «новый добавочный элемент, известный и ранее, но игнорируемый пушкинистами. Это преследование Пушкина издевательскими анонимными письмами, в которых его упрекали в трусости и низости за взятый назад вызов» (с. 196—197).

Иванюшина И. Ю. «Медный всадник» Владимира Маяковского. — С. 312—326.

У Маяковского часто встречаются пушкинские реминисценции. Работая над своей так и не завершённой поэмой «Четвёртый, Тридевятый или Пятый Интернационал», поэт обратился к образной системе «Медного всадника» для осмысления современных ему событий середины 20-х годов.

№ 3

Ломинадзе С. В. Пушкин — поэт обыкновенного человека. — С. 127—170.

Попытка определить то новое, что Пушкин сделал предметом внимания литературы: «Оказывается, источником поэтического вдохнове-

ния может явиться не только такой, выражаясь осторожно, необыкновенный человек, как Макбет, но и человек самый обыкновенный, предстающий в поэзии не обывателем, а мудрецом» (с. 170).

2001

№ 1

Поварцов С. Н. «Цареубийственный кинжал»: (Пушкин и мотивы цареубийства в русской поэзии). — С. 88—116.

Автор отмечает, что Пушкин отрицал радикальные меры в политике, тем более в зрелый, поздний период. После «Вольности» он никогда не призывал к расправе над царем. Но его глубокое понимание бесперспективности насилия и убежденность в необходимости постепенного изменения нравов общества «оказались чужды русской демократической интеллигенции, всей политической поэзии после-пушкинской эпохи. Развитие получили только его вольнолюбивые, преимущественно ранние мотивы» (с. 107).

Свенцицкая Э. М. «Песни западных славян» Пушкина как художественное единство. — С. 319—329.

По мнению автора, весь цикл объединяет тип героя и общность бытийной ситуации. «В пушкинском произведении происходит диалог барокко, романтизма и фольклора, соединение их в некий экзистенциальный комплекс, проясняется их глубинная общность. “Песни западных славян” — ирония над романтической иронией, познание ее пределов и поиск твердой основы, с помощью которой можно было бы в запредельной ситуации и в нестабильном мире жить достойно и умереть достойно» (с. 329).

Корнилов В. Мсье Бопре и Петруша Гринев. [Рец. на кн.: Красухин Г. Доверимся Пушкину: Анализ пушкинской поэзии, прозы и драматургии. М., 1999]. — С. 336—338.

Кормилов С. И. Пушкин и мир, или Хочу все знать. [Рец. на кн.: Мурьянов М. Ф. Пушкин и Германия. М., 1999]. — С. 346—363.

№ 2

Никуличев Ю. В. «Век новый, царь молодой прекрасный»: Русская литература между двором и салоном. — С. 59—89.

О воздействии большого поэта на литературу не только своим творчеством, но и масштабом своей судьбы. Он возвышает ее «не благопроизволением Двора, не усилиями и щедротами меценатов, а как

живую часть российской жизни. Освобождая его из михайловской ссылки, Николай I смотрел на него, надо полагать, глазами нового поколения читателей» (с. 89).

№ 5

Красухин Г. Г. Над страницами «маленьких трагедий» Пушкина. — С. 101—134.

Психологические наблюдения над героями «Скупого рыцаря» и «Каменного гостя». Poleмика с публикаторами эпитафии из либретто Да Понте: автор считает, что нужно печатать «Comandator», а не «Commendatore», иначе искажается мысль Пушкина. Ведь «статую приглашают не на ужин, как в пьесе Мольера или в опере Моцарта, но стать на часах, издевательски предлагают покойнику <...> выступить в привычной для него роли *коменданта* (Comandator) возведенной им нравственной крепости» (с. 135).

Прокопкин Н. П. «Что в имени тебе моем?..»: Не только о дате. — С. 281—295.

О стихотворении, преподнесенном в день рождения Каролины Собаньской 25 декабря 1829 г. по ст. стилю, или 5 января 1830 г. по новому, и связанных с Собаньской стихах и письмах Пушкина.

Тираспольский Г. И. Описка или символ? — С. 331—335.

Об истории дуэли и гибели Пушкина, зафиксированной в «Военно-судном деле» 1837 г., где Пушкин вместо камер-юнкера назван камергером.

№ 6

Есипов В. М. Что мы знаем об Иване Петровиче Белкине? — С. 324—332.

В статье рассмотрена полемика о роли подставного автора «Повестей Белкина».

2002

№ 2

Никуличев Ю. В. «Век шествует путем своим железным». — С. 104—134.

О завершении «пушкинского» периода русской литературы, в котором культуuroобразующей была поэзия, — она задавала тон. Но с изменением читательской аудитории стихи стали пользоваться меньшей

популярностью, их практически перестали издавать, в литературе стала преобладать проза. Романтизм сменялся реализмом.

Баевский В. С. Новые документы о жизни и смерти Пушкина: Опыт анализа. — С. 135—156.

Дуэль с Дантесом осмысливается на основе новых документов, опубликованных в книге Серены Витале «Пуговица Пушкина». «Время с октября 1836 по январь 1837 года было периодом преследования и травли Наталии Николаевны и Пушкина со стороны Дантеса и Геккерена, когда в ход были пущены самые низкие средства: запугивание, сплетни, анонимные письма. Гибель Пушкина никак не была случайной. Это был последний акт трагедии, вызванной столкновением непримиримых противоречий гения и характера Пушкина — с жестоким веком Николая I» (с. 156).

Сахаров В. И. Немецкий студент, симбирский помещик, Владимир Ленский...: Н. М. Языков — один из героев романа «Евгений Онегин». — С. 345—349.

№ 3

Есипов В. М. «Необычные, неправдоподобные» ситуации в «Повестях Белкина». — С. 304—312.

О функциональных особенностях неправдоподобных событий, которые могут взорвать бытовое течение жизни и показать персонажей с неожиданной стороны, в первую очередь с этических позиций.

Кормилов С. И. Младший классик и окружение старшего. [Рец. на кн.: Розанова С. Лев Толстой и пушкинская Россия. М., 2000]. — С. 331—345.

№ 4

Коган Л. А. «И внял я неба содроганье...»: (О философии пушкинского «Пророка»). — С. 201—230.

По мнению автора, образ пророка, хотя и индивидуально окрашенный, в этом стихотворении имеет символическое значение. Это духовный эталон, на который следует ориентироваться.

№ 5

Сарнов Б. М. Бывают странные сближения: «Медный всадник»: Взгляд из двадцать первого века. — С. 46—74.

Статья посвящена сходству центральной сюжетной коллизии «Медного всадника» с главной сюжетной коллизией романа Джорджа Оруэлла «1984». Автор вскрывает пророческий смысл гениальной

поэмы, размышляет об историко-философской концепции Пушкина. В современном ему авторитарном деспотическом государстве Пушкин разглядел возможное страшное будущее государства-Левифана. Поднятая на дыбы страна не может стоять неколебимо.

2003

№ 1

Шайтанов И. О. Две «неудачи»: «Мера за меру» и «Анджело». — С. 123—148.

О восприятии Пушкиным шекспировского творчества, его понимания истории как народной драмы, свободы от сковывающих правил классицизма. Русская культура находилась на пороге нового состояния — максимального контакта с настоящим, с современностью, накануне возникновения своего значительнейшего жанра — романа. «Мыслить романно значит мыслить современно и предоставлять свободу жанровому многоголосию в каждом произведении. Пушкин в “Анджело” представляет процесс рождения романности одновременно с обществом и человеком, которым это многоголосие присуще» (с. 146).

Елифёрова М. В. Шекспировские сюжеты, пересказанные Белкиным. — С. 149—175.

Белкинский цикл рассматривается как «тонкая и язвительная отповедь полемистам, чаще всего по-настоящему Шекспира не читавшим», как «пародия на отечественный шекспиризм» (с. 151). Но «юмор “Повестей Белкина”, очевидный для современников Пушкина, вскоре стерся. Уже после 1830-х годов <...> прочитывать более глубоко и ценить в них совсем не то, что раньше, — не непохожесть на классицизм, а непреходящую актуальность изображения человеческой личности и ее вечных проблем. “Повести Белкина” утратили с ним связь и в глазах читателей ретроспективно попали в другое русло, в истоки нового реалистического направления, полностью раскрывшегося в Гоголе и его последователях» (с. 175).

Никуличев Ю. В. Вокруг «замечательного десятилетия»: От чистых идей к проклятым вопросам. — С. 209—241.

О роли Пушкина в движении литературы от 30-х к 40-м гг. XIX века и опровержении расхожей схемы «Пушкин породил Гоголя».

№ 2

Сахаров В. И. «Онегинское» у Лермонтова. — С. 313—317.

Отмечается, что «Лермонтов сразу увидел и понял те богатые творческие возможности, какие давали автору ироническое повествова-

ние, свободная “форма плана”, вольные авторские отступления, движущиеся характеры, смелые исторические аллюзии пушкинского романа в стихах» (с. 315).

Джагалов Р. [Рец. на кн.:] *Димитров Л.* «Четвероевангелие» от Пушкина. София, 1999. — С. 356—357.

№ 3

Смирнов А. Четыре облика русской Эвтерпы. — С. 296—303.

О музе лирической поэзии у Пушкина, Некрасова, Фета, Блока. Рассматривается стихотворение «В младенчестве моем она меня любила...».

№ 4

Келли К. Воспитание Татьяны: Нравы, материнство, нравственное воспитание в 1760—1840-х годах. — С. 61—97.

О положении женщины в русском обществе. Пушкину, старавшемуся воспитать молодую жену в соответствии с собственным вкусом, самому «пришлось убедиться в том, насколько трудно осуществимым в реальной жизни оказался благородный идеал женской свободы» (с. 96).

Алтунян А. Г. «Эта свобода и есть счастье...». — С. 277—287.

О стихотворении «Из Пиндемонти». «Политические декларации Пушкина — не пустые слова, за каждое слово героя своей политической лирики поэт всю свою жизнь платил самую высокую цену. А за приверженность ценностям личной свободы, так, как Пушкин ее понимал, он заплатил своей жизнью» (с. 287).

№ 5

Коржавин Н. М. Ольга и Татьяна. — С. 152—173.

О двух женских типах, которых в русской культуре после пушкинского романа противопоставляли друг другу. «Эти образы, точнее, представление о них, положили начало двум тенденциям развития женского характера, точнее, понимания его и отношения к нему» (с. 153).

№ 6

Есипов В. М. «Нет, нет, Барков! Скрипицы не возьму...»: (Размышления по поводу баллады «Тень Баркова»). — С. 51—87.

В статье пересматривается аргументация Цявловского, признавшего это анонимное произведение пушкинским, и отрицается его авторство.

№ 1

Красухин Г. Г. При свете совести и во тьме: (Трагедия Пушкина «Борис Годунов»). — С. 112—143.

Статья посвящена психологическим наблюдениям над героями, добивавшимися власти: «Самозванец взойдет на трон, обремененный не меньшим, чем Борис, преступлением. Но если Бориса грызла (и сгрызла!) совесть, то самозванец беспечен от бессовестности: переживать за невинно убиенных он не станет» (с. 143).

№ 2

Сарнов Б. М. Тамара ему, конечно, изменила. [Рец. на кн.: Петраков Н. Последняя игра Александра Пушкина. М., 2003]. — С. 176—185.

№ 3

Бонфельд М. «Зависть» или «Моцарт и Сальери»? — С. 46—58.

В этой трагедии художественно осмысливается исторически недостоверный, но культурно значимый конфликт. Это «и заставило Пушкина отказаться от первоначального названия пьесы — “Зависть”, предпочтя ему этически нейтральное, но драматургически конфликтное — “Моцарт и Сальери”» (с. 58).

Белый А. А. Кантовская цитата в пушкинском тексте. — С. 59—80.

По мысли автора, гений Пушкина — это ключ к пониманию эпохи Просвещения, философская мысль которой получила завершение в философии Канта.

Раскольников Ф. А. Пушкин и религия. — С. 81—112.

О превращении Пушкина в объект идеологической конфронтации. В противовес советскому подходу, делавшему из него революционера и атеиста, теперь поэта часто превращают в глубоко верующего христианина. По мнению автора, «отношение Пушкина к Церкви и духовенству, к христианству и к религии в целом было далеко не простым и существенно отличалось от того, как его изображают “православные” пушкинисты. Их убеждение в том, что духовная эволюция Пушкина привела его к принятию христианского вероучения и сближению с Церковью, представляется во многом верным, но односторонним и чересчур категоричным» (с. 112).

№ 6

Головачева А. Г. «Плывя в таинственной гондоле...»: («Сны» о Венеции в русской литературе золотого и серебряного веков). — С. 157—178.

О незавершенном стихотворении Пушкина «Ночь тиха, в небесном поле...».

Сергеева-Клятис А. Ю. [Рец. на кн.:] Перельмутер В. Г. Пушкинское эхо. М., Торонто, 2003. — С. 352—353.

2005

№ 1

Селезнев В. «Заводит читателя на коммунальную кухню советского литературоведения»: (Рак против Оксмана). [Рец. на публ.: «Искренне ваш Юл. Оксман» (Письма 1914—1970-х годов) (Русская литература. 2003. № 3, 4; 2004. № 1, 2)]. — С. 308—314.

№ 2

Есипов В. М. Поэт, чернь и автор. — С. 319—331.

О стихотворении Пушкина «Поэт и толпа». Автор задается вопросом, кого Пушкин имел в виду под чернью. «По тексту стихотворения Чернь — это сограждане Поэта, собравшиеся на площади древнегреческого города послушать его стихи и высказать ему свое мнение о них» (с. 330).

Красухин Г. Г. Гринева и его издатель. — С. 124—160.

Пушкин особо оговорил авторство Гринева, объявив себя всего только издателем его записок, подобравшим эпиграфы к главам повести. Особо рассматривается эпиграф «Береги честь смолоду», который связывается с концовкой — датой «19 окт. 1836». Пушкин «концовкой романа сделал именно эту, знаменательную для лицейстов дату, указав тем самым, что “Капитанская дочка” является его посланием лицейским друзьям, его подарком или его посвящением им» (с. 160). Именно сбереженную человеком честь Пушкин особенно ценил в своих лицейских товарищах.

Рубанович В. Онегин в Харькове / Предисл. Б. Сарнова. — С. 372—378.

Пародия на роман.

№ 4

Елифёрова М. В. «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан...»: Комическая семантика женского костюма в «Барышне-крестьянке». — С. 213—231.

Интерпретация «Барышни-крестьянки» как отражения актуального литературного процесса рубежа 1820—1830-х гг., центральное место в котором занимала полемика вокруг Шекспира. «Гениальность Шекспира была уже осознана, но принять его драмы такими, каковы они есть, все еще казалось невозможным, поскольку они оскорбляли представления об изящном и благородном вкусе просвещенного читателя (дворянина главным образом)» (с. 229—230).

Полонски Р. Путешествие Хаджи-Бабы из Арзрума в Санкт-Петербург: (Один из источников пушкинского знания о Востоке). — С. 232—242.

О романе Джеймса Юстиниана Мориера «Приключения Хаджи-Бабы в Лондоне», повлиявшем на стиль «Путешествия в Арзрум», когда Пушкин «предпринял попытку смирить восхищение перед Востоком, взглянув на него «взором европейца» (с. 238).

Зингер Е. А. «Черты далекой, бедной девы!..» — С. 243—250.

Об Амалии Ризнич и стихотворении «Не пой, красавица, при мне...».

Кертман Л. П. Безмерность и гармония: (Пушкин в творческом сознании Анны Ахматовой и Марины Цветаевой). — С. 251—278.

При всех коренных расхождениях подходов Марины Цветаевой и Анны Ахматовой к причинам гибели Пушкина обнаруживается и неожиданная близость этих подходов: их обеих объединяет боль и оскорбленность за поэта.

№ 5

Соболев Л. И. Комментаторские заметки. — С. 325—329.

Комментарии к стихотворению Пушкина «К другу стихотворцу» и «Медному всаднику».

№ 6

Сергеева-Клятис А. Ю. [Рец. на кн.:] Бетеа Д. Воплощение метафоры: Пушкин, жизнь поэта. М., 2003. — С. 350—351.

№ 4

Есипов В. М. «Все это к моде слишком <sic!> близко...»: (Об одной литературоведческой тенденции). — С. 47—66.

Автор полемизирует с некоторыми недавними публикациями, целью которых стало приобщение к порнографической литературе классических произведений, в том числе пушкинских.

Ерохина И. В. Гений и злодейство: Пушкинский подтекст в ахматовском «Реквиеме». — С. 198—220.

Для Ахматовой Пушкин всегда был не только художественным, но и нравственным ориентиром. Статья посвящена «тому интертекстуальному плану, который в “Реквиеме” играет конституирующую роль, — пушкинским аллюзиям» (с. 199).

Францова Н. В. Об одном смысловом несоответствии в первом четверостишии «Евгения Онегина». — С. 322—326.

О строке «Мой дядя самых честных правил» в сопоставлении с началом басни И. Крылова «Осел и мужик» («Осел был самых честных правил: / Ни с хищностью, ни с кражей незнаком...»).

Елифёрова М. В. [Рец. на кн.:] Головачева А. Г. Пушкин, Чехов и другие: Поэтика литературного диалога. Симферополь, 2005. — С. 370—371.

№ 1

Рецептер В. Э. [Рец. на кн.:] Рассадин С. Б. Невольник чести, или Драматург Пушкин. СПб., 2006. — С. 374—375.

№ 2

Абдуллаев Е. В. «На пире Платона во время чумы...»: Об одном платоновском сюжете в русской литературе 1830—1930-х годов. — С. 189—209.

О стихотворении Пастернака «Лето» (1930), которое заканчивается сопряжением «Пира» Платона и пушкинского «Пира во время чумы».

Серман И. Э. Нашел ли Пушкин формулу русской истории? — С. 239—250.

Автор считает, что Пушкин видел ключ к «формуле» русской истории XIX века в неизбежности новой крестьянской войны. Жестокость крестьянских бунтов заставила его посмотреть на «народ», то есть русское крестьянство, без всякой идеализации. «Пушкин понял, что “русский бунт”, о котором его персонаж в “Капитанской дочке” думает, что он “бессмысленный и беспощадный”, на самом деле имеет очень определенный смысл — полное уничтожение всего дворянского сословия, а следовательно, объясняет и его “беспощадность”» (с. 250).

№ 3

Есипов В. М. Анонимный текст: Проблема установления авторства. — С. 320—330.

О некоторых произведениях, необоснованно приписываемых Пушкину.

Перцов Н. В. Еще раз о первом четверостишии «Евгения Онегина». — С. 331—334.

Полемика с Н. В. Францовой о чтении слова *правил* в первой строке «Евгения Онегина». Автор не согласен с ее предположением, будто дядя Онегина «правил», то есть исправлял даже «самых честных», потому что заставил всех лицемерно заботиться о себе во время болезни. Ведь глагол «править», судя по «Словарю языка Пушкина», ни разу не был им употреблен в значении «исправлять, поправлять». Такое значение даже не фиксируется в словарях пушкинского времени.

Францова Н. В. Ответ оппоненту. — С. 335—336.

Автор настаивает на «глагольном варианте» прочтения первого четверостишия первой главы «Евгения Онегина», «нигде ранее не озвученном в силу его кажущейся нелепости (неожиданности, непривычности)» (с. 335).

Елифёрова М. Полный Брэйн Даун. [Рец. на кн.: Даун Б. Код Онегина. СПб.: Амфора, 2006]. — С. 316—320.

2008

№ 1

Белый А. А. Génie ou neige. — С. 115—139.

О замысле «Евгения Онегина», когда Пушкин вглядывался «сквозь магический кристалл» в «даль свободного романа».

Абдуллаев Е. В. Гений и демон: О двух античных терминах в «Маленьких трагедиях». — С. 140—170.

Автор считает, что «философские источники Пушкина следует искать не столько в области идей и сюжетов, сколько в сфере языка». Пушкин призывал развивать в русской словесности «метафизический язык». «И понятия *гений* и *демон*, почерпнутые из античного философского лексикона через посредничество современной Пушкину философии, как раз и стали элементами этого “метафизического языка”» (с. 142).

Красухин Г. Г. Будет ли когда-нибудь прочитан Пушкин? — С. 171—195.

Полемиические заметки о первой строфе «Евгения Онегина» и прочтении ее Н. Францовой, об Александрийском маяке, а не Александровской колонне в «Памятнике» и о понимании стихотворения «Наполеон».

№ 2

Гудкова С. П. [Рец. на кн.:] Флейшман Л. С. От Пушкина к Пастернаку. Избранные работы по поэтике и истории русской литературы. М., 2007. — С. 358—361.

№ 3

Перзек А. Б. Поэтика антиутопии в поэме А. С. Пушкина «Медный всадник» как русская «весть миру»: Взгляд из наших дней. — С. 233—259.

В «Медном всаднике» каждая переломная эпоха узнает себя. «Пушкинская антиутопия “работала” против государственного насилия, произошедшего в России. Его социальных и человеческих последствий и одновременно против всех грядущих государственных насильий во имя “светлого утопического будущего” в любой из стран мира. И в этом — всемирность “Медного всадника”, представляющего русской “вестью миру”» (с. 259).

Зорин А. Л. [Рец. на кн.:] А. С. Пушкин и православие: Сб. ст. о творчестве А. С. Пушкина. М., 2007. — 372—375.

№ 5

Соловьев П. М. Я. фон Фок и А. С. Пушкин: К истолкованию одной записи поэта. — С. 320—329.

Пересматривается отношение поэта к фон Фоку. «Пушкин совершенно искренне приравнял его смерть к “бедствию общественному”: умер человек, в силах которого было оказывать позитивное влияние на правительственную политику в области просвещения» (с. 329).

№ 6

Есипов В. М. «Оставя честь судьбе на произвол...»: (Пушкин и Аглая Давыдова). — С. 328—335.

Об отношениях Пушкина с А. А. Давыдовой и его стихотворениях, связанных с ней.

2009

№ 1

Лукач Д. Место Пушкина в мировой литературе / Пер. с венгерского Ю. Гусева. — С. 55—77.

Статья впервые вышла из печати в 1951 г. в 3-м издании сборника «Великие русские реалисты»; здесь перепечатывается в сокращении. «...Поскольку облик Пушкина в сознании читательской массы зачастую тесно переплетается с теми ложными, мифическими взглядами на развитие русского общества и русской литературы, которые имеют широкое хождение за пределами России, то возникающие на этой почве представления во многих отношениях лишь мешают увидеть, понять выдающееся значение Пушкина во всемирной литературе» (с. 55—56).

№ 2

Шайтанов И. О. Переводим ли Пушкин?: Перевод как компаративная проблема. — С. 5—26.

О проблемах перевода пушкинских произведений. Как отмечает автор, «перевод, увиденный как компаративная проблема, требует смещения акцентов при его обсуждении: с текста в его соответствии оригиналу — на культурный контекст, с языка оригинала — на целевой язык, то есть на языковую и культурную ситуацию, в которой выполнен перевод. Однако при выдвигании на первый план этих соответствий прежние не теряют своей силы» (с. 26).

Пашенко М. В. «Сказка о золотом петушке»: Сказка-ложь и сказка-правда. — С. 202—234.

Автор считает, что в основе конфликта здесь «не собственно сказочная фольклорная схема, а отличная от нее, ориентированная на народную эпическую книжно-апокрифического характера» (с. 223).

Черниговский Д. Рыцарь или буржуа? Скупой барон из «маленькой трагедии» Пушкина. — С. 235—239.

Автор отмечает, что «Пушкин как гениальный создатель “Скупого рыцаря” предстает вовсе не антибуржуазным социологом, а тонким

знатоком истории, во многом интуитивно, но исключительно пронизательно показавшим в художественной форме психологический феномен той эпохи, которая позднее была объяснена в капитальных научных исследованиях» (с. 239).

Романовский А. «Ребенок был резов, но мил...»: Маленький штрих к портрету Евгения Онегина. — С. 240—243.

Об источнике этого образа — невероятно популярном в то время романе Жанлис «Рыцари Лебедя» в переводе Н. Ф. Кошанского: «Божок любви резов, но мил, / Рад век провести в игре и в шутке» (с. 242). Пушкин уподобляет Онегина в детстве порхающему Амуру.

Есипов В. М. Рафаэль или Перуджино?: О стихотворении Пушкина «Мадонна». — С. 244—253.

Автор обращается «к старой версии, по которой картиной, вдохновившей поэта на создание рассматриваемого стихотворения, явилась Мадонна Перуджино. Источником этой версии остаются “Записки” А. Смирновой-Россет» (с. 249).

№ 5

Карасев Л. В. Пушкин. «Выстрел»: Об одном из возможных литературных источников. — С. 417—425.

Речь идет о «Приключениях барона Мюнхгаузена» Э. Распе, а конкретно — об эпизоде стрельбы барона в оленя вишневыми косточками. Он сопоставляется с дуэлью в «Выстреле», когда «стоя под пистолетом Сильвио, молодой граф ел черешни и выплевывал косточки в сторону своего противника» (с. 417).

№ 6

Пащенко М. В. Сияющий петух: Сказка Пушкина в Серебряном веке. — С. 228—271.

О либреттисте последних произведений Римского-Корсакова Владимире Бельском.

2010

№ 1

Виралайнен М. Н., Бочаров С. Г. От поэтики к универсалиям. — С. 200—211.

О книге Ю. Н. Чумакова «Пушкин. Тютчев: Опыт имманентных рассмотрений» (М., 2008).

Красухин Г. Г. Соавторы Белкина. — С. 227—246.

Автор рассматривает структуру «Повестей Белкина». Она сцемантирована не только авторством Ивана Петровича Белкина, но и индивидуальностями его соавторов, абсолютно не похожих друг на друга. Ведь не случайно Белкин аккуратно приписал в конце каждой повести, от кого именно она услышана: «титularyный советник А. Г. Н., подполковник И. Д. П., приказчик Б. В., девица К. И. Т.» (с. 234). Стиль и взгляды каждого из них так или иначе видны в каждом рассказе.

№ 4

Перзек А. Б. «Медный всадник» Пушкина: Семантический узел «отцовства и сыновства». — С. 283—294.

Об архетипе «отца и сына» как модели гармоничного общественного устройства.

Синцов Е. В. «Мышление жанрами» в «Пиковой даме» Пушкина: Опыт реконструкции. — С. 295—313.

О художественной установке на эксперимент с жанрами в пушкинской повести.

Красухин Г. Г. Просто о сложном, или О занимательности нашего дела. [Рец. на кн.: Шапир М. И. Статьи о Пушкине / Сост. Т. М. Левина; Изд. подгот. К. А. Головастиков, Т. М. Левина, И. А. Пильщикова; Под общ. ред. И. А. Пильщикова. М.: Языки славянских культур, 2009]. — С. 477—483.

№ 5

Абдуллаев Е. В. Кантианец Пушкин и мудрец Маяковский: Заметки на полях недавних публикаций. — С. 149—173.

О недопустимости игнорирования изучения трансляции философских идей в художественный текст.

Елифёрова М. В. [Рец. на кн.:] Е. А. Краснощекова. Роман воспитания — Bildungsroman — на русской почве: Карамзин. Пушкин. Гончаров. Толстой. Достоевский. СПб., 2008. — С. 480—483.

№ 6

Селицкий А. Я. В ситуации нравственного цугцванга: Опера Цезаря Кюи «Пир во время чумы». — С. 294—311.

Композитор отказался от переделки первоисточника, то есть от его адаптации к традиционным нормам оперного жанра, а взял литера-

турное произведение в качестве готового либретто. Ключевой момент идейного замысла композитора — трактовка самой ситуации «пира во время чумы» и, соответственно, образа главного героя. Он «мучим противоречием, которое не поддается разрешению <...> раздираем внутренним конфликтом на всем протяжении оперы. Кюи значительно выиграл, не прибегнув к напрашивающемуся противопоставлению образов “пира” и “чумы”, ибо не на этой антитезе основывается и пушкинская трагедия. Суть концепции — в неразрешимости нравственно-психологического конфликта» (с. 310).

2011

№ 3

Абдуллаев Е. В. [Рец. на кн.:] Сурат И. З. Манделъштам и Пушкин. М., 2009. — С. 488—491.

№ 4

Есипов В. М. К истории создания сонета «Поэту»: Уточнение датировки. — С. 480—485.

Автор показывает, что последняя редакция стихотворения, вероятнее всего, была написана в Болдине с 5 сентября по 4 ноября 1830 г.

2012

№ 1

Акимов Э. Б. «Скупой рыцарь» — «The Covetous Knight». — С. 288—300.

Указание на поэму Шекспира «Луcreция» как на возможный источник образа Тангала в пушкинской «маленькой трагедии», который помогает понять феномен «скупого рыцаря» — скупого и алчущего одновременно.

Есипов В. М. «Крив был Гнедич поэт...». — С. 418—421.

По мнению автора, эта несправедливая эпиграмма, зачеркнутая самим Пушкиным, неправомерно печатается в основном корпусе сочинений Пушкина вместе с другим откликом на перевод Гнедича — «Слышу умолкнувший звук...». Ее следует поместить либо в раздел «Другие редакции и варианты», либо в примечания к этому двустихию.

№ 4

Красухин Г. Г. Превратности оборванной дружбы: Пушкин и Баратынский. — С. 9—35.

О сложных отношениях двух поэтов и постепенном охлаждении их дружбы.

2013

№ 1

Климова С. Б. Байрон, Пушкин и русские Дон Жуаны: Жанровая судьба вечного образа. — С. 388—418.

Пушкин положил начало русскому литературному диалогу с Байроном о вечном и о современном образе Дон Жуана. «Заданная Пушкиным основная перспектива этого диалога — оппозиция “жизненный факт — норма”, в которой “норма”, высший Закон и порядок преодолевает жизненный хаос, — выдерживается на протяжении как XIX, так и XX века русской литературы» (с. 418).

№ 2

Кормилов С. И. [Рец. на кн.:] Амирханян М. Д. А. С. Пушкин и Армения. Ереван, 2012. — С. 502—503.

№ 6

Белый А. А. «Понятна мне времен превратность...». — С. 40—56.

О незавершенных произведениях Пушкина «Блажен в златом кругу вельмож...» (1827) и «Сцены из рыцарских времен» (1835).

Степанова Т. М., Схалыхо Д. С. Архаический обрядовый дискурс и современность: Полемика о Пушкине в новописьменной литературе Северного Кавказа. — С. 57—66.

О полемике вокруг романа современного адыгейского писателя Юнуса Чуюко «Милосердие Черных гор, или Смерть за Черной речкой». Автора упрекали за героизацию образа Пушкина, воспевавшего завоевание Кавказа. Но в романе показана глубокая симпатия поэта к горским народам, его автор выше национальных предубеждений и поднимается на уровень общечеловеческих ценностей.

Акимов Э. Б. Ричард Глостер и Дон Гуан: Уроки исторической поэтики. — С. 247—263.

Автор уточняет общепринятое мнение, что Пушкин использовал сцену соблазнения Доны Анны из шекспировского «Ричарда III». «Со-

блазнение Глостером (убийцей короля и принца) Анны (дочери короля и жены принца) — изобретение Шекспира, но сам мотив свращения вдовы при гробе мужа не является шекспировским и восходит через ряд фарсово-новеллистических степеней к древнему новому обряду» (с. 249).

2014

№ 1

Абдуллаев Е. В. «Образуй наш метафизический язык...»: История одного пушкинского термина в контексте литературно-философских дискуссий 1820-х годов. — С. 144—164.

О возникновении понятия метафизического языка и его трансформациях в пушкинской эпистолярной и критической прозе 1920-х гг.

Скворцов А. [Рец. на кн.:] Пеньковский А. Б. Исследования поэтического языка пушкинской эпохи. М., 2012. — С. 380—383.

№ 2

Кузичева М. В. Пушкин и Моцарт: К вопросу о родстве поэтик. — С. 272—309.

О давней традиции говорить о сходстве двух «солнечных» гениев мировой культуры, о их способности преобразовывать трагическое в прекрасные художественные формы. Автор видит глубокое родство их «в поиске нового, универсального, синтетического языка <...> для выражения идеи “всечеловеческой универсальности”, обнимающей и превосходящей сложность и изменчивость человеческой души» (с. 308).

Казакова С. К. «Почтовый код» в художественных произведениях Пушкина. — С. 369—381.

В статье рассматривается мотив письма как важнейший элемент поэтики Пушкина. Герои его произведений часто переписываются друг с другом, и это несет разную смысловую нагрузку.

№ 3

Подковырин Ю. В. [Рец. на кн.:] Пискунова С. И. От Пушкина до «Пушкинского дома»: Очерки исторической поэтики русского романа. М., 2013]. — С. 392—395.

№ 4

Абдуллаев Е. В. От Пушкина до Франка: Новые книги по истории русской философии. — С. 124—138.

Обзор книг Р. Гальцевой и И. Роднянской «К портретам русских мыслителей» и пяти сборников новой серии «Философия России первой половины XX века» с акцентом на историко-литературную составляющую.

Зубарева В. К. «Сказка о мертвой царевне...»: Эволюция пушкинского пророка. — С. 273—298.

Автор считает, что «пушкинский пророк проходит эволюцию от призванного воспламенить сердца и души до того, кто воскрешает царевну-землю, ее культуру и дух, без которых его пророческий дар — “дар напрасный”» (с. 298).

Есипов В. М. Германн, Пестель и мнимые открытия. — С. 392—397.

Полемика со статьей Ольги Эдельман «Незнакомый Пестель» (Новое литературное обозрение. 2011. № 111), где она приписывает себе уже многократно до нее указанный прототип Гермманна.

№ 5

Дмитриева Е. Е. [Рец. на кн.:] Коровин В. И. Россия и Запад в болдинских произведениях А. С. Пушкина: «Моцарт и Сальери», «Повести покойного Ивана Петровича Белкина». М., 2013. — С. 394—397.

2015

№ 3

Альми И. Л. «Есть в близости людей заветная черта...»: О сквозном мотиве русской литературы. — С. 31—57.

О лирическом диалоге Ахматовой и Пушкина: стихотворения «Под небом голубым страны своей родной...» и «Есть в близости людей заветная черта...». Отмечена «не только близость текстов, но и таящаяся под покровом близости различие» (с. 32).

Сливкин Е. А. Повесть о двух виселицах: «Рукопись, найденная в Сарагосе» Я. Потоцкого и «Капитанская дочка» А. С. Пушкина. — С. 58—78.

Основное внимание уделено «одному из центральных образов романа Потоцкого — виселице с телами двух братьев-разбойников, вокруг которой выстроена вся известная Пушкину часть романа» (с. 62). Анализируются также запись «И я бы мог, как шут...» и рисунок с пятью повешенными. Возможно, «Пушкин в работе над “Капитан-

ской дочкой” все еще озабочен той мерой добра и зла, которой мог быть чреват военный переворот 1825 года в случае его успеха» (с. 78).

Есипов В. М. «Кто же все-таки «поэт той чудной стороны»? — С. 79—90.

Автор считает, что первоначально в стихотворении «В прохладе сладостной фонтанов...» Пушкин имел в виду Мицкевича, но после некоторого перерыва в работе заменил его на Руставели.

Мешков В. А. «...Где мужи грозны и косматы». — С. 91—106.

Рассмотрев полемику о стихотворении «В прохладе сладостной фонтанов...», автор приходит к выводу, что Пушкин имел в виду Грибоедова. Только о нем Пушкин мог сказать «прозорливый и крылатый».

«Исследователь и пропагандист русской культуры...»: Юлиан Оксман о Николае Смирнове-Сокольском. Неопубликованные устные воспоминания и письма / Публ., подгот. текста и коммент. М. Фролова. — С. 335—358.

Публикация выступления Ю. Г. Оксмана в Центральном доме литераторов на вечере памяти Н. П. Смирнова-Сокольского 22 марта 1963 г., в котором он рассказывает о работе над книгой о прижизненных изданиях Пушкина.

№ 4

Абдуллаев Е. В. «Прекрасно только то, чего нет...»: «Эстетический манифест» Жуковского и его восприятие Пушкиным. — С. 131—151.

О понимании Пушкиным отрывка из «Предисловия к стихотворению Лалла Рук» Жуковского. Ответом на него были «Моцарт и Сальери» и «Пир во время чумы». Через это «Предисловие» Пушкин ознакомился с эстетическими взглядами не только Жуковского и немецких романтиков, но и Платона и Канта. И, как показывает автор, они «стали частью эстетической системы самого Пушкина» (с. 151).

Ипполитов С. С. Пушкин и Белкин: История знакомства — С. 186—199.

Автор высказывает сомнение в том, что Иван Петрович Белкин — персонаж, вымышленный Пушкиным.

№ 5

Альтшуллер М. Г. Два Пугачева: Вымыслы романические и «История Пугачевского бунта». — С. 118—158.

Последовательный анализ «Капитанской дочки» и «Истории Пугачевского бунта» проясняет взгляды Пушкина на искусство в последние

годы жизни, его политическую позицию и тесные связи с европейской литературой. «Идеальные герои екатерининского века, описанные в “Капитанской дочке”, создавали фундамент “века золотого”, описанного в “Онегине”. А “История...” противопоставляла этой идиллии неприглядную действительность отвратительного бунта» (с. 158).

2016

№ 2

Касаткина Т. А. Что считать событием биографии?: История любви к Мадонне: Пушкин, Достоевский, Блок. — С. 44—78.

О понимании биографии не как рассказа о событии, о котором может поведать современник, но как важнейшего переживания, которое может переменить личность, после чего человек уже не остается прежним. О стихотворении «Мадона» и двух редакциях «Легенды».

№ 3

Абдуллаев Е. В. Философы и «Философ» в пушкинском «Послании Лиде». — С. 59—81.

Выдвигается гипотеза, что «Послание Лиде» писалось как посвящение к несохранившейся стихотворной комедии «Философ».

Себежко Е. С. О двух строках пушкинского «Пророка». — С. 82—97.

О метафоре «И уголь, пылающий огнем...». Она могла появиться под влиянием повести Бекфорда «Ватек». «Метафорический образ пылающего в человеческой груди угля как знак мучительного духовного перерождения мог сохраниться на уровне подсознания, в глубине памяти поэта, чтобы затем реализоваться в двух строках его гениального “Пророка”» (с. 95).

Егорова Л. [Рец. на кн.:] Рецептер В. Э. Принц Пушкин, или Драматическое хозяйство поэта. СПб., 2014. — С. 398—401.

2017

№ 3

Темненко Г. М. Метафизика красоты: Пушкин, Кант и другие. — С. 112—130.

Рассматриваются представления Пушкина о прекрасном в свете эстетических взглядов Канта, истоки которых обнаруживаются не только в «Пире» Платона, но и в «Илиаде» Гомера.

Ревель Г. М. Тургенев — Толстой — Достоевский: Подтексты пушкинского праздника 1880 года. — С. 131—158.

О взаимоотношениях Тургенева, Толстого и Достоевского, не встретившихся друг с другом на пушкинском празднике. «Эти трое, так ни разу и не сошедшие вместе, идеологически соотносившиеся как лебедь, рак и щука, в том поворотном 1880 году олицетворяли собой не только вершинные проявления национального гения, но и гипотетические векторы национально-исторической судьбы» (с. 155).

Акимова Н. Н. Чью шинель украл Булгарин?: Об одном из источников пушкинского текста. — С. 159—172.

Пересматривается точка зрения, будто Пушкин знал детали болгаринской биографии от подполковника Спечинского, у камердинера которого Булгарин якобы унес шинель и пропил ее. В плане романа «Настоящий Выжигин», приложенном к пушкинскому памфлету «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем», упоминается украденная героем шинель.

Зубарева В. К. «Пиковая дама»: Вист против фараона. — С. 173—205.

О картежном аспекте повести как сюжетообразующем, о шулерстве в картежном окружении Германна. Скорее всего, не он «обдернулся», а его «обдернули». Принять картинку с дамой за картинку с тузом практически невозможно.

Березкина С. В. [Рец. на кн.:] Lebedeva O. B. Aleksandr S. Puškin: Sein literarisches Werk in russischen und europäischen Kontexten. Köln; Wien, 2014. — С. 382—385.

2018

№ 1

Абдуллаев Е. В. «Прекрасное занятие для философа!»: Об одной дневниковой записи Пушкина-лицейста. — С. 40—52.

О записи в лицейском дневнике Пушкина от 10 декабря 1815 г., где гашение свечей и ламп в зале названо «прекрасным занятием для философа». Ее предлагается понимать в ироническом ключе, так как если «борьба с отжившими (как считалось) социальными институтами и установлениями ассоциировалась у идеологов Просвещения со светом, то “гашение” — с обскурантизмом и восстановлением старых порядков» (с. 45).

Савельзон И. В. Так чем же вальдшнепы похожи на Валленштейна? Об одном непрочитанном пушкинском каламбуре. — С. 53—86.

О сложноорганизованном каламбуре из письма Пушкина военному губернатору В. Перовскому в Оренбург 1835 г. Историки, описывая смерть Валленштейна, изображали его стоящим с гордо поднятой головой и раскинутыми руками. Охотник, говоря о раскинутых в воздухе крыльях вальдшнепа в момент его смерти в воздухе, сам широко раскинул руки. «Традиционный каламбур строится на языковой почве, основывается на игре вербально выраженных смыслов. В нашем же случае изначальный повод для каламбура невербален: элементами сопоставления становятся телесные позы, принимаемые в момент славной смерти птицы (вальдшнепом) и человеком (Валленштейном)» (с. 76). «Пушкинская наблюдательность отождествила жест оренбургского охотника с жестом европейского полководца XVII века, а при этом оказалось, что родовое название изображенной охотником птицы созвучно фамилии полководца — их Пушкин поднял на вербальный уровень и сомкнул там» (с. 78).

Шульц С. А. Стендаль, Пушкин, Гоголь: К метафизике «Памятника». — С. 87—112.

Метафизический мотив памятника у Пушкина и Гоголя сопоставляется с «философемой» памятника у Стендаля. «Поэт в своем “Памятнике”, в своем творчестве сохранил и открыл другим собственное авторское “я” — в соединении духовного и телесного» (с. 106).

№ 5

Новиков В. И. [Рец. на кн.:] Кулагин А. В. Пушкин: Источники. Традиции. Поэтика: Сб. ст. Коломна, 2015. — С. 378—383.

2019

№ 3

Калинников Л. А. «Метафизика нравов» И. Канта в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина. — С. 103—138.

Об «Истории Пугачева» и «Капитанской дочке» как едином историко-художественном целом: одно и то же историческое событие Пушкин рассмотрел с позиций ученого-историка и художника-писателя, объединив науку и искусство. Автор доказывает, что все важнейшие произведения Пушкина написаны под влиянием идей практической философии Канта, «ставшей философско-методологическим инстру-

ментом в его руках для решения совершенно новых художественных задач» (с. 105).

Глебкин В. В. Лексический комплекс *хандра* в текстах Пушкина. — С. 139—150.

Автор выявляет различия в структуре комплекса «хандра» и синонимичных ему комплексов «тоска» и «скука» в основном в первой главе «Евгения Онегина».

Есипов В. М. О языке Пушкина. — С. 151—160.

Рассматриваются особенности пушкинского словоупотребления. Восстанавливается исторический контекст значений определенных слов для доказательства обусловленности их употребления. Некоторые слова изменили свое значение с пушкинских времен.

№ 5

Цимбаева Е. Н. «Как! Из глуши степных селений...» — С. 12—23.

На примере образа Татьяны Лариной рассматривается возможность применения исторического анализа литературного текста.

Зубарева В. К. «Повести Белкина»: Литература «действительности» и маслит <sic!>. — С. 24—74.

О пародийном аспекте «повестей Белкина» как сюжетообразующем. «Пушкин создает собирательный образ коммерческого писателя, использующего известные сюжеты отечественного и иностранного производства...» (с. 69).

2020

№ 1

Заславский О. Б. О смысле «Александрийского столпа». — С. 13—21.

Автор считает, что «Александрийский столп» в стихотворении «Памятник» не имеет определенного денотата.

Шапошникова В. В. «Капитанская дочка» Пушкина: Почему крепость — Белогорская? — С. 22—36.

Приводятся реальные топонимы, которые могли бы послужить образцом для названия крепости, раскрывается его символика, связанная с образом белой горы в творчестве Пушкина. «Появление названия “Белогорская крепость” в “Капитанской дочке” подготовлено образом белой горы в творчестве Пушкина; это название означает святыне,

высокие и крепкие устои русской жизни, открытые Пушкиным в его последнем большом произведении» (с. 33).

Куркин Б. А. Persona inferna — адская маска: Самозванец в пушкинской трагедии «Борис Годунов». — С. 37—91.

О ключевом для понимания трагедии русской Смуты образе Самозванца, заключившего «Фаустову сделку».

№ 3

Пискунова С. И. [Рец. на кн.:] Есипов В. М. Мифы и реалии пушкиноведения: Избранные работы. М.; СПб., 2018. — С. 283—289.

III. СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

КАК УСТРОЕН «МАЛЕНЬКИЙ ШЕДЕВР»

Заметки о мадригале Пушкина

«Цветы последние милей...»

Цветы последние милей
Роскошных первенцев полей.
Они унылые мечтанья
Живее пробуждают в нас.
Так иногда разлуки час
Живее сладкого свиданья.

(АПСС. Т. 3. Кн. 1. С. 73)

Этому мадригалу, написанному ориентировочно 16 октября 1825 года, «на случай в позднюю осень присланных цветов <...> от П<расковы> О<сиповой>»¹ и, вероятно, преподнесенному дарительнице в знак благодарности, как и многим пушкинским стихотворным мелочам, не очень повезло с вниманием исследователей и комментаторов. Л. М. Аринштейн видел в нем вариацию темы «любовного чувства к немолодой женщине» и «преимуществ “осеннего” возраста перед незрелой юностью».² Эта трактовка целиком строится на предположении о любовной связи П. А. Осиповой и Пушкина в период михайловской ссылки и на чтении мадригала сквозь призму написанного поэтом ранее стихотворения «Виноград» (ноябрь 1824 — июль 1825). Последнее представляет собой

---

¹ Пояснительная помета П. А. Осиповой под сделанной ее рукой копией стихотворения в альбоме (ПД 1699, л. 21). Подробнее об автографе стихотворения, его копиях и истории создания см.: АПСС. Т. 3. Кн. 1. С. 775—776; коммент. А. С. Лобановой.

² Аринштейн Л. М. Пушкин: Непричесанная биография. М., 2007. С. 101.

разработку известного топоса, восходящего к античному образцу и отчасти к библейским мотивам и прочно встроеного в позднейшую литературную традицию: контрастно сопоставленные весенние розы и поспевший по осени виноград символизируют разные этапы жизни женщины, быстропреходящую девственную юность и плодотворную зрелость.³ Лирический герой «Винограда» уделяет преимущественное внимание последнему сезону, а в первоначальных набросках стиха 3 даже отдает ему предпочтение; варианты «Милее виноград на лозах»; «Мне виноград миле <й> на лозах» (АПСС. Т. 3. Кн. 1. С. 297) лексически и синтаксически перекликаются с 1-м стихом «Цветы последние милей...». Таким образом, основаниями для сближения двух стихотворений служат комплиментарная коннотация, которой наделяются в обоих текстах символы осени в сравнении с атрибутами весны, и намек на любовную тему (свидание и разлуку) в последнем двустишии мадригала, коррелирующий с откровенно эротическими коннотациями «Винограда».

Эта трактовка закреплена в последнем Полном академическом собрании сочинений А. С. Пушкина — впрочем, с оговорками и дополнениями. Игнорируя излишне прямолинейную и плохо фундированную концепцию своего предшественника, М. Н. Виралайнен во вступительной статье к первой книге 3-го тома АПСС упоминает о двух особенностях мадригала. Первая — «метафорически выраженное предпочтение зрелости, которая “милее” юности»;⁴ это все то же утверждение Аринштейна, однако переформулированное с целью — надо думать — ре-интерпретировать сомнительный биографический мотив как устойчивый элемент поэтического языка. Вторая — наличие в стихотворении отсылки к «мотивному и лексическому комплексу унылой элегии»,⁵ то есть упоминания о меланхолических рефлексиях («унылых мечтаниях») лирического героя, предпочитающего «роскоши» природы ее последнюю, уже умирающую красоту.⁶ Иными словами, по сравнению с оптикой Аринштей-

---

³ См.: Мазур Н. Н. Еще раз о деве-розе (в связи со стихотворением Баратынского «Еще как Патриарх не древен я...») // Пушкинские чтения в Тарту: Пушкинская эпоха: Проблемы рефлексии и комментария. Материалы международной конференции. Тарту, 2007. С. 363. Подробнее о значимых для «Винограда» топосах «девственной розы» (*rosa virginale*) и «минутной розы» (*rosa brevis*) в поэзии пушкинского времени см.: Там же. С. 346—362.

⁴ Виралайнен М. Н. Лирика Пушкина в период михайловской ссылки // АПСС. Т. 3. Кн. 1. С. 401. О проблематичности этой формулировки см. ниже, с. 89.

⁵ Там же.

⁶ Замечание опирается на наблюдение Н. И. Михайловой, читавшей ст. 1—2 мадригала как цитату из «Элегии» Андрея Тургенева («Угрюмой Осени мертвя-

на в АПСС предполагается другой подход к анализу поэтического текста: если в первом случае мадригал читается преимущественно сквозь призму (ре)конструируемой исследователем истории любовной связи и расставания поэта и адресатки, то во втором он сводится к перечню «общих мест», к середине 1820-х годов уже изрядно заезженных, а потому перешедших в разряд инструментария эстетически непритязательной и необязательной «домашней» поэзии, стихов «на случай».⁷

Такая оптика, разумеется, отчасти оправдана: действительно, принципиальная узнаваемость тем и мотивов диктовалась коммуникативной прагматикой «легкой» поэзии XVIII века, которой наследовала альбомная лирика 1820—1830-х годов. Последнее, однако, не исключало творческого усилия: напротив, неизбежный для жанра ритуальный конформизм стимулировал интенсивный поиск возможностей его преодоления.⁸ По наблюдению Николь Массон, одним из приемов, к которым прибегала для этого французская галантная поэзия, была семантическая избыточность сюжета, обусловленная сопряжением разных традиционных топосов: первый обеспечивал первоначальный контакт с адресатом и формировал читательское ожидание, второй, взаимодействуя с ним, смещал фокус внимания и привносил в сюжет новый смысл, создавая впечатление поэтической игры — изящного парадокса, оригинального каламбура или финального пуанта.⁹ Даже не приступая еще к историко-литературному комментарию, нетрудно заметить, что пушкинский мадригал организован сходным образом: наречие «так» в стихе 5 связывает отношения подобия две разные сюжетные ситуации. Историко-литературный анамнез и семантика последних, однако, до сих пор не служили предметом внимательного анализа. Я постараюсь восполнить эту лакуну.

щая рука...», 1802), ср.: «Цветы последние милей / Роскошных первенцев полей» — «Один увядший лист несчастному милее, / Чем все блестящие весенние цветы» (Поэты 1790—1810-х годов. Л., 1971. С. 243 («Б-ка поэта». Большая сер.)) (см.: Михайлова Н. И. Психея, задумавшаяся над цветком: О Пушкине. М., 2015. С. 64); учтено в комментарии А. С. Лобановой в новом академическом издании: АПСС. Т. 3. Кн. 1. С. 766. Подробнее см. ниже, с. 78—79.

⁷ См.: Виролайнен М. Н. Лирика Пушкина в период михайловской ссылки. С. 401.

⁸ Об актуализации поэтической традиции XVIII в. и ее творческих принципов в альбомной поэзии пушкинской эпохи см.: Вацуро В. Э. Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома (1750—1840-е годы) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 36.

⁹ Masson N. La Poésie fugitive au XVIIIe siècle. Paris, 2002. P. 209—211.

1. «JE T'APERÇOIS, BELLE ET NOBLE AMARANTHE!»

Как известно, в пушкинскую эпоху преподнесенные в дар цветы служили языком символической коммуникации: они предназначались для выражения чувств и наделялись устойчивыми смыслами.¹⁰ Разумеется, нет оснований полагать, будто подарок Осиповой в буквальном смысле представлял собой послание «селадного» толка; пушкинская ботанико-поэтическая номенклатура, в свою очередь, лишена конкретики.¹¹ И тем не менее один из вероятных претекстов первых четырех стихов мадригала составляет произведение, посвященное разъяснению цветочной эмблематики. Речь идет об идиллии «Амарант» («L'Amaranthe») из поэтического сборника Константа Дюбо «Цветы» («Les Fleurs», впервые опубл.: 1808).

Амарантом именовались более двадцати разновидностей растений, относившихся, по классификации Линнея, к 5-му отряду (цветки с пятью тычинками) XXI класса (однодомные)¹² и отличавшихся характерными яркими соцветиями в виде пучков или колосьев.¹³

¹⁰ Эта тема подробно освещена, например, в монографии: *Шарафадина К. И.* Алфавит Флоры в образном языке литературы пушкинской эпохи: Источники, семантика, формы. СПб., 2003.

¹¹ Е. Н. Егорова предполагает, что Пушкин получил в дар от Осиповой хризантемы, поскольку «только они могут цвести самой поздней осенью и выдерживать легкие морозы», тогда как роскошь «первенцев полей» напоминает о «бурном цветении <...> ранних одуванчиков, покрывающих целые луга» (*Егорова Е. Н.* «Парнасские цветы»: Флористическая символика в поэзии Пушкина // *Егорова Е. Н.* «Приют задумчивых дриад»: Пушкинские усадьбы и парки. М., 2006. С. 166—167, 170). Помимо явной спекулятивности подобных рассуждений, они нерелевантны природе поэтического образа, далеко не всегда и совсем не обязательно коррелирующего с реальностью (см. об этом, например: *Шервинский С. В.* Цветы в поэзии Пушкина // *Поэтика и стилистика русской литературы.* Л., 1971. С. 134).

¹² *Linnaeus C.* Species plantarum, exhibentes plantas rite cognitatas, ad genera relatas, cum differentiis specificis, nominibus trivialibus, synonymis selectis, locis natalibus, secundum systema sexuale digestas. Vindobonae, 1764. Т. 2. Р. 1403—1407; *Мартынов И. И.* Три ботаника, или Сокращение систем Турнефорта, Линнея и Жюссье. СПб., 1821. С. 118—119.

¹³ В «Ботаническом словаре» А. Мейера два вида амаранта сопровождаются русскими названиями и описываются как садовые растения. Первый — «*Бархатец, Бархатник, Не умирающий цвет, или Амарант малый*, растет в садах и самовольно около Царицына и в других теплых странах России, цветет в июле и августе месяцах и бывает многих родов и сортов, как то одинакий, или простой, махровый, малый, большой и прямо стоящий или книзу висящим колоском растущий, светло- и темно-красный, пурпуровый или багряный, желтоватый, огневидный, зеленый, красный с желтым, трехцветный, то есть желтый, красный и зеленый, и проч. Он имеет красный стебель в десять вершков вышиною, который окружается гладкими, остроконечными, сизо-зелеными, а по краям краснеющими

В «Словаре Французской академии» амарант определялся как «осенний цветок»;¹⁴ эта номинация была закреплена множеством толковых и двуязычных словарей XVIII — первой трети XIX века, воспроизводивших формулировку авторитетного источника. В «Энциклопедии» Дидро и Д’Аламбера упоминалось, что амарант «зацветает в августе и цветет до конца осени»,¹⁵ а в сельскохозяйственной «Методической энциклопедии» А.-А. Тессье, А. Туэна и О.-Д. Фужеру де Бондарау сообщалось, что один из видов этого растения, трехцветный амарант («l’amaranthe tricolor»), сохраняя красоту на протяжении всего осеннего сезона, особенно выгодно смотрится на поздних клумбах.¹⁶ Идиллия Дюбо также открывается описанием осенних садов — оголившихся и пожухлых, утративших былую «восточную роскошь» («luxe oriental»), подобно жизни, которая со временем теряет радость и больше не доставляет удовольствия. Амарант скрашивает эту печальную картину: утешает, воодушевляет, напоминает о весенней красоте и будит поэтическое вдохновение.¹⁷

Сборник Дюбо вышел двумя изданиями (второе появилось в 1817 году), однако фрагменты из него неоднократно воспроизво-

---

мися <...> листьями и производит из вершины своей прекрасные махровые, разбросанным, а иногда вместе сжатым колосом расположенные и из многих листочков составленные алые цветы, в середине коих вырастают маленькие круглые, перепонками обведенные...». Второй — «*Большой Амарант, Петуший гребешок* или *Тысячная красота* <...> прекрасный, из множества листочков составленный, на высоком и почти безлистном зеленом стебле вырастающий и густым, немного книзу наклоненным колосом расположенный, темно-пурпуровый цвет; он растет летом в садах, а зимою держат его в оранжереях, сажают в горшки и ставят для красоты цвета его на окошки» (*Мейер А.* Ботанический подробный словарь, или Травник. М., 1781. Ч. 1. Стб. 137, 139). В России амарант считался скорее летним, нежели осенним растением; традиция галантного «языка цветов», однако, формировалась во Франции.

¹⁴ «Fleur d’Automne, qui est ordinairement d’un rouge de pourpre velouté, et dont il y en a quelques-unes qui fleurissent en forme de panache, et d’autres en forme de grappes» (Dictionnaire de l’Académie française. Paris, 1762. Т. 1. P. 59).

¹⁵ «...Elle fleurit au mois d’août jusqu’à la fin de l’automne» (Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, par une société de gens de lettres. Mis en ordre et publié par M. Diderot, et quant à la partie mathématique, par M. D’Alembert. 3e éd. Genève, 1778. Т. 2. P. 266; сходное описание см., например: *Valmont de Bomare J.-C.* Dictionnaire raisonné universel d’histoire naturelle, contenant l’histoire des animaux, des végétaux et des minéraux <...> et des autres principaux phénomènes de la nature. Lyon, 1791. Т. 1. P. 163.

¹⁶ См.: *Tessier A.-H., Thouin A., Fougereux de Bondaroy Au.-D.* Encyclopédie méthodique. Agriculture... Paris; Liège, 1787. Т. 1. P. 464.

¹⁷ См.: *Dubos E. C.* Les Fleurs, idylles morales, suivies de poésies diverses. Paris, 1808. P. 52—55.

дились. Важный прецедент — статья «Амарант» в «Языке цветов» («Le Langage des fleurs», впервые опублик.: 1819), одном из самых авторитетных французских печатных пособий по цветочной эмблематике, опубликованном под именем Шарлотты де Латур.¹⁸ Растения классифицированы здесь по сезонам, а внутри них — по месяцам. Амарант представляет за ноябрь: в начале соответствующей статьи он именуется «последним даром осени» («le dernier présent de l'automne»).¹⁹ Цитируя Дюбо, Латур выбирает из его пространной идиллии две строфы — самые «элегические» по содержанию:

Dans une idylle charmante, M. Constant Dubos a chanté cette fleur dont l'aspect nous console des rigueurs de l'hiver. Après avoir regretté la fuite rapide des fleurs et du printemps, il dit:

Je t'aperçois, belle et noble amarant <h>e!
Tu viens m'offrir, pour charmer mes douleurs,
De ton velours la richesse éclatante;
Ainsi la main de l'amitié constante,
Quand tout nous fuit, vient essayer nos pleurs.

Ton doux aspect, de ma lyre plaintive
A ranimé les accords languissans;
Dernier tribuit de Flore fugitive,
Elle nous lègue, avec la fleur tardive,
Le souvenir de ses premiers présens.²⁰

Описание «последнего» осеннего цветка, контрастно сопоставленного с «первыми дарами» Флоры, «оживляющего» тоскующую лиру поэта и память об ушедшей весне, явно перекликается с содер-

¹⁸ Принято считать, что Шарлотта де Латур — псевдоним Луизы Кортамбер (Cortambert; 1782—1875), однако, по данным Беверли Ситон, эта атрибуция может вызывать сомнения (см.: *Seaton B. French Flower Books of the Early Nineteenth Century // Nineteenth-Century French Studies. 1982—1983. Vol. 11. № 1—2. P. 68*). Поэтому, упоминая автора «Языка цветов», я буду использовать имя, которое значится на титуле издания.

¹⁹ *Le Langage des fleurs par Madame Charlotte de Latour. Paris, 1820. P. 204.*

²⁰ Перевод: «Господин Констан Дюбо в прелестной идиллии воспел этот цветок, чей образ утешает нас суровой зимой. После сожалений о безвременной утрате цветов и весны, он говорит: “Я замечаю тебя, прекрасный и благородный амарант! / Ты мне подарил, чтобы смягчить мою скорбь, / Сияющее великолепие своего бархата; / Так рука верной дружбы / Утирает нам слезы, когда все нас покидают. / Твой милый образ моей жалобной лиры / Оживил тоскующие звуки; / Последняя дань ветреной Флоры, / Она завещает нам, с этим поздним цветком, / Память о своих первых дарах”» (Ibid. P. 205—206).

жанием и настроением стихов 1—4 пушкинского мадригала, где «последние цветы» живо «пробуждают» в лирическом субъекте «унылые мечтания»: меланхолическое воображение и/или воспоминание.²¹

Связь амаранта с памятью упрочивала широко растиражированная в популярных изданиях XVIII — начала XIX века история придворного «ордена Амаранта», учрежденного в 1653 году Кристиной, королевой Швеции (1626—1689), с девизом «*Dolce nella memoria*» («Сладостное воспоминание» — *итал.*).²² Тому же способствовало и включение амаранта в разряд погребальных цветов.²³ Эта ассоциация, однако, была лишь одной из специфических реализаций его смысла: в этимологических справках, сопровождающих ботанические описания, пояснялось, что название цветка имеет греческое происхождение и означает «неувядающий».²⁴ Амарант был символом бессмертия: божественной природы, вечной жизни, стойкой добродетели, немеркнувшей славы, постоянной и прочной эмоциональной привязанности — романтической или дружеской.²⁵ В этом качестве он устойчиво противопоставлялся розе, броская, но эфемерная красота которой блекла на фоне его менее пышного, но зато более долгого цветения. Закрепляющий эту оппозицию сюжет, восходящий к приписываемой Эзопу басне «Роза и Амарант» (369 Perry), поэтически обрабатывался²⁶ и поставлял материал для га-

²¹ О мечте (мечтании) как «высоком поэтическом эквиваленте стилистически нейтрального воспоминания» см.: Пеньковский А. Б. Загадки пушкинского текста и словаря: Опыт филологической герменевтики. М., 2005. С. 136—138; цитата: С. 137. Об устойчивой связи «мечтания» с воображением в языке русской поэзии первого десятилетия XIX в. см.: Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». СПб., 2002. С. 79—80.

²² См., например: Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences. Т. 2. P. 265; Genlis S.-F. La Botanique historique et littéraire. Paris, 1810. P. 221; Le Langage des fleurs par Madame Charlotte de Latour. P. 206. Подробнее об ордена Амаранта см.: Åkerman S. Queen Christina of Sweden and her Circle: The Transformation of a Seventeenth-Century Philosophical Libertine. Leiden; New York; København; Köln, 1991. P. 144—154.

²³ См.: Genlis S.-F. La Botanique historique et littéraire. P. 221.

²⁴ См., например: Théis A. de. Glossaire de botanique, ou Dictionnaire étymologique de tous les noms et termes relatifs à cette science. Paris, 1810. P. 19; Мартынов И. И. Словарь родовых имен растений. СПб., 1826. С. 13.

²⁵ Подробное систематизированное описание символических значений амаранта с указанием ряда источников см.: Costea M., Tardif F. J. The Name of the Amaranth: Histories of Meaning // SIDA, Contributions to Botany. 2003. Vol. 20. № 3. P. 1078—1080.

²⁶ См., например, басни под названием «Роза и амарант» Ж.-Ф. Гишара (Guichard; 1731—1811) и Ж.-Ж. Буазара (Boisard; 1744—1833): «La Rose et L'Amarante» (1802) и «La Rose et L'Amarante» (1803) соответственно.

лантных амплификаций. В упомянутой выше статье Латур цитируется мадригал Антуана Гомбо (Gombaude; 1607—1684) «Амарант» («L'Amarante»), эксплуатирующий этот мотив:

Je suis la fleur d'amour qu'amarante on appelle,
Et qui vient de Julie adorer les beaux yeux.
Roses, retirez-vous, j'ai le nom d'immortelle,
Il n'appartient qu'à moi de couronner les dieux.²⁷

На комплиментарном сопоставлении амаранта с традиционно «прекрасными» цветами строится также ода английского поэта А. Коули (Cowley; 1618—1667) «Амарант» («Amaranthus»), целиком приведенная Дюбо в примечании к его идиллии в латинском оригинале и в прозаическом французском переводе:

Périssables Violettes, Roses fugitives, vous dont un seul jour ternit
les couleurs, soyez la parure des jeunes bergères dont la beauté est aussi
éphémère que la vôtre. Moi, je ceins la tête des Dieux immortels; asso-
ciées à leurs honneurs suprêmes, mes fleurs jamais ne quittent leur front,
comme jamais mon front ne se dépouille de ses fleurs. <...> Il est vrai,
je ne ressemble à aucune autre fleur: ma forme a quelque chose d'étrange;
mais faut-il s'en étonner? Une plante immortelle ne peut avoir rien de
commun avec toutes celles qui sont sujettes à périr.²⁸

Таким образом, предпочтение «последних цветов» «роскошным первенцам полей»,²⁹ выказанное в двух первых стихах мадригала,

---

²⁷ Перевод: «Я цветок любви, который называют амарантом / И который появляется, чтобы поклоняться глазам Жюли, / Розы, удалитесь, я зовусь бессмертным, / Лишь мне пристало украшать чело богов» (Le Langage des fleurs par Madame Charlotte de Latour. P. 205). Стихотворение входило в сборник «цветочных» мадригалов XVII в. «Гирлянда Жюли» («La Guirlande de Julie», 1641), составленный Шарлем де Сен-Мором, герцогом де Монтозье, для его возлюбленной Жюли д'Анжан. Это образцовое собрание галантной поэзии неоднократно переиздавалось в конце XVIII — первой трети XIX в. (в каталоге Bibliothèque nationale de France зафиксированы издания 1784, 1818, 1824 и 1826 гг.).

²⁸ Dubos E. C. Les Fleurs, idylles morales, suivies de poésies diverses. P. 100—101; перевод: «Обреченные на смерть фиалки, недолговечные розы, вы, чьи цвета тускнеют всего за день, украшаете юных пастушек, красота коих столь же эфемерна, что и ваша. Я же венчаю бессмертных богов; причастные их высшим почестям, мои цветы никогда не покидают их чела, как никогда мое собственное чело не теряет цветов. <...> Правда, я не похож на другие цветы: моя внешность несколько необычна; но разве это удивительно? Бессмертное растение не может иметь ничего общего с теми, которым суждено погибнуть» (франц.).

²⁹ Подробнее об этом парафразе см. ниже, с. 85—87.

также соответствует ассоциированной с амарантом сюжетной семантике.³⁰

³⁰ Л. П. Гроссман, без ссылки на источник, возводил 1-й стих «Цветы последние милей...» к стиху 1233 четвертой книги, «Огни» («Les Feux»), «Трагических поэм» («Les Tragiques», опубликовано 1616) Теодора Агриппы д'Обинье (d'Aubigné; 1552—1630): «Une rose d'automne est plus qu'une autre exquise» («Осенняя роза изысканнее любой другой») (*Aubigné Th. A. Les Tragiques. Au Dezert: L.B.D.D. [Genève: Aubert, 1616]. P. 167; Гроссман Л. П. Мадригалы Пушкина // Гроссман Л. П. Собр. соч.: В 4 т. М., 1928. Т. 1. С. 127*). Эта версия представляется маловероятной. «Трагические поэмы» целиком публиковались дважды в первой половине XVII в.: первое издание вышло в 1616 г., второе, предположительно, не ранее 1627 г.; к первой трети XIX в. оба они уже давно были библиографической редкостью: д'Обинье был последовательным сторонником гугенотов, активным участником религиозных войн 1562—1598 гг., его сочинения подвергались как протестантской критике, так и католической цензуре и даже уничтожались; следующее издание «Трагических поэм» появилось лишь в 1857 г. (см.: *Read Ch. Avant-propos: d'une nouvelle edition des «Tragiques» d'Agrippa d'Aubigné // Bulletin historique et littéraire (Société de l'Histoire du Protestantisme Français). 1872. Vol. 21. № 12. P. 567—572; Schrenck G. 1) La réception d'Agrippa d'Aubigné au XVIIe siècle // Revue d'histoire et de philosophie religieuses. 1986. An. 66. № 4. P. 421; 2) Agrippa d'Aubigné, Les Tragiques, Livres VI («Vengeances») et VII («Jugement») au programme de l'agrégation de Lettres 2004 // Les Belles lettres. 2004/1. Vol. 56. P. 12*). Французские читатели XVIII — первой трети XIX в. знали д'Обинье в основном как автора мемуаров и сатирического романа «Приключения барона де Фенеста» («*Avantures du Baron de Faeneste*»; опубликовано 1617—1630); впрочем, в альманахах и антологиях публиковались подборки его поэтических произведений, в том числе и небольшие фрагменты из «Трагических поэм» (см., например: *Les Poètes françois, depuis le XIIIe siècle jusqu'à Malherbe, avec une notice historique et littéraire sur chaque poète <publié par P.-R. Auguis>. 6 vol. Paris, 1824. Т. 5. P. 398—414; Almanach des muses, ou Annales poétiques depuis la naissance de la poésie française. Paris, 1779. Т. 12. P. 5—36*), однако в доступных мне источниках указанный Гроссманом стих отсутствует. Гипотетически нельзя исключать, разумеется, что такая публикация существовала. Но даже в этом случае генетическая связь пушкинского мадригала с произведением д'Обинье сомнительна. Первая причина — слишком поверхностная текстуальная, тематическая и эмоциональная переключка, основанная лишь на общем для обоих авторов использовании природных (растительных) образов для описания феноменов человеческого мира. Четвертая книга «Трагических поэм» прославляет подвиги протестантских мучеников, и осенняя роза здесь — метафора Церкви, переживающей не лучшие времена, но не сломленной. По наблюдениям Сьюзен Поук, этот образ восходит к патристической литературе, где кровавый венец мученичества прочно ассоциировался, с одной стороны, с розами, украшающими чело победителя, а с другой — с райской розой, символом вечной весны, сменяющей зимний холод смерти (см.: *Poque S. Des roses du printemps à la rose d'automne: La culture patristique d'Agrippa d'Aubigné // Revue d'Etudes Augustiniennes et Patristiques. 1971. Vol. 17. № 1—2. P. 155—169*). Все это плохо коррелирует с галантной прагматикой и тоном стихотворения Пушкина. Вторая причина — во многом маргинальный статус барочной поэзии д'Обинье в эпоху Просвещения: отдавая должное его таланту, «энергии» стиха,

Учитывая популярность произведений Дюбо и Латур, не исключено, что Пушкин был с ними знаком — напрямую или опосредованно.³¹ Важнее, впрочем, что оба автора сыграли значимую роль в конструировании и закреплении флористических кодов, эксплуатируемых литераторами пушкинской эпохи. Примером тому служит упомянутое Л. П. Гроссманом в связи с «Цветы последние милей...»³² (и, к слову, не учтенное в комментарии в новейшем академическом издании — АПСС. Т. 3. Кн. 1. С. 775—777) стихотворение П. А. Плетнева «Альбом», опубликованное в выпуске «Северных цветов на 1825 год», внимательно прочитанном Пушкиным еще в январе 1825 года:³³

Как поздней осенью последние цветы
Задумчивой душе весну напоминают,
Как пурпурной зари живые красоты
Еще блестящий день глазам изображают;
Как древней надписи нестертые черты
Утраченную жизнь из гроба вызывают:
Так книги памятной священные листы
Разрозненных друзей везде соединяют,

содержательному богатству произведений и «живости» очерченных им характеров, классицисты отказывали ему в наличии вкуса и искусстве версификации (см.: *Les Poètes françois, depuis le XIIe siècle*. P. 398—399; *Almanach des muses, ou Annales poétiques depuis la naissance de la poésie française*. P. 6—7). Поэтической реабилитацией и более пристальным вниманием к своему творчеству д'Обинье обязан Ш.-О. Сент-Бёву (*Sainte-Beuve*; 1804—1869), который посвятил ему большой раздел в «Историческом и критическом обзоре французской поэзии и театра XVI века» (*Sainte-Beuve Ch.-Au. Tableau historique et critique de la poésie française et du théâtre français au XVI siècle*. Paris, 1828. Т. 1. P. 176—183), по видимому известном Пушкину, однако опубликованном спустя три года после написания мадригала «Цветы последние милей...» (см.: *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина: Библиографическое описание). СПб., 1910. С. 329. № 1347; Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. 18—19; Пушкин и мировая литература: Материалы к «Пушкинской энциклопедии». С. 305; статья Л. И. Вольперт). Впрочем, и здесь среди цитат из «Трагических поэм» нет фрагмента с упоминанием «осенней розы».

³¹ С легкой руки Латур цитированный фрагмент пространной идиллии Дюбо приобрел статус образцового; в этом качестве он вошел, например, в словарь поэтического языка Л.-Ж.-М. Карпантье (*Carpentier L.-J.-M. Le Gradus français, ou Dictionnaire de la langue poétique...* Paris, 1822. P. 144). В учебнике французского языка Ж.-В. Дувилля «Амарант» приводился в пример идиллического жанра (*Douville J.-V. A French Grammar for the Use of English Students*. 2 vol. London, 1824. Vol. 2. P. 219).

³² Гроссман Л. П. Мадригалы Пушкина. С. 127.

³³ См.: Вацуро В. Э. «Северные цветы»: История альманаха Дельвиго — Пушкина. М., 1978. С. 41—42.

И блага лучшие, и лучшие мечты
В отрадных призраках отратно воскрешают.³⁴

Хотя амарант здесь не назван, именно его семантику актуализирует образ «последних цветов», символ воскресшей памяти и дружеской приязни, над которой не властна разлука.³⁵

Частичные языковые и смысловые параллели действительно позволяют рассматривать это стихотворение как один из претекстов мадригала «Цветы последние милей...». Плетнев, однако, просто выстраивает последовательный ряд символически сходных элегических образов. Пушкинский сюжет устроен сложнее, свидетельство чему — два последних стиха.

2. «UN PEU D'ABSENCE ANIME UNE FLAMME AMOUREUSE»

Для образованного читателя первой трети XIX века смысл строк «Так иногда разлуки час / Живее сладкого свиданья» был абсолютно прозрачен. Представление, согласно которому слишком частое, безмятежное и беспрепятственное общение с объектом привязанности ведет к пресыщению, вызывает скуку и охлаждает чувства, а разлука, напротив, разжигает страсть, восходило к стихам 345—358 второй книги поэмы Овидия «Наука любви» («Ars Amatoria»). Цитирую во французском переводе Клода Массона де Сент-Амана (Masson de Saint-Amand; 1756—1835):

Tâchez que votre maîtresse s'habitue avec vous; rien de plus puissant que l'habitude; et pourvu que vous parveniez à vous l'attacher, bravez tous les ennemis. Qu'elle vous voie toujours; qu'elle vous prête toujours l'oreille; soyez present à ses yeux et la nuit et le jour. Dès que vous pouver compter qu'elle vous recherchera, éloignez-vous; votre absence pourra l'inquiéter; mais il faut du repos. Un champ reposé rend avec

³⁴ Северные цветы на 1825 год. СПб., 1824. С. 291. Замечу, что Плетнев частично парафразирует стихотворение Дж.-Г. Байрона «В альбом» («Lines Written in an Album, at Malta», 1809), послужившее позднее Пушкину претекстом для стихотворения «Что в имени тебе моем?..» (1830). Пользуюсь случаем поблагодарить Н. Г. Охотина, обратившего мое внимание на эту деталь.

³⁵ Этот мотив отдельно разрабатывается и в идиллии Дюбо, см.: «Tel un Ami qu'entraîne un long voyage, / De loin encore tournant les yeux vers nous, / De ses regrets nous offre un dernier gage; / Et, de la main, tendre et muet langage, / Nous dit: Adieu; mon cœur reste avec vous»; перевод: «Так друг, влекомый в долгое путешествие, / Издалека все еще обращая к нам взор, / Дарит нам последний залог своей печали; / И рукой, нежным и немым языком, / Нам говорит: "Прощайте; мое сердце остается с вами"» (Dubos E. C. Les Fleurs, idylles morales, suivies de poésies diverses. P. 53).

usure la semence qu'on lui a confiée, et une terre aride boit avec avidité les eaux de la pluie. Tant que Phyllis jouit de la présence de Démophon, ses feux furent modérés; mais ils s'enflammèrent avec violence, dès qu'il eut mis à la voile. Пénélope étoit tourmentée par l'absence du prudent Улиссе. Et ce fut l'absence du fils du Phyllacus, ton époux, qui causa ta perte, ô Laodamie!

Mais vous ne pouvez vous éloigner pour longtemps sans danger. Avec le temps les inquiétudes diminuent; l'amant qu'on ne voit plus est bientôt oublié; bientôt un autre prend sa place.³⁶

Этот тоpos был прочно закреплен позднейшей литературной традицией. В разных контекстах и жанрах применительно к описанию динамики дружеских, любовных или супружеских отношений он использовался, например, Шекспиром,³⁷ Монте-

³⁶ Ovide. Œuvres complètes d'Ovide; traduites en français <...> / Ed. impr. sous les yeux et par les soins de J. Ch. Poncelin. Paris, An VII [1799]. Т. 4. P. 242—243; перевод: «Постарайтесь, чтобы ваша возлюбленная к вам привыкла; нет ничего сильнее привычки; устройте так, чтобы она к вам привязалась, не бойтесь никаких недругов. Пусть она видит вас постоянно; пусть она слышит вас постоянно; днем и ночью будьте у нее перед глазами. Когда же уверитесь, что желанный ей, отдайтесь; ваше отсутствие может ее взволновать; но отдых необходим. Поле, стояв под паром, с лихвой воздаст за вверенное ему семя, а засушливая земля жадно пьет дождевые воды. Пока Филлида наслаждалась обществом Демофонта, ее пыл был умерен; но он разгорелся неистово после его отплытия. Пенелопа терзалась вдали от осторожного Улисса. И отсутствие сына Филакуса, твоего супруга, было причиной твоих лишений, о Лаодамия! Но рискованно пропадать слишком надолго. Со временем беспокойство утихает; возлюбленного, которого не видят более, быстро забывают; вскоре другой занимает его место» (франц.). По указанию Б. Л. Модзалевского, обозначенные страницы в этом издании в библиотеке Пушкина разрезаны, см.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. С. 304. № 1232.

³⁷ См. слова героини пьесы «Цимбелин» (Cymbeline; опубли.: 1623) Имогены, пробующей угадать содержание письма своего мужа Постума, пребывающего в изгнании (Акт III, сц. 2); цит. по имевшемуся в библиотеке Пушкина французскому переводу П. Летурнера (Letourneur; 1736—1788), исправленному и переизданному Ф. Гизо (Guizot; 1787—1874) и А. Пишо (Pichot; 1796—1877): «Dieux propices, faites que tout ce qui est contenu ici ne respire que l'amour, ne parle que de la santé de mon époux, de son contentement, — non pas pourtant de ce que nous sommes séparés l'un de l'autre: que plutôt cette idée l'afflige. Il est des chagrins salutaires; celui de l'absence est du nombre; c'est un remède qui fortifie l'amour...» (Shakespeare W. Œuvres complètes <...>, traduites de l'anglais par Letourneur. Nouv. éd., rev. et corr., par F. Guizot et A. P. Trad. de Lord Byron; précéd. d'une Notice biographique et littéraire sur Shakspeare; Par F. Guizot. Paris, 1821. Т. 7. P. 243; перевод: «Благие боги, сделайте так, чтобы все, здесь сказанное, дышало лишь любовью, давало знать лишь о здоровье моего супруга, о его довольстве, — не тем, однако, что мы разлучены друг с другом; пусть лучше мысль эта его огорчает. Бывают спасительные огорчения; разлука — одна из них; это снадобье, усиливающее любовь...» — франц.).

нем³⁸ и Фонтенелем (Fontenelle; 1657—1757)³⁹ — авторами, по-видимому хорошо известными Пушкину к 1825 году.⁴⁰ Перечень

³⁸ См. рассуждения в главе IX («О суетности») третьей книги «Опытов» («Essais», 1580; доп. изд. 1588): «Quant aux devoirs de l'amitié maritale qu'on pense estre interessez par cette absence, je ne le crois pas. Au rebours, c'est une intelligence qui se refroidit volontiers par une trop continuelle assistance, et que l'assiduité blece. Toute femme estrangiere nous semble honneste femme: et chascun sent, par experience, que la continuation de se voir ne peult représenter le plaisir que l'on sent à se desprendre et reprendre à secousses. Ces interruptions me remplissent d'une amour recente envers les miens, et me redonnent l'usage de ma maison plus doux...»; «En la vraye amitié <...> je me donne à mon ami, plus que je ne le tire à moi <...> et si l'absence luy est ou plaisante ou utile, elle m'est bien plus douce que sa presence; <...> nous remplissons mieulx et estendions la possession de la vie, en nous separant: <...> la separation du lieu rendoit la conionction de nos volonteز plus riche» (*Montaigne M. de. Essais. Paris, 1818. Т. 4. Р. 542; 546*); перевод А. С. Бобовича: «Что же касается супружеских отношений, то хотя и считается, что они страдают от этих отлучек, я с этим решительно не согласен. Напротив, эта близость такого рода, что непрерывное общение лишь охлаждает чувства и привычка их убивает. Всякая женщина, которая с нами не связана, кажется нам безупречной. И каждый познал на опыте, что постоянное пребывание вместе не доставляет того удовольствия, какое испытываешь, то разлучаясь, то снова встречаясь. Эти перерывы наполняют меня обновленной любовью к моим домашним и делают для меня пребывание дома более сладостным и заманчивым...»; «В истинной дружбе <...> я отдаю моему другу больше, чем беру у него. <...> И если ему приятно или полезно куда-нибудь отлучиться, его отсутствие для меня еще сладостней, чем присутствие. <...> Разлучаясь, каждый из нас жил более заполненной жизнью <...>. Разъединение в пространстве обогащало нашу духовную связь» (*Монтень М. Опыты. М.; Л., 1960. Кн. 3. С. 244—245, 247*).

³⁹ См., например, стихотворение «На разлуку» («Sur une absence»): «Aurois-je trahi mes sermens? / L'absence dans mon cœur produit des changemens; / Une plus vive ardeur m'enflame et me dévore; / J'en sens mille fois plus encore / Que l'amour qui m'occupe est mon unique loi. / Ah! puisse l'objet que j'adore, / En être changé comme moi» (*Fontenelle B. Œuvres. Nouv. éd. Paris. 1761. Т. 10. Р. 390*; перевод: «Изменил бы я своим клятвам? / Разлука переменяет мое сердце; / Живее пыл меня воспаляет и снедает; / Я ощущаю в тысячу раз сильнее, / Что любовь, которая мной владеет, — мой единственный закон. / Ah! Пусть предмет моего обожания / Переменится, подобно мне». — *франц.*).

⁴⁰ Цитированные издания Фонтенеля и Шекспира имелись в библиотеке поэта (см.: *Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. С. 234. № 922; С. 337. № 1389*). Седьмой том шекспировского издания не разрезан; примечательно, однако, что Шекспира Пушкин увлеченно читал именно в 1824—1825 годах (см. письма П. А. Вяземскому от апреля — 1-й половины мая (?) 1824 г. и Н. Н. Раевскому-сыну от 2-й половины июля (после 19-го) 1825 г. — XIII, 92, 197, 408); не исключено, что в поле его зрения попал и «Джимбелин». «Опыты» Монтеня были известны поэту еще в юности, а первое упоминание о нем также относится к 1825 г. (см. статью «О поэзии классической и романтической» — XI, 38, 306). Подробнее см.: Пушкин: Исследования и материалы. Т. 18—19. С. 211—212 (статья Б. В. Томашевского и Л. И. Вольперт), 340 (статья Л. И. Вольперт), 376—377 (статья Ю. Д. Левина).

вероятных претекстов, впрочем, при желании можно значительно расширить: культура XVIII века с ее пристальным вниманием к эмоциональному опыту и природе человеческих чувств, с одной стороны, и рационализацией и изощренной культивацией искусства наслаждения — с другой, питала к «Науке любви» особое пристрастие. Французские адаптации и переложения поэмы Овидия, публиковавшиеся на протяжении столетия, привлекали внимание критики и читающей публики и стимулировали литературные дебаты,⁴¹ а их мотивы и образы усваивались и эксплуатировались в качестве «общих мест» в самых разнообразных текстах. В этот корпус органично вписывается и мадригал «Цветы последние милей...». Примечательно, что слово «живее», дважды повторяющееся применительно к описанию эмоций лирического героя и конструктивно и семантически связующее разные части стихотворения, корреспондирует с французским лексическим инструментарием (словосочетанием «plus vif» — «более живой, сильный, пылкий» или глаголом «(r)animer» — «(вновь) оживлять»), который устойчиво использовался для описания того состояния обостренной чувствительности, в которое ввергает человека разлука с предметом его сердечного влечения:

L'absence dans mon cœur produit des changemens;
Une *plus vive* ardeur m'enflame et me dévore...⁴²

L'absence ajoute toujours à toute espece d'amour, en embellissant l'idée de ce qu'on aime. Le cœur privé de son objet, en devient plus épris, parce que l'esprit en est plus agréablement occupé. Ainsi le plaisir de l'esprit ajoute à la peine du cœur. Quand on aime bien, cette peine de l'absence est *plus vive* encore qu'on ne l'avoit prévû.⁴³

Le seul conseil que je donne aux amans,
C'est de se voir à tous momens.
Mais une suite dangereuse
Est attachée à cette extrémité:

⁴¹ Эта тема подробно освещена в монографии: *Loubère S.* «L'Art d'aimer» au siècle des Lumières. Oxford, 2007.

⁴² *Fontenelle B.* Œuvres. Т. 10. Р. 390; перевод см. выше. Курсив здесь и в следующих трех цитатах мой. — *Е. К.*

⁴³ *Trublet N.-Ch.-J.* Essais sur divers sujets de littérature et de morale... 5e éd. Paris, 1754. Т. 2. Р. 226; перевод: «Разлука всегда усиливает любую разновидность любви, приукрашивая любимый образ. В отсутствие объекта сердце еще сильнее им очаровывается, поскольку ум еще приятнее им занят. Так удовольствие ума сливается с сердечной болью. Если любовь сильна, эта боль разлуки гораздо живее, чем представлялось» (*франц.*).

Le dégoût suit de près cette assiduité,
Un peu d'absence *anime* une flamme amoureuse.⁴⁴

...je crois, que le tems ne fait que fortifier l'amour de plus en plus, et je soutiens quant à l'absence, qu'il n'y a rien qui le *ranime* davantage.⁴⁵

3. «DES PLUS DOUX SENTIMENS, LE DESIR EST LE PÈRE»

Итак, мадригал «Цветы последние милей...» строится на сопряжении и взаимодействии двух традиционных топосов, каждый из которых обладает устойчивым спектром значений. Взятые вместе, они призваны эксплицитировать эмоциональное состояние, стимулом к которому и служит полученный поэтом дар. В исследовательской литературе предпринималась лишь одна попытка объяснить смысл этого состояния с историко-литературных позиций: речь идет о версии Н. И. Михайловой, которая, интерпретируя словосочетание «унылые мечтанья» как отсылку к тематике и интонациям «унылой элегии», предполагала, что психологический сюжет мадригала сводится к характерному для элегического «я» переживанию «смешанных ощущений» — чувства, при котором страдание, при-

⁴⁴ Vergier J. Œuvres. Londres, 1780. Т. 2. Р. 28—29; перевод: «Единственный совет, который я даю влюбленным — / Всегда быть на виду. / Но опасное последствие / Неотлучно от подобной крайности: / Постоянное присутствие быстро вызывает отвращение, / Краткая разлука оживляет любовное пламя» (франц.). Версификационные и стилистические достоинства и недостатки этой фривольной басни Жака Вержье (Vergier; 1655—1720) «Гроза» («La Tonnerre»), с цитированием фрагментов, включая приведенный выше, подробно разбирает Ж.-Ф. де Лагарп в прекрасно известном Пушкину «Лицее, или Курсе древней и новой литературы» (см.: *La Harpe J.-F. de. Lycée, ou Cours de littérature ancienne et moderne.* Paris, An VII [1799]. Т. 6. Р. 387—393, цитата выше — на с. 389; возможно, кстати, что именно из этого разбора Пушкин позаимствовал в свое время определение «...это проза, / Да и дурная?..» для стихотворения «Послушай, дедушка, мне каждый раз...» (1818) (АГСС. Т. 2. Кн. 1. С. 26) — ср. у Лагарпа в упомянутом издании на с. 387: «voilà de la prose et de la prose languissante»). «Гроза» приписывалась также Ж.-Б. де Грекуру (Grécourt; 1683—1743) — автору, определенно знакомому Пушкину к 1825 г. (см.: Пушкин: Исследования и материалы. Т. 18—19. С. 119—120; статья В. Д. Рака) — и включалась в собрания его сочинений, в том числе в издание, имевшееся в библиотеке поэта (см.: *Grécourt J.-B.-J. Œuvres diverses.* Nouv. éd. Londres, [s. a.]. Т. 6. Р. 173—182; цитата выше — на с. 173).

⁴⁵ [Friedrich II.] Lettre d'un Académicien de Berlin à un Académicien de Paris. Berlin, 1753. Р. 137; перевод: «...я верю, что время лишь сильнее упрочает любовь, и, как по мне, ничто так не оживляет ее, как разлука» (франц.).

чиненное утратой, смягчается воспоминанием о минувшем счастье.⁴⁶ Продолжая это рассуждение, замечу, что разлука в рамках сюжета, восходящего к «Науке любви», также сопровождалась сочетанием страдания и наслаждения, стимулом для которых служила работа воображения и памяти; эти переживания, однако, имели не только эмоциональную, но и откровенно чувственную природу, взаимодействие с которой обычно не входило в ведение «унылой элегии». Так, например, в коллективном дидактическом пособии «День Амура, или Часы Киферы» («La Journée de l'Amour, ou Heures de Cythère», 1776), методично знакомящем читателя с разными стадиями развития любовных отношений, разлуке был посвящен отдельный раздел. В предваряющем его прозаическом предисловии традиционно декларировалось благотворное влияние удаленности от предмета

---

⁴⁶ Михайлова Н. И. Психея, задумавшаяся над цветком. С. 64. О теории «смешанных ощущений» как эстетико-психологической основе элегии см.: Вацу-ро В. Э. Лирика пушкинской поры. С. 17—19. Связь мадригала «Цветы последние милей...» с элегической тематикой демонстрирует, в частности, параллель со стихотворением английской поэтессы Кэролайн Боулз (Bowles; 1786—1854) «Строки, навеянные созерцанием поздних осенних цветов» («Lines Suggested by the Sight of Some Late Autumn Flowers», опубл. 1821), где последние цветы оказываются «милее» («lovelier») летних (в последней строфе — «летней розы»), поскольку острее напоминают о бренности и скоротечности счастливых моментов жизни и стимулируют интенсивные душевные переживания, одновременно сладостные и печальные: «Those few pale autumn flowers, / How beautiful they are! / Than all that went before, / Than all the summer store, / How lovelier far! / And why? — They are the last! / The last! the last! the last! / Oh! By that little word, / How many thoughts are stir'd; / That sister of the past! / <...> / Oh, precious, precious moments! / Pale flowers! ye're types of those; / The saddest! sweetest! dearest! / Because, like those, the nearest / To an eternal close» (Bowles C. Lines Suggested by the Sight of Some Late Autumn Flowers // Blackwood Edinburgh Magazine. 1821. Vol. 9. P. 369; перевод: «Те немногие блеклые осенние цветы, / Как они прекрасны! / Всех, что являлись прежде, / Всего летнего изобилия, / Насколько они милее! А почему? — Они последние! / Последние! последние! последние! / О! Это маленькое слово / Будоражит столько мыслей; / Эта сестра прошлого! / <...> / О, драгоценные, драгоценные мгновения! / Блеклые цветы! Вы их воплощение; / Самые печальные! самые сладостные! самые дорогие! / Поскольку, подобно им, ближе всего / К вечному концу» — англ.). В период с 1821 по 1825 г. стихотворение было полностью или в незначительном сокращении перепечатано в нескольких английских периодических изданиях (см.: The Spirit of English Magazines. 1821. Т. 10. P. 23; Time's Telescope for 1822. London, 1822. P. 277; The Christian Reflector and Theological Inquirer. 1823. Vol. 4. P. 284), а впоследствии вошло в сборник произведений Боулз «Одинокие часы» («Solitary Hours», опубл. 1826). Несмотря на явные переключки, вряд ли это источник мадригала: в 1825 году Пушкин еще не владел в достаточной степени английским языком, а французских или русских переводов мне обнаружить не удалось. Типологическое тематическое и образное сходство, однако, весьма показательное.

влечения на интенсивность чувств и подробно описывалось соответствующее психологическое состояние; «слезы» («les larmes»), «тоска» («le chagrin») и «стеснение сердца» («l'oppression du cœur») соседствовали здесь со «сладостным томлением» («une douce langueur») и «желанием <...> усиливаемым проблеском надежды» («le désir <...> augmenté par la lueur de l'espoir»); все эти душевные и телесные перипетии были призваны постепенно готовить страдальца «к удовольствиям воссоединения» («aux plaisirs du retour»).⁴⁷ Следующее за предисловием поэтическое обращение к влюбленным не оставляет сомнений в источнике и природе их «смешанных ощущений»:

Amans consolez-vous des rigueurs de l'absence,
Elle offre ses plaisirs ainsi que ses douleurs.
Sans elle eût-on connu la flatteuse espérance,
Qui des yeux de l'Amour vient essuyer les pleurs?²
Des plus doux sentimens, le desir est le père.
Oh! combien du retour il embellit l'instant!
On croit déjà jouir du bonheur qu'on espere;
Précédé par l'attente, il devient plus piquant.⁴⁸

Между идеальным элегическим субъектом и прилежным практиком любовного искусства имелось и еще одно отличие. Если формулировать предельно обобщенно, первому чувствительность была дарована природой,⁴⁹ для второго служила предметом осознанной культивации: немаловажно, что поэма Овидия изначально была написана в дидактическом жанре. Интерпретация ее как пособия, помогающего совершенствовать навыки утонченного наслаждения, принадлежала Пьеру Жозефу Бернару, известному как Жантиль-Бернар (Gentil-Bernard; 1708—1775), автору самого известного из осуществленных в XVIII веке французских переложений «Науки

⁴⁷ Voisenon C.-H. de Fusée de, Turpin de Crissé C. de, Guillard N.-F., Favart Ch.-S. Journée de l'Amour, ou Heures de Cythère. Paris, 1776. P. 21—23.

⁴⁸ Ibid. P. 25; перевод: «Любовники, утешьтесь суровостью разлуки, / Она дарит как печали, так и удовольствия. / Без нее знали бы мы лестную надежду, которая утирает слезы на глазах Амура? / Желание — источник самых сладких чувств. / О! как оно украшает мгновение встречи. / Считается, что мы уже наслаждаемся счастьем, на которое надеемся; / После ожидания оно становится острее» (франц.).

⁴⁹ Речь идет исключительно о литературной практике, особенностях жанра и актуального для него языка; сентиментальная культура, разумеется, не исключала необходимости культивации «правильных» чувств, однако для моего материала этот аспект не релевантен.

любви» («L'art d'aimer»; опубл. 1775);⁵⁰ впрочем, мысль о разлуке, реанимирующей чувства, принимала у него форму предельно лаконичной рекомендации.⁵¹ Для моего сюжета, кажется, важнее, что упомянутый рецепт Овидия, как и многие другие, востребовался, усваивался и реинтерпретировался французской либертинской литературой. Примером тому служит, скажем, следующий пассаж из приписываемой Ж.-Б. де ла Борду (La Borde; 1734—1794) или Л.-Ф. Фору (Faur; 1746—1829?) беллетризованной автобиографии Л.-Ф.-Ф. де Виньеро дю Плесси, герцога де Ришелье (Richelieu; 1696—1788), скандально известного придворного либертена:⁵²

C'est au moment où une femme paroît le plus vous aimer, qu'elle vous abandonne, et il n'y a que des novices en amour, qui puissent croire qu'ils plairont toujours. Un objet inattendu séduit nos sens, et tout est dit, car on sait que les sens jouent le seul rôle en amour. Il arrive quelquefois qu'un objet qui n'avoit plus d'attraits pour nous, recouvre à nos yeux tout le mérite de la nouveauté. L'absence, les refus, des liaisons avec des femmes qui n'ont point autant de qualités, peuvent ranimer des desirs qui avoient été éteints. Mais il ne faut pas s'y tromper; ce feu n'est que passager, il ne peut durer; il n'a souvent été allumé que par l'amour-propre humilié quand nous ne pouvons plus reprendre des droits que nous avons dédaignés. L'homme est fier, il veut triompher, et se trompe lui-même, en prenant pour de l'amour, l'envie de soumettre une femme qui ose lui résister.⁵³

⁵⁰ См. о нем: *Loubère S.* «L'Art d'aimer» au siècle des Lumières. P. 209—218.

⁵¹ «D'un peu d'absence inquiétez l'Amour / Et vendez-lui le plaisir du retour» (*Bernard P.-J.* Œuvres. Paris, 1823. P. 37; перевод: «Краткой разлукой взволнуйте Амура / И предоставьте ему в обмен удовольствие воссоединения» — франц.).

⁵² См. о нем: *Делон М.* Искусство жить либертена: Французская либертинская проза XVIII века. М., 2013. С. 41—44.

⁵³ *Vie privée du maréchal de Richelieu, contenant ses amours et intrigues et tout ce qui a rapport aux divers rôles qu'a joués cet homme célèbre pendant plus de quatre-vingts ans.* Paris, 1791. Т. 3. P. 122—123; перевод: «Женщина покидает вас именно в тот момент, когда она, кажется, любит вас сильнее всего, и лишь любовники-неофиты могут верить, что приязнь длится вечно. Нечаянный предмет соблазняет наши чувства, и этим все сказано, поскольку известно, что чувства играют в любви исключительную роль. Временами случается, что предмет, не имеющий более для нас привлекательности, вновь обретает в наших глазах притягательность новизны. Разлука, отказы, связи с женщинами, не обладающими столькими же достоинствами, могут оживить уже угасшие желания. Но не должно обманываться; этот пыл скоротечен, он не длится долго; часто его питает лишь уязвленное самолюбие, когда мы более не способны вернуть себе права, которыми пренебрегали. Человек горд, он хочет торжествовать и обманывается, принимая за любовь желание покорить женщину, которая осмелилась ему противиться» (франц.).

Язык либертинской литературы был актуален для Пушкина первой половины 1820-х годов: по наблюдению А. Добрицына, прочное и устойчивое влияние этой традиции просматривается в описании поведения Евгения Онегина в первой главе романа, завершённой в декабре 1823 года, а характерное для либертинского нарратива представление о неизбежной скуке и эмоциональном охлаждении, сопровождающих благополучный любовный альянс, эксплицируется в строфе XIV третьей главы «Евгения Онегина» (8 февраля — 2 октября 1824 г.) и в «Сцене из Фауста» (не ранее конца мая 1825 г.).⁵⁴

Итак, психологический модус мадригала «Цветы последние милей...» принципиально двусмыслен: отождествление «унылых мечтаний» с чувствами влюбленного, разлученного с предметом страсти, подразумевает парадоксальное сопряжение элегической меланхолии с интенсивным эротическим переживанием. Замечу, что, по наблюдению О. А. Проскурина, сходным образом организована и написанная в конце ноября — начале декабря 1825 г. строфа XXXI четвертой главы «Евгения Онегина», где «стертые элегические “поэтизмы” подбирались и использовались так, что они одновременно проецировались на язык французской элегической поэзии (послужившей основанием для языка русской “унылой элегии”), и на язык французской эротической литературы».⁵⁵ Параллель, разумеется, весьма приблизительна (фривольный каламбур — не то же самое, что размывание границ между эмоциональными режимами, ассоциированными с разными литературными традициями), и все же, пусть и с приличными оговорками, ее стоит принять во внимание. Непосредственный культурно-исторический контекст XXXI строфы составляла инициированная статьей В. К. Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» (1824) критическая переоценка элегического жанра, «в котором “чувство уныния поглотило все прочие” и бесчисленные толпы подражателей Жуковского “взапуски” тоскуют “о погибшей молодости”»,⁵⁶ и Пушкин в четвертой главе «Евгения Онегина» не просто пародировал элегический тон и язык, но искал

⁵⁴ См.: Добрицын А. Либертинская модель поведения и язык французского либертинажа в «Евгении Онегине» // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2016. Вып. 32. С. 145—170. Датировку «Сцены из Фауста» см.: АПСС. Т. 7. С. 732.

⁵⁵ См.: Проскурин О. А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. М., 2000. С. 241.

⁵⁶ Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры. С. 6. Цитаты из статьи В. К. Кюхельбекера см.: Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 456 («Лит. памятники»).

пути преодоления костенеющего канона.⁵⁷ Рискну предположить, что стихотворение «Цветы последние милей...», написанное в самый разгар упомянутой полемики, подразумевало — осознанно или непроизвольно — решение той же задачи. Во всяком случае, это могло бы, кажется, отчасти объяснить специфику его сюжета.

4. «И СВЕЖЕСТЬ — ВЯНУЩИМ БЕСПЕРЕСТАННО ЧУВСТВАМ»

Основу сюжетной динамики пушкинского мадригала составляет тема охлаждения и оживления чувств. В первой части они отождествляются с «мечтаниями», важным психологическим атрибутом субъекта «унылой элегии». Топика «мечтательности», по наблюдению В. Э. Вацуро, организована тремя прочно ассоциированными друг с другом смысловыми составляющими: это юность, любовь и поэзия. «Мечтательность» наделяется безусловно позитивными коннотациями; ее утрата подразумевает эмоциональную и нравственную деградацию. Процесс этот, однако, неостановим и необратим: юность неизбежно преходяща, и вслед за ней безжалостное время уносит восторги любви и творческие порывы. Прежний чувствительный мечтатель, отягощенный мудростью и опытом, хладными спутниками «осенней» поры жизни, обретает утешение лишь в светлых и печальных воспоминаниях о невозвратном счастье.⁵⁸

Чувства героя сюжета, восходящего к «Науке любви» и ее позднейшим французским адаптациям и аккумуляированного в стихах 5—6 мадригала, также подвержены увяданию. Причина тому, однако, не взросление (старение), а фундаментальное устройство человеческой природы, тяготеющей к непостоянству и вечно жаждущей новаций: доступное и привычное наскучивает, недостижимое и неизвестное манит.⁵⁹ Поэтому в отдалении предмет былой привя-

⁵⁷ Подробнее см.: *Проскурин О. А.* Литературные скандалы пушкинской эпохи. С. 229—259.

⁵⁸ Подробный анализ семантических и эстетических аспектов элегической «мечтательности» см.: *Вацуро В. Э.* Лирика пушкинской поры. С. 75—91.

⁵⁹ См., например, экспликацию (и очевидное свидетельство устойчивости) этого представления в популярном и очень активно издававшемся в конце XVIII — начале XIX в. пособии по эпистолярному этикету, с образцами писем на все случаи: «Pour moi, je suis touché de tout ce qui plaît aux personnes de bon sens; mais j'aime à changer de vie et d'objet. Il me suffit d'avoir été trois mois à Paris, pour desirer la campagne. Aussi, lorsque j'ai rêvé quelque temps dans les bois, je suis bien aise de revoir la Cour, et ceux que j'estime. Je ne sais si vous êtes de mon sentiment; mais la diversité des choses délasse, et un peu d'absence ranime l'amour et renouvelle

занности вновь обретает притягательность, а чувства, подпитываясь памятью, воображением или уязвленным самолюбием, пробуждаются. Правда, как предостерегал Овидий и настаивали либертены, для обновленной страсти может ненароком найтись и новый объект; последнее, впрочем, ничуть не умаляет интенсивности эмоционального переживания и даже ей способствует.

Эротический сюжет занимает в мадригале более сильную позицию пуанта и корректирует сюжет элегический, сообщая тому необычную для него динамику: оказывается, что способность «мечтать» не утрачивается навсегда, но при наличии подходящего стимула «пробуждается» и оживает, подобно страсти в разлуке. Влияние, впрочем, взаимно: в рамках синтаксической конструкции, уподобляющей разные эмоциональные модусы, эпитет «унылые» проецируется и на переживания влюбленного, подсвечивая их «элегическую» составляющую.⁶⁰ Диффузия традиционных топосов⁶¹ создает не

---

l'amitié» (*Le Nouveau Secrétaire du cabinet, contenant des lettres familières sur toutes sortes de sujets. Paris, 1781. P. 104*; перевод: «Что до меня, я чувствителен ко всему, что нравится здравомыслящим людям; но я люблю менять образ жизни и предмет занятий. Мне довольно провести три месяца в Париже, чтобы захотеть перебраться в деревню. А промечтав некоторое время среди лесов, я вполне готов снова увидеть двор и все, что мне ценно. Не знаю, разделяете ли вы мои чувства; но разнообразие развлекает, а краткая разлука оживляет любовь и обновляет дружбу» — *франц.*).

⁶⁰ Примечательно, что в первоначальном варианте ст. 3 в автографе мадригала (ПД 890) «мечтания» были не «унылыми», а «приятными» (АПСС. Т. 3. Кн. 1. С. 299). Это словоупотребление, с одной стороны, вполне коррелировало с элегической топикой (см., например, в стихотворении В. И. Туманского «Монастырь» (1818): «Тут Меланхолия в вечерний тихий час / При шепоте деревьев, при месячном сиянье, / Сидит, погружена в приятное мечтанье, / На гроб облокотясь...» (*Туманский В. И. Сочинения и письма. СПб., 1912. С. 52*)). С другой стороны, «приятность» мечтаний отличала любовников в разлуке — как, например, персонажей песни, опубликованной в собрании Ж.-Б. де Грекура («*Sans soupirer et sans languir, / Ils amusent l'absence / Par les plaisirs du souvenir / Et ceux de l'espérance*» (*Grécourt J.-B.-J. Œuvres diverses. T. 7. P. 87* (отдельная пагинация в разделе)); перевод: «Без вздохов и тоски / Они тешились в разлуке / Удовольствиями воспоминания / И надежды» — *франц.*), так что выбор эпитета «унылые», скорее всего, был сделан ради того, чтобы акцентировать напряжение между двумя сюжетными составляющими мадригала. Впрочем, любые спекуляции на эту тему вряд ли достаточно фундированы, поскольку доступный нам автограф мог «представлять собой как более раннюю, так и более позднюю запись стихотворения, чем та, что была преподнесена Осиповой 16 октября 1825 г.» (АПСС. Т. 3. Кн. 1. С. 776; коммент. А. С. Лобановой).

⁶¹ Термин «диффузия» использовал В. Э. Вацуро, поясняя специфику апроприации русской поэзией начала XIX в. одновременно нескольких европейских литературных и эстетических традиций, см.: *Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры. С. 90–91.*

вполне обычное для галантной реплики «на случай» впечатление психологической глубины и сообщает ей интимную интонацию, что, по-видимому, и обеспечило стихотворению «Цветы последние милей...» судьбу альбомного текста, для которой оно не было первоначально предназначено.⁶²

Характер и направление осуществленной Пушкиным модификации элегического сюжета, по-видимому, отчасти подсказывались двумя претекстами. Первый — «Беседка муз» (опубл. 1817) К. Н. Батюшкова. Неоднократно отмечалось, что именно оттуда заимствовано словосочетание «первенцы полей» во 2-м стихе. Это весьма вероятно: в первой половине 1820-х годов «Беседка муз» неоднократно служила Пушкину поставщиком поэтических формул и образов.⁶³ Любопытно, однако, что у Батюшкова «первенцы полей» — вовсе не цветы, уже потому, что в стихах 4—5 (где перечислены приношения поэта на алтарь «Муз и Граций») те упомянуты отдельно: «Спешу принести цветы и ульев сот янтарный, / И нежны первенцы полей...».⁶⁴ По наблюдению Р. Л. Шмаракова, сюжет «Беседки муз» восходит к 31-й оде первой книги Горация («*Quid dedicatum poscit Apollinem...*»), воспринятой Батюшковым сквозь призму «Желаний стихотворца» (1806) В. В. Капниста; оригинал ему, разумеется, также был знаком. Ода Горация начинается с описания даров поэта Аполлону по случаю освящения нового храма, воздвигнутого на Палатине Октавианом Августом в память о победе, одержанной против флота Антония и Клеопатры: «*Quid dedicatum poscit Apollinem / vates? quid orat de patera novum / fundens liquorem?*» (Carm. I, 31: 1—3). Предлагая перевод этих стихов («Чего просит у Аполлона в день, когда ему посвящается храм, поэт? о чем молит он, из чаши изливая молодое вино?»), исследователь поясняет, что, поскольку церемония состоялась в октябре, речь здесь идет об обычае жертвовать богам плоды первого урожая.⁶⁵

---

⁶² См.: Петина Л. И. Структурные особенности альбома пушкинской эпохи // Проблемы типологии русской литературы: Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Тарту, 1985. С. 33 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 645).

⁶³ См.: Элиаш Н. М. К вопросу о влиянии Батюшкова на Пушкина // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Пг., 1914. Вып. 19—20. С. 32; Сандомирская В. Б. К вопросу о датировке помет Пушкина во второй части «Опытов» Батюшкова // Временник Пушкинской комиссии. 1972. Л., 1974. С. 27.

⁶⁴ Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. СПб., 1817. Ч. 2. С. 254.

⁶⁵ Шмараков Р. Л. «Я убрал в саду беседку по моему вкусу...»: Горациевское убранство «Беседки Муз» Батюшкова // Вопросы литературы. 2008. № 3. С. 101. В известном Пушкину прозаическом французском переводе оды

В XVIII — первой трети XIX века представление об этом ритуале — ассоциировавшемся, кстати, не только с античной, но и с библейской традицией — принадлежало к разряду энциклопедического знания,⁶⁶ и формула «первенцы полей» (*франц.*: «les prémices des champs») (вариант: «первенцы земли» (*франц.*: «les prémices de la terre»)) устойчиво употреблялась в литературе в соответствующем контексте.⁶⁷ Так же использовал ее и Батюшков в «Беседке муз», и смысл этого текста Пушкину был, без сомнения, внятен.

Правдоподобным кажется предположить, что в пушкинском стихотворении словосочетание «первенцы полей» попросту замещает другую, этимологически и семантически смежную, столь же устойчивую, но, казалось бы, более уместную в сюжете мадригала парафразу «первенцы весны» (*франц.*: «les prémices du printemps»), или «первенцы Флоры» (*франц.*: «les prémices de la Flore»), обозначающую первые явления пробуждающейся природы, и в том числе цветы.⁶⁸ Поэтическая неточность вполне вероятна в коротком

Горация, выполненном Р. Бине (Binet; 1729–1812), приношения на алтарь Аполлона именовались «первыми жертвенными возлияниями» («les premières libations») (*Horace. Les Œuvres, traduites en françois par M. Binet. Paris, 1783. Vol. 1. P. 79*).

⁶⁶ См., например: *Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences. T. 1. P. 660*.

⁶⁷ См., например, в 1-й сцене пьесы Ж. Расина «Гофолия» («*Athalie*», 1691) («Et tous, devant l'autel avec ordre introduits, / De leurs champs dans leurs mains portant les nouveaux fruits, / Au Dieu de l'univers consacroient ces prémices») (перевод: «И все, пред алтарем представшие чредой, / В руках неся новые плоды своих полей, / Творцу вселенной посвящали эти первенцы» — *Racine J. Œuvres, avec des commentaires par J. L. Geoffoy. Paris, 1808. T. 5. P. 225*; этот фрагмент, кстати, цитировался и в главе, посвященной разбору «Гофолии» в «Лицее» Ж.-Ф. де Лагарпа, см.: *La Harpe J.-F. de. Lycée, ou Cours de littérature ancienne et moderne. T. 5. P. 175*) или в «Элегии (Подражание Тибуллу)» (1795) И. И. Дмитриева: «Богам усердный жрец, я первенцы земные / Всегодно приношу на алтари святые; / Палесе жертву домашним молоком, / Помоне каждым вновь родившимся плодом; / А пред тобой всегда, Церера златовласа, / Я вешаю венок, сплетенный мной из класа» (*Дмитриев И. И. Полн. собр. стихотворений. Л., 1967. С. 142–143* («Б-ка поэта». Большая сер.)).

⁶⁸ В контексте сравнения разных сезонов года (и, метафорически, этапов человеческой жизни) это словоупотребление встречается в поэме Жака Делиля (Delille; 1738–1813) «L'Homme des champs» («Сельский житель», 1776): «Si du printemps nouveau l'on chérit les faveurs, / Les beaux jours expirants ont aussi leurs délices: / Au printemps de l'année on bénit les prémices; / Dans l'automne ces bois, ces soleils pâlistants / Intéressent notre âme en attristant nos sens...» (*Delille J. Œuvres complètes. Bruxelles, 1819. P. 17*; перевод: «Если мы дорожим милостями новой весны, / У уходящей весны тоже есть свои отрады: / Весной мы благословляем первенцев года; / Осенью эти леса, это блекнущее солнце / Трогает душу, печаливая наши чувства...» — *франц.*); сходный пассаж и соответствующее

мадригале, не предназначенном для печати. И вместе с тем она, по видимому, не случайна и обусловлена — не столь важно, подспудно или осознанно, — тематической корреляцией между двумя текстами: лирический субъект Батюшкова в обмен на дары, принесенные им на алтарь покровительниц искусств, жаждет обрести живость эмоций и творческую энергию, которую отнимает у него «жадное» время:

Он молит Муз: душе, усталой от сует,
Отдать любовь утраченну к искусствам,
Веселость ясную первоначальных лет
И свежесть — вянущим бесперестанно чувствам.⁶⁹

Очерченный в последней строфе «Беседки муз» образ поэта, встречающего старость «пускай и в седилах, но с бодрою душой»,⁷⁰ — репрезентация Анакреона, певца любви и земных удовольствий.⁷¹ Примечательно, что последний служит обнадеживающим и воодушевляющим примером лирическому герою и другого претекста пушкинского мадригала — идиллии Дюбо «Амарант», о которой шла речь в самом начале моих заметок. Настало время к ней вернуться.

Как уже упоминалось, Дюбо начинает с элегической медитации: осеннее увядание когда-то роскошных садов уподоблено жизни, утрачивающей дарованные юностью удовольствия. Амарант,

---

словоупотребление обнаруживаются и в упомянутой выше идиллии Дюбо: «Si les beaux jours nous offrent des prémices, / L'Automne aussi, l'Automne a ses délices...» (*Dubos E. C. Les Fleurs, idylles morales, suivies de poésies diverses. P. 54; перевод: «Если весна дарит нам своих первенцев, / У осени тоже имеются свои отрады...» — франц.*); сошлюсь также на отмеченные Л. Гроссманом (см.: *Гроссман Л. П. Мадригалы Пушкина. С. 127*) в связи с мадригалом «Цветы последние милей...» ст. 1—2 стихотворения П. А. Плетнева «Первые цветы», опубликованного в «Полярной звезде на 1824 год»: «Привет вам, первенцы весны, / Младые дети нежной Флоры!» (Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. М.; Л., 1960. С. 302 («Лит. памятники»)); список примеров можно без труда продолжить.

⁶⁹ Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. Ч. 2. С. 255.

⁷⁰ Там же. С. 256.

⁷¹ Любопытно, что «Беседка муз» служит претекстом и для послания Е. А. Баратынского «Богдановичу» (1824) — еще одной реплики в полемике, связанной с критикой и переоценкой элегического жанра, где «хандре» и «жизнехуленью» певцов печали комплиментарно противопоставляется «ясная веселость» и «мечты игривые» «легкой» поэзии, в том числе и пушкинской (*Баратынский Е. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1957. С. 109 («Б-ка поэта». Большая сер.)*). Подробнее см.: *Хитрова Д. Послание «Богдановичу» и литературная позиция раннего Баратынского // Лотмановский сборник. М., 2004. [Вып.] 3. С. 936—938; о проекции поэта в «Беседке муз» на образ Анакреона см.: Там же. С. 937.*

расцветающий на поздних клумбах, оживляет память о былой красоте природы и ушедшей молодости. Память здесь, однако, не просто утешение или источник сожалений, но залог возвращения «прекрасных дней» и обретения новой любви: навевающий воспоминания «вечный» цветок покровительствует тому, кто не страшится времени и готов встретить позднюю осень подобно седому Анакреону, сохранившему способность к чувственным наслаждениям, или Титону — бессмертному старцу, любовнику юной Авроры:

Lorsque les ans, dont la fuite me presse,
De mon été signaleront la fin,
Ah! viens aussi couronner ma vieillesse;
Retrace-moi ma riante jeunesse,
Et de mes jours joins l'aurore au déclin.

Aimable Fleur, sous tes heureux auspices,
Je braverai les outrages du tems.
Si les beaux jours nous offrent des prémices,
L'Automne aussi, l'Automne a ses délices;
Anacréon aimait en cheveux blancs.

<...>

Comme un éclair, l'instant qui vient d'éclorre
Va m'échapper; mais l'arrière-saison
Pourra m'offrir quelques beaux jours encore;
S'il faut vieillir, auprès d'une autre Aurore,
Je veux du moins vieillir comme Tithon.⁷²

Подобное же сопряжение элегического и эротического модусов и сочетание темы пробуждения памяти с мотивом оживления любовного чувства просматривается и в стихотворении «Цветы последние милей...» — хотя Пушкин, разумеется, решает творческую задачу в рамках совсем другого жанра и иными средствами.

---

⁷² *Dubos E. C. Les Fleurs, idylles morales, suivies de poésies diverses. P. 54—55; перевод: «Когда годы, чей бег меня томит, / Знаменуют конец лета моей жизни, / Ах! явись тоже и увенчай мою старость; / Напомни мне о моей цветущей юности / И свяжи воедино рассвет и закат моих дней. // Милый цветок, осененный твоим счастливым покровительством, / Мне не будут страшны обиды, которые наносит время. / Если весна дарит нам своих первенцев, / У осени тоже имеются свои отрады; / Анакреон любил и будучи седым. / <...> // Подобно молнии, мгновение цветения / Ускользнет от меня; но поздняя осень / Еще сможет мне подарить несколько прекрасных дней; / Если должно состариться, рядом с новой Авророй, / Я хотя бы хочу стареть, как Титон» (франц.).*

Переключка двух текстов позволяет скорректировать формулировки моих предшественников, читавших пушкинское комплиментарное сравнение «последних цветов» с «первенцами полей» как предпочтение, отдаваемое зрелости перед юностью. Действительно, комментируя мадригал, нельзя игнорировать широко распространенную традицию использования «сезонных» метафор для описания этапов человеческой жизни. Существенно, однако, что образы весны и осени в «Цветы последние милей...» осмысляются иначе, чем в «Винограде», и к разным вариациям женской привлекательности, по-видимому, не имеют отношения. Как я постаралась показать выше, оппозиция весенних и осенних («последних») цветов читается здесь как противопоставление бренности чувств — их постоянству. И если для лирического «я» мадригала, наследующего субъекту «унылой элегии» (а вслед за ним — и для читателя), эфемерные атрибуты весны ассоциируются с быстро преходящими страстями и восторгами юности легко и органично, то сопряжение семантики «последних цветов» с образом старости (зрелости), сохраняющей живость «мечтаний», требует осмысляющего усилия, осуществляемого по мере развития сюжета, от признания «милей» до объясняющих его стихов 3—4, а затем — до корректирующего это объяснение финального пуанта. Примечательно, что тема оживления чувств коррелирует в стихотворении с задачей «оживления» элегического жанра, которую Пушкин решает, опираясь на инструментарий культуры предшествующего столетия: поэт обращается к «языку цветов», либертинскому нарративу и использует конструктивные возможности французской «легкой» поэзии, которая, по удачному выражению Даниэля Морне, обеспечила XVIII веку репутацию «эпохи маленьких шедевров, часто, по правде сказать, совсем миниатюрных, безусловное изящество которых, впрочем, украшает и незначительное».⁷³

Е. В. Кардаш

⁷³ Mornet D. La Pensée française au dix-huitième siècle. Paris, 1951. P. 23.

ЛЫСЫЙ НАПОЛЕОН В «<РЕПУТАЦИИ Г-НА БЕРАНЖЕРА>»

Известно особое отношение Пушкина к личности Наполеона, к которому на протяжении всей своей сознательной жизни он не терял интереса. Взгляд Пушкина-лицеиста отли-

чается от его отношения к Бонапарту в 1830-е годы, но даже когда он отрицательно оценивает деяния Наполеона, он не перестает видеть в нем «великого человека» («Наполеон», 1821), «героя» («Герой», 1830). Все его характеристики и тогда, когда они передают негативную оценку («хладный кровопийца» — «Недвижный страж дремал на царственном пороге...», 1823), имеют высокое звучание. Наполеон у Пушкина — всегда патетическая фигура, даже если это «ужас мира» (АПСС. Т. 2. Кн. 1. С. 13). Все эпитеты, и со знаком плюс, и со знаком минус, относятся к сфере высоких, метафизических понятий, и никогда Пушкин не рисует физический портрет «великого человека». Некоторая реалистичность просматривается в характеристике Наполеона на закате его дней: «Но тучной праздности ленивые морщины, / Ни поступь тяжкая, ни ранние седины...» (АПСС. Т. 2. Кн. 2. С. 95), но и тут мы видим патетическое описание «великого человека».

Есть, однако, одно стихотворение, в котором Пушкин рисует весьма непривлекательный портрет Бонапарта. Речь идет о «<Рефутации г-на Беранжера>» («Ты помнишь ли, ах, ваше благородье...»), датированной 1827 годом. «Рефутация» (от *франц.* *réfutation* — опровержение) — ответ на бонапартистскую песню «Воспоминания военного» («Souvenir d'un militaire», 1817), авторство которой Пушкин приписывал французскому поэту-песеннику Пьеру-Жану де Беранже, в то время как ее настоящий автор — другой популярный сочинитель песен, Эмиль Дебро (Debraux, 1796—1831). Пушкинская «рефутация», отвечающая на перечень побед Наполеона перечислением русских военных успехов — от побед Суворова до взятия Парижа в 1814 году, написана от имени старого солдата и построена как сказ, стилизующий его речевую манеру, и этим мотивирована грубость выражений и использование нецензурной лексики. Вот что говорится (поется) о французском императоре: «Ты помнишь ли, как царь ваш от угара / Вдруг одурел, как бубен гол и лыс...» (III, 82). Резко негативное отношение к «царю», возглавляющему вражеские войска, понятно. То, что побежденный узурпатор оказался гол, можно воспринимать и в переносном смысле. Но почему вдруг о Наполеоне сказано, что он лыс? Наполеон не был лысым. Правда, на портрете «первого художника» двора Наполеона Жака-Луи Давида «Наполеон в императорском кабинете» (1812) у императора заметны появившиеся с возрастом залысины. Впрочем, простой солдат, поющий про победы над врагом, не может

представлять себе Бонапарта с портрета Давида. Какое изображение Наполеона могло быть ему знакомо? Ему, несомненно, ближе народное творчество, лубок. В 1813 г. вышли в свет так называемые «Теребенёвские летучие листы» — гравированные карикатуры, высмеивающие Наполеона и его армию. Автор этих карикатур — Иван Иванович Теребенев или Теребенёв (1780—1815) — скульптор и график. Ему принадлежат скульптурные рельефы на здании Адмиралтейства в Петербурге: рельеф «Восстановление флота в России», рельефы, изображающие летящие Славы над воротами главного здания и невских павильонов (установлены в 1812 г.), а также ряд других рельефов и скульптур для парадной лестницы.¹ Однако наибольшую прижизненную известность ему принесли его карикатуры: в некрологе Теребенева, написанном А. Х. Востоковым, отмечено, что его «скульптурные работы <...> ценные знатоками, прославили его не столько, сколько сочиненные и гравированные им <...> карикатуры, кои по справедливости заслужили, что публика отличила их и за рисунок, и за изображение между всеми порожденными сим временем произведениями площадного русского художества».² В некрологе сообщается, что «издатель Сына Отечества принимает на себя продажу коллекции замысловатых его карикатур, кои публикованы были у книгопродавца Ивана Слёнина».³ Карикатуры эти были очень популярны, служили примером для подражания: «В числе сих карикатур многие не уступают английским, а некоторые замысловатостию и близостию к природе их превосходят».⁴ Несколько офортов Теребенева были скопированы известным английским мастером политической карикатуры Джорджем Крукшенком.⁵

Наполеон присутствует на многих офортах Теребенева. Он изображен, как правило, в треуголке, а если она, согласно замыслу карикатуриста, снята, голова императора покрыта густыми волосами. Например, на карикатуре «Французский вояжер в 1812 году» у Бонапарта от холода волосы встали дыбом, подобно иголкам дикобраза. Но одна карикатура составляет исключение. Этот офорт имеет название «Наполеон у русских

¹ См.: Каганович А. Л. Иван Иванович Теребенев. 1780—1815. М., 1956. С. 61—91.

² *Сын отечества*. 1815. Ч. 19. № 4. С. 164—165.

³ Там же. С. 165.

⁴ Там же. С. 166.

⁵ См.: Каганович А. Л. Иван Иванович Теребенев. С. 105.

Н. на у Русских в бане.

*И. Зависло от меня я в жару не терпел! жажда добела и дырками дыла от аду...
 Топки Авдоткина, вани пана иланца в Русской бане потный захватил, и-же изумилна от 2. лопки пера.
 Солой Невроле, в гости и землякова и синюю, и бока, сурбана планина, лавкой жонну рубу.
 Воду Подробил жиста? Поладелье, жаворучки, потчилика. Мила, шарбейла.*

в бане» (1813). Здесь император изображен в русской парной с голым торсом и лысой головой. Становится понятным, почему в «Рефутации» сказано, что французский «царь» «одурел» «от угара». Помимо Наполеона изображены еще три персонажа: это русские, устроившие Бонапарту «банные процедуры»: ратник поддает пару, солдат собирается отхлестать императора веником, а казак, взяв его за нос, бреет усы, голова уже обрита. Рисунок сопровождается следующим текстом: «Н<а п о л е о н>. Эдакого мученья я сроду не терпел! Меня скоблят и жарят как в аду... Р а т н<и к>. Отдувайся, коли сам полез в русскую баню; попотей хорошенько, а мы не устанем поддавать пару. С о л д<а т>. Натрем тебе и затылок, и спину, и бока; будешь помнить легкую нашу руку. К а з<а к>. Побреем тебя, погладим, молодцом поставим».⁶ Предполагают, что автором текста является сам художник.⁷

Н. Л. Дмитриева

⁶ Война 1812 года и концепт «отечество»: Из истории осмысления государственной и национальной идентичности в России. Тверь, 2012. С. 173.

⁷ См.: Варшавский Л. Р. Иван Иванович Теребенев. 1780—1815. М., 1950. С. 21—23; Каганович А. Л. Иван Иванович Теребенев. С. 98.

ТАК ЧТО ЖЕ ЧЕРНЕЕТ СКВОЗЬ РУБАШКУ ТАТЬЯНЫ ЛАРИНОЙ?

Текстологическая проблема одной пушкинской эпиграммы

В начале сентября (до 8-го числа) 1829 года, перед отъездом из Пятигорска, Пушкин записал в экземпляре «Невского альманаха», принадлежавшем М. И. Пущину, брату его лицейского друга, две эпиграммы («Вот перешед чрез мост Кокушкин...» и «Пупок чернеет сквозь рубашку...»), спровоцированные иллюстрациями к «Евгению Онегину», напечатанными в этом альманахе.¹ Значительно позднее, в 1857 году, Пущин вспоминал об этом так: «В память нескольких недель, проведенных со мною на водах, Пушкин написал стихи на виньетках из “Евгения Онегина” в бывшем у меня “Невском альманахе”. Альманах этот не сохранился, но сохранились в памяти некоторые стихи, карандашом им тогда написанные», — и далее: «Другая надпись, которую могу припомнить, была сделана к виньетке, представляющей Татьяну в рубашке, спущенной с одного плеча, читающей записку при луне, светящей в раскрытое окно, и состояла из двенадцати стихов, которых первых четырех никак не могу припомнить».² Здесь же приведены тексты обоих стихотворений.³ Две эти явно нецензурные эпиграммы, разумеется, при жизни Пушкина не печатались. Альманах с автографом Пущин утратил, никакого другого автографа стихотворений не сохранилось — осталось лишь сравнительно небольшое количество копий⁴ и текст из воспоминаний Пущина.

¹ Невский альманах на 1829 год, изданный Е. Аладыным. СПб., 1828 (ценз. разр. 27 декабря 1828 г.; выход в свет около 20 января 1829 г. — см.: Северная пчела. 1829. № 10. 22 янв.). В альманахе было напечатано шесть иллюстраций к «Евгению Онегину», выполненных по рисункам А. В. Нотбека (1802—1866), две из них, гравированные первая Е. И. Гейтманом (1798—1829 или 1862), вторая А. А. Збруевым (1799—1832), подали повод к пушкинским эпиграммам.

² А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1974. Т. 2. С. 97.

³ В указанном издании текст интересующей нас эпиграммы из воспоминаний опущен, опубли.: III, 738—739, 1184 (в виде вариантов и разночтений; публ. М. А. Цявловского).

⁴ Сборник Соболевского «*Avant les voyages*» (РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 17, № 136, л. 421); вторая тетрадь Долгорукова (РГАЛИ, ф. 384, оп. 1, № 61, л. 103, 98 об.); тетрадь Тихонравова (ОР РГБ, ф. 299 (Тихонравова), оп. 1, ед. хр. 318, л. 120—120 об.); тетрадь Лонгинова-Полторацкого (ОР РГБ, ф. 233. Полт., к. 162, ед. хр. 1 (кн. 1), л. 92 об.—93); сборник Александрова (РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 8, № 92, л. 85 об.); тетрадь из архива Вревских (РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 8, № 45, л. 2 об.—3); копия П. А. Ефремова (БАН, Отдел редкой книги, 11 52 Р. С. 71—72).

Из дошедших до нас копий наиболее авторитетной считается копия из сборника С. А. Соболевского «*Avant les voyages*»* — она единственная записана в период, близкий ко времени создания стихотворений и исходит из ближайшего пушкинского круга. Остальные записи принадлежат к числу уже позднейших, в основном собирательских копий. Эпиграмма «Пупок чернеет сквозь рубашку...» во всех этих источниках дает очень стабильный текст: отклонения от копии Соболевского есть лишь в нижнем слое копии из архива Вревских, но все допущенные там расхождения выправлены по тексту, идентичному копии Соболевского. По всей видимости, эпиграммы в этой тетрадке записывались по памяти, а затем были исправлены по письменному источнику.

Текст, известный по воспоминаниям Пушкина, имеет несколько отличий от того, что мы знаем по копиям, но он записан через много лет после написания и утраты автографа — и записан по памяти, которая, по всей видимости, мемуаристу изменяла: нигде, кроме его воспоминаний, не фигурируют те первые четыре стиха, которых он не мог припомнить, но утверждал, что они были. Факт их существования вызывает большие сомнения еще и потому, что эпиграммы на картинке к «Евгению Онегину» — очевидно парные и схожие по форме восьмистишия.

Однако первый стих эпиграммы традиционно печатается именно по тексту из воспоминаний Пушкина: «Пупок чернеет сквозь рубашку», тогда как все известные на сегодняшний день копии дают тот же вариант, что и у Соболевского: «Сосок чернеет сквозь рубашку». Единственной копией, поддерживавшей версию М. И. Пушкина, была копия из архива Вревских — однако в ней слово «пупок» есть в нижнем, очень неисправном слое, а затем, при исправлении ошибок, оно и в этом сборнике переправлено на «сосок». Таким образом, основным источником, по которому традиционно исправляется авторитетный текст Соболевского, поддержанный всеми позднейшими копиями, остаются воспоминания М. И. Пушкина, записанные в 1857 году, когда экземпляр «Невского альманаха» с автографом стихов был утрачен, а стихи помнились не очень хорошо. Понятно, что такой выбор источника текста не может быть признан бесспорным. И тем не менее он имеет под собой, как кажется, довольно веские основания.

Сохранить традиционное чтение позволяют два соображения. Во-первых, хотя на картинке действительно одна грудь Татьяны оголена, а другая прикрыта рубашкой, сквозь которую слегка про-

---

* «До путешествий» (франц.).

Рис. А. Комарова

Грав. А. Зверев

*Матьюла то вдобощетъ, то оощетъ,
Письмо доощетъ въ ея рука,*

свечивает сосок (то есть вариант Соболевского с точки зрения описания картинка корректен), все же второй стих в нем звучит несколько тавтологично по отношению к первому. Сосок под рубашкой и титька наружу в двух соседних стихах сочетаются неважно, в то время как вариант Пуцина этот недостаток устраняет. Однако более существенным представляется второе соображение. Как предположила Н. А. Тархова, импульсом к созданию эпиграммы послужило, по всей вероятности, письмо П. А. Вяземского от 23 февраля

1829 года, полученное Пушкиным 10 марта, перед отъездом из Петербурга в Москву, содержащее текстуральные совпадения с пушкинским стихотворением: «Какова твоя Татьяна пьяная в “Невском альманахе” с титькою навикате и с пупком, который сквозит из-под рубашки? Если выдаешь Аладьина (хотя на блинной неделе) скажи ему, чтобы он мне прислал свой “Невский альманах” в Пензу: мне хочется вводить им в краску наших пензенских барышень. В Москве твоя Татьяна всех пугала...» (XIV, 39).⁵ Письмо Вяземского долго оставалось в памяти Пушкина — почти два года спустя, в письме от 2 января 1831 года, он писал тому же Вяземскому: «Новый год встретил я с цыганами и с Танюшей, настоящей Татьяной-пьяной» (XIV, 140). «Пупок» из письма Вяземского (видный на иллюстрации значительно лучше соска), поддержанный воспоминанием Пуштина, выглядит уже серьезным аргументом в пользу именно этого варианта стиха. В таком случае как дополнительное свидетельство можно рассматривать и нижний слой копии Вревских: вероятно, он говорит о том, что вариант с «пупком» передавался изустно — а отсутствие автографа и почти полное отсутствие прижизненных копий свидетельствует в пользу того, что стихотворение существовало в первую очередь как устный экспромт.

Откуда же мог взяться дефектный текст, сохранившийся во всех без исключения копиях? Автограф, имевшийся у Пуштина (который сначала служил на Кавказе, а затем жил в Пскове, вдали от пушкинского литературного окружения), по всей видимости, не копировался или копии его не сохранились. Очевидно, что Соболевский узнал стихи не от Пуштина. Трудно сказать, как, когда и от кого именно он получил текст эпиграмм. В момент выхода «Невского альманаха» с картинками он уже уехал за границу,⁶ хотя эпиграммы Пушкина переписаны им в альбом «*Avant les voyages*». По возвращении Соболевского из путешествия, в 1833 году, ни картинки, ни эпиграммы на них не были уже актуальны и едва ли могли попасть ему в руки именно тогда — вероятнее, ему, живо интересовавшемуся всем, что касалось Пушкина, и расспрашивавшему о нем своих корреспондентов,⁷ прислал стихи кто-то из друзей (возможно, Л. С. Пушкин, с которым он был в переписке) в то время, пока

⁵ См. об этом: *Тархова Н. А.* Заметки к «Летописи»: (О новых датировках некоторых писем и произведений Пушкина) // Пушкин и его современники. (Нов. серия). СПб., 2002. Вып. 3 (42). С. 351–353.

⁶ Соболевский уехал за границу в октябре 1828 года (см.: *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1988. С. 408), а «Невский альманах» вышел в свет в январе 1829-го.

⁷ См.: Соболевский — друг Пушкина / Со статьей В. И. Сaitова. СПб., 1922. С. 37–39.

тот находился в Европе. Текст в тетради Соболевского записан в числе большого количества стихов разных лет, переписанных в одно и то же время единым массивом, одинаковым почерком и чернилами, — создается впечатление, что по возвращении из путешествия он приводил в порядок накопившийся за время странствий архив. Соболевский, не знавший письма Вяземского, а возможно, не видевший и альманаха с картинками, вышедшего уже в его отсутствие, мог получить текст с ошибкой или ошибиться при переписывании стиха и, не заметив этого, пустить далее неисправный текст, разошедшийся в копиях.

Т. А. Китанина

К ПРЕДЫСТОРИИ СОЧЕТАНИЯ 'БОГ ИЗОБРЕТАТЕЛЬ' В ЧЕРНОВОМ НАБРОСКЕ ПУШКИНА 1829 ГОДА

Черновой набросок «О сколько нам открытий чудных...» по положению в рабочей тетради (ПД 841, л. 20) датируется ноябрем — декабрем 1829 года. Оригинал представляет собой неупорядоченную совокупность перечеркнутых стихов и отдельных слов и словосочетаний, под которыми набело переписаны два с лишним стиха:

О сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух
И Опыт [сын]
(III, 1060)¹

Текст, ставший хрестоматийным, впервые опубликован в академическом собрании сочинений в 1948 году и является результатом текстологической реконструкции (подготовка текста осуществлена Т. Г. Цявловской-Зенгер):

О сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух
И Опыт, [сын] ошибок трудных,

---

¹ См. также транскрипцию автографа, выполненную Н. В. Перцовым: Перцов Н. В. Об одном опыте «научной поэзии» у Пушкина: («О сколько нам открытий чудных...») // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2009. Т. 68. № 3. С. 37.

И Гений, [парадоксов] друг,
[И Случай, бог изобретатель]
(III, 464)

В отношении последующего изложения следует отметить несколько деталей текстологической реконструкции. Во-первых, основанием для выбора заключительного стиха, по-видимому, служит знак плюс, поставленный Пушкиным рядом с перечеркнутыми словами «Случай бог изобретатель». Во-вторых, в слове *бог* первая буква, скорее всего, прописная, что не учтено в академическом собрании сочинений (в транскрипции Перцова слово *Бог* дано с прописной; в дальнейшем мы придерживаемся написания, данного в академической публикации). В-третьих, не до конца ясные синтаксические отношения в этом стихе отчасти уточнены в реконструкции постановкой запятой, отсутствующей в автографе.

Несмотря на свою условность, пушкинский текст стал предметом подробного обсуждения в нескольких научных работах. М. П. Алексеев, который трактовал его как попытку поэта «дать обобщенное представление о научно-творческом процессе вообще»,² связал незаконченное стихотворение с предполагаемым интересом Пушкина к личности и изобретениям русского инженера П. А. Шиллинга. С. М. Громбах допускал, что в черновом наброске Пушкина отразилось его знакомство с речами известного врача М. Я. Мудрова (друга родительской семьи поэта), излагавшего, в частности, основы этики Гиппократов, один из афоризмов которого перекликается по теме и лексическому составу с пушкинским текстом.³ Н. В. Перцов указал на то, что время создания пушкинского отрывка совпадает с временем пребывания в Петербурге знаменитого немецкого натуралиста А. фон Гумбольдта, и с высокой вероятностью предполагал непосредственное влияние беседы Пушкина с Гумбольдтом на замысел неоконченного стихотворения. Н. Н. Мазур рассмотрела содержание пушкинского наброска в его связи с философией К. Гельвеция, а именно с рассуждениями о решающей роли случая в научных открытиях, в процессах формирования личности и исторического развития, — рассуждениями, в которых обнаруживаются разительные идейные и лексические совпадения с пушкинскими строками.⁴ Мазур, в частности, установила, что фрагменты из трактата Гельве-

² Алексеев М. П. Пушкин и наука его времени // Алексеев М. П. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. Л., 1984. С. 96.

³ Громбах С. М. Пушкин и медицина его времени. М., 1989. С. 32—33.

⁴ См.: Мазур Н. Н. К источникам пушкинской «философии случая»: Гельвеций // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2013. Вып. 31. С. 175—194.

ция «Об уме» содержат лексический ряд, включающий, «ключевые понятия пушкинского отрывка: открытия, опыт, гений, парадокс и случай»,⁵ а один из контекстов трактата «О человеке» сближает слова «бог» и «случай» («...я не рассматриваю случай как некое существо, я не делаю из него бога»⁶).

Задача этой заметки — дополнить существующие характеристики пушкинского отрывка наблюдением над конкретным лексическим сочетанием в его составе — *бог изобретатель*. Перцов писал о нем: «Загадочным, даже таинственным, выглядит грамматическое приложение к слову *случай* — “Богъ изобрѣтатель”, по структуре соотносящееся с языковым клише *Богъ Вседержитель*».⁷ Действительно, масштаб обобщения, предложенный Пушкиным, позволяет трактовать слово *бог* именно как обозначение всемогущей и управляющей силы. «Словарь языка Пушкина» определяет значение слова *бог* в этом контексте как «высшее существо, являющееся творцом вселенной»⁸ (с пометой «переносное»). Слова с компонентом *изобрет(м)*- Пушкин всегда употребляет в значениях, реализующих семантические оттенки созидания нового,⁹ отказываясь от устаревших значений с доминантной семьей ‘найти’, ‘обнаружить’.¹⁰ При тривиальности данного семантического сопряжения (‘созидающий Господь’) как раз его лексическая реализация представляется нестандартной.

Характерно, например, что, развивая вышеприведенные наблюдения Мазур, в сочинениях Гельвеция можно отметить высокую частотность слова «inventeur» (‘изобретатель’) и однокоренных; ср. показательное употребление в трактате «О человеке»: «Le hasard. C’est le maître commun de tous les inventeurs».¹¹ В то же время соседства слов «бог» (*dieu*) и «изобретатель» (*inventeur*) у Гельвеция нет.¹²

⁵ Там же. С. 182.

⁶ Цит. по: Там же. С. 193.

⁷ Перцов Н. В. Об одном опыте «научной поэзии» у Пушкина. С. 43.

⁸ Словарь языка Пушкина: В 4 т. / Отв. ред. В. В. Виноградов. 2-е изд., доп. М., 2020. Т. 1. С. 130.

⁹ Там же. Т. 2. С. 220—221.

¹⁰ Словарь русского языка XVIII века / Гл. ред. Ю. С. Сорокин. СПб., 1997. Вып. 9. С. 55—57; Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. СПб., 1847. Т. 2. С. 120.

¹¹ *Helvétius. De l’homme // Œuvres complètes d’Helvétius. Paris, 1818. Т. 2. Р. 189*; перевод: «Случай. Это общий учитель всех изобретателей» (*франц.*).

¹² Отвлекаясь от подробного рассмотрения вопроса о возможных европейских источниках пушкинского словоупотребления, заметим, что, по крайней мере, с легкостью они не обнаруживаются. Тем не менее трудно удержаться от искуше-

Примечательно соотношение пушкинского словоупотребления с русской словесной традицией. Слово *изобрѣсти* (этимологический корень — *рѣт-*, ср. *встреча*, *сретье*) фиксируется в классическом старославянском языке¹³ как калька греческого ἐξ-ε-υρίσκω (или εφε-υρίσκω) и из всех славянских языков вместе со своими производными известно сейчас только в русском и болгарском, где оно является заимствованием как раз из русского. Употребительность слов этого словообразовательного гнезда, этимологически связанных с идеей обнаружения, обретения и сохранявших на протяжении веков семантическую устойчивость,¹⁴ возрастает в XVIII веке, претерпевая одновременное смысловое развитие: а) лексическое значение постепенно специализируется, все более тяготея к сфере науки и техники; б) под очевидным европейским влиянием актуализируются новые семантические компоненты (ныне утраченные), отсылающие к области риторики.

В отношении обсуждаемого пушкинского сочетания любопытно денотативное соотнесение слов с компонентом *изобре(т)-* со сферами земного и божественного. Можно полагать, что в светской литературе XVIII — начала XIX века эти слова не употреблялись в отношении божественной сущности, понятой в духе христианской идеологии. Проще говоря, изобретение как созидательный акт относится к сфере земного.

На временном отрезке с 1700 до 1850 года в Национальном корпусе русского языка,¹⁵ в основном и поэтическом подкорпусах, зафиксировано чуть более 2000 словоупотреблений с компонентом *изобре-/изобрет-*: в сфере светской письменности среди них почти нет словоупотреблений, которые соотносили бы значение, выражае-

---

ния увидеть в сочетании *Бог изобретатель* ранее, кажется, не отмеченную отсылку, возможно ироническую, к известному стиху Вольтера «Si Dieu n'existoit pas, il faudroit l'inventer», букв.: «Если бы Бог не существовал, его следовало бы изобрести» (*Voltaire. Épître à l'auteur du nouveau livre: Des trois imposteurs. [S. l.], 1769. P. 2).*

¹³ Старославянский словарь (по рукописям X—XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1994. С. 257.

¹⁴ Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.) / Гл. ред. Р. И. Аванесов. М., 1991. Т. 4. С. 57; Словарь русского языка XI—XVII веков / Гл. ред. С. Г. Бархударов. М., 1979. Вып. 6. С. 193—194.

¹⁵ Для оценки характера употребления слов с компонентом *изобре(т)-* использовался, помимо словарных данных, поиск в Национальном корпусе русского языка (<https://ruscorpora.ru>). Поиск осуществлялся по основному, поэтическому, древнерусскому, старорусскому, церковнославянскому подкорпусам с учетом исторических различий в орфографии. При поиске в основном и поэтическом подкорпусах задавалась верхняя хронологическая граница — 1850 год. Просматривались все полученные контексты.

мое искомыми словами, с Божьим промыслом.¹⁶ При этом в ряде случаев мы можем увидеть явное противопоставление человеческого и Божественного, где изобретение приписывается именно человеку, ср., например: «...каких средств искать к своему спасению? Бог один указать их может, но никакой ум человеческий не в силах изобрести их»¹⁷ (мотив, который широко развернут в текстах церковно-богословской сферы, см. ниже).

В этом же условном мире земного пребывают языческие боги и ветхозаветные патриархи, которые могут характеризоваться как создатели-изобретатели чего-либо, используемого человеком или свойственного его жизни. Такое словоупотребление частотно, ср., например: «Полагается еще изобретателем поэзии Бакхус...»;¹⁸ «А хорошо было ночевать Мафусаилам и Ламехам; первый, кто молотом сгибал железо, первый, кто изобретал цевницу и гусли, — славой и любовью награждался в обширном своем семействе».¹⁹ Именно так употребляется сочетание, очень близкое к пушкинскому — но только по внешней форме, в переводной балладе В. А. Жуковского «Элевзинский праздник» (1833), где *изобретателем* назван Гефест (в оригинале у Ф. Шиллера — «Zeus' erfindungsreicher Sohn»,²⁰ то есть «изобретательный сын Зевса»):

Бог, ремесл изобретатель,
Он людей дружит с огнем...²¹

---

¹⁶ В качестве исключения можно было бы отметить контекст из переводного сочинения: «...изобрела она <Благодсть Божия> способ снабдить нас источником бесконечного блаженства» (*Тредиаковский В. К.* Слово «О терпении и нетерпеливости» Фонтенелево, получившее награждение за красноречие // *Тредиаковский В. К.* Сочинения и переводы как стихами, так и прозою / Изд. подгот. Н. Ю. Алексеева. СПб., 2009. С. 235 («Лит. памятники»)). Следует, однако, учитывать, что *Тредиаковский* употребляет глагол *изобрести* в древнейшем значении 'найти', ср. в оригинале: «...elle a trouvé moyen...», т. е. «...она нашла способ...» (*Fontenelle. De la Patience, & du Vice qui lui est contraire // Pièces d'éloquence qui ont remporté le prix de l'Académie Française, depuis 1671 jusqu'en 1748. Paris, 1766. T. 1. P. 161*). Такое употребление близко характерному для церковной словесности, см. ниже.

¹⁷ *Долгоруков И. М.* Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни / Изд. подгот. Н. В. Кузнецова, М. О. Мельцин. СПб., 2004. Т. 1. С. 528 («Лит. памятники»).

¹⁸ *Тредиаковский В. К.* Мнение о начале поэзии и стихов вообще // *Тредиаковский В. К.* Сочинения и переводы как стихами, так и прозою. С. 102.

¹⁹ *Грибоедов А. С.* <Путевые письма к С. Н. Бегичеву> // *Грибоедов А. С.* Соч. / Подгот. текста, предисл. и коммент. В. Н. Орлова. М.; Л., 1959. С. 402.

²⁰ *Schiller F.* Gedichte. Leipzig, 1807. Bd. 1. S. 84.

²¹ *Жуковский В. А.* Собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1959. Т. 2. С. 225.

Иная, более сложная, картина наблюдается в текстах церковно-богословской сферы, где слова с компонентом *изобрет*(т)- могут характеризовать мистические силы, действующие в христиански понятом мире. При этом *изобретение* аксиологически амбивалентно, оно становится своего рода лексическим полем борьбы между подлинным и ложным созиданием или обретением истины. Источником благого изобретения является Бог, иллюзорное или греховное изобретение совершает дьявол или удаленный от Господа человек. Подобные контексты находим в церковнославянском тексте Ветхого Завета (в свою очередь, соответствующие фрагменты из ветхозаветных текстов внедрялись в тексты церковных книг, используемых в богослужении, — минеи, триоди), в текстах богословских сочинений и церковной гомилетики, например, с одной стороны:

...но вѣдый вса вѣсть ю [мудрость], избврѣте ю [мудрость] смысломъ своимъ...²² (Вар 3: 32; синодальный перевод: «Но Знающий все знает ее [мудрость]; Он открыл ее [мудрость] Своим разумом»);

Сеѣ богъ нашъ, не вмѣнитса инъ къ немъ. Изврѣте всакъ пѣтъ хитрости...²³ (Вар 3: 37; синодальный перевод: «Сеѣ есть Бог наш, и никто другой не сравнится с Ним. Он нашел все пути премудрости...»);

Бог невидимо подкрепляет руку благочестивого подвижника своего: вразумляет его во изобретении способов в час смятения...²⁴

Покайтесь, и веруйте во Евангелие. И к тому и другому действительные средства Божия избрела премудрость. К истине познанию отверзта книга Евангелия: к раскаянию ведет правосудие и благодсть;²⁵

с другой стороны:

...свободиль же насъ Христось и ѿ вбрядовыхъ законоположений, и ѿ самоизвольныхъ чловѣческихъ, аки бы ко спасенію нѣжныхъ, избврѣтеній...²⁶

²² Біблія, или книги Свѣщеннагѡ писаніа Ветхагѡ и Новагѡ завѣта. СПб., 1816. С. 809. (При цитировании церковнославянских текстов надстрочные знаки опускаются, написания под титлом раскрываются.)

²³ Там же. С. 810.

²⁴ Платон (Левшин). Слово в день Первоверховных Апостол Петра и Павла, и тезоименитства Его Императорского Высочества (1770) // Платон (Левшин). Поучительные слова и другие сочинения. М., 1780. Т. 2. С. 264.

²⁵ Платон (Левшин). Слово при миропомазании Благоверныя Государыни Великия Княгини Марии Федоровны (1776) // Там же. Т. 3. С. 201.

²⁶ Феофан (Прокопович). Слово о власти и чести царской (6 апреля 1718 г.). СПб., 1718. Л. 4.

Начальник и изобретатель греха есть диавол...²⁷

...изобретение человеческое, сколько бы ни прикрывалось личиною Божественного происхождения, не может долго выдерживать характера Божественности...²⁸

Таким образом, можно было бы утверждать, что употребление слова *изобрести* и его производных применительно к всемогущей созидательной сущности находит соответствие в церковно ориентированной, но не светской словесной традиции. Но и здесь не удается обнаружить словоупотреблений, сближающихся с пушкинскими в должной мере: не находится собственно слова *изобретатель* в соседстве со словом *бог*,²⁹ это всегда личные формы глагола *изобрести* с объектно зависимыми именами или отглагольное имя *изобретение*.

На этом фоне не может не быть особо отмечен факт ближайшего к пушкинскому словоупотребления в издании, которое по своему статусу следовало бы считать широко известным. Это совпадение обнаруживается в контексте, опирающемся на охарактеризованный выше христианский топос, — ложному человеческому *изобретению* здесь противопоставлено истинное Божественное *изобретение*. Речь идет об одном из предисловий к так называемой Елизаветинской Библии — полной церковнославянской Библии, впервые изданной в Санкт-Петербурге в декабре 1751 года. Елизаветинская Библия содержала новоисправленный полный церковнославянский текст Священного Писания, который наследовал Московской Библии 1663 года (фактически это современный церковнославянский библейский текст). Елизаветинская Библия включала ряд предисловий, одним из которых являлось предисловие, перепечатанное из Московской Библии 1663 года, составленное одним из ее редакторов — Елифанием Славинецким. Это предисловие открывается об-

---

²⁷ Ювеналий (Медведский). Христианская богословия для желающих в благодетии вышшего успеха. М., 1806. Ч. 2. С. 85.

²⁸ Иннокентий (Борисов). Жизнь святого апостола Павла // Сочинения Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического. СПб.; М., 1872. Т. 9. С. 361. (Произведение впервые опубликовано в 1826 г.)

²⁹ Отметим, однако, сходное словоупотребление в Житии Андрея Юродивого в варианте Великих Четий-Миней XVI в.: «...неизвѣдомый покровный и страшень Богъ Отець, творецъ и Господь свершитель бесконечныхъ вѣкъ, изобрѣтатель всякой премудрости и художеству...» (Великие Миней Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Октябрь. Дни 1—3. СПб., 1870. Стб. 137). В древнерусском списке Жития Андрея Юродивого конца XIV в. — тот же, с минимальными отличиями, текст, но здесь употреблен не зафиксированный в словарях словообразовательный вариант *изобрѣтель*.

ширным, основанным, в частности, на Первом послании апостола Павла к Коринфянам, рассуждением о природе человеческой и божественной мудрости, где говорится о тщете и порочности человеческого познания, не обращенного к истине, запечатленной в словах Священного Писания. Именно в этом контексте мы находим нужные нам слова: сочетание *Бог изобретатель*³⁰ и еще дважды употребленные однокоренные слова — *изобретены* и *изобретение*:

...многи сътъ человѣческимъ взысканіемъ извобрѣтены вѣдѣніа и хитрвсти, ѿ нихже оубѡ ни едина истиннагѡ в Бозѣ предаеть познаніа...

...Тою [Божественной мудростью] царіе царствѡють, и законницы правдѡ разсѣждають: Тою князи повелѣвають, и силніи пишѣтъ правдѡ: тоа единѣ Богъ извобрѣтатель, начало и конецъ есть...

...Тою всако извобрѣтеніе, или разѡмъ оуподобленѣ, бѣйство паче, нежели мѡдрость, Павлѡ свидѣтельствѡющѡ глаголемо есть. Такѡ бо къ Коринѡланмѡ пишеть: мѡдрость сегѡ міра, бѣйство есть оу Бога.³¹

Перевод на современный русский язык:

...Многие знания и премудрости обретенны в человеческом поиске, но никакие из них не передают истинного познания о Боге...

...Благодаря той [Божественной, а не человеческой] премудрости царствуют цари и законники вершат справедливость, благодаря ей князья повелевают и облеченные властью устанавливают правду, и создатель той мудрости, ее начало и конец есть только Бог...

...Благодаря ей [Божественной мудрости] всякое открытие и мысль, ему подобная, в большей степени может быть названа безумием, нежели мудростью, как об этом свидетельствует Павел. Ибо так он пишет к Коринфянам: мудрость сего мира — безумие у Бога.

Елизаветинская Библия в том виде, в каком она появилась в 1751 году, переиздавалась неоднократно, и 12-е издание 1810 года еще содержало вышеописанное предисловие. И первое, и последующие 11 переизданий представляли собой большие издания формата ин-фолио, богато украшенные гравюрами; логично предполагать,

³⁰ Однако синтаксические отношения между этими словами у Пушкина и в предисловии к Елизаветинской Библии разные: в последнем случае слово *изобретатель* по отношению к слову *Бог* является предикатом.

³¹ Бібліа, сирѣчь книги Свѣщеннагѡ писаніа Ветхагѡ и Новагѡ Завѣта. СПб., 1751. Л. 6—6 об.

что такое издание могло привлечь внимание Пушкина, и в этом случае было бы странно, если бы он его, по крайней мере, не листал.³²

Впрочем, маловероятность предположения, что Пушкину запомнились нестандартной сочетаемостью слова из предисловия к Елизаветинской Библии, не отменяет того факта, что один из отвергнутых вариантов текста, демонстрирующего, как часто считается, «глубокое постижение поэтом природы научного творчества»,³³ отмечен словоупотреблением, характерным для церковнославянской словесной традиции, которая исполнена скепсиса в отношении как раз свободного научного познания — не предполагающего религиозно-богословского диктата.

Смысловые характеристики последнего стиха в пушкинском отрывке перекликаются с содержанием известного фрагмента критической заметки о втором томе «Истории русского народа» Н. А. Полевого (1830), где Пушкин пишет, что человеческому уму невозможно «предвидеть случая — мощного, мгновенного орудия Провидения» (XI, 127) — цитата, без которой, как правило, не обходилось ни одно из многочисленных исследований, посвященных пушкинской философии случая и пониманию поэтом соотношения случайности и необходимости. Однако введение в текст сочетания *бог изобретатель* существенно осложняет смысл неоконченного стихотворения, реконструированный финал которого не просто утверждает провиденциалистскую власть случая, способного направлять человеческое познание. Соотношение этого сочетания с указанными литературно-языковыми фактами отсылает к христианизированному противопоставлению истинного и ложного изобретения и неожиданно оттеняет оптимистический пафос текста суровым напоминанием о тщетности и порочности внерелигиозного поиска истины.

Д. Н. Чердаков

---

³² Об изданиях Библии в библиотеке Пушкина, в том числе о двух утраченных и неидентифицированных книгах, см.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: (Библиографическое описание). СПб., 1910. С. 158—159; Модзалевский Л. Б. Библиотека Пушкина: Новые материалы // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 991. О знакомстве Пушкина с церковнославянским библейским текстом см., например: Юрьева И. Ю. «Библию, Библию!»: Священное Писание в творчестве Пушкина // Московский пушкинист. М., 1997. Вып. 4. С. 119—143.

³³ Муравьева О. С. «О сколько нам открытий чудных...» // Пушкинская энциклопедия: Произведения. СПб., 2017. Вып. 3. С. 475.

«ГРИБОЕДОВСКИЙ ЭПИЗОД» ВО ВТОРОЙ ГЛАВЕ «ПУТЕШЕСТВИЯ В АРЗРУМ»

Впервые предположение о фактической недостоверности встречи Пушкина с прахом Грибоедова возникло в 1970-х годах, в ходе подготовки диссертации Ю. П. Фесенко, в тексте которой пришлось несколько отредактировать соответствующий абзац,¹ чтобы не давать лишней пищи оппонентам на предстоящей защите. Но позже, после всесторонней проверки и обсуждения с коллегами данной гипотезы, она была обнародована в докладе на конференции (Государственный музей Пушкина, Москва, 1995 год), а затем опубликована.²

Высказывая противоположную точку зрения, И. С. Сидоров подчеркивал, что слишком поздно познакомился со статьей в Хмелитском сборнике: «К сожалению, эта работа вышла в свет, когда моя статья была уже набрана. Поэтому я не имею возможности рассматривать ее более подробно».³ Тем не менее полемическая страница на этот счет все-таки появилась в «набранном» издании.⁴ Можно понять, почему отклик оказался однозначно негативным. «Никакие другие аргументы, — заявлял автор уже с самого начала, — не могут доказать того, что эта встреча *не могла* состояться. А если этого доказать не удастся, то, исходя хотя бы из принципа презумпции невиновности, мы должны будем признать достоверность пушкинского рассказа».⁵ В примечании он добавлял: «Может показаться странным перенос этого принципа в историко-литературную область, но в данном случае вольно или невольно затрагиваются уже не только чисто литературные, но и некоторые морально-этические проблемы».⁶

¹ Ср. в подготовленной тогда же публикации Фесенко: «Вопрос о том, как доставлялось тело Грибоедова в Тифлис, нуждается в дополнительном изучении» (Фесенко Ю. П. Пушкин и Грибоедов // Временник Пушкинской комиссии. 1980. Л., 1983. С. 110). Это повторено во всех позднейших комментариях к «Путешествию в Арзрум» — см.: Пушкин А. С. Дневники. Автобиографическая проза. М., 1989. С. 339 (примеч. Н. Е. Мясоедовой); Пушкин А. С. Дневники. Записки. СПб., 1995. С. 308 (примеч. Я. Л. Левкович) («Лит. памятники»); Пушкин А. С. Собр. соч.: В 5 т. СПб., 1994. Т. 4. С. 436 (примеч. В. Д. Рака).

² Фомичев С. А. «Грибоедовский эпизод» в «Путешествии в Арзрум» Пушкина // А. С. Грибоедов: Хмелитский сборник. Смоленск, 1998. С. 374–383.

³ Сидоров И. С. «Великая иллюзия» или «мнимая нелепость»? (О встрече Пушкина с телом убитого Грибоедова) // Московский пушкинист. М., 1999. Вып. 6. С. 335.

⁴ См.: Там же. С. 317–318.

⁵ Там же. С. 293; выделено автором. — С. Ф.

⁶ Там же. С. 330.

Таким образом, художественный вымысел и его анализ автор *принципиально* приравнял к уголовному преступлению.

Я кратко ответил И. С. Сидорову в 2007 году,⁷ так как в профессиональных кругах моя точка зрения была принята. В примечаниях к «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» (сост. Н. А. Тархова, ред. Я. Л. Левкович) отмечено: «1829. Июнь, 11. В «Путешествии в Арзрум» Пушкин рассказывает о встрече в этот день неподалеку от Джелал-оглы (он по ошибке называет место Гергерами)⁸ с телом убитого Грибоедова, чего на самом деле не было».⁹

Однако А. А. Долинин объявил гипотезу «абсолютно беспочвенной», назвав меня «фикционалистом» <!> и постоянно подчеркивая мою некомпетентность и не упоминая оценку указанного эпизода в «Летописи».¹⁰ Спорить (оправдываться?) на таком уровне было бы глупо. Но свою позицию он обозначил в статье «Пушкинской энциклопедии», вышедшей под грифом Пушкинского Дома.¹¹ Это требует возвращения к данной проблеме, учитывая авторитетность академического справочного издания.

В результате многолетних разысканий А. А. Долинин убедительно оспорил некоторые из давно утвердившихся в пушкинистике положений, связанных с интерпретацией «Путешествия в Арзрум».¹² Но, видимо, инерция первоначальной, сугубо отрицательной оценки моей статьи не позволила автору *по достоинству оценить*

⁷ См.: *Фомичев С. А.* Пушкинская перспектива. М., 2007. С. 453—454.

⁸ Это было установлено К. В. Айвазяном, проанализировавшим географическую картину, воспроизведенную в «Путешествии в Арзрум» (см.: *Айвазян К. В.* «Путешествие в Арзрум» Пушкина: (Пушкин и Армения) // Пушкин и литература народов Советского Союза. Ереван, 1975. С. 364—365). Возражения И. С. Сидорова по этому поводу (см.: *Сидоров И. С.* «Великая иллюзия» или «мнимая нелепость»? С. 300—301) неубедительны.

⁹ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М., 1999. Т. 3. С. 534.

¹⁰ См.: *Долинин А. А.* Dichtung und Wahrheit Пушкина: «Грибоедовский эпизод» в «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года» // История литературы. Поэтика. Кино: Сб. в честь М. О. Чудаковой. М., 2012. С. 115—129. (Новые материалы и исследования по истории русской культуры. Вып. 9).

¹¹ Пушкинская энциклопедия: Произведения. СПб., 2020. Вып. 4. С. 402—426.

¹² Так, например, А. А. Долинин убедительно опроверг точку зрения Ю. Н. Тынянова, согласно которой в «Путешествии в Арзрум» выражена замаскированная критика И. Ф. Паскевича (см.: *Долинин А. А.* «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» в редакции и интерпретации Ю. Н. Тынянова // Озерная школа: Труды пятой Международной летней школы на Карельском перешейке по русской литературе. Поляны (Усукирко), 2009. С. 26—32). С тех же позиций рассмотрен эпизод с Паскевичем и в статье Долинина для «Пушкинской энциклопедии» (см. с. 409—411).

значение «грибоедовского эпизода», принципиально необходимого как в структуре «Путешествия в Арзрум», так и в контексте первого тома журнала «Современник». А между тем не случайно исследователь определяет жанр «Путешествия в Арзрум» как *травелог*,¹³ противопоставляя собственно путевым запискам. Казалось бы, «грибоедовский эпизод» уже только поэтому заслуживает более внимательного анализа. Кроме того, во внимание надо принять следующее:

— Эта встреча не упомянута в перечне главных пунктов и событий кавказского путешествия в 1829 году, хотя здесь отмечен такой эпизод, как искупительное персидское посольство, описанное затем в первой главе.¹⁴

— Место встречи Пушкина с прахом Грибоедова явно противоречит точному «Маршруту от Тифлиса до Арзрума» (см.: VIII, 489—490), приложенному к белой рукописи произведения.

— Арба, влекомая двумя волами, казалось бы, плохо соответствует торжественному кортежу с телом убитого посланника.

— В отличие от других личностей, упомянутых в «Путешествии», Грибоедову посвящен пространственный текст, где даже очерчена биография драматурга и дипломата.

По поводу отсутствия упоминания о Грибоедове в путевых записках А. А. Долинин замечает: «На самом деле этот аргумент весьма слаб, так как никаких пушкинских дневниковых записей, которые соответствовали бы второй — четвертой главам ПВА, вообще не существует».¹⁵

Необходимо поэтому напомнить, что в рукописи путевого дневника имеется запись, отраженная впоследствии лишь в *заключительной части второй главы* «Путешествия в Арзрум»: «дорога до креп<ости><?> Карса. Гумры, Арарат, Граница. Гергеры. Карс».¹⁶

Понятно ведь, что из путевых впечатлений Пушкину в 1829 году запомнился лишь трудный, но стремительный путь через Кавказские горы до русского военного лагеря, счастливо преодоленный за четыре дня. Но более ранние Гергеры вспомнились поэту почему-то на заключительном отрезке данного пути, от Арпачая (границы) до Карса.

¹³ См. о нем: *Мойга А. А.* Литературный травелог: Специфика жанра // *Филология и культура.* 2014. № 3 (37). С. 254—258.

¹⁴ См.: *Левкович Я. Л.* Кавказский дневник Пушкина // *Пушкин: Исследования и материалы.* Л., 1983. Т. 11. С. 23. Здесь и далее Путевые записки Пушкина цитируются по этой публикации.

¹⁵ *Долинин А. А.* *Dichtung und Wahrheit* Пушкина. С. 126.

¹⁶ *Левкович Я. Л.* Кавказский дневник Пушкина. С. 23.

А. А. Долинин уточняет: «Весьма вероятно, что Пушкин, топясь в армию, просто проехал мимо ничем не примечательной повозки и только задним числом, уже в крепости или в военном лагере, узнал, какой груз в ней везли». ¹⁷ То есть, по его мнению, несколько позже поэту кто-то сообщил о прахе Грибоедова, с конца мая находившемся в гергерском карантине, согласно «Докладной записке Тифлисского военного губернатора генерал-адъютанта Стрекалова от 31-го мая 1829 года». ¹⁸ Что ж, с этим можно и согласиться. Непонятно, однако, почему какая-то заурядная повозка близ Гергер позже была отождествлена Пушкиным с траурным кортежем, а не попросту выдумана. Ведь диалог с грузинами о *Грибоеде* А. А. Долинин считает, несомненно, малодостоверным, а стало быть, все же фактически признает, хотя и отчасти, наличие художественного вымысла в описании гергерского эпизода.

Вот тут следует вспомнить о болгаринском примечании к письму В. Н. Григорьева, анонимно напечатанному в «Сыне отечества» в качестве дополнения к «Воспоминаниям о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове». ¹⁹ «Замечательно, — восклицал Булгарин, — что один из первых русских, встретивших тело Грибоедова в российских пределах, был наш поэт, А. С. Пушкин, на пути в Отдельный кавказский корпус. Это было в крепости Гергеры, в горах, на границе в Персии. Оба поэта умели ценить дарования друг друга». ²⁰ То есть именно Булгарин первым поспешил, не совсем внятно, отметить встречу Пушкина с прахом Грибоедова (в Гергерах!), о чем читателям «Путешествия в Арзрум» станет известно лишь спустя шесть лет. Невероятно, чтобы Пушкин поделился с Видоком Фиглярным сокровенными воспоминаниями, но вездесущий журналист вполне мог разведать о намерении Пушкина опубликовать статью на эту тему.

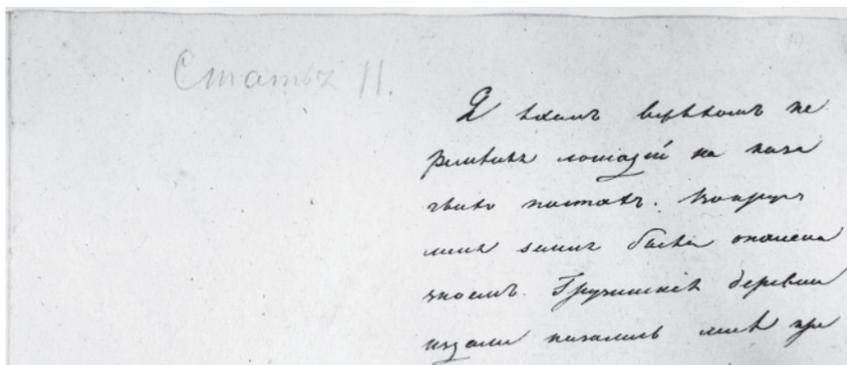
Обратимся к автографу второй главы «Путешествия в Арзрум» (ПД 1031), написанному на бумаге с водяным знаком 1834 года. В отличие от публикации в «Современнике», где между всеми абзацами сделаны одинаковые отбивки, текст пушкинской рукописи

¹⁷ Пушкинская энциклопедия. Вып. 4. С. 422.

¹⁸ Она воспроизведена в статье И. С. Сидорова (с. 320).

¹⁹ Автора письма установил Н. К. Пиксанов (см.: Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1929. С. 201). Статью В. Э. Вадура о В. Н. Григорьеве см.: Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. С. 36—37.

²⁰ Сын отечества и Северный архив. 1830. Т. 9. № 2. С. 90. Это сообщение — возможно, из-за его нелепости — не отмечено в «Летописи жизни и творчестве А. С. Пушкина».

Автограф второй главы «Путешествия в Арзрум»
(ПД 1031, л. 10, фрагмент)

композиционно разбит на четыре больших фрагмента;²¹ основным содержанием второго из них и является «грибоедовский эпизод», обособленный внутри главы, как и три других. Ни И. С. Сидоров, ни А. А. Долинин предпочли не упоминать о том, что только перед «грибоедовским эпизодом» на полях имеется позднейшая карандашная помета «Статья II», которую Ю. Н. Тынянов предположительно атрибутировал П. А. Плетневу (см.: VIII, 1010). Между тем эта помета требует осмысления и позволяет выдвинуть гипотезу о том, что данный эпизод имел особое происхождение и назначение.

17 января 1830 года в цензуру поступила предназначенная для восьмого номера «Литературной газеты» статья «Военная грузинская дорога (извлечено из путевых записок А. Пушкина)» (ПД 254).²² Можно предположить, что «грибоедовский эпизод» должен был стать второй статьёй для «Литературной газеты», «извлеченной» из тех же «путевых записок», и что в таком случае он был в том или ином виде записан еще в 1830 году, а позднее вошел, как и «Военная Грузинская дорога», в «Путешествие в Арзрум». Слухи о возможном появлении «Статьи II» могли в начале 1830 года дойти и до Булгарина.²³

²¹ 1) «Я остановился в трактире ~ Я выехал на другой же день»; 2) «Я ехал верхом ~ Мы ленивы и нелюбопытны...»; 3) «В Гергерах встретил я ~ я все еще находился в России»; 4) «До Карса оставалось мне ~ я был уже в палатке Р.». Каждый фрагмент начинается с нового двойного листа, в конце фрагментов 1, 2 и 4 поставлены знаки концевки (спиральные росчерки).

²² См.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 3. С. 140.

²³ Обсуждаемая карандашная помета могла быть сделана только кем-то из осведомленных современников поэта: у позднейших владельцев рукописи не име-

Описание встречи с прахом Грибоедова строится на грани возможного: «Два вола, впряженные в арбу, поднимаются по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу. “Откуда вы?” — спросил их. “Из Тегерана”. — “Что вы везете?” — “Грибоеда”.²⁴ — Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис» (VIII, 460).

Гроб мог быть переложен на арбу, чтобы преодолеть горный перевал. Команда, сопровождающая здесь прах дипломата, была довольно скромной, судя по малому чину начальника, прапорщика Макарова. Но Пушкин не отметил солдатскую форму грузин и почему-то обратился к ним, а не к офицеру (то есть получается, что тот как раз в трудную минуту пренебрег своими обязанностями). Впрочем, всякое бывает...

Но надо ведь понять, почему Пушкин, будто бы нестати, чуть раньше упомянул расположенное на вершине Безобдала «малое ущелье, называемое, кажется, Волчьими Воротами» (VIII, 460), а ниже, по его описанию, якобы и располагалась крепость Гергеры. Уже давно было замечено: «Здесь Пушкин допустил неточность, замеченную его комментаторами. Гора, через которую он перевалил, была Акзибеюк, в переводе с тюркского — “большая пасть”, по-русски — “Волчьи ворота”, а по имени главной вершины — Лалварский перевал. Отсюда начинался спуск к Дорийской равнине».²⁵

Удивляет комментарий А. А. Долинина к помещенному в «Сыне отчества» примечанию Булгарина: «Булгарин спутал горную крепость Гергеры (Джелал-Оглу) с одноименным²⁶ персидским селением на реке Аракс, у границы с Россией, откуда тело Грибоедова было 1 мая перевезено на русский берег. Эта ошибка могла создать у заинтересованных читателей впечатление, что Пушкин без разрешения пересекал государственную границу, и тем самым поставить его в неприятное положение. Может быть, именно поэтому в ПВА Пушкин использовал название Гергеры вместо более правильного Джелал-Оглу».²⁷

лось ни причин, ни оснований, чтобы обозначить таким образом «грибоедовский эпизод».

²⁴ Замечание А. А. Долинина о ямбической фактуре данного диалога стало, в сущности, развитием наблюдения Б. М. Эйхенбаума об архитектонике прозаической фразы Пушкина (см.: *Эйхенбаум Б. М. О поэзии. Л., 1969. С. 32–34*).

²⁵ Пушкинские места: Путеводитель. М., 1988. С. 259.

²⁶ Не совсем одноименным, хотя Булгарин и мог так считать. Ср. в путевых заметках Грибоедова: «Через гору в Гергер. Казармы. Оттуда высочайший Безобдал...»; «От Гаргар. К юго-западу через ущелье <...>. От караван-сарая спуск до Софианки, ровно до Тавриза...» (*Грибоедов А. С. Полн. собр. соч.: В 3 т. СПб., 1999. Т. 2. С. 319, 321*).

²⁷ *Долинин А. А. Dichtung und Wahrheit Пушкина. С. 127.*

Но Пушкин следовал в турецкий Арзрум, а не в персидский Тавриз, что всем «заинтересованным читателям» было изначально ясно.

Стоит, однако, снова подчеркнуть, что Гергеры (как место встречи с арбой) Пушкиным были названы *еще в 1830 году*. Это стало, по слухам, известно Булгарину, что вынужден признать и А. А. Долинин, продолжая, однако, настаивать, что «грибоедовский эпизод» написан лишь несколькими годами позже.

Вполне очевидно, что Пушкин не справлялся при этом с точным «Маршрутом от Тифлиса до Арзрума». Ср.:

Пост Акзебиук	19 ½ <верст>	
Укрепл <ение> Джелал-Оглу	19 ½ - - - - -	
Гергерский пост	13 - - - - -	} переезд чрез Безобдал
Кишлякский	16 - - - - -	
Амамлы	13 - - - - -	
Бекант	15 - - - - -	
Укрепл <ение> Гумры	27 - - - - -	

(VIII, 489—490)

В Гергерах же Пушкин отобедал с Н. А. Бутурлиным, после чего вспоминал: «Переехав через гору и спустясь в долину...» (VIII, 462). Гора, здесь упомянутая, — это, конечно же, и есть Безобдал.²⁸ Тут и надо было бы поместить «грибоедовский эпизод», но запомнившееся Пушкину название «Волчьи ворота», вероятно, в 1830 году в большей мере ассоциировалось у него в «Статье II» с похоронной повозкой, которая только и могла там проехать.

В «Путешествии в Арзрум» после упоминания «горы», через которую Пушкин переехал, отправившись из Гергер, воспроизведен диалог с армянским попом о чуме. Текст «Статьи II» здесь оказался Пушкину менее уместным. Сверка же с «Маршрутом» позволила бы читателям «Путешествия в Арзрум» обнаружить явную ошибку в описании места встречи со скорбной арбой. Не желая переделывать «Статью II», Пушкин исключил из печатного текста

²⁸ А. Г. Битов, считавший, что факт встречи со скорбной арбой сочинен Пушкиным, отметил, что эпизоды ПЕРЕВАЛ и ГРИБОЕДОВ в подзаголовке второй главы «Путешествия» («...Гергеры. Грибоедов. Безобдал...» — VIII, 456) следуют в ином порядке, нежели в последующем тексте (см.: Другие берега: Литературный журнал. М., 1994. № 4—5. С. 71). И памятник-родник (скульптор С. Саркисян, архитектор Г. Мурза) с бронзовым барельефом (работа художницы Айцемик Урарту), изображающим легендарную встречу Пушкина с прахом Грибоедова, в 1938 г. установлен не на Лалварском перевале, а на горе Безобдал, перевал через которую назван Пушкинским.

указанный «Маршрут», с которым, несомненно, постоянно справлялся в 1835 году, работая над своим произведением.

Достаточно было опустить «грибоедовский эпизод», чтобы устранить отмеченную несообразность. Но подобная купюра искажала бы глубинный смысл «Путешествия в Арзрум».

Встреча с покойным Грибоедовым на подъезде к Гергерам, судя по всему, была придумана Пушкиным в 1830 году. На обратном пути в Россию он посетил в Тифлисе свежую могилу Грибоедова, «перед коей преклонил колени и долго стоял, наклонив голову, а когда поднялся, на глазах были заметны слезы».²⁹ При встрече с тифлисской молодежью в те дни для него была исполнена «Весенняя песня» Дмитрия Туманишвили,³⁰ которую упомянем ниже.

А затем, в Петербурге, он прочитал с досадой «Воспоминания о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове». Таковы были психологические предпосылки создания «грибоедовского эпизода» («Статьи II»). Подобным же образом Пушкин дезавуировал в 1827 году воспоминания Булгарина о Н. М. Карамзине, предложенные для публикации в альманахе «Северные цветы».³¹ Необходимо было напомнить читателям о подлинном Грибоедове. И лучшим способом пробить информационную брешь стало оформление слова о нем в качестве эпизода из путевых записок.

Почему же «Статья II» в 1830 году не была опубликована? Возможно, отчасти из-за появившегося в «Сыне отечества» письма очевидца о торжественном препровождении праха Грибоедова, с указанием времени прибытия его в Артачальский карантин под Тифлисом: в «последних числах июня».³² Существовали и неминуемые цензурные препятствия для такой публикации в связи с недавним, данным 11 августа 1829 года обещанием Николая I на встрече с Хозров-Мирзой предать «вечному забвению» происшедшее в Тегеране. Девятый же номер «Литературной газеты» был предварительно подвергнут властями особой чистке.³³

А между тем Булгарин не устал «проговариваться» о дружбе с Грибоедовым. В 1835 году вышла и первая часть романа «Памят-

²⁹ Свидетельство Н. Б. Потокского (Русская старина. 1880. № 7. С. 582).

³⁰ См.: Асатиани Л. Пушкин и грузинская культура. Тбилиси, 1949. С. 28–30.

³¹ См.: Вацуро В. Э. Встреча: (Из комментариев к мемуарам о Карамзине) // Вацуро В. Э. Записки комментатора. СПб., 1994. С. 135–150. При обсуждении моей гипотезы в Отделе пушкиноведения Института русской литературы Вадим Эразмович напомнил мне о данной статье.

³² Сын отечества и Северный архив. 1830. Т. 9. № 2. С. 91–92.

³³ См.: Вацуро В. Э., Гилельсон М. И. Сквозь умственные плотины: Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. М., 1986. С. 3–4.

ные записки титулярного советника Чухина», в которой Булгарин опять потревожил тень Грибоедова, создав ходульного персонажа Александра Сергеевича Световидова. В «Путешествии в Арзрум» содержался внятный намек на прилипчивого к славе мемуариста.

Грибоедовская тема пунктиром проходит через «Путешествие в Арзрум». В зачине первой главы не случайно упоминалась встреча в Орле с бывшим начальником Грибоедова, отставным генералом А. П. Ермоловым. Фамилия его в «Современнике» была обозначена звездочками: «...Из Москвы поехал я на Калугу, Белев и Орел и сделал таким образом двести верст лишних, зато увидел ***»³⁴ (в кавказском дневнике 1829 года была изложена не вошедшая в печатную версию беседа с ним, в частности — с упоминанием Грибоедова³⁵). Читателю, конечно, было любопытно, кто же это такой, из-за кого потребовалось преодолеть лишних 200 верст (треть всего пути от Москвы до Арзрума), и почему сообщением об этом начато «Путешествие в Арзрум». Ах, да, — в Орле...

Потом описано искупительное персидское посольство: ну это понятно, несмотря на официальные умолчания о причинах, по которым оно прибыло в Россию...³⁶ Далее Пушкин сообщал о встрече с друзьями автора «Горя от ума»: с надворным советником Иагором Чилачишвили (Г. Ч***), с начальником Военно-Грузинской дороги Н. Г. Огаревым (Ог.....), с издателем «Тифлиских ведомостей» П. С. Санковским (С.). Они, конечно же, вспоминали о Грибоедове, как и многие его тифлисские знакомцы, не названные в «Путешествии» лишь потому, что были осуждены в связи с антиправительственным заговором. К тому же Пушкин процитировал в русском переводе «Весеннюю песню» Димитрия Туманишвили; на ее мелодию, наигранную в миноре Грибоедовым для М. И. Глинки, Пушкин в 1828 году сочинил романс «Не пой, красавица, при мне...».

Так в «Путешествии» подготовлено явление Грибоедова, воплотившего в себе лучшие черты декабристского поколения. Многие его представители, привлеченные, как и Грибоедов, к следствию по делу декабристов, были брошены в горнило войны. Их имена, обозначенные в «Путешествии в Арзрум» звездочками или инициалами, легко расшифровывались читателями пушкинского круга, и таким

³⁴ Современник. 1836. Т. 1. С. 20.

³⁵ См.: Левкович Я. Л. Кавказский дневник Пушкина. С. 19.

³⁶ В «Северной пчеле» в течение 1829 г. сведения о персидской миссии (без всякого упоминания о ее причине) появились в № 67, 68, 70, 73, 90, 92, 94, 95, 97, 98, 99, 103, 122. Сообщение о Грибоедове (со ссылкой на «Тифлиские ведомости» от 26 апреля) в этой газете появилось только единожды: 15 августа, в № 98.

образом они были запечатлены в подцензурной печати в качестве активных исторических деятелей.

«История, — по наблюдению Б. М. Эйхенбаума, — стала для Пушкина полной и единственной формой воплощения истины, ее средоточием, ее знаком. Эту высокую истину надо уметь видеть в самых фактах, в самых событиях, в самых судьбах людей и народов. Путь к этой истине — через поэзию, через художественно-историческое мышление <...>. “Возвышающий обман” — псевдоним высокой исторической истины, без которой нет и истории, а есть только низкая “правда”, то есть полужистина или ложь».³⁷

А. А. Долинин соотносит «грибоедовский эпизод» лишь с нашедшими отражение в «Путешествии» пушкинскими предчувствиями собственной гибели в опасном путешествии. Такова, например, встреча в Арзруме с «ужасным нищим», похожим на «посланца из другого мира наподобие черного человека в “Моцарте и Сальери”»: «Спасение Пушкина (“Однако Бог вынес”, — сухо замечает он) противопоставляется в контексте “Путешествия в Арзрум” рассказу о Грибоедове и его гибели во второй главе».³⁸ Приведенная А. А. Долининым пушкинская цитата здесь явно не на своем месте,³⁹ да и «черный человек», право же, притянут за уши.

Принципиально важно, что гибель Грибоедова рифмовалась с описанием одного из последних дней пребывания поэта в Арзруме: «19 июля, пришед проститься с графом Паскевичем, я нашел его в сильном огорчении. Получено было печальное известие, что генерал Бурцов был убит под Байбуртом. Жаль было храброго Бурцова, но это происшествие могло быть губительно и для всего нашего малочисленного войска, зашедшего глубоко в чужую землю и окруженного неприязненными народами, готовыми восстать при слухе о первой неудаче» (VIII, 482). В подобной ситуации погиб и Грибоедов.

Документально, однако, известно, что И. Г. Бурцов был ранен в этот день в 130 верстах от Арзрума, а умер 23 июля. В Арзруме Пушкин никоим образом не мог быть извещен о его смерти. Ну как тут быть с пресловутой «презумпцией»? Ведь это такой же необходимый в общем контексте произведения художественный образ, как

---

³⁷ Эйхенбаум Б. М. <О Пушкине>: Вступительное слово // Эйхенбаум Б. М. О поэзии. Л., 1969. С. 321—322.

³⁸ Пушкинская энциклопедия. Вып. 4. С. 421—422.

³⁹ Ср.: «Конница наша была впереди; мы стали спускаться в овраг; земля обрывалась и сыпалась под конскими ногами. Поминутно лошадь моя могла упасть, и тогда <сводный> уланский полк переехал бы через меня. Однако Бог вынес» (VIII, 469).

и легендарная встреча с прахом Грибоедова. Работая над «Путешествием в Арзрум», Пушкин, при его поразительной памяти на значимые даты, мог вспомнить, что днем раньше состоялись в Тифлисе похороны автора «Горя от ума».

Необходимо иметь в виду и общий контекст первого тома журнала «Современник»,⁴⁰ в котором было напечатано «Путешествие...». Не случайно спустя десятилетие суда над декабристами журнал открывался пушкинским стихотворением «Пир Петра Первого»:

Нет! Он с подданным мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится:
Кружку пенит с ним одну;
И в чело его цалует,
Светел сердцем и лицом;
И прощенье торжествует
Как победу над врагом...⁴¹

Далее следовала статья П. А. Плетнева о неусыпной благодетельнице, императрице Марии: «Событие беспримерное! Перед ее гробницею слились все голоса. В эту неизобразимо-горестную эпоху вся Россия одно чувствовала, и целый мир одно с нею мыслил. Минута примирила все партии. Забыты все отношения. Земное простерлось во прах перед Небесным».⁴²

Вслед за «Путешествием в Арзрум» напечатана статья Пушкина о собрании сочинений Георгия Кониского, где приведены отрывки из его проповедей — в частности: «Душа бессмертная, от брэнного тела, как птица из растерзанной сети, весело взлетавши, воспаряет в рай Богонасажденный, где вечно цветет древо жизни, где жилище Самому Христу и Избранным Его»; «Телеса наши, в гробах согнившие и в прах рассыпавшиеся, возникнут от земли, как трава весною, и по соединении с душами востанут, и укажутся всему небу, пред очами Ангелов и человекoв, пред очами предков

⁴⁰ О циклизации материалов в «Современнике» см.: *Etkind E.* Незамеченная книга Пушкина: Перелистывая «Современник» — сто пятьдесят лет спустя // *Revue des Etudes Slaves.* Paris, 1987. Т. 59. Р. 207; см. также: *Дарвин М. Н., Тюна В. И.* Циклизация в творчестве Пушкина: Опыт изучения поэтики конвергентного сознания. Новосибирск, 2001. С. 269—281 (глава «Пушкин — циклизатор “Современника”»); *Краснобородько Т. И.* Тема «Литература и власть» на страницах второго тома пушкинского «Современника» // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1989. Т. 13. С. 123—132.

⁴¹ Современник. 1836. Т. 1. С. 3.

⁴² Там же. С. 13.

наших и потомков, одни яко пшеница, другие же яко плевелы, ожидая серпов Ангельских и того места, которое назначено, особо для пшеницы, и особо для плевел».⁴³

А непосредственно перед «Путешествием в Арзрум» помещено стихотворение В. А. Жуковского «Ночной смотр»:

...В двенадцать часов по ночам
Из гроба встает полководец;
На нем сверх мундира сюртук;
Он с маленькой шляпой и шпагой;
На старом коне боевом
Он медленно едет по фронту,
И маршалы едут за ним,
И едут за ним адъютанты;
И армия честь отдает.
Становится он перед нею;
И с музыкой мимо его
Проходят полки за полками...⁴⁴

Недаром в пушкинском портрете Грибоедова мелькнет упоминание о Наполеоне: «Люди верят только Славе и не понимают, что между ими может находиться какой-нибудь Наполеон, не предводительствовавший ни одною егерскою ротою, или другой Декарт, не напечатавший ни одной строчки в “Московском Телеграфе”» (VIII, 461). В. А. Мильчина отметила здесь переключку с романом Ш.-О. Сент-Бёва «Сладострастие» («*Volupté*», 1834), едва ли Пушкину знакомым.⁴⁵ Подобные предположения можно обнаружить и в других источниках, например у того же Булгарина.⁴⁶

⁴³ Там же. С. 90.

⁴⁴ Там же. С. 15.

⁴⁵ «Вы думаете, что этому человеку <Наполеону> <...> нет равных среди его современников? <...> Знайте, добрые люди, что живет на свете угрюмец, быть может, внешне похожий на вас, и тем не менее созданный из того же материала, что и ваши полубоги. Есть множество невоплощенных возможностей, множество семян, которые умирают в безвестности, не дав никакого плода, и остановились в своем развитии за отсутствием удачного случая, свежего ветра и солнца» (цит. по: Мильчина В. А. Французская литература в произведениях Пушкина 1830-х годов // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1987. Т. 46. № 3. С. 252).

⁴⁶ Ср.: «Если бы Световидов был брошен судьбою на поприще политической деятельности, он бы достигнул недостигаемого величия. Он был рожден быть или Бонапартом, или Магометом» (Булгарин Ф. В. Памятные записки титулярного советника Чухина, или Простая история обыкновенной жизни. СПб., 1835. Ч. 1. С. 120).

Мысль о гениальных задатках его современников была издавна близка и самому Пушкину. Вспомним хотя бы его юношеские строки о Чаадаеве:

Он вышней волею небес
Рожден в оковах службы царской;
Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес,
А здесь он — офицер гусарский.
(АПСС. Т. 2. Кн. 1. С. 89)

Грибоедов же успел свершить должное. И потому у Пушкина сказано: «Не знаю ничего завиднее последних годов бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смелого, не ровного боя, не имела для Грибоедова ничего ужасного. Она была мгновенна и прекрасна.

Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок! Написать его биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны...» (VIII, 461).

С. А. Фомичев

ГОГОЛЕВСКИЙ «НОС» В ПУШКИНСКОМ КРУГУ О редакции повести в журнале «Современник» 1836 года

Но каким чудом отвратительная бессмыслица могла смешить Пушкина?

Барон Розен, «Ссылка на мертвых»

Несмотря на многочисленные работы, посвященные повести Н. В. Гоголя «Нос», целый ряд вопросов, связанных как с текстологической историей, так и с литературно-историческим контекстом этого «загадочного» произведения, остается непроясненным. В каком направлении и при каких обстоятельствах Гоголь переделывает первую редакцию повести, подготовленную в 1835 году для «Московского наблюдателя», но не напечатанную в этом журнале? Почему Пушкин взялся поместить отвергнутый москвичами текст в своем журнале «Современник», в третьем томе за 1836 год?

Участие Гоголя в пушкинском «Современнике» достаточно хорошо изучено.¹ Именно в 1836 году отношения Гоголя с Пушкиным приобретают характер тесного сотрудничества. Гоголю дается «зеленый свет» на страницах пушкинского журнала. Гоголь оказывается главным прозаиком издания — факт особенно примечательный, если принять во внимание, что Пушкин не опубликовал в своем журнале ни одного из популярных прозаических авторов 1830-х годов. Само появление повести «Нос» в «Современнике» в сопровождении предисловия Пушкина создавало определенную интригу вокруг этой публикации:

Н. В. Гоголь долго не соглашался на напечатание этой шутки; но мы нашли в ней так много неожиданного, фантастического, веселого, оригинального, что уговорили его позволить нам поделиться с публикою удовольствием, которое доставила нам его рукопись.²

Барон Розен, яростный ненавистник Гоголя, усмотрел в примечании Пушкина какой-то потаенный подтекст:

Чего же хотел Пушкин своим примечанием к этой повести? Изменило ли ему на тот раз чувство критики? Или он хотел издеваться над вкусом публики, рекомендуя ей, под видом неожиданного, фантастического, веселого, оригинального, — такую бессмысленную ералашь? Самая форма рекомендации проникнута каким-то мифистофельски-сатирическим духом: Пушкин насилу испросил дозволение авторское поделиться с публикою удовольствием от повести, которая (выражусь о ней как нельзя мягче) пустейший, непонятнейший фарс! Для чего нет подобной рекомендации под дру-

---

¹ См.: *Gippius Vas. V.* Литературное общение Гоголя с Пушкиным // Ученые записки Пермского государственного университета: Отдел общественных наук. Пермь, 1931. Вып. 2. С. 61—126; *Мордовченко Н. И.* Гоголь и журналистика, 1835—1836 гг. // Н. В. Гоголь: Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 2. С. 106—150; *Петрунина Н. Н., Фридлендер Г. М.* Пушкин и Гоголь в 1831—1836 годах // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1969. Т. 6. С. 197—228; *Вацуро В. Э.* «Великий меланхолик» // Вацуро В. Э. Записки комментатора. СПб., 1994. С. 313—345; *Рейфман П.* Две программы пушкинского «Современника» // Труды по русской и славянской филологии: Литературоведение, II. Тарту, 1996. С. 130—155; *Проскурина В. Ю.* Второй «Портрет» Гоголя // Новые безделки: Сборник статей к 60-летию В. Э. Вацуро. М., 1996. С. 223—236; *Лямина Е. Э., Самовер Н. В.* Чужой: (О стратегии вхождения Гоголя в пушкинский литературный круг) // *Unacknowledged Legislators: Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel.* Берлин, 2020. С. 199—241.

² Современник. 1836. Т. 3. С. 56; XII, 183.

гими, так же пустыми, но понятными, иногда забавными и нигде не отвратительными шутками того же Гоголя: «Утро делового человека» и «Коляска», в том же журнале Пушкина? На подобные замечания мои Пушкин отозвался, что странность фарса требовала огорки; уверял меня, что в самом деле смеялся при чтении «Носа» и тиснул его, полагая, что этот фарс может смешить и других. Стало быть, достоверно, что этот «Нос» смешил Пушкина!³

В гневных филиппиках Розена тем не менее содержится ряд вопросов, на которые исследователи не дали достаточно аргументированного ответа: в чем была причина холодно-неприязненной рецепции повести «Нос» большинством современных Гоголю читателей? почему повесть Гоголя «Нос» оказалась столь востребованной ближайшим окружением Пушкина, и прежде всего — самим поэтом?

Между тем предисловие Пушкина отнюдь не отражало реальности. Гоголь не только не отказывался печатать свою повесть в журнале Пушкина, но специально переделал ее для «Современника», внося значительные изменения в текст, в том числе и такие, которые никак не связаны с цензурным вмешательством. Версия «Носа» 1836 года, созданная в период тесного взаимодействия Гоголя с пушкинским кругом, проливает свет на важные аспекты литературной, языковой, идеологической позиции Пушкина и его окружения в 1836 году.

«САЛЬНАЯ» ПОВЕСТЬ В КОНТЕКСТЕ «ГРЯЗНОЙ» КОМЕДИИ

В 1836 году Гоголь делается завсегдатаем субботних литературных вечеров у Жуковского. 18 января он присутствует на том вечере, когда «литературная братия» (Пушкин, Вяземский, Крылов, Одоевский, Плетнев, барон Розен) с энтузиазмом читала и обсуждала очередное парижское письмо А. И. Тургенева, один из текстов его будущей «Хроники русского» в «Современнике». В тот же вечер Гоголь впервые прочел своего «Ревизора». Особенным поклонником пьесы оказался Вяземский, сделавший подробный разбор «Ревизора» в письме к А. И. Тургеневу от 19 января 1836 года:

Вчера Гоголь читал нам новую комедию «Ревизор». <...>
Весь этот быт описан очень забавно, и вообще неистошима весел-

---

³ Розен Е. Ф. Ссылка на мертвых // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 2. С. 286.

лость; но действия мало, как и во всех произведениях его. Читает мастерски и возбуждает *un feu roulant d'éclats de rire dans l'auditoire*.* Не знаю, не потеряет ли пиеса на сцене, ибо не все актеры сыграют, как он читает. Он удивительно живо и верно, хотя и карикатурно, описывает наши *mœurs administratives*.** Вигель его терпеть не может за то, что он где-то отозвался о подлой роже директора департамента. У нас он тем замечательнее, что, за исключением Фонвизина, никто из наших авторов не имел истинной веселости. Он от избытка веселости часто завирается, и вот чем веселость его прилипчива. <...> Один Жуковский может хохотать на бумаге и обдавать смехом других, да и то в одних стенах Арзамаса.⁴

Из всех присутствующих на этом чтении лишь барон Розен, поздно вошедший в русскую литературную среду, нечуткий в понимании смеховой культуры вообще, а тем более в отношении интертекстуального, сложно-комического нарратива Гоголя, воспринял «Ревизора» как оскорбительно-грязную карикатуру:

...и вдруг, в оба отверстые уха мои грянула из комедии такая шутка, что душа моя оцепенела, — шутка, по моему разумению, *неопрятная*, но, видно, *забавная* для других: многие расхохотались; иные зарукоплескали, и звучный голос одного очень образованного человека, в похвалу этой нечистой, по моему мнению, шутке, произнес во всеуслышание, с единственной энергией: «*C'est le haut comique!*»*** Это возвещение *высоко-комического* подействовало на мою мозговую систему жестоким нервическим ударом, который поверг меня в желанную апатию, так что я, без особенных умственных страданий, выдерживал комедию до конца.⁵

Голос Розена звучал диссонансом на фоне полного одобрения комедии среди окружения Пушкина. Особенным поклонником «Ревизора» оказался Вяземский, которому пришлось защищать Гоголя и его комедию от обвинений в фарсовой, «грязной» природе. В своем разборе «Ревизора» на страницах «Современника» Вяземский подтвердил высокое качество комедийного мастерства Гоголя сравнением с Фонвизиним, монографию о котором он писал с начала

---

* Взрывы смеха со стороны зрителей (*франц.*).

** Административные нравы (*франц.*).

⁴ Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 3: Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1824—1836. С. 285.

*** «Это высшая степень комизма!» (*франц.*)

⁵ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 283.

1830-х годов.⁶ Разговор о «низком» языке «Ревизора» перерастал в дискуссию об истинной и ложной языковой стратегии, соответствующей настоящему обществу, в том числе и придворному. Дискуссия о «Ревизоре» была, по сути, борьбой за политическую стратегию. Вяземский писал:

Впрочем, трудно и угодить на литературных словоловов. У которого-то из них уши покраснели от выражения: «суп воняет, чай воняет рыбою». Он уверяет, что теперь и порядочный лакей того не скажет. Да мало ли того, что скажет и чего не скажет лакей? Неужли писателю ходить в лакейские справляться, какие слова там в чести и какие не в употреблении. <...> Впрочем, критик, может быть, и прав; в этом случае мы спорить с ним не будем. Порядочный лакей, что называется — *un laquais en dimanché*,* точно, может быть, постыдится сказать «воняет», но порядочный человек, то есть благовоспитанный, смело скажет это слово и в великосветской гостиной, и перед дамами. Известно, что люди высшего общества гораздо свободнее других в употреблении собственных слов: жеманство, чопорность, щепетильность, оговорки — отличительные признаки людей, не живущих в хорошем обществе, но желающих корчить хорошее общество.⁷

В своей статье о «Ревизоре» Вяземский полемизировал со своеобразным стилевым пуризмом Ф. В. Булгарина, издававшегося над «низким» языком «Ревизора». Прямо адресуясь к пушкинскому кругу (к «друзьям автора комедии “Ревизор”»), Булгарин писал:

Друзья автора комедии «Ревизор» оказали бы ему и публике величайшую услугу, если б могли убедить его отказаться от *цинизма* в языке, которым упитана не только комедия, но и все вообще произведения этого молодого и, притом, талантливого писателя. <...> ...в языке автора «Ревизора» так много противунизационного, что мы не понимаем, как он мог решиться на это. Теперь порядочный лакей не скажет: «суп *воняет*» <...> или «чай воняет рыбой»

---

⁶ В конце февраля 1836 г. сатирические тексты Фонвизина вновь актуализируются в связи с тем, что Пушкин получает из цензурного комитета рукопись монографии Вяземского «Биографические и литературные записки о Денисе Ивановиче Фонвизине» (см: *Пушкин А. С. Письма последних лет. 1834—1837.* Л., 1969. С. 292; коммент. В. Э. Вацуру). Переписка свидетельствует об огромном интересе обоих к сатирико-памфлетным текстам Фонвизина.

* Лакей во фраке (*франц.*).

⁷ Современник. 1836. Т. 2. С. 295—296.

<...> а скажет: «дурно пахнет, пахнет рыбой». Ни один писатель со вкусом не напишет: «ковыряет пальцем в зубах»...⁸

За обвинением Гоголя в языковом «цинизме» стояла целая программа: Гоголь с его «Ревизором», как и «друзья» комедии Гоголя, — циничные критиканы, и политическая элита (в первую очередь — сам царь!) должна чуждаться таких авторов. «Грязная» лексика служила, по Булгарину, сигнатурой «грязных» помыслов, и здесь угадывалась попытка заявить и о некоей неблагонадежности автора «Ревизора» и его «друзей». Вяземский прекрасно понял, куда метила критика Булгарина, — поэтому глубоко не случайны были его отсылки к Фонвизину и Екатерине II. Вяземский писал, что разговорный язык персонажей Фонвизина не смущал аристократическое общество: «Между тем не излишним будет заметить почитателям классических преданий, что фон-Визин читал своего *Бригадира* и своего *Недоросля* при просвещенном и великолепном дворе Екатерины II».⁹ Вяземский очевидно проводил параллель между одобрением Николаем I «Ревизора» и Екатериной II, присутствовавшей на чтении Фонвизина.

Булгарину было хорошо известно, что цензура запретила постановку «Ревизора», после чего Жуковскому удалось передать рукопись пьесы императору Николаю. «Ревизор» «был вытребован в Зимний дворец, и графу Виельгорскому поручено его прочитать <...> и затем по окончании чтения последовало высочайшее разрешение играть комедию».¹⁰ Князь Вяземский в письме А. И. Тургеневу от 24 апреля / 6 мая 1836 года описывает всеобщий ропот против «Ревизора», а также сообщает о малом числе «ратоборцев за пиесу» — в их числе назван он сам, Козловский, Жуковский, «не говоря уже о государе, который читал ее (комедию. — В. П.) в рукописи».¹¹ Сохранилось множество свидетельств высочайшего одобрения «Ревизора»: царь появлялся на представлении, иногда в присутствии наследника, иногда в окружении министров, — его демонстративные хохот и аплодисменты запечатлели мемуаристы.

⁸ Северная пчела. 1836. № 98. 1 мая. С. 391; подпись: Ф. Б. Впервые на эту статью Булгарина как на источник полемических выпадов Вяземского указано в работе: Кузовкина Т. Феномен Булгарина: Проблема литературной тактики. Тарту, 2007. С. 87—88.

⁹ Современник. 1836. Т. 2. С. 292.

¹⁰ Вольф А. И. Хроника петербургских театров. СПб., 1877. Ч. 1. С. 49. См. также: Манн Ю. В. Гоголь: Труды и дни. 1809—1845. М., 2004. С. 399—404.

¹¹ Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 3. С. 317.

Парадокс восприятия Гоголя на тот момент заключался в том, что, несмотря на высочайшее одобрение, вызванное во многом тем, что царь усмотрел в «Ревизоре» соответствие его собственной программе «оздоровления» чиновничества, провинциальной бюрократии, высшие круги — элита — эстетически и идеологически отвергли сочинение Гоголя как грязную и недостойную искусства клевету на русское общество. В том же письме к А. И. Тургеневу Вяземский замечал: «Все стараются быть более монархистами, чем царь, и все гnevаются, что позволили играть эту пиесу, которая, впрочем, имела блистательный и полный успех на сцене, хотя не успех общего одобрения».¹²

Почти одновременно с представлениями комедии на сцене в пушкинском кругу начинаются первые чтения новой редакции повести «Нос». Князь Вяземский писал А. И. Тургеневу 9 апреля 1836 года о том, что только Гоголь (коего Жуковский называет Гоголек) оживлял посетителей Жуковского своими рассказами:

В последнюю субботу читал он нам повесть об носе, который пропал с лица неожиданно у какого-то коллежского асессора и очутился после в Казанском соборе в мундире Министерства просвещения. Уморительно смешно! Много настоящего humor. Коллежский асессор, встретясь с носом своим, говорит ему: «Удивляюсь, что нахожу вас здесь; вам, кажется, должно бы знать свое место».¹³

«Ревизор» и «Нос» оказались связанными не только почти одновременным появлением в 1836 году: «Нос» воспринимался на фоне дискуссии о «Ревизоре». Оба текста подверглись критике за свой «фарсовый» характер, за «низкий», «грязный» язык. Тем не менее было и отличие: если «Ревизор» был положительно принят при дворе, заслужил высочайшее одобрение, то гоголевский «Нос» оказался востребованным только в узком кругу «друзей» Гоголя.

ОТВЕРГНУТАЯ ПОВЕСТЬ

Повесть «Нос» была задумана еще в начале 1830-х годов — в 1832-м или в начале 1833-го была написана первая страничка, содержащая эпизод обнаружения носа в только что испеченном хлебе. Эпизод содержал указание на дату этого «необыкновенно-странного происшествия» — «23-го числа 1832 года».¹⁴

¹² Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 3. С. 317.

¹³ Там же. С. 314.

¹⁴ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. [М.], 1938. Т. 3. С. 380.

В начале 1835 года, в связи с ожиданием выхода нового журнала — «Московского наблюдателя», — Гоголь сочиняет повесть «Нос»: о работе над новой повестью он оповещает М. П. Погодина уже 31 января 1835 года, но предупреждает, что не сможет ее закончить в короткий срок:

Скажи нашим господам, что сгораю желанием приклеить свои труды к ихним. Но, ей богу, раньше как к 3-й книжке не могу при-слать им повести. Я теперь в таких хлопотах, что страшно и подум-ать. Кроме всего прочего, я стараюсь, чтобы чрез три недели вы-шло мое продолжение «Вечеров», итак, ты посуди сам. Но впрочем все это для них же лучше: вещь, которую я напишу после, все же должна сколько-нибудь быть лучше той, которая написана раньше. Я начал даже для них повесть. Но, ей-богу, две недели, по крайней мере, я не буду иметь времени даже подумать о ней.¹⁵

Тем не менее уже 18 марта 1835 года он сообщает Погодину об отправке якобы законченной повести: «Посылаю тебе нос. Да если ваш журнал не выйдет, пришли мне его назад. Обо<...>лись вы с вашим журналом. Вот уже 18<-е> число, а нет и духа. Если в случае ваша глупая цензура привяжется к тому, что нос не может быть в Казанской церкви, то, пожалуй, можно его перевести в като-лическую. Впрочем, я не думаю, чтобы она до такой степени уж вы-жила из ума».¹⁶

Почти сразу, буквально через пять дней, 23 марта того же года, Гоголь просит Погодина прислать рукопись назад: «Так как Мо-сковский Наблюдатель не будет существовать, то пришли мне мой нос назад, потому что он мне очень нужен».¹⁷

Однако, по всей видимости, в марте—апреле 1835 года «Нос» не был еще послан Погодину. Письмо Гоголя ему от 17 апреля 1835 года позволяет предположить, что автор прибег к своему из-любленному приему, сочинив историю про потерю посылки с пове-стью, требуя проверить почту и почтмейстера и снабдив свое письмо мотивами самого «Носа»:

Сам чорт разве знает, что делается с носом! Я его послал как следует, зашитого в клеенку, с адресом в Московский университет. Я не могу и подумать, чтобы он мог пропасть как-нибудь. У нас единственная исправная вещь: почтамт. Если и он начнет заводить

¹⁵ Там же. Т. 10. С. 351.

¹⁶ Там же. С. 355.

¹⁷ Там же. С. 358.

плутни, то я не знаю, что уже и делать. Пожалуста, потормоши хо-рошенько тамошнего почтмейстера. Не запрятался ли он куда-ни-будь по причине своей миниатюрности между тучными посылка-ми.¹⁸

Гоголь не случайно разыгрывал историю с пропажей посылки и рукописи: он не был уверен в успехе нового журнала, как и сво-его сотрудничества в нем. Во второй книге «Московского наблюдателя» была напечатана чрезвычайно комплиментарная рецензия С. П. Шевырева на гоголевский «Миргород» (март 1835 года).¹⁹ Однако при всем восхищении непринужденностью и искренностью гоголевского смеха Шевырев подчеркнул некую ограниченность художественного мира писателя, певца и выразителя экзотичной, почти сказочно-фантастической реальности. Критик обращал внимание на некоторую провинциальность текстов, на их фарсовость. По эстетической шкале Шевырева Гоголю отводилось не самое почетное место «комического писателя».

Гоголь как будто бы чувствовал, что новая повесть окажется и вовсе неуместной в философическом журнале, задуманном «как роскошное издание на веленовой бумаге типа салонных альманахов».²⁰ Действительно, «Нос» редакцией «Московского наблюдателя» был отвергнут. С. П. Шевырев, ведущий критик журнала, определявший эстетические вкусы всего издания, впоследствии назвал «Нос» одним из «самых неудачных созданий» писателя.²¹ В. Г. Белинский в «Литературных и журнальных заметках» 1842 года вспоминал «московский журнал, который отказался принять в себя повесть Гоголя “Нос”, по причине ее пошлости и тривиальности», а также упоминал и того «именитого критика», «который отказался писать о “Ревизоре”, как опять о тривиальном и грязном произведении».²²

Показательно, что К. С. Аксакову, сочувствовавшему Гоголю, приходилось доказывать серьезность и глубину сочинений писателя — вопреки отрицательному впечатлению, произведенному повестью «Нос». Аксаков писал своей приятельнице и родственнице М. Г. Карташевской:

¹⁸ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 363—364.

¹⁹ Шевырев С. П. О «Миргороде» Гоголя // Московский наблюдатель. 1835. Кн. 2. С. 396—411.

²⁰ Мордовченко Н. И. Гоголь и журналистика, 1835—1836 гг. С. 113.

²¹ Шевырев С. П. Похождения Чичикова, или «Мёртвые души»: Поэма Н. Гоголя. Статья вторая // Москвитянин. 1842. Ч. 4. Кн. 8. С. 373.

²² Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 6. С. 504.

...Я уже читал «Ревизора»; читал раза четыре и потому говорю, что те, кто называет эту пьесу грубою и плоскою, не поняли ее. Гоголь — истинный поэт; ведь в комическом и смешном есть также поэзия. Мне жаль, что Вы в первый раз узнали Гоголя только по его «Носу». В этой шутке есть свое достоинство, но <она>, точно, немножко сальна.²³

Итак, повесть приобрела репутацию «сальной». Читатели 1830-х годов еще прекрасно ощущали французское происхождение этого слова (*sale* — это прежде всего непристойный, имеющий намеки сексуального характера). Таким образом, «Нос» — это не просто «грязное» произведение, содержащее низкую лексику или описывающее грубые эпизоды. Повесть трактуется читателями как неприличная, с намеками сексуальной направленности.

Пушкин в своем примечании к публикации «Носа» говорит о том, что Гоголь «долго не соглашался на напечатание этой шутки». Так ли это? По всей видимости, здесь имеет место сознательная игра с читателем Пушкина-издателя. Пушкин отводил от автора «Носа» потенциальные упреки, сообщив, что Гоголь «долго» не соглашался опубликовать повесть, что его пришлось уговаривать, что и сама повесть всего лишь «шутка».

В реальности, едва узнав о высочайшем разрешении, данном Пушкину на издание «Современника», Гоголь в первую очередь думает о повести «Нос». Уже 18 января 1836 года, возвратясь с «субботы» у Жуковского, Гоголь пишет письмо, где просит Погодина прислать рукопись «Носа»: «Мне теперь он до крайности нужен. Я хочу его немного переделать и поместить в небольшое собрание, которое готовлю издать».²⁴

Никакого собрания он тогда не готовил — «Нос» ему нужен был для передачи в пушкинский «Современник», в котором Гоголь поначалу принял самое деятельное участие. Погодин не отвечал — и Гоголь еще дважды (в феврале и марте) отсылал Погодину письма-запросы. «Нос» вернулся к Гоголю не ранее середины марта 1836 года.²⁵ Именно тогда Гоголь начал переделку повести.

---

²³ Гоголь в неизданной переписке современников // Литературное наследство. М., 1952. Т. 58: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. С. 550. Вызывает сомнение датировка этого письма — 9 мая 1836 года, поскольку «Нос» был напечатан осенью того же года. Рукописная копия вряд ли могла циркулировать за пределами редакции. Скорее всего, адресат послания ознакомилась с «Носом» по изданию «Современника» не ранее осени 1836 г.

²⁴ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 31.

²⁵ См.: Там же. С. 39.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РЕДАКЦИИ 1836 ГОДА

В новую редакцию своей «сальной» повести, отвергнутой «наблюдателями», Гоголь вносит особенно много сексуальных, неприличных, почти непристойных намеков.

Одним из первых таких фрагментов является знаменитая речь супруги цирюльника Прасковьи Осиповны, произнесенная при обнаружении носа в разрезанном хлебе. На предложение цирюльника завернуть нос в тряпочку, спрятать, а потом вынести потихоньку из дома она раздражается выразительной тирадой, отсутствующей в редакции 1835 года:

Сухарь поджаристый! Знай умеет только бритвой возить по ремню, а долга своего скоро совсем не в состоянии будет исполнять, потаскушка, негодяй! Чтобы я стала за тебя отвечать полиции?.. Ах ты пачкун, бревно глупое!²⁶

В первой редакции 1835 года неприличных фразочек о супружеском долге, оскорблений сексуального характера не содержалось:

И слушать не хочу, зверь проклятый! Чтобы я позволила у себя в комнате лежать отрезанному носу? — Не будет этого, не будет! Найдут полицейские обыскивать да подумают, что я была участницей в таком.²⁷

Если в редакции 1835 года эпизод с обнаружением носа описан кратко — в версии 1836 года действие замедляется, фокусируется на словах супруги и на попытках цирюльника найти «объяснения» отрезанию носа. Иван Яковлевич²⁸ произносит внутренний монолог:

«Чорт его знает, как это сделалось», — сказал он наконец, почесав рукою за ухом. «Пьян ли я вчера возвратился, или нет, уж наверное сказать не могу. А по всем приметам должно быть происшествие несбыточное: ибо хлеб — дело печеное, а нос совсем не то. Ничего не разберу!..» Иван Яковлевич замолчал.²⁹

²⁶ Современник. 1836. Т. 3. С. 56.

²⁷ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 382.

²⁸ Имя цирюльника в версии 1835 г. — Иван Федорович, в версии «Современника» — Иван Яковлевич.

²⁹ Современник. 1836. Т. 3. С. 56.

Иван Яковлевич производит здесь абсурдистское противопоставление («хлеб — дело печеное, а нос совсем не то»), где первое (хлеб) ассоциируется с высоким началом, а второе (нос) — с низким и постыдным. Как представляется, в этом эпизоде разрезания испеченного хлеба можно обнаружить кощунственную подоплеку.³⁰ Гоголевский герой, разрезая ножом хлеб и обнаруживая в середине нос, производит кощунственное пародирование церковной проскомидии, исполняемой во время Литургии. Сам хлеб (просфоры в церкви) символизирует Тело Христа, а церковный нож («копие»), которым священник разрезает определенным образом просфору, ассоциируется с копьем римского воина, пронзившего Спасителя на кресте.³¹ Во время проскомидии священник оmyвает вином «рану», нанесенную «копием», — здесь же вино имеет иной, прозаический смысл: цирюльник мотивирует события своим пьянством («Пьян ли я вчера возвратился, или нет, уж наверное сказать не могу»), что привносит дополнительный кощунственный элемент.

Эротические мотивы второй части «Носа» связаны с переживаниями майора Ковалева. Характерно, что только в редакции «Современника» появляются матримониальные мечтания Ковалева, заменяющие его карьерные планы.

В версии 1835 года Ковалев объясняет носу в Казанском соборе, что неудобно ходить без носа «для лица, получив <шего?> губернаторского места, что без сомнения последует»,³² или, как здесь же в вариантах: губернаторское место, «которое мне без сомнения» (еще вариант: «как говорят это») последует. Вопрос о «губернаторском месте», где Гоголь старательно перебирает варианты, был основным в объяснениях Ковалева.

В версии 1836 года необходимость поисков носа объясняется не карьерной, а матримониальной (или эротической) мотивировкой. В разговоре Ковалева с носом в Гостином дворе (заменившем еще более кощунственный эпизод молитвы носа в Казанском соборе) вопрос о губернаторском месте редуцирован, фраза оборвана много-

³⁰ О кощунственных мотивах в «Носе» в связи с датировкой исчезновения и появления носа см.: Успенский Б. А. Время в гоголевском «Носе»: («Нос» глазами этнографа) // Успенский Б. А. Историко-филологические очерки. М., 2004. С. 49–68.

³¹ О травестировании обряда проскомидии еще в 1987 г. писал Михаил Вайскопф в статье «Нос в Казанском соборе: о генезисе религиозной темы у Гоголя» (см.: Вайскопф М. Птица-тройка и колесница души: Работы 1978–2003 годов. М., 2003. С. 164–185. См. также: Pilshchikov I. “The Nose”: Between Linguistic Indecency and Religious Blasphemy // Religions. 2021. Vol. 12 (8). P. 1–32).

³² Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 388; курсив наш. — В. П.

точием, но зато появляется упоминание о знакомых дамах: «...но, имея в виду получить... притом, будучи во многих домах знаком с дамами: Чехтырева, статская советница, и другие...»³³

Затем эта мотивировка нужды в носе из-за знакомства с дамами снова появляется, когда Ковалев отказывается сообщить чиновнику Газетной экспедиции свою фамилию, поскольку стыдится, что потеря носа станет известной дамам: «У меня много знакомых: Чехтарева, статская советница, Пелагея Григорьевна Подточина, штаб-офицерша... Вдруг узнают, Боже сохрани!»³⁴

Абсурдность ситуации — необходимость найти нос объясняется ожиданием встреч с дамами — усиливается еще одним, уже третьим, повторением на следующей странице схожих lamentаций Ковалева, отсутствующих в первоначальной версии и вставленных в версии «Современника»: «Я бываю по четвергам у статской советницы Чехтаревой; Подточина Пелагея Григорьевна штаб-офицерша, и у ней дочка очень хорошенькая, тоже очень хорошие знакомые; и вы посудите сами, как же мне теперь... Мне теперь к ним нельзя явиться».³⁵

Новой вставкой 1836 года являлась также переписка майора Ковалева и штабс-офицерши Подточинной (последняя фигурирует в этих письмах как Александра Григорьевна, а не как Пелагея Григорьевна!). Ковалев обвиняет ее в «волхованиях» с носом — на что дама отвечает, что «готова сей же час удовлетворить» Ковалева, «ибо это составляло всегда предмет <...> живейшего желания» с ее стороны.³⁶ Здесь речь идет о желанной для Подточинной женитьбе Ковалева на ее дочери, однако сама неясно сформулированная фраза звучит двусмысленно и намекает на двойной флирт Ковалева с матерью и дочерью, аналогичный флирту Хлестакова с женой и дочерью городничего в «Ревизоре».

«Сальность» гоголевской повести получила эмблематическое завершение в литографированной картинке-рекламе, выставленной в витрине магазина Юнкера: здесь имелось «изображение девушки, поправлявшей чулок, и глядевшего на нее из-за дерева франта с откидным жилетом и небольшой бородкою».³⁷ Эта вставка появилась только в версии 1836 года. Слухи о носе в витрине магазина Юнкера вызывают столпотворение в городе, народ спешит увидеть этот нос, но вместо него обнаруживается эта литографированная картин-

³³ Современник. 1836. Т. 3. С. 64.

³⁴ Там же. С. 71.

³⁵ Там же. С. 72.

³⁶ Там же. С. 86.

³⁷ Там же. С. 87.

ка. Сам эпизод пародирует мотивы либертинских «святок»: согласно обычной структуре нозеля (Noël) в некоем городе (или в каком-то местечке) распространяется слух о чудесном младенце, все устремляются ему навстречу. Сами рождественские «святки» уже являлись пародией на евангельский сюжет поклонения волхвов. Пушкин и Вяземский были авторами нозелей, использовали этот жанр как удобную форму для сатирического обозрения современной политики.³⁸ В гоголевском тексте имеет место пародия на пародию, придающая всей повести игровой интертекстуальный характер, близкий прозе самого Пушкина. У Гоголя толпы зевак, увлеченные слухом о гуляющем по городу носе, собираются его встречать перед магазином с неприличной картинкой; там же некий «спекулятор» торгует удобным для просмотра местом. Появившаяся в 1836 году картинка-реклама, маленький экфрасис Гоголя, завершала трагически-эротическую фокусировку повести.

О ЛИТЕРАТУРНОМ ФОНЕ «НОСА» И ТАБАКЕРКЕ С ПОРТРЕТОМ ДАМЫ

Классическая работа В. В. Виноградова «Сюжет и композиция повести Гоголя “Нос”» (1920, опубл. 1921) послужила началом изучению литературно-журнального фона повести Гоголя. В ней исследователь декларировал, что сюжетная конструкция «Носа» предполагает сложный смысловой контекст литературной и внелитературной «носологии» 20–30-х годов XIX в.³⁹ С легкой руки В. В. Виноградова именно «носология» оказалась в центре внимания и у позднейших исследователей повести: вокруг носа коллежского асессора Ковалева выросла уже очень значительная литература.⁴⁰ И это привело к некоторому «размыванию» проблемы: среди фоновых носологических текстов назывались самые разнородные произ-

³⁸ См.: *Проскурина В.* Стратегии либертинажа в XVIII веке: (Князь Д. П. Горчаков и его «Святки») // Русско-французский разговорник, или / ou Les Causeries du 7 September: Сборник статей в честь В. А. Мильчиной. М., 2015. С. 11–22.

³⁹ См.: *Виноградов В. В.* Натуралистический гротеск: (Сюжет и композиция повести Гоголя «Нос») // Виноградов В. В. Поэтика русской литературы: Избранные труды. М., 1976. С. 5–44.

⁴⁰ См.: *Бычкова А. Ю.* Ринология Н. В. Гоголя: Типологические аспекты: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2014; *Бёмиз М.* «Нос» Н. В. Гоголя в контексте европейской «носологии» // Русская литература и журналистика в движении времени: Ежегодник. 2018. М., 2019. С. 29–66; *Пильщиков И. А.* К поэтике и семантике гоголевского «Носа», или Что скрывают говорящие детали // Литературоман(н)ия: К 90-летию Ю. В. Манна. М., 2019. С. 218–237.

ведения — от третьесортной газетно-журнальной продукции⁴¹ до немецких романтиков, от «Тристрама Шенди» Лоуренса Стерна до физиогномических эссе «Похвала носу» Генриха Цшоке⁴² или полупародийного эссе «Панегирик носу» Николая Карлгофа.⁴³ Множественность и разнородность обнаруженных «источников» уводили от главного — от эротической подоплеки всей повести Гоголя.

Между тем еще одно примечательное изменение было внесено Гоголем в текст: чиновник Газетной экспедиции уже не просто нюхал табак во время разговора с Ковалевым (как это было в редакции 1835 года), но коварно предлагал табакерку майору:

«Не угодно ли вам понюхать табачку? это разбивает головные боли и печальные расположения; даже в отношении к геморроидам это хорошо». Говоря это, чиновник поднес Ковалеву табакерку, довольно ловко подвернув под нее крышку с *портретом какой-то дамы в шляпке*.⁴⁴

Примечательна также и реакция Ковалева, отсутствующая в прежней редакции:

Этот неумышленный поступок вывел из терпения Ковалева. «Я не понимаю, как вы находите место шуткам, — сказал он с серд-

---

⁴¹ Таковым, например, являлся текст под названием «Нос. Французский анекдот», напечатанный в 1831 г. в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду»» (№ 72. 9 сент. С. 562—564). Этот «анекдот» повествует о несчастной любви некоего обладателя огромного уродливого носа, закрывавшего все лицо, к бедной девушке Лауретте, жительнице Рима. Возможно, знакомство с этим текстом отозвалось в гоголевском наброске 1832 г. «Фонарь умирал», где студент в окне видит прекрасную женщину и господина во фраке с необычным носом.

⁴² Прозаические юморески немецкого и швейцарского писателя Цшоке (в современном написании — Чокке) были опубликованы в двух номерах газеты «Молва» за 1831 г. (№ 37. С. 161—167 и № 39. С. 195—201). См. также: Бёмиг М. Повесть Н. В. Гоголя «Нос»: Пародия на «Физиогномику» Лафатера? // Образы Италии в русской словесности. Томск, 2011. С. 196—211. К уже найденному можно добавить не отмеченное исследователями стихотворение «Похвала носу», напечатанное в той же «Молве» за 1831 г. (№ 11) без подписи. Оно принадлежит Д. П. Ознобишину. «Похвала носу» открывает этот номер: «Никто носов еще не пел, / А нос, из чувств едва ль не главной; / Его Создатель нам в удел / Дал всем, хоть в доле и неравной» (Молва. 1831. № 11. С. 1). В современном издании это стихотворение публикуется под названием «Нос» (см.: Ознобишин Д. П. Стихотворения. Проза. М., 2001. Т. 2. С. 488).

⁴³ Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1832. № 62. 3 авг. С. 489.

⁴⁴ Современник. 1836. Т. 3. С. 74—75; курсив наш. — В. П.

дем. — Разве вы не видите, что у меня нет именно того, чем бы я мог понюхать?»⁴⁵

Наконец, примечательны в редакции 1836 года размышления Ковалева о том, как и при каких обстоятельствах потеря носа была бы менее стыдна: «И пусть бы уже на войне отрубили или на дуэли».⁴⁶ В первоначальной редакции этой военной или дуэльной темы не было: «Будь я без руки или без ноги — все бы это лучше. Будь я без обоих ушей даже, все сноснее, но без носа человек хоть выбрось. Если бы кто-нибудь отрезал или я сам был причиною... но вот штука — пропал сам собою».⁴⁷

Последние изменения — о предложении понюхать табак из табакерки с портретом дамы в шляпке и упоминание войны как лучшего способа утратить нос — позволяют ввести в носологический контекст повести еще одно произведение. Здесь, возможно, содержится отсылка к «Тристраму Шенди» Лоуренса Стерна, к тем его главам, в которых вдова Водман обеспокоена судьбой раны в паху дяди Тоби, полученной им во время сражения при Намюре. В высшей степени эротизированные главы (в том числе и с многозначными многоточиями, введенными в тогдашнюю моду) содержат рассказ о попытках вдовы выяснить, способен ли дядя Тоби к супружеским отношениям.⁴⁸

Однако, вероятно, здесь для Гоголя было не менее важно и русское произведение, ускользнувшее от внимания исследователей.

В обширной сатирической традиции выделяется стихотворная сказка-басня Я. Б. Княжнина «Феридина ошибка» (1778), дважды публиковавшаяся в журналах, в том числе — в 1783 году в «Собеседнике любителей русского слова» Екатерины II и Е. Р. Дашковой. Позднее текст вошел во все собрания писателя, включая его «Сочинения» в пяти томах (1817—1818). Это третье издание сочинений, изданное с приложением биографии, написанной сыном, А. Я. Княжнинным, имелось и в библиотеке Пушкина.

В сказке Княжнина красавица размышляет о достоинствах молодого жениха, среди которых она более всего ценит добродетели, а не внешнюю красоту. Но тут случается война:

Любовник между тем, сражаясь в поле ратном,
В случае для него весьма превратном,

⁴⁵ Там же. С. 75.

⁴⁶ Там же. С. 77.

⁴⁷ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 395.

⁴⁸ См.: Стерн Л. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии. М., 1968. С. 520—534.

Среди военных страшных гроз
За общество утратил вправду нос.⁴⁹

Юный герой не беспокоится о чувствах Ферида, которая не раз объявляла всем знакомым, что душа ценнее всех физических качеств героя:

Потеря невелика.
Была бы лишь душа цела,
Которая Фериде так мила;
Ей нужды нет до лика.
Дурнее стал... так что ж?
Ведь нос не для любви, для табаку пригож...⁵⁰

Финал сказки обнажает все иллюзорные надежды утратившего нос героя, как и ложные обещания светской дамы:

Оцепенела вся Ферида,
У ног ее ей кажется злодей...
Кричит на слуг: «Какого странна вида
Впускаете ко мне людей?..»
— «Я тот... — любовник восклицает, —
Я самый тот, который не лицом —
Душой тебя прельщает,
А душу — ту же видишь в нем».
— «Так это ты? — Ферида отвечает. —
О! ты, который был мне прежде столько мил!
Ах! можно ли, чтоб нос так душу повредил!»⁵¹

Последняя строчка монолога Ферида звучала афористично, а сама бойкая и хорошо написанная «сказка» Княжнина вписывалась в контекст эротико-юмористических анекдотов.

Гоголь прекрасно знал и ценил пьесы Княжнина: еще в Нежинской гимназии юный Гоголь играл по крайней мере в двух княжнинских пьесах — в «Чудаках» и «Неудачном примирителе». Есть основания полагать, что знаком он был и с прочей поэтической продукцией Княжнина — возможно, еще с гимназических лет.

⁴⁹ Княжнин Я. Б. Избранные произведения. Л., 1961. С. 685 («Б-ка поэта». Большая сер.).

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. С. 685—686.

Но особенно важно, что фигура Княжнина оказывается значимой в пушкинском кругу середины 1830-х годов. Характерно, что Пушкин включает в «Капитанскую дочку» три эпитафии из Княжнина — два подлинных, третий фиктивный, написанный «в стиле Княжнина». Немаловажен и тот факт, что в своей монографии «Фон-Визин» Вяземский особо отметил Княжнина, чьи комедии перечитываешь «с удовольствием и смехом» и которого «должно признать» «первым комиком нашим». ⁵² Можно с осторожностью предположить, что анекдотическая сказка Княжнина могла быть известна автору «Носа».

ПУШКИНСКИЙ СМЕХ

Гоголь был чрезвычайно внимателен к эстетическим вкусам и стилевым пристрастиям в пушкинском кругу, желая всеми силами войти в этот круг, вписаться в него и занять в нем почетное место первого комического писателя. Он не мог пройти мимо очевидного увлечения смеховой, пародийной, иронико-комической или даже барковизанской литературой, культивируемой в этой среде.

Ядром «пушкинского круга» в середине 1830-х годов являлись авторы, прошедшие литературную школу «Арзамаса», «арзамасской галиматии», ориентированной на травестирование сакрального, на пародирование церковного ритуала. Широкий интертекстуальный пласт, вторжение пародии и травестии в высокие материи, — такие уроки берет Гоголь в кругу Пушкина.

Даже бытовые или эпистолярные нарративы Гоголь начинает адаптировать по образцам, культивируемым в этом сообществе. Посылая М. П. Погодину свои «Арабески», Гоголь пишет 22 января 1835 года: «Посылаю тебе всякую всячину мою. *Погладь ее и потрепли...*» ⁵³ Выделенная нами фразочка отсылала к шутовской оде Г. Р. Державина «На Счастье», где лирический герой призывает Фортуну-Счастье:

Простри и удостой усмешкой
Презренную тобою тварь;
И если я не создан пешкой,
Валяться не рожден в пыли,
Прошу тебя моим быть другом;

⁵² Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1880. Т. 5. С. 130.

⁵³ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 348; курсив наш. — В. П.

Песчинка может быть жемчугом,
Погладь меня и потрепли.⁵⁴

Наверняка Гоголь ощущал второй, непристойный, план этих державинских строк, в свою очередь отсылающих посвященных к традициям барковианы, в частности к оде «На воспоминание прошедшей молодости» (вероятным автором которой являлся Ф. И. Дмитриев-Мамонов).⁵⁵

Работа над новой версией «Носа», несомненно, проходила под влиянием как самого Пушкина, так и разговоров в пушкинском литературном кругу 1836 года. В. Э. Вацуро назвал этот процесс «влияния» Пушкина на Гоголя «плагиатами» Гоголя (видимо, по аналогии с известной работой М. О. Гершензона «Плагиаты Пушкина»).⁵⁶ Среди уже отмеченных исследователем «плагиатов» в «Носе» — изменение финала. Серия вопросов: «И для чего все это? К чему это? <...> Для какой цели? Что доказывает эта повесть?»⁵⁷ — отсылает к финалу «Домика в Коломне», где имелась схожая цепочка вопросов от недоумевающего читателя, жаждущего понять смысл рассказанной истории и ее мораль.⁵⁸

Но использованием (и обыгрыванием) мотивов из произведений Пушкина «влияние» пушкинского круга на гоголевскую повесть не ограничивалось. Важна была сама атмосфера разговоров. В пушкинском кругу, по свидетельству мемуаристов, любили сальные анекдоты и имели склонность к двусмысленным выражениям. Эта разговорная вольность культивировалась как знак утонченного либертинства, а тонкости в умении вести такие разговоры обозначали принадлежность к кругу.

Особенной страстью отличался Жуковский, Гоголь же вторил ему. А. О. Смирнова-Россет не раз вспоминала, что Жуковский очень любит шутить, пересказывать «все старые, мне известные анекдоты»; эти анекдоты Жуковского чаще всего имели отношение к природному «низу», как, в частности, его любимый рассказ о визите Жана-Поля Рихтера к герцогу Кобургскому.⁵⁹ При этом, любя затасканные и грязные анекдоты, Жуковский уклонялся от эротиче-

⁵⁴ Державин Г. Р. Стихотворения. Л., 1957. С. 127 («Б-ка поэта». Большая сер.); курсив наш. — В. П.

⁵⁵ См.: Проскурина В. Ю. Империя пера Екатерины II: Литература как политика. М., 2017. С. 242–243.

⁵⁶ Вацуро В. Э. «Великий меланхолик». С. 325.

⁵⁷ Современник. 1836. Т. 3. С. 89–90.

⁵⁸ См.: Вацуро В. Э. «Великий меланхолик». С. 326–327.

⁵⁹ См.: Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 57, 454 («Лит. памятники»).

ских разговоров в присутствии дам — та же Смирнова-Россет передавала, что он «в ужасе от сальностей».⁶⁰ Между тем она же подчеркивала, по контрасту, что «Пушкин — любитель непристойностей», что и она сама присутствовала на этих беседах.⁶¹

Гоголевские же анекдоты рискованно балансировали на грани непристойного или даже кощунственного — как в его известном устном рассказе о молитве в борделе.⁶² Согласно свидетельствам мемуаристов, Гоголь постоянно оказывался или слушателем, или рассказчиком анекдотов. В. А. Соллогуб даже очертил особенности гоголевского смеха — в сопоставлении с добродушно-наивной манерой князя В. Ф. Одоевского:

Он <Одоевский> отличался еще тою особенностью, что самым невинным образом и совершенно чистосердечно и без всякой задней мысли рассказывал дамам самые неприличные вещи; в этом он совершенно не походил на Гоголя, который имел дар рассказывать самые соленые анекдоты, не вызывая гнева со стороны своих слушательниц, тогда как бедного Одоевского прерывали с негодованием. Между тем Гоголь всегда грешил преднамеренно, тогда как князь Одоевский <...> был в самом деле невиннее агнца.⁶³

Князь А. И. Урусов приводит мнение А. А. Краевского о Гоголе, относящееся именно к 1836 году:

По словам одного из его современников, г. К<раевско>го (с которым я на днях беседовал и которого благодарю здесь за любезное сообщение некоторых сведений о Гоголе), в то время господствующим качеством (*qualité maîtresse*) Гоголя была необыкновенная сила сообщительного юмора при большой скрытности характера. <...> Любимый род его рассказов в то время были скабрзные анекдоты, причем рассказы эти отличались не столько эротическою чувствительностью, сколько комизмом во вкусе Раблэ.⁶⁴

В отношении к смеху, в принятии разговорной речи и даже «сальных» анекдотов, в культе простоты в общении и отсутствия

---

⁶⁰ Там же. С. 454.

⁶¹ Там же.

⁶² См.: Соллогуб В. А. Воспоминания. М.; Л., 1931. С. 311—313. См. об этом: Курганов Е. Я. Анекдот как жанр. СПб., 1997. С. 112—113.

⁶³ Соллогуб В. А. Воспоминания. С. 307.

⁶⁴ Князь Александр Иванович Урусов: Статьи его о театре, о литературе и об искусстве. Письма его. Воспоминания о нем. М., 1907. Т. 1. С. 273—274.

мещанского жеманства была своя программа, и этот своеобразный интеллектуальный элитизм отличал пушкинский круг. Отталкивание от жеманного языка мещанства, культ «простонародного» языка, приправленного барковианскими реминисценциями и внутренней игрой, пародийная стихия без всяких ограничений (в том числе и религиозных) — таковы были лингвокультурные тенденции пушкинского круга. Утопическое «истинно дворянское» общество, по Пушкину, должно было быть (помимо прочего) толерантным к игровой, фарсово-бурлескной или пародийной литературе. Образцом такого рода беллетристики и был признан «Нос».

Вера Проскурина

IV. ИЗ ИСТОРИИ ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

МИХАИЛ КРАСИКОВ

«ОТНОШЕНИЕ ХАРЬКОВА К А. С. ПУШКИНУ» Н. Ф. СУМЦОВА Некоторые комментарии

Николай Федорович Сумцов (1854—1922), профессор кафедры истории русской литературы Императорского Харьковского университета, член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук (1905), академик Всеукраинской академии наук (1919), литературовед, фольклорист, этнограф, музейщик, неутомимый общественный деятель, был человеком, в котором гармонически уживались страсть к украинистике¹ и любовь к русской литературе, которую он преподавал, изучал и популяризировал. В. Ф. Одоевский, Н. В. Гоголь, В. А. Жуковский, Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, А. П. Чехов, К. Д. Бальмонт, А. И. Герцен, А. С. Грибоедов, В. Г. Короленко, М. Ю. Лермонтов, Д. С. Мережковский, Ф. И. Тютчев, Е. А. Баратынский — вот далеко не полный список русских авторов, которым посвящены были научные и научно-популярные труды ученого. Однако знакомство с библиографией Н. Ф. Сумцова (увы, неполной, неточной и нуждающейся в доработке и переиздании), где имя Пушкина встречается 47 раз,² убеждает в том, что «Солнце русской поэзии» светило Николаю Федоровичу ярче всех других звезд российской словесности.

¹ См.: Мандебура О. Микола Сумцов і проблеми соціокультурної ідентичності. Київ, 2011. 276 с.; Сумцов М. Ф. Дослідження з етнографії та історії культури Слобідської України: Вибр. пр. / Упоряд., підготовка тексту, передм., післямова та прим. М. М. Красикова. Харків, 2008. 588 с. («Студії з фольклору та етнографії Слобожанщини»; Вип. 3).

² Микола Федорович Сумцов (1854—1922): Бібліографічний покажчик / Уклад. Н. І. Полянська, В. О. Савчук, В. З. Фрадкін, В. О. Ярошик за участю Г. М. Єрофеевої. Київ: Рідний край, 1999. 240 с.

Знаменательно, что в составленном самим филологом списке своих трудов, начинающемся с 1878 года, под № 2 значится: «Отношения А. С. Пушкина к жене (в газ. “Харьков” №№ 120, 121)».³ А последняя пушкиноведческая работа Сумцова, «Пушкин и Шевченко», была опубликована в московском журнале «Украинская жизнь» в 1917 году,⁴ за пять лет до смерти автора.

Мы не ставим перед собой цель проанализировать всю сумцовскую пушкиниану, остановимся только на одной его теме: Харьков и Пушкин. Эта тема волновала Сумцова и как краеведа, и как просветителя. Историческому изучению данного вопроса он посвятил статью «Отношение Харькова к А. С. Пушкину. (К открытию памятника Пушкина)» в своей любимой газете «Южный край» (1904), популярной и в Харькове, и за его пределами.

Начинает Сумцов свою статью сакраментальной фразой: «Долгое время Пушкину не везло в Харькове».⁵ Объясняет он это так: «Правда, его читали, иногда подражали, особенно украинские писатели 40-х годов, Писаревский, Макаровский и друг., но серьезного и вдумчивого отношения к его поэзии не было, ни среди местного образованного общества, которое в лице выдающихся своих представителей (напр., Квитки) более склонялось к Жуковскому и к поэзии украинской, ни среди профессиональных и признанных местных университетских представителей словесных наук».⁶ Удивительно, что Сумцов хронологию творческого диалога «харьковцев» (как говорили в XIX — начале XX века) с Пушкиным начинает с 1840-х годов. Как знаток истории Харьковского университета (первого на территории Украины, входившей в состав Российской империи), основанного в 1805 году, биограф (часто первый) местных филологов и литераторов, он, конечно, не мог не знать, что под влиянием Пушкина находились и авторы «Украинского журнала» (1824—1825).⁷ Однако впервые заявить об этом и текстуально доказать данный тезис довелось только в 1993 году харьковскому литерату-

---

³ Сумцов Н. Ф. Сумцов // Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805—1905). I. История факультета. II. Биографический словарь профессоров и преподавателей / Под ред. М. Г. Халанского и Д. И. Багалея; Вступ. ст. Т. Г. Павловой. [Репр. изд.]. Харьков, 2007. С. 106; pag. 2-я.

⁴ Сумцов Н. Ф. Пушкин и Шевченко // Украинская жизнь. 1917. № 3—6. С. 84—87.

⁵ Сумцов Н. Ф. Отношение Харькова к А. С. Пушкину: (К открытию памятника Пушкина) // Южный край. 1904. № 8102. 26 мая.

⁶ Там же.

⁷ См. об этом издании: Михайлин І. Нарис історії журналістики Харківської губернії. 1812—1917. Харків, 2007. С. 33—40.

роведу И. Я. Лосиевскому. В книге «Русская лира с Украины. Русские писатели Украины первой четверти XIX века» он показал, как быстро в произведениях литераторов-военных, живших в Чугуеве, но имевших тесные контакты с харьковскими «университетцами», в том числе с редактором издававшегося университетом «Украинского журнала» Александром Васильевичем Склабовским,⁸ появлялись прямые или завуалированные отклики на произведения Пушкина. Речь идет о таких авторах журнала, как Руфин Дорохов (давний друг Пушкина, воспетый им, как полагают некоторые исследователи, в послании «Счастлив ты в прелестных дурах...»), Михаил Юзифович (впоследствии упомянутый в «Путешествии в Арзрум» в качестве «поэта Ю.», автор воспоминаний о Пушкине), П. Г. Сиянов, Ф. С. Морачевский (начинавший как русский поэт, а впоследствии писавший по-украински) и других.⁹ Фраза Юзифовича (в послании «Князю П. А. Вяземскому») «Стих новый Пушкина встречали, / Как пиршество, бывало, мы»¹⁰ очень точно передает восприятие чугуевско-харьковской творческой молодежью произведений поэта, порой получаемых непосредственно от него (ректор университета И. Я. Кронеберг 9 января 1827 года доносил попечителю учебного округа Алексею Перовскому на разжалованного в солдаты Дорохова как на «имеющего переписку с Александром Пушкиным»¹¹) или от Михаила Щербинина, в 1824 году вышедшего в отставку и поселившегося под Харьковом в родовом имении Бабаи с женой — сестрой друга Пушкина П. П. Каверина. Как полагает исследователь, и из альбома Щербинина, где были два автографа стихотворений поэта, и из «тетрадей Каверина» (а Каверин бывал в Бабаях) чугуевцы и их харьковские друзья могли делать списки пушкинских произведений, в том числе не предназначенных для печати.¹²

Сумцов среди эпигонов Пушкина называет представителей «харьковской школы романтиков» Степана Писаревского и Михаил-

---

⁸ См. о нем: *Сумцов Н. Ф.* Склабовский // Историко-филологический факультет... С. 59–71; паг. 2-я.

⁹ О них см.: *Лосиевский И. Я.* Русская лира с Украины: Русские писатели Украины первой четверти XIX века. Харьков, 1993. С. 153–172.

¹⁰ Русский архив. 1877. №2. С. 234.

¹¹ *Лосиевский И. Я.* Русская лира с Украины. С. 155.

¹² Там же. С. 160. Однако хронологию отношений «Харьков — Пушкин» можно отодвинуть еще дальше — в 1810-е годы: ведь уже в лицейский период Француз хорошо знал лишенные назидательности блестящие сатирические миниатюры рано умершего выпускника Харьковского университета Акима Нахимова (1782–1814), повлиявшие, как считается, на его эпиграмматическое творчество (см.: Там же. С. 114–126).

ла Макаровского,¹³ но это отнюдь не очевидно (они находятся в русле украинской традиции) и требует специального исследования. Впрочем, романтическое творчество Пушкина харьковским литераторам 1830—1840-х годов (студентам Якову Щеголеву и Николаю Щербине в первую очередь), несомненно, импонировало. А некоторые из начинающих стихотворцев даже брались за вольные переводы. Например, Опанас Шпигоцкий (писавший и на русском, и на украинском) в 1831 году опубликовал в харьковском «Украинском альманахе» довольно удачное переложение на украинский начала пушкинской поэмы «Полтава» под заголовком «Марія»,¹⁴ а выпускник медицинского факультета Харьковского университета 1853 года Владимир Александров, неординарный украинский писатель и музыкант, даже перевел одно из произведений Пушкина на латынь.

Далее Н. Ф. Сумцов отчасти цитирует, отчасти пересказывает и комментирует иронично-саркастичное письмо 1828 года А. А. Дельвига к Пушкину из Харькова. Приведем его в изложении автора статьи: «Ваше поэтическое превосходительство! — писал Дельвиг. — Честь имею донести вам, что я уже десять дней нахожусь в Харькове, где не перестаю говорить о вас с гг. профессорами, судящими о вас по рекомендации Фаддея Венедиктовича» (Булгарина, т. е., очевидно, плохо). Отметив далее, что харьковцы, со слов Булгарина, «Цыган» Пушкина ставили выше всех произведений европейских муз, и заметив мимоходом в виде поправки, что «великие тени Гомера, Данте и Шекспира сами могут за себя говорить», Дельвиг добавляет не особенно любезно для самолюбия харьковцев: «притом же помыслил: да будет Булгарин пророком хотя бы во граде Харькове и да скажет он, услышав, как здесь верят в его слова: веры такой и в Израиле не обретох».¹⁵ Почему же восхищение «Цыганами», пусть и с апелляцией к авторитету Булгарина, вызвало у Дельвига такую реакцию? Уж ему ли, одному из публикаторов отрывков из этого произведения, было не знать, как восторженно приняли поэму и критики, и пишущая братия, и публика? Оценка издателя «Северной пчелы» и по смыслу, и по стилистике принципиально не расходилась с рецепцией и самого произведения, и творческого потенциала его автора литераторами «пушкинского круга», в том числе Дельвига. В письме Дельвига, написанном не позднее 18 февра-

¹³ См. их произведения: Романтики 20—40-х років XIX ст. / Упоряд., підгот. текстів, біограф. довідки і примітки Б. А. Деркача та С. А. Крижанівського; Вступ. ст. І. Айзенштока. Київ, 1968. С. 445—486, 545—598.

¹⁴ Там же. С. 491—492.

¹⁵ Сумцов Н. Ф. Отношение Харькова к А. С. Пушкину.

ля 1828 года, исследователи справедливо видят аллюзии на статью Ф. Булгарина «Рассмотрение русских альманахов на 1828 год», опубликованную в № 4 «Северной пчелы» от 10 января 1828 года: «Некоторые любители поэзии, привыкшие к чтению серьезных сочинений, недовольны тем, что А. С. Пушкин пишет более легкие пьесы. В трагедии своей “Борис Годунов” он доказал, до какой степени гибок талант его, как он умеет владеть языком и с каким искусством употребляет слог важный. *“Цыганы” есть одно из лучших созданий поэзии в Европе, а не в одной России.* Впрочем, каждая из напечатанных его пьес имеет свое особенное, свойственное ей достоинство».¹⁶

А далее Булгарин обосновывает тезис о полной творческой свободе писателя, что вполне соответствовало представлениям и Пушкина, и Дельвига:

Можно ли повелевать вдохновением, приказывать гению? Нет! Поэт (т. е. поэт истинный, а не умный человек, пишущий стихи по желанию писать), поэт пишет, что представляет ему его воображение, что диктует сердце.

Он не может, подобно математике, разрешать темы или писать на заданные рифмы. <...> Как можно требовать от поэта, чтобы он беспрестанно доказывал нравственные задачи! — Картины природы, сцены из общественной жизни, высокие порывы и заблуждения сердца человеческого, ум и безумие — одним словом, все, что только существует в природе, принадлежит поэзии, которая все украшает собою, говорит особенным языком. Нет науки быть поэтом; для поэзии нет правил, исключая механизма стихов. Все, что хорошо, превращается в правило для потомства, и все роды хороши, если исполнены так, как исполняет их Пушкин.¹⁷

Фраза же Дельвига про тени классиков — аллюзия на булгаринское восхищение в той же статье:

Отрывок из трагедии сего же поэта «Борис Годунов». Явление происходит в 1604 году, 16 октября, на границе литовской. Я не могу удержаться, чтоб не украсить «Пчелы» этим отрывком, и, прося извинения у издателей «Сев<ерных> цветов» (т. е. Дельвига. — М. К.), выписываю эту сцену, которая мне кажется совершенством по слогу, по составу и по чувствам. Какое познание характеров,

¹⁶ Пушкин в прижизненной критике. 1828—1830 / Под общ. ред. Е. О. Ларионовой. СПб., 2001. С. 31; курсив наш. — М. К.

¹⁷ Там же.

сердца человеческого, местных обстоятельств. *Тени Шекспира, Шиллера, возрадуйтесь!*¹⁸

Так откуда же в письме Дельвига столько яда? Оттого ли, что дифирамбы другу поет бездарь и мерзавец, которого однокашник поэта в 1824 или 1825 году вызывал на дуэль, да тот отделался изящной фразой, понравившейся Пушкину: «Скажите барону Дельвигу, что я на своем веку видел более крови, нежели он чернил» (XII, 159)? Или оттого, что харьковские профессора не в состоянии оказались высказывать собственные мысли, а могли только пересказывать чужие суждения, да и то, видимо, лишь из одного источника, который почитывали, — газеты «Северная пчела»? Скорее всего, в тональности письма сыграли роль оба фактора. Однако интересный вопрос — а с кем же именно общался в Харькове Дельвиг? Со стопроцентной вероятностью можно назвать две фамилии — Борзенков и Золотарев.

Дмитрий Семенович Борзенков (Борзенко) родился в г. Ахтырке (ныне Сумской обл.) в 1777 году, после обучения в Харьковском коллегиуме окончил историко-филологический факультет Харьковского университета и с 1808 года служил в Воронежской гимназии. С 1811 года преподавал русскую словесность в Харьковском университете, с 1826 года — ординарный профессор, а в 1826—1828 годах — декан историко-филологического факультета. Скончался в 1830 году. Известен был как переводчик — в частности, перевел с латыни диссертацию своего коллеги, профессора философии И. Б. Шада, изгнанного за вольнодумство из России. Был первым биографом Акима Нахимова (его обширной статьей открывается московское издание произведений поэта 1822 года). В 1819 году в харьковском журнале «Украинский вестник» опубликовал прекрасный некролог одному из соредкторов журнала Разумнику Гонорскому. По словам Сумцова, «в университете проф. Борзенков читал введение в круг словесности, риторику и петику по Рижскому (имеется в виду учебник «Опыт риторики» И. С. Рижского. — М. К.) с упражнениями в слоге, потом эстетику и критику по Мейнерсу, историю русской словесности по руководству Греча. О характере преподавания сохранились неблагоприятные отзывы в смысле большого следования печатным руководствам и привнесения в лекции посторонних рассказов и анекдотов <...>. Проф. Борзенков был человек светский, общительный и веселый.

¹⁸ Пушкин в прижизненной критике. 1828—1830. С. 31; курсив наш. — М. К.

“Везде он был приятным гостем и всегда умел занять общество своими каламбурами и рассказами”. Товарищи его любили.¹⁹

Бывший студент Борзенкова А. Г. Розальон-Сошальский удостоил своего педагога лишь такой фразы: «...преподавание его не увлекало никого».²⁰ И. И. Боровиковский написал подробней:

Теорию изящного читал нам профессор Дмитрий Семенович Борзенков, по каким-то старым запискам, далеко не изящным. Примерами изящного не пояснял своей теории, не обременял нашего внимания; едва принял в пример высокую известную оду Горация *justum ac tenacem* <За правое дело стой смело — лат.> да один из псалмов Давида: во исходе израиляеве из Египта. Но многословное его объяснение только затемняло, а не объясняло образец; его перевод Горациевой оды был контраст с метким отчеканенным переводом Кронеберга. Дмитрий Семенович был чрезвычайно тучного сложения, часто болел и пропускал лекции.²¹

Заканчивавший курс эстетики вместо заболевшего Борзенкова П. П. Гулак-Артемовский прочел со студентами «Опыт науки изящного» А. И. Галича, «сопровождая чтение своими пояснениями. Мы из этого чтения, в немногие лекции, больше позаимствовались, нежели в годичный курс Дмитрия Семеновича».²² Еще один мемуарист подтверждает такую характеристику Борзенкова:

Профессор Борзенко, ученик первого ректора университета Рижского, не умел поддержать известности и достоинства своего наставника и предместника. Он имел самые поверхностные сведения о своем предмете и никогда не относился к нему добросовестно. Его лекция никогда не выходила из рамок чужого печатного руководства, которому он следовал. <...> Вообще Борзенко, не чувствуя никакого призвания к науке, не утомлял себя учеными трудами и вел жизнь беспечного сибарита: любил поспать, покушать, а часто и выпить без меры.²³

---

¹⁹ *Сумцов Н. Ф.* Борзенков // Историко-филологический факультет... С. 57–58; паг. 2-я; курсив наш. — М. К.

²⁰ *Розальон-Сошальский А. Г.* Мои воспоминания // Харківський університет XIX — початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців: У 2 т. Харків, 2008. Т. 1. С. 36.

²¹ *Боровиковский И. И.* Воспоминания о Полтавской гимназии и Харьковском университете за полстолетия назад // Там же. Т. 1. С. 95.

²² Там же. С. 96.

²³ Из воспоминаний студента Н. // Там же. С. 102.

Немногим отличался от своего патрона и Иван Яковлевич Золотарев (1801—?). Уроженец Черкаска, он окончил Харьковский университет и с 1823 года читал курс риторики; «в 1826 г. ему было поручено чтение лекций по поэзии; в 1829 г. был утвержден в должности адъюнкта по русскому языку и словесности. <...> В университете Золотарев читал риторику по Рижскому, поэзию, историю русской словесности, временно логику и психологию по рукописи Дудровича. Золотарев читал лекции довольно порядочно, хотя и не пользовался большим расположением студентов»²⁴. И. И. Боровиковский вспоминал: «Лектор Иван Яковлевич Золотарев читал нам риторику: удивительную имел способность читать наизусть риторику Могилевского («Российская риторика, основанная на правилах древних и новейших авторов» А. Г. Могилевского. — М. К.); зато чтение было монотонное, наводившее сон».²⁵

Как видим, Борзенков и Золотарев отличались начетничеством, собственных мнений о литературных предметах, за ненадобностью, не имели и могли только позабавить Дельвига своим убогим провинциализмом: уровень Булгарина — это и был их уровень.

Странно, но Сумцов не приводит в своей статье известное высказывание Пушкина о Харьковском университете, хотя после письма Дельвига оно просто просится, так как является реакцией именно на него. В «Путешествии в Арзрум» есть известные строки: «Мне предстоял путь через Курск и Харьков; но я своротил на прямую тифлисскую дорогу, жертвуя хорошим обедом в курском трактире (что не безделица в наших путешествиях) и *не любопытствуя посетить Харьковский университет, который не стоит курской ресторации*» (VIII, 446; курсив наш. — М. К.). Разумеется, в мае 1829 года, когда Пушкин решал, как ему ехать на Кавказ, у него еще был свеж в памяти сформированный Дельвигом негативный образ харьковской профессуры (вполне отвечавший, как мы увидели, действительности), и знакомиться с провинциальными версиями Булгарина ему точно не хотелось.

Далее Сумцов пишет о харьковском профессоре-филологе Василии Алексеевиче Якимове (1802²⁶—1853) и цитирует воспомина-

²⁴ Сумцов Н. Ф. Золотарев // Историко-филологический факультет... С. 73.

²⁵ Боровиковский И. И. Воспоминания о Полтавской гимназии и Харьковском университете за полстолетия назад. С. 95.

²⁶ Л. А. Черейский обозначает 1803 год как дату рождения Якимова (см.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1988. С. 521), однако Н. Ф. Сумцов и современные харьковские историки в публикациях о нем указывают 1802 год (см.: Харківський університет XIX — початку XX століття... Т. 1. С. 324).

ние, где сообщается, что в 1840-е годы профессор разлюбил новейшую литературу «и даже таких поэтов, как Жуковский и Пушкин, которых прежде сам был поклонником».²⁷ Исследователь справедливо отмечает, что, видимо, «самое поклонение Пушкину со стороны Якимова было очень поверхностное»,²⁸ однако почему-то не упоминает хорошо ему известный факт личного знакомства Якимова с поэтом. Специалист по творчеству В. Ф. Одоевского (автор диссертации и монографии о нем²⁹), Сумцов прекрасно знал публикацию в «Русском архиве» за 1864 год записки князя Пушкину от 27 марта 1833 года с приглашением в гости (ее он цитирует в своей статье о В. А. Якимове): «Не угодно ли Вам будет, Александр Сергеевич, выслушать Шекспирова Венецианского купца, переведенного г. Якимовым, который собирается перевести всего Шекспира? Завтра <...> Яким<ов> будет читать свой перевод у меня, и Вы много и его и меня порадуете, если захотите быть в числе слушателей. Я пригласил и кн. Петра Андреевича <Вяземского>» (XV, 56). Пушкин не «порадовал» ни хозяина, ни гостя: «...не смог приехать или намеренно уклонился, ссылаясь на “деловое свидание”».³⁰ По нашему мнению, верно второе.

Академик М. И. Сухомлинов о якимовском переводе отзывался мягко: «Перевод вышел во многих местах неуклюжим, и переводчик не достиг своей цели усвоить русской литературе произведения знаменитого английского драматурга».³¹ Н. И. Костомаров же выражается куда резче, утверждая, что Якимов «прославился в свое время бездарнейшим переводом Шекспира, из которого студенты приводили места в пример бессмыслицы».³²

М. Ф. Де-Пуле отмечал, что «Якимов принадлежал к числу литераторов [18]20—[18]30-х годов; на тогдашнем мирозерцании он остановился и не пошел далее; с тогдашними воззрениями на литературу он и остался».³³ По сути же, Якимов застрял вообще в XVIII столетии: «Он писал для актов торжественные речи, был убежден в необходимости писать такие же стихотворения и даже *песнопения*, требовал от студентов того же, хотел, чтобы они изуча-

²⁷ Сумцов Н. Ф. Отношение Харькова к А. С. Пушкину.

²⁸ Там же.

²⁹ См.: Сумцов Н. Ф. Князь В. Ф. Одоевский. Харьков, 1884. 63 с.

³⁰ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. С. 522.

³¹ Цит. по: Сумцов Н. Ф. Якимов. С. 75.

³² Там же. С. 74.

³³ Де-Пуле М. Ф. Харьковський університет и Д. И. Каченовский: Культурный очерк и воспоминания из [18]40-х годов // Харківський університет XIX — початку XX століття... Т. 1. С. 292.

ли “Россиаду”; но, к счастью, требовал и хотел он всего этого как-то сонно и апатично. Якимов читал словесникам эстетику довольно сносно и историю русской литературы уже совсем плохо». ³⁴

М. И. Сухомлинов недоумевал по поводу напыщенной речи в стихах «Дар Слова», произнесенной Якимовым в 1831 году на торжественном акте Харьковского университета: «Станным может показаться, что такие вирши не только читались с университетской кафедры, но что они были выслушаны с большим удовольствием и оказалась потребность напечатать их». ³⁵

В начале марта 1832 года Якимов приехал в Петербург. «Я его познакомил с Одоевским, — писал 5 марта 1832 <года> А. В. Веневитинов М. П. Погодину, — и на сих днях мы с ним вместе поедим к Пушкину”. Эта встреча состоялась, и Я<кимов> преподнес поэту свою брошюру “Дар слова” (СПб., 1932) с дарительной подписью (помета: СПб., 20 марта 1832). 28 марта 1833 <года> Я<кимов> у В. Ф. Одоевского читал свой перевод “Венецианского купца”». ³⁶

Можно ли сомневаться, почему Пушкин манкировал приглашением к Одоевскому? Затхлостью и архаикой повеяло на него и от риторических пассажей подаренной книжки, и от самого автора, явно не очаровавшего его ни умом, ни талантом.

Говоря о харьковских русистах 1860—1870-х годов, Сумцов отмечает, что тогда в университете работали выдающиеся ученые — Н. А. Лавровский и А. А. Потебня, «но они совсем не касались Пушкина, ни в лекциях, ни в оставленных монографиях». ³⁷ Но в работе 1894 года «Материалы для истории Харьковского университета» ученый утверждал: «Из поэтов Потебня любил Гомера, Шекспира, Шиллера. Особенно близки его сердцу были Пушкин, Тютчев и Шевченко». ³⁸ Как студент, а впоследствии ближайший сотрудник и друг Потебни, принявший от него «научное крещение» (Александр Афанасьевич был официальным оппонентом на защитах трех диссертаций Николая Федоровича), Сумцов прекрасно знал круг любимых авторов, цитировавшихся при случае великим филологом. Стоит открыть труды Потебни, чтоб убедиться, что

³⁴ Де-Пуле М. Ф. Харьковский университет и Д. И. Каченовский. С. 292.

³⁵ Сумцов Н. Ф. Якимов. С. 76.

³⁶ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. С. 521—522; книга сохранилась в библиотеке Пушкина, см.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: (Библиографическое описание). СПб., 1910. С. 119. № 441.

³⁷ Сумцов Н. Ф. Отношение Харькова к А. С. Пушкину.

³⁸ Сумцов Н. Ф. Материалы для истории Харьковского университета. Харьков, 1894. С. 12.

пушкинское творчество было для него актуальным,³⁹ хотя специальных исследований о поэте он действительно не написал.

Любопытно, что фраза об игнорировании Потебней наследия Пушкина задела В. И. Харциева, еще одного ученика корифея филологии. В газете «Харьковский листок» в 1904 году появилось его «Письмо в редакцию», которое нам представляется уместным привести почти полностью, тем более что оно выпало из поля зрения как составителей библиографии А. А. Потебни,⁴⁰ так и исследователей наследия Харциева:

Как бывший слушатель Потебни, позволю себе сделать маленькую поправку. Потебня был глубоким, редким знатоком и ценителем поэзии Пушкина и в своих лекциях по теории поэзии в 80-х годах очень много внимания уделял Пушкину. (См. мои «Воспоминания об А. А. Потебне».⁴¹) В настоящее время печатается в Харькове большая, оставленная в рукописи работа Потебни, где Пушкину отведено весьма видное место⁴². Слушатели курсов Потебни в 80-х годах, в особенности во 2-й половине этого десятилетия, знакомились главным образом с тем, что такое синтаксис русского и всякого вообще языка, что такое поэтическое творчество как явление языка и мысли и как много сделал Пушкин для правильной постановки и решения вопроса о том, что такое поэт и поэзия. На практических занятиях (Чтение и разбор поэтических произведений) при чтении и комментариях таких произведений, как «Родословная моего героя», «Чернь», «Разговор с книгопродавцем», «Египетские ночи» и пр., слушатели Потебни буквально чувствовали, как открываются у них глаза и уши на вещи, которых они никогда бы не узнали, читая сами Пушкина и его критиков. В аудитории № 2 Харьковского университета, памятной каждому филологу-словеснику, мы учились под руководством Потебни читать и понимать поэзию Пушкина так, как редко удается университет-

³⁹ См., например: *Потебня А. А.* Слово и миф. М., 1989. С. 227, 230, 235—237, 564.

⁴⁰ См.: Олександр Опанасович Потебня: (До 170-річчя з дня народження): Бібліогр. покажч. / Уклад. В. Ю. Франчук, Ф. Х. Широкоград, Ю. Ю. Полякова; Вступ. ст. Ф. Х. Широкоград; Бібліогр. ред.: С. Б. Глибицька. Харків, 2005. 152 с.

⁴¹ См.: *Харциев В. И.* Воспоминания об Александре Афанасьевиче Потебне // Славянское обозрение. 1892. Т. 2. Май—июнь. С. 120—126; Август—сентябрь. С. 364—376.

⁴² Речь идет о кн.: *Потебня А. А.* Из записок по теории словесности: Поэзия и проза. Тропы и фигуры. Мышление поэтическое и мифическое. Приложение / Вступ. ст. В. И. Харциева. Харьков, 1905. 646 с.

ским слушателям: поэт действительно жег наши сердца своим глаголом.⁴³

Василий Иванович Харциев (1866—1937), учась в 1886—1890 годах в Харьковском университете, был душой небольшого кружка студентов-филологов, которым А. А. Потебня, уже тяжело больной, читал дома приватные лекции. Впоследствии преимущественно именно Харциев работал над рукописями своего учителя, готовя их к публикации, сопровождая вступительными статьями, анализируя и развивая его идеи.⁴⁴ Отдал он дань и пушкинистике.⁴⁵

В заключение приведем еще один пассаж из статьи Сумцова, где автор говорит о себе:

В 1895 г. на бывших тогда женских курсах пишущий эти строки прочитал восемь лекций о Пушкине, а вскоре, в 1897, 1898, 1900 г., прочитаны были мной специальные курсы о Пушкине студентам филологического факультета, часть которых вошла в изданные в 1900 г. мои «Исследования о Пушкине».⁴⁶ Упоминаю об этом потому, что, сколько мне известно, это были первые в харьковском университете курсы о поэзии Пушкина. Возникновение специаль-

---

⁴³ Харциев В. И. Письмо в редакцию // Харьковский листок. 1904. № 1438. 28 мая. С. 3.

⁴⁴ См.: Харциев В. И. 1) Новый труд по истории языка и мысли А. А. Потебни: (Посмертное издание) // Труды Пед. отдела при Харьковском историко-филологическом обществе. 1899. Вып. 5. С. 143—162. (Рец. на кн.: Потебня А. А. Из записок по русской грамматике: III. Об изменении значения и заменах существительного / Предисл. В. И. Харциева. Харьков, 1899. 663, 5 с.); 2) Основы поэтики: (Лекции Потебни) // Вопросы теории и психологии творчества. СПб., 1910. Т. 2. Вып. 2. С. 1—98; 3) Посмертные материалы А. А. Потебни // Памяти А. А. Потебни. Харьков, 1892. С. 75—87; Потебня А. А. 1) Полн. собр. соч. 5-е изд., пересмотр. и испр. Одесса, 1926. Т. 1: Мысль и язык / Под ред. Комитета по изд. соч. А. А. Потебни при ВУАН; Вступ. ст. В. И. Харциева. XXXIX, 205 с.; 2) Из лекций по теории словесности: Басня. Пословица. Поговорка / Под ред. В. И. Харциева; Вступ. ст. Д. И. Багалея, А. М. Финкеля и В. И. Харциева. 3-е изд. Харьков, 1930. 132 с. и др.

⁴⁵ Чтение об Александре Сергеевиче Пушкине 26 мая 1899 г., в 100-летнюю годовщину его рождения / Сост. В. И. Харциев; Под ред. И. П. Хрущева. Харьков, 1899. 46 с.; Харциев В. И. Пушкинские принципы в творчестве Гоголя // Харьковский университетский сборник в память В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя. Харьков, 1903. С. 163—170.

⁴⁶ Сумцов Н. Ф. А. С. Пушкин: Исследования. Харьков, 1900. 350 с. Кроме отдельного издания, эта работа под названием «Исследования о поэзии А. С. Пушкина» вошла целиком в изданную под редакцией Н. Ф. Сумцова, Д. И. Багалея и М. Е. Халанского книгу «Харьковский университетский сборник в память А. С. Пушкина (1799—1899)» (Харьков, 1900).

ных университетских курсов о Пушкине было обусловлено в значительной степени общими успехами науки. Проф. А. И. Кирпичников, открывая в 1898 г. в московском университете курс лекций о Пушкине, курс, который никогда до 1898 г. в московском университете не читался, счел своим долгом объяснить трудность, почти невозможность научных лекций по новой русской литературе, совершенно не разработанной. «Немецкий профессор, говорил по этому поводу А. И. Кирпичников, может читать специальный курс, положим, хоть о Валленштейне Шиллера, потому что в Германии все предварительные работы давно уже сделаны, материалы собраны, жизнь Шиллера известна изо дня в день и т. д. А у нас еще далеко не собраны и не установлены самые тексты наших классиков, не говоря уже об их письмах, а равно ничего не сделано для изучения среды, в которой они жили и действовали.⁴⁷

Кирпичников был руководителем первых литературоведческих работ Сумцова. Во многом ученик шел за своим учителем, усваивая и развивая его методы научного анализа. Но в разработке пушкинского спецкурса Сумцов опередил Кирпичникова на три года, и это был не только в Харьковском университете первый спецкурс по данной проблематике, но, возможно, первый или один из первых в России. Книга, изданная на его основе, нашла благожелательных читателей и критиков; рецепция ее современниками заслуживает отдельного изучения.

В силу ограниченного объема мы прокомментировали не все положения статьи «Отношение Харькова к А. С. Пушкину», не коснулись ряда персоналий, о которых стоило бы поговорить. Остается добавить, что Н. Ф. Сумцов был не только «кабинетным ученым», но и человеком с «общественной жилкой» (в том числе многолетним гласным Харьковской городской думы) и в этом качестве много сделал для увековечения памяти Пушкина в Харькове. Но это тоже тема отдельного исследования.

---

⁴⁷ Сумцов Н. Ф. Отношение Харькова к А. С. Пушкину.

ИЛЬЯ ВИНИЦКИЙ

ПУШКИН В КИЕВСКОМ СОФИЙСКОМ СОБОРЕ

О ключевом эпизоде романа И. А. Новикова

«Пушкин на юге»

Ти спокусив красу цій діві мрійній
Ще й запити насмілився робить!
Геть зараз же, бешкетник неспокійний,
А то тебе я змушу затремтіть!

*О. С. Пушкін, «Гавриїліада».
Пер. з рос. Є. Дроб'язка (1957).*

Раю, раю,
Темний гаю!
Чи я молодая,
Милий Боже,
в Твоім раю
Чи я погуляю,
Нагуляюсь?

Тарас Шевченко, «Марія» (1859)

С реальним Києвом автор условно-киевской иронической поэмы «Руслан и Людмила», баснословной «Песни о вещем Олеге» и жанрового стихотворения «Гусар» был связан очень мало. В первый раз он побывал здесь проездом по пути из Петербурга в Екатеринослав в конце мая 1820 года. Потом приехал в начале 1821 года и остановился на короткий срок в доме генерала Николая Раевского.¹ От киевских впечатлений в его творчестве остался образ «топо-

---

¹ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 1: 1799—1824 / Сост. М. А. Цявловский. С. 179, 183, 229—231. В воспоминаниях киевлянки В. И. Анненковой (урожд. Бухарина; 1795—1870) приводится

ля киевских высот» (прекрасная Мария Кочубей в «Полтаве») и беглое воспоминание об исторических древностях, которые он (якобы) видел в Киево-Печерской лавре и Софийском соборе (а скорее всего, прочитал о них у Карамзина и Бантыш-Каменского²). Между тем до нас дошло одно удивительное, хотя и мало-достоверное предание, связывающее поэта с великим городом и древней традицией. Сказку эту (своего рода незаконнорожденное «киевское» дитя русского символизма) мы бы хотели поведать теперь свету.³

ПЛАМЕНЕЮЩИЙ СТЕБЕЛЬ

В романе хорошего писателя, переводчика, «умного человека» (по словам Л. Н. Толстого) и склонного к мистицизму «голубоглазого мечтателя» (по выражению Бориса Зайцева) Ивана Алексеевича Новикова (1877—1959)⁴ «Пушкин на юге»⁵ описывается визит молодого поэта и его киевского друга Николая Раевского-младшего (сына генерала) в Софийский собор. Приходят они туда по просьбе Пушкина рано утром. Сонный Раевский ворчит: «Да у тебя там свидание, что ли?» — «Вроде того, — смеется поэт. — Хочу очиститься от скверны и подышать горным воздухом».⁶

шутка Пушкина, побывавшего у них в феврале 1821 г.: «Молодой поэт Пушкин был сослан за стихи в Киев, и он говорил, что “Язык его довел до Киева и, может быть, даже за Прут”» (цит. по: Андроников И. Л. Лермонтов: Исследования и находки. М., 1964. С. 162). Возможно, что Пушкин побывал в Киеве еще раз проездом из Кишинева в конце 1822 г. (Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 1. С. 504—505).

² Так, надгробная надпись Кочубею и Искре, якобы списанная Пушкиным непосредственно с могильной плиты в бытность его в Лавре, на самом деле представляет собой выписку из «Истории Малой России» Д. Н. Бантыш-Каменского (М., 1822. Ч. 3. С. 231; см.: Флейшман Л. С. Поэзия как проза: Нарратор в пушкинской «Полтаве» // *Analysieren als Deuten: Wolf Schmid zum 60. Geburtstag*. Hamburg, 2004. S. 328).

³ Выражаю признательность А. Ю. Балакину, А. А. Долинину и О. А. Прокуруину за ценные замечания, высказанные по поводу этой работы.

⁴ О творчестве и мировоззрении этого необычного и недооцененного автора см.: И. А. Новиков в кругу писателей-современников: Сб. научных статей, посвященный 125-летию со дня рождения И. А. Новикова. Орел; Мценск, 2003; Грачева А. М. Новиков Иван Алексеевич // *Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: Библиографический словарь: В 3 т. / Под ред. Н. Н. Скатова*. М., 2005. Т. 2. С. 660—661.

⁵ Первые части романа напечатаны (в сокращении): Новый мир. 1943. № 7—11; отд. изд.: М., 1944. В 1947 г. в переработанном виде выпущен как часть дилогии «Пушкин в изгнании».

⁶ *Новиков И. А. Пушкин на юге* // Новый мир. 1943. № 7—8. С. 37.

И «свидание» это, по словам повествователя, «все ж таки состоялось» — как своего рода рандеву... с самой Девой.

Осматривая иконостас и колонны в древнем храме, новиковский Пушкин останавливает взор на «чудесной мозаике» Девы Марии (речь идет о знаменитом Киевском Благовещении XI века), в которой видит «не приснодеву, а подлинную земную девушку», занимающуюся работой: «в одной руке кудель, в другой нить, на нити веретено». Ему кажется, что она «приостановилась, глядит» и видит, как «на другой стороне арки» архангел Гавриил «шагает в сандалиях, шаг размашист, широк».⁷

Раевский авторитетно разъясняет поэту, что Гавриил держит посох как «символ всех путников, всех посланцев во имя божие», но Пушкин с усмешкой отвечает, что хотя он и сам поэт-странник и посланник богов, но видит здесь *иной* — судя по приведенному ниже описанию, одновременно высоко религиозный и вполне себе материальный, даже физический — объект:

Действительно, посох кажется больше похожим на огромный стебель лилии, только почему же он красный? А над пальцами правой руки, средним и указательным, поднятым вверх, действительно не столько крест, венчающий жезл, сколько розетки цветка. Однако же стебель вверху пламенеет гранатовыми цветными пятнами между белых звездочек-лепестков. Посланец небес только ступил на милую грешную землю, как уже горячий огонь обжег его внезапною страстью. И тот же огонь уже зажег пряжу Марии: кудель, нить, веретено.

А может быть, и наоборот — ответ ее пурпурной пряжи осветил собою ответным огнем *цветок из небесных садов*?⁸

Далее Новиков романтически (вспоминается программная статья В. А. Жуковского о Рафаэлевой Мадонне) описывает процесс спиритуального сближения, если не соития, зрителя и Марии:

Они еще не близки, но видят друг друга. Пространство их разделяет, и это пространство полно пламенеющим морем свечей, и каждая свеча как открытое, горящее сердце. И внезапно в хоре стал различим раньше терявшийся между других молодой женский голос, и в нем была вся полнота цветущей, ликующей жизни. Это было чудесно, как если бы солнце раздвинуло своды и засияло на вышине.⁹

⁷ Новиков И. А. Пушкин на юге. С. 37.

⁸ Там же; здесь и далее курсив в цитатах мой. — И. В.

⁹ Там же.

Наконец, «и библия, и Парни, и Вольтер, и эта мозаика в храме, сквозь бледные краски которой пурпуром глянуло солнце язычества, да и не язычества... а солнце земли, на ней творящее жизнь, и это потрескивание горящих свечей, и мреющий воздух над ними, — все это вместе» начинает «*колыхаться*» в воображении поэта

в каком-то *внезапном, поэтически-ясном, озорном и чистом одновременно* — в замысле? Нет еще... Но в *предчувствии* — да.

В этом свете огней, усиленном еще и отсветом, идущим от пышных царских врат, позолоченных, богато украшенных выпуклою растительной орнаментикой, и лицо самого Пушкина, со сжатыми губами и немигающим взором, как бы мерцало — в ладу и соответствии с возникавшим в душе *скрытым волнением, то застывшим порою, то вновь разгоравшимся*.¹⁰

Этот порыв замечает Раевский, ибо «дружба внимательна»:

— Да что ты? — спросил он тихонько. — А ведь и верно: ты сам... ты и сам ведь сейчасходишь на Гавриила. Пушкин лишь усмехнулся и отвечал очень коротко:

— Пожалуй, пойдём.

Так и случилось, что в это утро в нем проросло новое детище — «*Гаврилиада*», *зачатое в Киеве, осуществленное потом — в Кишиневе*.¹¹

Таким образом, результатом вспыхнувшей страсти Пушкина к киевской Марии оказывается «зачатие» им (в нем) замысла веселой кощунственной поэмы, родившейся через несколько месяцев в бессарабском городишке.¹² Иначе говоря, перед нами весьма не-

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 36—37.

¹² Как любезно указал нам О. А. Проскурин, мотив «зачатия» является сквозным в новиковском осмыслении и описании творчества (в том числе и собственного). Проскурин приводит пример из письма писателя Н. И. Замошкину (редактору его романов о Пушкине) от 25 июля 1943 г.: «...в Тбилиси выйдет книжечка, зачатая и рождаемая в Грузии (9 месяцев, как подобает уважающей себя матери)...» (цит. по: *Дейч Е. К.* Эпистолярное наследие И. А. Новикова в фондах РГАЛИ // И. А. Новиков в кругу писателей-современников. С. 145). И еще один пример из письма от 7 сентября 1943 г.: «Думаю, что не случайно Михайловская осень 1924 года, когда и я бродил по берегам Сороти, зачала мой роман о Пушкине» (Там же. С. 141). Истоки этого образа, по мнению Проскурина, следует искать уже в раннем, символистском периоде его творчества. Заметим, что бытующая в немногочисленных работах о Новикове (см. упоминавшуюся вы-

Благовещение. Мозаика Софийского собора (Киев)

тривиальная версия непорочного зачатия, в которой Пушкин выступает как роженица!

В предлагаемой статье мы постараемся показать, какую роль играет это фривольное видение в романе пожилого советского писателя Новикова и как связано оно с его оригинальной теорией художественного творчества, киевскими реалиями, символистской традицией начала XX века и русской пушкинистикой 1900—1940-х годов.

ше статью А. М. Грачевой из библиографического словаря «Русская литература XX века») концепция постепенного преодоления писателем символизма не представляется нам убедительной. Скорее имеет смысл говорить о трансформации или мимикрии символизма и эстетического богоискательства в его советских произведениях.

Начнем с того, что Новиков сознательно включает в видение поэта в киевском храме образ (и голос) реальной молодой женщины, полной «цветущей, ликующей жизни». Речь здесь, несомненно, идет о юной дочке генерала Раевского Марии Николаевне (1804¹³—1863), которую писатель считал пушкинской музой «южного периода». В самом деле, накануне визита в Софийский собор «на свидание» с Приснодевой новиковский Пушкин остается с юной Раевской (его «вечерней звездой, миром и покоем») один на один в библиотеке и читает (по сути дела, подносит) ей стихотворение «Редеет облаков летучая гряда...» («Таврическая звезда»).¹⁴ О последних двух строках («И дева юная во мгле тебя искала / И именем своим подругам называла») Мария говорит, что их нельзя печатать: «Нельзя: это ведь было... А я не хочу...» (с. 32). История любви поэта к Марии представляет собой одну из важных сюжетных линий романа «Пушкин на юге». Много лет спустя Новиков и его падчерица Марина Владимировна Новикова-Принц (1912—1989) напишут основанное на этом произведении либретто оперы под говорящим заглавием «Пушкин в изгнании, или Пушкин и Мария Раевская» (1957).¹⁵

Разумеется, в своем повествовании о «южной любви» Пушкина, зародившейся в Крыму или даже еще раньше, в Петербурге, Новиков следует за известной гипотезой П. Е. Щеголева¹⁶ (да и сама Мария Раевская-Волконская в воспоминаниях намекала на влюбленность поэта в нее¹⁷). С образом Раевской сторонники этой

¹³ Дата рождения М. Н. Раевской установлена: Бухаров В. Г. Усыпальница семьи Раевских, Мария Николаевна Волконская и Александр Сергеевич Пушкин // Декабристское кольцо: Вестник Иркутского музея декабристов: Сборник статей. Иркутск, 2011. Вып. 1. С. 6.

¹⁴ О борьбе «марининской», «екатерининской» и «еленинской» партий (три сестры Раевские) за главного адресата этой элегии см.: Долинин А. А. Еще раз о загадке «Таврической звезды» // Седьмая международная летняя школа по русской литературе: Статьи и материалы. 2-е изд. СПб., 2012. С. 18, 21. По мнению исследователя, на роль элегической красавицы Пушкина болезненная Елена Раевская подходит лучше, нежели «совсем “гадкий утенок”» Мария и их властная, решительная старшая сестра Екатерина (с. 37—38).

¹⁵ Музыка ученика Н. Л. Мяковского, преподавателя Московской консерватории Бориса Семеновича Шехтера (1900—1961). См.: И. А. Новиков в кругу писателей-современников. С. 133—134.

¹⁶ См.: Щеголев П. Е. Из разысканий в области биографии и текста Пушкина // Пушкин и его современники. СПб., 1911. Вып. 14. С. 53—193.

¹⁷ См.: Волконская М. Н. Записки / Перевод с франц. оригинала А. Н. Кудрявцевой; Биографич. очерк и примеч. П. Е. Щеголева. 2-е изд. СПб., 1914. С. 61—62.

биографической легенды связывают лирический цикл написанных в изгнании стихотворений, а также поэму «Бахчисарайский фонтан» (образ Марии) и более позднюю «Полтаву», которую поэт якобы (скорее всего, в действительности) посвятил Марии Николаевне.¹⁸ К числу произведений, вдохновленных этой Беатриче Пушкина, Щеголев отнес и эротическое стихотворение «Нереида», написанное в Каменке в конце 1820 года:

Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду,
На утренней заре я видел Нереиду.
Сокрытый меж дерев, едва я смел дохнуть:
Над ясной влагою — полубогиня грудь
Младую, белую как лебедь, воздымала
И пену из власов струею выжимала.
(АПСС. Т. 2. Кн. 1. С. 156)¹⁹

По остроумному замечанию О. А. Проскурина, писатель-пушкинианец В. В. Вересаев (друг Новикова) заставил поэта подглядывать именно за ее купанием в гурзуфской бухте:

В прибрежной маслиновой роще, прижавшись к *серому стволу*, молодой человек с курчавою, в крутых завитках, головою стоял и жадно глядел вправо: меж двух невысоких лавровых кустов голубел выгиб бухты... В бухте купалась девушка. Она стояла спиною к нему. Белели наклоненные плечи, вздымались тихо зеленоватые волны, и в них вздымались концы распущенных черных волос. Девушка повернулась, робко окинула взглядом берег. Молодой человек еще теснее прильнул к стволу. Она наклонила голову набок и стала выжимать из волос воду. Видел он молодую девическую грудь, прелестные, тонкие руки. Звенело в ушах, сердце билось крепкими толчками. Полная губа оттопырилась. *Выпуклые глаза налились кровью и с свирепой похотью дикаря впились в нагое, худощавое тело с недоразвитой грудью* <sic! — И. В.>. Если бы она увидела, если бы увидел его один из ее братьев — какой был бы позор! Какой позор был бы!.. *Щелкнул под ногами сучок, он*

¹⁸ См. историю спора об адресате поэмы: Лотман Ю. М. Посвящение «Полтавы»: (Адресат, текст, функция) // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки. 1960—1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб., 1995. С. 253—254; Ларионова Е. О. Полтава // Пушкинская энциклопедия: Произведения. СПб., 2020. Вып. 4: П—Р. С. 237—238.

¹⁹ См. подробный комментарий к стихотворению: Охотин Н. Г. Нереида // Пушкинская энциклопедия: Произведения. Вып. 3. С. 346—347.

сжался, воровато оглянулся и опять вонзился взглядом в нее. А она уже выходила из воды. И все больше открывалась запретная красота, ни разу еще не тронутая мужским взглядом. Он задержался, как припадочный, и слабо застонал в бешенстве бесстыдного желания.²⁰

Новиков в своей реконструкции эротического видения поэта по сути дела «повторяет» прием Вересаева, показывая «лицо самого Пушкина, со сжатыми губами и немигающим взглядом», которое «как бы мерцало — в ладу и соответствии с возникавшим в душе скрытым волнением, то затихавшим порою, то вновь разгоравшимся» (при этом серый ствол заменяется на не менее суггестивный огромный пламенеющий стебель в руке архангела). Как и у Вересаева, из сублимированной пушкинской страсти рождается эротическое произведение, посвященное той же юной Раевской.²¹

Против выдуманной Щеголевым легенды о тайной любви Пушкина иногда выдвигается аргумент, что Мария Раевская была слишком молода, чтобы стать объектом столь серьезной страсти поэта в период его южной ссылки (и слишком смугла для образа белоградской полубогини из «Нереиды»).²² Но, как мы видели, это воз-

---

²⁰ Вересаев В. В. Поэт: (Комментарии) // Красная новь. 1924. № 2. С. 246. По смелой гипотезе Проскурина, источником антологического стихотворения Пушкина послужила картина Тициана «Венера Анадиомена» (ок. 1520), которую поэт мог видеть на репродуктивной гравюре Гильома-Филиппа Бенуа, висевшей «на стене гостиной или хозяйского кабинета в гостеприимном доме Василия Львовича Давыдова в Каменке, где в конце 1820 года и была создана “Нереида”» (<https://o-proskurin.livejournal.com/172725.html>; обращение 18.10.2022). В свою очередь, источником страстной уайеристской сцены у Вересаева могла быть история о купающейся Вирсавии, к которой внезапно воспылал страстью царь и поэт Давид, — сюжет, легший в основу короткой эротической поэмы князя Д. П. Горчакова, которую В. Ю. Проскурина считает одним из источников пушкинской «Гавриилиады» (см.: Проскурина В. Политический либертинаж в XVIII веке: (Князь Д. П. Горчаков и его «Святки») // Русско-французский разговорник, или / ou Les Causeries du 7 Septembre: Сб. статей в честь Веры Аркадьевны Мильчиной. М., 2015. С. 11–22).

²¹ В романе «Пушкин на юге» текст стихотворения «Нереида» рождается из музыки солнечных лучей: «Пушкин прилег на землю и закрыл глаза. Солнце слабым лучом бередило опущенные ресницы, и от этого легкого касания в сердце возникала неясная музыка. Снова пред ним ожил Кавказ и Юрзуф, южное море, и, как на заре, он видел в волнах Нереиду... Музыка еще не рождала слова, но когда-нибудь придут и они! Слабая улыбка тронула губы, потом они дрогнули, полуоткрылись и пропустили легкое дыхание. Пушкин для себя незаметно уснул» (Новый мир. 1943. №7–8. С. 14). «Легкое дыхание» любви здесь едва ли не от Бунина.

²² См.: Гофман М. Л. Пушкин — Дон-Жуан. Париж, 1935. С. 62.

ражение никак не повлияло на творческую фантазию автора «Пушкина на юге». Более того, новизна и смелость его гипотезы заключается в том, что идеологически главным пушкинским текстом, связанным с образом юной Раевской, оказывается не романтически возвышенный «Бахчисарайский фонтан», а непристойная, но очаровательная поэма о ее тезке и ровеснице, в свою очередь навеянная созерцанием образа Марии с высоко поднятыми — аркообразными — бровями на мозаике в Софийском соборе.

В этом религиозно-эротическом контексте особое (озорное) значение приобретает знаменитое обращение к еврейке в начале «Гавриилиады», в котором биографы поэта видят отсылки к знаменитым красавицам, окружавшим его в Кишиневе:

Шестнадцать лет, невинное смирень,
Бровь темная, двух девственных холмов
Под полотном упругое движенье,
Нога любви, жемчужный ряд зубов...
Зачем же ты, еврейка, улынулась,
И по лицу румянец пробежал?
Нет, милая, ты право, обманулась:
Я не тебя, — Марию описал.

(IV, 121)

«Соль» игривого зачина к поэме заключается (если мы правильно поняли намек Новикова) в его ничем не прикрытой откровенности: адресат «Гавриилиады» прямо связывается с земной — шестнадцатилетней, чернобровой, смуглой, стройной и благочестивой — Марией Раевской (даже фамилия возлюбленной попадает в тему),²³ к чьим ногам поэт еще на Черном море хотел прильнуть губами. Иначе говоря, если это описание красавицы и обращено к какой-то конкретной кишиневской еврейке,²⁴ то описывает здесь

---

²³ Приведем в этом контексте известное описание Марии Раевской влюбленным в нее графом Густавом Олизаром (считавшим, что Пушкин посвятил ей «Бахчисарайский фонтан»): «Когда из нескладного ребенка начала формироваться прекрасная дева, когда легкая смуглость лица дополнилась и оттенилась тяжёлыми локонами вьющихся волос и полными огня глазами, в обрамлении черных бровей и длинных ресниц, когда худоба и костистость измученной науками девушки сменилась при высоком росте на гибкий, воздушный и чрезвычайно тонкий стан, Мария Раевская стала украшением собраний и балов; с развитым умом и прекрасным талантом пения, она была предметом всеобщего обожания и восторга» (Копылов А. Ф. Мемуары графа Олизара // Русский вестник. 1893. № 9. С. 102).

²⁴ Ср. импрессионистическое замечание П. Губера в книге о донжуанском списке Пушкина: «...женщина, облик которой мерещился поэту во время созда-

Пушкин (по логике Новикова-толкователя) не ее, а живую Марию — его киевскую возлюбленную, предмет нереализовавшегося (как в «Нереиде», по Вересаеву) вожделения.²⁵

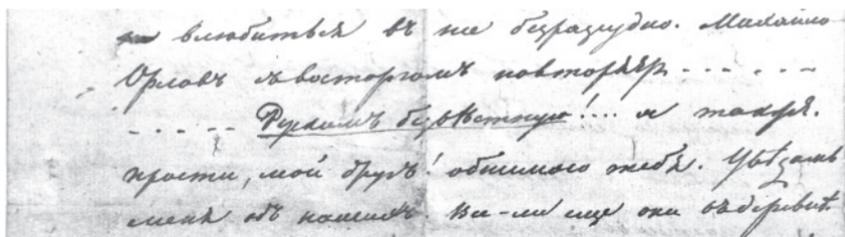
Заметим попутно, что Новиков загодя вводит в лирическое сознание Пушкина визионерско-рыцарственную мариальную тему, преломляя последнюю как в героинях романа (образы прекрасных сестер Раевских), так и в идеологических (в том числе политических) аллюзиях. Так, отталкиваясь от известного кишиневского письма Пушкина к брату Льву от 24 сентября 1820 года, Новиков (сам поэт) смело «реконструирует» (точнее, *сочиняет*) пропущенный (или, по Б. Л. Модзалевскому, частично выжженный из письма) текст политического стихотворения младшего брата поэта, в котором фигурировали слова «русским безвестную», восхитившие Михаила Орлова.²⁶ Новиков, заполняя пушкиноведческую лакуну,

---

ния “Гаврилады”, по всем вероятностям, необычайно сильно действовала на его эротическую восприимчивость» (*Губер П. К. Дон-Жуанский список Пушкина: Главы из биографии. Пб., 1923. С. 95*).

²⁵ Заметим в этой связи популярную версию о том, что в финале поэмы под именем Елена скрывается старшая сестра Марии Елена (см.: *Пушкин А. С. Гавриладида: Поэма / Ред., примеч. и коммент. Б. В. Томашевского. Пб., 1922. С. 46*).

²⁶ «Теперь я один в пустынной для меня Молдавии. По крайней мере пиши ко мне — благодарю тебя за стихи; более благодарил бы тебя за прозу. Ради бога, почитай поэзию — доброй, умной старушкой — к которой можно иногда зайти, чтоб забыть на минуту сплетни, газеты и хлопоты жизни, повеселиться ее милым болтаньем и сказками; но влюбиться в нее безрассудно. Михайло Орлов с восторгом повторяет . . . . . *Русским безвестную!*... я также» (ГД 1269, л. 9—9 об.). По сообщению П. О. Морозова (см.: *Пушкин А. С. Соч. СПб., 1887. Т. 7. С. 11*), после слов «повторяет» и «безвестную» письмо было прожжено; это сообщение было повторено П. А. Ефремовым (см.: *Пушкин А. С. Соч. СПб., 1903. Т. 7. С. 19, 417*) и развито Б. Л. Модзалевским: «После слов “повторяет” и “безвестную” письмо в двух местах прожжено, что и отмечено точками» (*Пушкин А. С. Письма / Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. М.; Л., 1926. Т. 1: 1815—1825. С. 216*). Хотя в комментарии к этому письму в академическом Полном собрании сочинений Д. Д. Благой указал, что оно «ни на чем не основано» (XIII, 423), сведения о прожженном письме, восходящие к Морозову и канонизированные Модзалевским, вошли в научный оборот. Так, академик М. П. Алексеев по поводу утраченного текста замечает: «Донные не объяснено еще, что имел в виду Пушкин, когда писал брату из Кишинева 24 сентября 1820 г.: “Михайло Орлов с восторгом повторяет... *Русским безвестную!*... я также”. Подлинник этого письма дошел до нас в поврежденном виде; случайностью ли, однако, следует объяснять тот факт, что автограф прожжен в тех местах, где поставлены точки?» (*Алексеев М. П. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. Л., 1972. С. 169*). На самом деле, согласно любезно предоставленной нам Т. И. Краснобородько справке, никаких следов огня в автографе нет (хотя есть проколы бумаги) и пропуски слов отмечены 12-ю точками-штрихами

Письмо Пушкина к Л. С. Пушкину от 24 сентября 1820 г.
(ПД 1269, л. 9 об., фрагмент)

утверждает, что стихи эти были на самом деле пародией пятнадцатилетнего Льва Пушкина на «Народный гимн» Жуковского «Боже, Царя храни» (1815) и приводит целую строфу из этого фантастического политического бурлеска:

Точно в стиле верноподданнического гимна Левушка восклицал:

Деву прелестную,
Русским безвестную,
Волю чудесную
Нам ниспошли!

Михаил Федорович Орлов ходил по комнате и все повторял:
— Русским безвестную... Точно русским безвестную.²⁷

В честь этой прелестной девы-свободы поднимают бокалы восторженные заговорщики из «Каменки тенистой».

после слова «повторяет», семью в конце строки и пятью — в начале следующей строки.

²⁷ Новый мир. 1943. № 7—8. С. 9. Гипотезу Новикова о пародировании верноподданнического гимна повторили некоторые позднейшие комментаторы Пушкина (см., напр.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 3-е изд. М., 1965. Т. 10. С. 661; примеч. Л. Б. Модзалевского и И. М. Семенко под ред. Б. В. Томашевского; Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1962. Т. 9. С. 412; примеч. И. М. Семенко; Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 2 т. М., 1999. Т. 2. С. 853; примеч. С. В. Березкиной; Лев Сергеевич Пушкин в кругу современников / Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. И. А. Муравевой. СПб., 2005. С. 284). Новиковская строфа (очевидно, литературная мистификация) не упоминается в статье Л. Н. Киселевой, посвященной пародиям на «гимн» Жуковского, часто включавшим политически-агитационные мотивы: Киселева Л. Н. «Боже, Царя храни...» в зеркале пародии // «Образ мира, в слове явленный...»: Сб. в честь 70-летия профессора Ежи Фарино. Siedlce, 2011. С. 275—282.

Можно сказать, что в символическом плане романа софийская Мария оказывается своеобразным воплощением «благой вести», представленной в разных инкарнациях в сознании молодого поэта с пламенеющим стеблем.

«КРАСНАЯ ЛИЛИЯ»

В творческой биографии Новикова, в отличие от пушкинской, Киев занимал особое место. Здесь писатель прожил несколько лет до революции (1901—1908), создал два романа, ряд пьес, рассказов и много стихотворений (в 1910 году в Киеве вышла книга его стихов «Дыхание земли»). Весной 1940 года он приехал в город собирать материалы для книги о Пушкине на юге. «Жаль, жаль, что Пушкин в Киеве был зимой, — пишет он жене. — Вся это моя поездка не зря. Я все время думаю об этом будущем романе и поколыхиваю его в разные стороны» (обратим внимание на «символистский» глагол «колыхаться», который Новиков использовал в описании пушкинского видения).²⁸ Похоже, что именно свои собственные восторженные ощущения от города он и передал в романе молодому поэту:

Киевом Пушкин очень интересовался, и Киев его пленял. Пленял и своей красотой, могучим Днепром, закованным в латы зимы, крутыми горами, вековыми дубами, и липами, и красавицей-тополем, как тут называли нежно — по-женски <...>. И был еще Киев другой, среди оживления, говора, шума хранивший в своей многовековой тишине внятную музыку прошлого. В этих соборах и колокольнях как бы отлито самое время: древняя Русь, истоки истоков.²⁹

В сцене в Киевской Софии Новиков пытается реконструировать творческий процесс Пушкина, отталкиваясь от его литературных и идеологических источников (Библия, Вольтер, Парни) и отсылая читателя к будущим произведениям поэта. Так мотив стебля и цветка в руке Гавриила «предвосхищает» стихи из «Гавриилиады»:

²⁸ Цит. по: *Маричева Л. М.* Летопись жизни и творчества И. А. Новикова // *И. А. Новиков в кругу писателей-современников.* С. 27. Схожий мотив, резонирующий с описанием пикантного стебелька, влетает и в описание Марии Раевской, смотрящей на Пушкина: «Мария глядела на него издали, и рука ее, все еще державшая тонкую ножку бокала, дрогнув, заколебалась» (*Новый мир.* 1943. № 7—8. С. 39). Пушкин этого, как замечает пронизательный автор, не видит.

²⁹ *Новый мир.* 1943. № 7—8. С. 35—36.

И тайный цвет, которому судьбою
Назначена была иная честь,
На стебельке не смел еще процвести.
Ленивый муж своею старой лейкой
В час утренний не орошал его;
Он как отец с невинной жил еврейкой,
Ее кормил — и больше ничего.
(IV, 122)

...И вдруг летит в колени милой девы,
Над розою садится и дрожит,
Клюет ее, колышется, вертится,
И носиком и ножками трудится.
Он, точно он! — Мария поняла,
Что в голубе другого угощала;
Колени сжав, еврейка закричала,
Вздыхать, дрожать, молиться начала,
Заплакала, но голубь торжествует,
В жару любви трепещет и воркует,
И падает, объятый легким сном,
Приосеня цветок любви крылом.
(IV, 135)

Отзываются эти «мариальные» образы и в «Евгении Онегине». Перед дуэлью Ленский желает спасти свою возлюбленную от «развратителя» Онегина и не допустить,

Чтоб червь презренный, ядовитый
Точил лилеи стебелек;
Чтобы двухутренний цветок
Увял ещё полураскрытый.
(VI, 124)

(Вспомним остроумную реконструкцию эротико-порнографического плана «элегий» Ленского О. А. Проскуриным.³⁰)

В целом психологический метод Новикова, опирающийся на доскональное изучение историко-литературного контекста, близок научной беллетристике Юрия Тынянова (достаточно вспомнить историко-биографическую реконструкцию последним генеалогии

³⁰ См.: Проскурин О. А. Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. М., 1999. С. 148 и далее.

эротической поэзии Пушкина³¹). В то же время приведенная выше сцена из новиковского романа говорит о бывшем символисте Новикове гораздо больше, чем о его любимом герое: она преломляет как актуальную для писателя литературно-мистическую традицию (соловьевскую софиологию в блоковском изводе: «Предчувствую тебя...» и т. п.), так и его этнографическую и искусствоведческую эрудицию.³² Очевидно, что Новиков сталкивает и обыгрывает в этом эпизоде две бытовавшие с середины XIX века интерпретации предмета в руках Гавриила на фреске в Софии — жезла странника или белоснежной лилии — символа чистоты Богородицы. Сравните:

Архангел одет в белый хитон с широкими клавами и слегка расцвеченный в тенях гиматий; в руке его находится *красный жезл или посох путника* с крестом на конце — обычный атрибут всех посланных во имя Божие.³³

Архангел Гавриил изображен как бы движущимся в направлении к ней. Он одет в белый хитон с красными швами поверх хитона; на нем белая хламида; поручи золотистые с красными поперечными полосками; ноги обнаженные с перевязью коричневого цвета. Правая рука Архангела поднята вверх; *в левой руке он держит красную лилию*.³⁴

---

³¹ Виноцкий И. Ю. «Ах! Как люблю я птицу эту»: О чем молчит соловей в романе Юрия Тынянова «Пушкин» // Виноцкий И. Ю. О чем молчит соловей: Филологические новеллы о русской культуре от Петра Великого до кобылы Буденного. СПб., 2022. С. 152—171.

³² Метод Новикова, равно как и его символистскую теорию художественного творчества, хорошо иллюстрирует следующий пример. Молодой Пушкин по дороге в Киев слышит лирически-проникновенную и эпически-строгую украинскую песню «Из-за горы сніжок летить...», в которой целая жизнь героя оказывается оборвана «в самом цветении молодости» — музыкальная кода к теме краткости жизни самого поэта (Новиков в одном из писем к жене указал, что именно эту песню он услышал во время своего путешествия в Киев за материалами для книги о поэте в 1940 году). Самые образы этой песни, по Новикову, «ворон, жаждущий крови богатыря, и верный друг воина — конь, их нерушимая дружба — как все это западало на сердце! А художник-поэт, никогда его не покидавший, следил между тем, как неразрывны слова и мелодия, как возникало, играя и переливаясь, это подлинное волшебство интонации. Да, бывает — стихи маршируют, и бывает — живут своею особенною музыкальною жизнью. <...> Так и песня сама, и мысли, ею порожденные, не слишком отчетливые, но музыкально понятные, сливались в одно... Киев открылся путникам на заре» (Новый мир. 1943. № 7—8. С. 30—31).

³³ Толстой И. И., Кондаков Н. П. Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1891. Вып. 4. С. 125.

³⁴ Орловский П. И. Св. София Киевская, ныне Киево-Софийский кафедральный собор. Киев, 1998. С. 36.

Вопрос, выделенный в новиковском экфразисе («почему же он (цветок в руке архангела. — И. В.) красный?») не только подчеркивает непристойный намек, но и отсылает, по всей видимости, к популярному в эпоху юности Новикова символично-эротическому стихотворению о «Киевском Благовещении» Мирры Лохвицкой «Красная лилия»:

Под тенью меж колоннами, ведущими во храм,
Уснула Дева чистая, сжигая фимиам.
Мечты Ее безгрешные небесный сон повил; —
Пред Нею вестник радости, Архангел Гавриил.
От риз Его сияние, какого в мире нет.
Он держит красной лилии благоуханный цвет.
Он к Спящей наклоняется на сон Ее взглянуть —
И шепчет: «Благодатная, благословенна будь!»
И сонмы светлых ангелов и тьмы бесплотных сил,
Склоняясь над Пречистою, парят в дыму кадил,
И каждый символ лилию роняет Ей на грудь,
И каждый вторит радостно: «Благословенна будь!»³⁵

Нет никаких сомнений в том, что Новиков это стихотворение хорошо знал. Оно вошло в киевскую «Антологию современной поэзии» 1912 года, в которой опубликованы были символистские стихи будущего автора романа о Пушкине («Избиение младенцев», «Дитя ночи», «Ранней весной»).

Более того, творческая оптика, приписываемая Новиковым своему герою, скорее всего, настроена в соответствии с влиятельной в России в 1910—1920-е годы фрейдовской теорией сновидений, нашедшей свое отражение и в вересаевском пушкинизме.³⁶ Так, отец психоанализа анализирует сновидение своей пациентки по имени Мария, увидевшей себя с высоким цветочным стеблем, «как у Архангела на картинах Благовещения Девы Марии», причем стебель этот был «покрыт большими белыми цветами, похожими на камелии (противуположность непорочности — дама в камелиях)». В другом месте Фрейд истолковывает привидевшийся пациентке стебель лилии как указание на половую невинность, но так как ветка

³⁵ Антология современной поэзии. 2-е изд. Киев, 1912. С. 496. (Чтец-декламатор. Т. 4).

³⁶ Рецензенты ранних сочинений писателя указывали на близость его творческого метода фрейдовскому психоанализу (см.: Михайлова М. В. Творчество И. А. Новикова в дореволюционной критике // И. А. Новиков в кругу писателей-современников. С. 42).

в ее руке «сплошь усажена красными цветами, каждый из которых напоминает камелию», то перед нами «несомненные намеки на месячные», то есть половая невинность (белизна лилии) в образе здесь совмещается со своей противоположностью («махровые камелии», ассоциирующиеся с куртизанкой из романа Дюма-сына) — возможно, намеком на отдельные прегрешения против сексуальной чистоты и невинности.³⁷ В этом эротическом контексте, как нам представляется, обретают свой дополнительный смысл образы прялки и розетки цветка (ой!) в новиковском описании видения Пушкина.

Наконец, приписанное Новиковым поэту киевское видение «Гавриилиады» оказывается глубоко укорененным в его собственном творчестве дореволюционного периода. Так, в написанном в Киеве символистском романе «Золотые кресты» (1908) — произведении, в котором, по словам Нины Петровской, «идея будущего идеального христианства» предстает как «разрешение борьбы христианства и язычества»³⁸ (вспомним соответствующее рассуждение в новиковском описании видения Пушкина), описывается барельеф гениального скульптора-мистика Андрея Ставрова, изображающий, по словам его гостя, христианина-аскета Глеба, девушку или святую «или саму Вечную Женственность»: «Так тонки, так благородны черты лица. <...> Кто тебя вдохновил на эту вещь? Андрей, кто она?» Ответ художника представляет собой характерную параллель к пушкинской поэме и прообраз сцены в советском романе «Пушкин на юге»:

— Видишь ли, это кое-что из Евангелия. Ранним утром Галилейская Девушка встала, самая чистая и самая святая Девушка, какая когда-либо в мире была. Я думаю, это очень рано было. Синели холмы вдалеке, а впрочем, не знаю, так ли это было, но видится мне так. Утренние синие росы еще лежали повсюду. Я так вижу все это, что целую поэму мог бы сейчас написать. Ей не спалось или мало спалось, но голова ее чиста и свежа, и благоуханное дуновение пробуждающихся цветов омывает все ее тело. Она вышла в сад. Хотела полить цветы, и вот наклоняется к ним, чтобы дать воды, и чудесно распускаются перед нею цветы — из тех, что случайно упали на землю из райских садов. Видишь, они распустились. Этот еще распускается. Они должны быть живые, они благоухать долж-

³⁷ См.: Фрейд Э. Толкование сновидений // Собр. соч.: В 10 т. М., 2004. Т. 2. С. 317, 322, 343.

³⁸ Петровская Н. И. Иван Новиков. Золотые кресты. М., 1908 // Весы. 1908. № 1. С. 99.

ны. А там на фоне зари Девушка стала лицом на восток — образ крылатого вестника — легкого юноши, может быть, сон ее, еще не отлетевший и стремящийся к ней, или мечта пробудившаяся, или небесный, чаемый гость.

— Это... благовещение?

— Да, это благовещение. Это не совсем по-христиански, но я сам люблю эту свою работу.³⁹

Далее художник признается, что образ Марии списан им с возлюбленной Глеба, богоискательницы Анны. В центральной для романа сцене обмена крестами союз героев описан как эротическое слияние земного и небесного начал:⁴⁰

Глеб приподнялся и, открыв широко глаза, глядел на нее и не узнавал. Была Анна — и та, и другая. *Кипящий внутренний ключ возбуждения* напоил, пронизал ее всю, и пенилось в порыве его *преображенное тело*. Точно *священная страсть охватила девушку с неведомой, впервые пришедшей к ней силой*. В глазах горел, и блистал, и переливался скрытый, но явный огонь. Трепетала нежная кожа ее, и краска румянца одной мягкой волной омывала лицо, спадая на грудь по стройной девической шее. И эта открытая так свободно, с порывом чистой любви свежесть девственных линий, эта невинная мягкость всех очертаний, вдруг просветленных и зажженных страстным порывом, — обворожила, обошла извечными чарами своими размягченную Глебову душу. *Это видение вошло в нее и навеки запечатлело себя, как в мягком воске расплавленной церковной свечи*.⁴¹

Показательно, что чуткая Петровская в своей рецензии отметила «дразнящий» эротико-визионерский характер романа, отличающегося «тончайшим напряженным сладострастием под кощунственным знаком “золотых крестов”». ⁴² Эти язык и образность 1900-х годов неожиданно оживают в произведении 1943 года. Так, например, похоже, что «дева безвестная» из мистифицированных стихов Льва Пушкина залетела в роман о поэте из ранней символистской колыбельной Новикова «Сонный домок» (1910):

---

³⁹ Новиков И. А. Золотые кресты: Роман. Повести и рассказы. Мценск, 2004. С. 73–74.

⁴⁰ См.: Михайлова М. В. Творчество И. А. Новикова в дореволюционной критике // И. А. Новиков в кругу писателей-современников. С. 37–39.

⁴¹ Новиков И. А. Золотые кресты. С. 98.

⁴² Весы. 1908. № 1. С. 98.

А к вечеру в садочек
Пречистая сойдет,
И много, много дочек
Сироток приведет.

И хоровод затеет
У райских светлых врат,
И крыльями обвеет
Детей Шестикрылат.

У заснувшей девочки
Светел тихий сон.
Под мои припевочки
Напевал ей — он.

*Даль и ширь безвестная,
Ласкова к ней будь!
Дева Невестная,
Детку не забудь!*⁴³

ВЕЧНАЯ ЖЕНСТВЕННОСТЬ

Как мы видим, предложенная писателем интерпретация киевско-мариального происхождения эротической поэмы Пушкина, якобы посвященной Марии Раевской, в своей идеологической (и стилистической) основе принадлежит культуре русского символизма начала XX века, одной из отличительных черт которой является эстетизированная апология «мистической эротики» (или эротизированной мистики), весьма далекой от «науки страсти нежной» озорного поклонника Парни и Вольтера, но очень близкой писателю Новикову в 1900-е годы.

В этом модернизационно-мифотворческом плане показательно, что созданная писателем киевская версия «зачатия» эротической поэмы Пушкина легко опровергается историческими фактами. Два столба с мозаичными изображениями Гавриила и Марии в Киевской Софии Пушкин никак не мог видеть во время своего посещения Киева в начале 1821 года — их тогда закрывал барочный иконостас, за которым они были обнаружены только во второй половине XIX века. В пушкинскую эпоху путешественник мог увидеть на сводах церкви разве что «древнюю грубую мозаическую работу,

⁴³ Новиков И. А. Дыхание земли: Вторая книга стихотворений. Киев, 1910. С. 77.

представляющую образ Божией Матери, лики апостолов и других святых без всякой натуральности».⁴⁴ Очень похоже, что бывший киевлянин и символист Новиков описывает через «видение» героя свой собственный опыт или, точнее, приобщается к своему «божеству» Пушкину через акт воображаемого погружения в художественное сознание последнего — как бы видит и чувствует сквозь поэта и его лирическую биографию идеал язычески заземленной Вечной Женственности, которая грезилась ему еще в романе «Золотые ключи». Иными словами, беллетризованная биография Пушкина представляет собой тайную «спиритуальную автобиографию» ее автора, в центре которой стоит своеобразно понятый и персонализированный сюжет Благовещения. Не случайно друг и единомышленник Новикова Борис Зайцев вывел его в ряде своих произведений под именем Алексея Петровича Христофорова (то есть «носящего в себе Христа»).

Мы полагаем, что допущенный Новиковым анахронизм был в разработанной писателем концепции искусства как земного откровения сознательным, литературно ориентированным приемом. Действительно, приведенный фрагмент, описывающий оплодотворение свободной пушкинской души прекрасным видением Богоматери, спроецирован писателем на стихотворение (и опыт!) другого его любимого поэта, оказавшего на него исключительное влияние, — Александра Блока.⁴⁵ Речь идет о мистико-эротическом стихотворении последнего «Благовещение», написанном под влиянием созерцания двух картин Джанниколы ди Паоло (Манни) в Коледжо дель Камбио (Collegio del Cambio) в Перудже в конце весны 1909 года и впервые опубликованном в журнале «Аполлон» (1910. № 4) с подзаголовком «Фреска»:

С детских лет — видения и грезы,
Умбрии ласкающая мгла.
На оградах вспыхивают розы,
Тонкие поют колокола.

⁴⁴ Берлинский М. Ф. Краткое описание Киева. СПб., 1820. С. 155.

⁴⁵ Новиков был восторженным почитателем Блока, встречался с последним в Петербурге и Киеве и оставил воспоминания о поэте (см.: Грачева А. М. А. А. Блок и И. А. Новиков: Литературные контакты // Александр Блок: Исследования и материалы. Л., 1991). Борис Садовский в рецензии на первую книгу стихотворений Новикова, озаглавленную «Духу Святому», ехидно заметил, что общего господин Новиков с Духом Святым ничего не имеет, в стихах его «прежде всего чувствуется грубая развязность провинциала, ободренного примером “столичных штучек”» и что Св. Дух читать его стихи ни за что не станет, ибо они есть «бледные и искаженные копии Блока и Белого» (Весы. 1908. № 2. С. 88—89).

Слишком резвы милые подруги,
Слишком дерзок их открытый взор.
Лишь она одна в предвечном круге
Ткет и ткет свой шелковый узор.

Робкие томят ее надежды,
Грезятся несбыточные сны.
И внезапно — красные одежды
Дрогнули на золоте стены.

Всем лицом склонилась над шелками,
Но везде — сквозь золото ресниц —
Вихрь ли с многоцветными крылами,
Или ангел, распростертый ниц...

Темноликий ангел с дерзкой ветвью
Молвит: «Здравствуй! Ты полна красы!»
И она дрожит пред страстной вестью,
С плеч упали тяжких две косы...

Он поет и шепчет — ближе, ближе,
Уж над ней — шумящих крыл шатер...
И она без сил склоняет ниже
Потемневший, помутневший взор...

Трепеща, не верит: «Я ли, я ли?»
И рукою закрывает грудь...
Но чернеют пламенные дали —
Не уйти, не встать и не вздохнуть...

И тогда — незнаемую болью
Озарился светлый круг лица...
А над ними — символ своеволя —
Перуджийский гриф когтит тельца.

Лишь художник, занавесью скрытый, —
Он провидит страстной муки крест
И твердит: «Profani, procul ite,
Nis amoris locus sacer est».⁴⁶

---

⁴⁶ Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1997. Т. 3: Стихотворения. Книга третья (1907—1916). С. 80—81; перевод: «Ступайте прочь, непосвященные, здесь святое место любви» (лат.).

Джанникола ди Паоло Манни, «Благовещение»
(Коледжо дель Камбио, Перуджа)

Сам Блок в авторском примечании связал это стихотворение с пушкинской эротико-демонической поэмой: «...темноликий вестник в красной одежде дерзким любовным приветствием заставляет красавицу оторваться от книги. — Демоны художников диктуют “Леду и Лебедя” тому, кто замыслил “Annunziazione” и “Гаврилиаду” — автору стихотворения “Средь множества картин” (т. е. «Мадона», 1830. — И. В.)».⁴⁷ Отсылки к непристойной «Гаврилиаде» в этом стихотворении заметили и современники поэта. «Недаром на них («благозвучных стихах» из «Благовещения». — И. В.), — писал С. Маковский, — ответ “Гаврилиады”...»⁴⁸ В свою очередь, С. М. Соловьев вспоминал, как сказал Блоку, что его в этом стихотворении «неприятно поразили мотивы “Гаврилиады”». На эти слова поэт «мрачно» ответил: «Так и надо. Если б я не написал “Незнакомку” и “Балаганчик”, не было бы написано и “Куликово поле”».⁴⁹

⁴⁷ Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. С. 198.

⁴⁸ Маковский С. К. На Парнасе «Серебряного века». Мюнхен, 1962. С. 154.

⁴⁹ Соловьев С. М. Воспоминания об Александре Блоке // Александр Блок в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 126.

Обратим внимание на то, что картины Дж. ди Паоло Манни, вдохновившие Блока, расположены по двум сторонам алтаря, так что поэт соединил образы Марии и Архангела в динамическом видении или, по удачному определению В. Н. Альфонсова, в жанровой сцене, «в которой персонажи почти вступают в соприкосновение».⁵⁰ Тот же самый «анимационный» прием, как мы видели, использовал и Новиков в описании пушкинского религиозно-эротического видения в стенах Киевской Софии. Иначе говоря, на сцену Благовещения, изображенную на двух отдельных фресках, новиковский поэт смотрит глазами Блока (двусмысленный пламенеющий стебель здесь является пушкинским аналогом «дерзкой ветви»), и в результате христианское таинство изображается как динамически развивающееся лирико-поэтическое откровение, к которому приобщается и посвященный биограф:

Лишь художник, занавесью скрытый, —
 Он провидит страстной муки крест
 И твердит: «Profani, procul ite,
 Nis amoris locus sacer est».

Замечательно, что прием Блока, повторенный его эпигоном Новиковым, был много лет спустя использован японской художницей Кинуко Крафт в навеянной византийской и русской религиозной живописью (от Владимирской Богоматери до «Благовещения» Андрея Рублева) иллюстрации к блестящему переводу «Гавриилиады» Уолтера Арндта на английский язык, напечатанному в рождественском номере журнала «Плейбой» за 1974 год. При этом пушкинскому сатане остроумная художница придала черты самого

*Архангел Гавриил и Мария.
 Иллюстрация Кинуко Крафт
 к «Гавриилиаде» в переводе
 Вальтера Арндта. Archival
 Playboy Magazine material.
 Copyright © 1974 by Playboy*

⁵⁰ Альфонсов В. Н. Слова и краски. СПб., 2006. С. 89.

Пушкина, списанного с портрета художника А. С. Прудких (так называемый «Пушкин с пером»).⁵¹

«ТЕМНЫЙ ПУШКИН»

От историко-литературных источников новиковской сцены в соборе перейдем к ее научно-пушкинистскому контексту. Следует сразу заметить, что в 1930-е годы поэт и беллетрист Новиков был активным участником пушкиноведческих дискуссий. Т. Г. Цявловская, дружившая с писателем, указала на ряд биографических находок, сделанных им в процессе работы над романом «Пушкин в изгнании». Так, в докладе «Пушкин в селе Михайловском в 1824—1826 годах», прочитанном на заседании Пушкинской комиссии Академии наук СССР 13 марта 1935 года, Новиков сформулировал фривольную гипотезу о том, что героем незавершенного стихотворения Пушкина «Младенцу» («Дитя, не смею над тобой...», 1824) является ребенок Воронцовой от поэта (еще одна гипотеза о тайном зачатии; «ключом» к стихотворению явился портрет смуглой дочери графини Воронцовой — типичная для Новикова техника проникновенного «всматривания» в визуальное изображение).⁵²

В 1920—1930-е годы писатель был деятельным участником московского Пушкинского кружка, в состав которого входили М. А. Цявловский, В. В. Вересаев, Г. И. Чулков, Ю. Н. Верховский, Л. П. Гроссман, В. В. Лужский и Л. М. Леонидов.⁵³ Члены этого полурелигиозного сообщества толкователей Пушкина собирались в квартире писателя в Еропкинском переулке в Москве, чтобы «вместе читать “темные места”» в его творчестве.⁵⁴ По свидетельству Гроссмана, Новиков «возглавлял то “талмудическое” теченье

⁵¹ См.: *Виницкий И. Ю.* «Прием Гавриила» и американское эротическое воображение: Перевод как захват // *Pushkin Review*. 2020—2021. Vol. 22—23. P. 83.

⁵² См.: *Цявловская Т. Г.* «Храни меня, мой талисман...» // *Прометей*. М., 1974. Т. 10. С. 82. Этому сюжету О. А. Проскурин посвятил неопубликованную статью под интригующим названием «История о том, как Иван Новиков и Татьяна Цявловская сделали Пушкина отцом Софии Воронцовой и что из этого вышло».

⁵³ См. об этом: *Соболев А. Л.* Эпизод из истории русской пушкинистики // *Временник Пушкинской комиссии*. СПб., 2022. Вып. 36. С. 186—200.

⁵⁴ *Цявловский М. А., Цявловская Т. Г.* Вокруг Пушкина: Дневники, статьи. 1928—1965. М., 2000. С. 60. По сообщению Людмилы Новиковой, общество называлось «Темный Пушкин». Его участники пытались дать толкование непонятным местам и словам в произведениях поэта (см.: *Новикова Л. С.* Из архива Новиковых. 1889—1991. М., 2006. С. 175—176).

в чтение Пушкина, которое намеренно создает трудности и воздвигает вопросы для возбуждения контрверз и создания сложных экзегез. Такой подход создавал подчас забавные шуточные эффекты, но мог приводить и к довольно серьезным выводам и наблюдениям». ⁵⁵ Привлекшая наше внимание литературная гипотеза Новикова, несомненно, относится к такого рода герменевтическим парадоксам, вносившим «оживление и некоторый налет веселости в споры» жрецов-пушкинистов. ⁵⁶ Наступившие времена, однако, не располагали к вольным истолкованиям, скрывавшим под флером идеологически выдержанного пушкиноведения религиозно-мистические и философские поиски начала XX века.

В этой связи нельзя не отдать должное интерпретаторской фантазии и смелости Новикова, представившего двусмысленную религиозно-эротическую концепцию пушкинского творчества в советском журнале 1943 года, а также в основанном на романе цикле лекций (платных творческих вечеров) о Пушкине, прочитанном им в 194-ю годовщину смерти поэта в уральском городке Каменске-Уральском в том же году. Между тем, как мы полагаем, здесь имеет смысл говорить не только о смелости писателя, но и о неожиданном (сугубо внешнем) резонансе его центральной маршальной темы с современной историко-политической ситуацией. Летом 1943 года, в канун наступления и освобождения «матери городов русских» Красной армией, «киевский эпизод» из пушкинской биографии получал особое — национально окрашенное — звучание. Действительно, следом за публикацией романа Новикова в «Новом мире» шло стихотворение Веры Потаповой «Тиха украинская ночь», описывающее ночной Киев времен оккупации:

Украинская ночь тиха,
Луна — как яблоко на ветке.
Рванулся стон из контрразведки
И сразу смолк... Стена глуха.
<...>
Тиха украинская ночь,
Над Киевом не меркнут звезды,
Но кажется железным воздух.
Дышать становится невмочь...
Тиха украинская ночь. ⁵⁷

⁵⁵ См.: Цявловский М. А., Цявловская Т. Г. Вокруг Пушкина. С. 228.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Новый мир. 1943. № 7—8. С. 46.

Москва, Кремль

**Председателю Государственного
Комитета Оборона**

Иосифу Виссарионовичу СТАЛИНУ

В 106 годовщину со дня смерти Александра Сергеевича Пушкина, при горячей поддержке со стороны общественности и трудящихся города Каменск-Уральского, я провел ряд пушкинских вечеров, выступая с отдельными главами из моего нового романа о Пушкине. Народ глубоко чтит память своего величайшего поэта, и эта неумиравшая к нему любовь позволила мне собрать этими вечерами 100.000 рублей на боевой самолет «Александр Пушкин». Пусть боевой самолет, носящий гордое имя «Александр Пушкин», примет участие в освобождении от несправедливого врага нашей родной земли.

Прошу включить в список действующей авиации самолет «Александр Пушкин».

Писатель Иван Алексеевич **НОВИКОВ**.

г. КАМЕНСК-УРАЛЬСКИЙ.

**КАМЕНСК-УРАЛЬСКИЙ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ
ПИСАТЕЛЮ ТОВ. НОВИКОВУ ИВАНУ АЛЕКСЕЕВИЧУ**

Примите мой привет и благодарность Красной Армии, Иван Алексеевич, за Вашу заботу о воздушных силах Красной Армии.

Ваше желание будет исполнено.

И. СТАЛИН.

Наконец, именно в это время обозначился коренной перелом государственной политики Сталина в отношении к православной церкви. Новиков, конечно, не мог знать о готовящейся в начале сентября встрече диктатора с тремя митрополитами (включая Киевского) накануне созыва первого после 1918 года Архиерейского собора, завершившегося избранием патриарха по согласованию с органами внутренней безопасности. Но общее изменение идеологического климата писатель, видимо, хорошо чувствовал (заметим, что в военные годы ходили слухи о тайной религиозности Сталина и даже о том, что его исповедовал Киевский и Галицкий митрополит Николай, автор акафиста Богородице).

Иными словами, видение Пушкина в киевской Софии, придуманное бывшим символистом Новиковым, парадоксальным образом вписывается в официозный национально-патриотический сценарий того времени (освобождение Киева и возвращение к русским духовным истокам). Конечно, модернистский эротизм этого видения был более чем сомнителен с точки зрения соцреалистической эстетики, но эту явную *девиацию* (прошу прощения за каламбур) искупали (или камуфлировали) жанр историко-биографического романа о национальном поэте, а также бурная общественная активность и патриотический настрой самого автора. Так, свой стотысячный гонорар за книгу и лекции он передал на строительство боевого истребителя «Александр Пушкин», за что получил благодарность за

заботу о воздушных силах Красной армии от самого Сталина, напечатанное в «Правде» 5 марта 1943 года.⁵⁸

Причудливы пути «Гавриилиады».

ЭПИЛОГ

Нам остается только заметить, что впоследствии (и по разным причинам) версию «киевско-софийского» происхождения замысла пушкинской поэмы подхватили некоторые советские и постсоветские пушкинисты и киевские краеведы. Леонид Хинкулов в «Литературных прогулках по Киеву», напечатанных в органе Правления Союза писателей Украины «Радуга» (1967. № 10. С. 37) заявляет (без отсылки к роману Новикова), что замысел «гениальной “Гавриилиады”, этого гимна земной любви и торжеству человеческой свободы личности» родился в стенах киевского собора. То же пишет и автор фотопутеводителя «Киев: что? где? как?» (1988. С. 335).⁵⁹

Более развернутую картину (опять же без указания на источник) дает исследовательница Ирина Плотникова: «Посетил Пушкин и Софию Киевскую. Можно лишь догадываться об ошеломлении чуткой души в дивном Софийском соборе. Именно там у него возник замысел поэмы “Гавриилиада”, написанной в 1821 году».⁶⁰ Пространное описание киевского чуда предложил в своем эссе известный литератор Арнольд Гессен:

Замысел «Гавриилиады» родился у Пушкина в Киеве, куда он прибыл в феврале 1821 года с Давыдовыми из Каменки.

Древняя Киевская Русь, Владимировы и Изяславы совершенно овладели воображением поэта. Десять дней он наслаждался этой стариной и накануне отъезда посетил знаменитый Софийский собор...

Взор его невольно остановился на превосходных изображениях архангела Гавриила и девы Марии (библейская притча о благо-

---

⁵⁸ Истории самолета и его пилота посвящена брошюра: *Кирпонос Е. М., Новикова М. Н.* На истребителе «Александр Пушкин». М., 1981. Соавтором этой брошюры выступила приемная дочь писателя М. Н. Новикова-Принц.

⁵⁹ Академическая пушкинистика киевскую версию происхождения замысла поэмы полностью игнорирует. Согласно М. В. Строганову, замысел «Гавриилиады» зародился в творческом сознании поэта во время посещения Благовещенской церкви в Кишиневе напротив дома Инзова, где жил поэт (см.: *Строганов М. В.* Гавриилиада // *Пушкинская энциклопедия: Произведения.* СПб., 2009. Вып. 1. С. 349).

⁶⁰ «...Не зарастет народная тропа»: Пушкинский альбом. Киев, 1999. С. 109.

вещении повествует, как известно, что Гавриил был послан сообщить деве Марии божью волю — что у нее будет сын). Пушкин с любопытством и вниманием рассматривал их. Атеист в душе, он издевался над легендой о беспорочном зачатии девы Марии, и здесь у него родился — а позже, в Кишиневе, был осуществлен — замысел «Гавриилиады». ⁶¹

Наконец, относительно недавно киевская гипотеза Новикова преломилась в сверхкурьезном сочинении инженера, изобретателя и писателя-парапушкиниста Бориса Веробьяна (1936—2017). У графоманских брошюр последнего о творчестве Пушкина, написанных в сотрудничестве с неизвестными нам «литературоведами и историками» МГУ в 2000—2010-е годы, есть две общие черты: (1) они представляют собой почти дословные (с маленькими вкраплениями) *выписки* из книг Новикова и еще нескольких биографов Пушкина и (2) эти выписки *зарифмованы* в форме *балаганного* райка. Приведем пример киевского эпизода из книги Веробьяна «Пушкин Александр Сергеевич: Бессарабско-крымский изгнанник, Михайловский узник» (2011):

Вид на Киев открылся перед путниками на заре и поэта восхитил...
И, как было условлено, дом Раевских у себя Пушкина приютил...

<...> И Киев — мать городов русских, известный с 860 года,
поэт обозревал
Вовсе не в одиночестве... Его всюду Николай Раевский сопровождал.
Друг Пушкина хорошо знал русскую старину и не без гордости сам
Водил поэта по заповедным и древним киевским местам...

Пушкин и в Киевско-Печорской лавре, основанной в IX веке,
побывал,
Он и Софийский собор, который украшен мозаиками и фресками,
увидал.
Народу было немного. И Николай поэта к саркофагу подводил.
И, конечно, в эти дни поэт и могилу князя Аскольда посетил... ⁶²

Зарифмовал Веробьян и рассуждения Новикова о «Гавриилиаде», инкрустировав в последние текст самой поэмы! Не можем удер-

⁶¹ Гессен А. И. «Песни о свободе»: («Кавказский пленник»; «Гавриилиада»; «Братья разбойники») // Труд. 1969. 6 июня. С. 3.

⁶² Веробьян Б. С. Пушкин Александр Сергеевич: (Бессарабско-крымский изгнанник. Михайловский узник). М., 2011. С. 127—128.

жаться от искушения процитировать небольшой фрагмент из этого по-своему уникального перепева.⁶³

Ни одно письмо, ни один автограф по прошествии лет
На судьбу этой едва ли неразделенной страсти не проливают свет...
Лишь творения поэта убеждают нас, кажется, пусть и не очень броско,
В продолжительности его любви к Марии Раевской-Волконской.

<...> В 552 грациозных и шаловливых строках, легких и броских,
Он не имеет цели критиковать христианство с позиций философских.

<...> И на глазах у Марии за обладание ею «дивный бой»
Сатана с архангелом Гавриилом затеяли между собой...
Бились они жестоко... Но, в критический момент, Гавриил
«Впился» сатане в интимный орган, которым тот грешил...

<...> Бог и не подозревает об интимной связи Марии с посланцем.
А та «в своем углу покоилась на смятой простыне притом».

<...> И исполнив прихоть, «голубь торжествует»,
В жару любви трепещет и воркует...

Пересказ поэмы завершается следующим оперенным рифмами лирическим заключением:

И заслуживает внимания в завершение темы
Эпилог яркой, но скандально-одиозной поэмы...
С горестной иронией эпилог этот воспринимает
Тот, кто печальную судьбу самого поэта знает...⁶⁴

* * *

Так созданная (вышитая по канве канонических произведений) постсимволистом Новиковым смелая и нескромная литературно-

⁶³ Как любезно указал нам Михаил Павловец, подобным приемом воспользовался один персонаж из поздней повести Генриха Сапгира «Армагеддон», переложивший стихами роман Достоевского «Бесы». См.: Павловец М. Функция парафразиса романа Ф. М. Достоевского «Бесы» в повести Г. Сапгира «Армагеддон» // Сусрети народа и культура. Косовска Митровица, 2015. С. 147—173. Но в случае реального сочинителя Веробьяна топорными раешными стихами перелагается не прозаическое произведение, а игривая поэма.

⁶⁴ Веробьян Б. С. Пушкин Александр Сергеевич: (Бессарабско-крымский изгнанник. Михайловский узник). С. 140—149.

психоаналитическая гипотеза получила фиктивную локализацию и зажила своей жизнью как часть киевского текста (термин Инны Булкиной⁶⁵) и пушкинского мифа русской литературы. Между тем при всей своей исторической недостоверности и анахроничности эта творческая гипотеза представляется нам интеллектуально стимулирующей, указывающей не только на прячущуюся под маской пушкинизма символистскую концепцию искусства как непорочного зачатия, но и на глубинные особенности пушкинского эротического воображения, по-своему «предвещающего» произведения романтика Лермонтова, мистика Владимира Соловьева, символистов Блока и Михаила Врубеля, а также, возможно, еще одного киевлянина, написавшего роман о гениальном писателе-историке, его самоотверженной возлюбленной и дьяволе-посреднике, являющемся частью той силы, что вечно хочет зла и вечно вещает о благе.⁶⁶

Иначе говоря, гипотеза Новикова выводит пушкинскую «Гавриилиаду» за рамки французского элегантного либертинажа и представляет ее (*post factum*) как формообразующую часть русской мариально-демонической традиции XIX—XX веков. Если бы молодой бешкетник, посетивший «мать городов русских» зимой 1821 года, догадался (и смог бы) заглянуть за скрывавший древнее киевское чудо иконостас, то он, возможно, увидел и почувствовал бы что-то похожее на то, что описал «за него» писатель Новиков. В конце концов, перифразируя Блейка, и сатана в пушкинской теодицее принадлежит к партии Марии.

---

⁶⁵ См.: Булкина И. Киевский текст в русском романтизме // Лотмановский сборник. М., 2004. [Вып.] 3. С. 93—104.

⁶⁶ В советскую эпоху тему тайной влюбленности автора «Гавриилиады» в Деву разрабатывал (в свойственном ему духе) В. Н. Турбин: «Пушкин дразнит Богородицу. За косички дергает Ее — фигурально, разумеется, выражаясь. Почему? Потому, что любит Ее. И — представим себе невысказанное! — по-земному Ее он любит, ревнуя Ее... к Святому Духу: повествует же Священное Писание, что сей Дух прикоснулся к Ней. Маяковский говорил о любви, вызывающей ревность к Копернику. А у Пушкина: что там Коперник, к Богу ревность!» И далее: «...Поэт истинный без Дамы невысказан. Далеко не всегда эта Дама — биографическая жена, невеста, любовница. Она может быть недосыгаемой. Быть идеей. Образом. Но она желанна. И желанна она по-мужски, во плоти» (Турбин В. Н. Незадолго до Водолея: Сб. статей. М., 1994. С. 113—117; см. также: Ословат Л. С. Дальняя подруга: Пушкинский миф о безыменной любви в творческом истолковании Тынянова—Эйзенштейна // Киноведческие записки. 1999. № 42. С. 106—128).

Д. М. ЦЫГАНОВ

**ПУШКИНОВЕДЧЕСКИЕ ТРУДЫ
АКАДЕМИКА В. В. ВИНОГРАДОВА
И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ
ЭПОХИ СТАЛИНИЗМА**

Виктор Владимирович Виноградов (1895—1969) — «главный», по словам его современников, человек в советской русистике, академик АН СССР (1946), лауреат Сталинской премии (1951), в первой половине 1950-х годов возглавлявший Институт языкознания АН СССР, а затем занявший место директора Института русского языка АН СССР, который с 1995 года носит его имя. Виноградов не только стал основателем крупнейшей научной школы,¹ с 1945 года и до конца жизни будучи заведующим кафедрой русского языка филологического факультета МГУ, и возглавил проект по созданию первой академической двухтомной «Грамматики русского языка» (М.: Академия наук СССР, 1952—1954), но и создал ряд основополагающих работ, ставших классикой пушкиноведения уже в 1950-е.² Среди них — «Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка» (М.; Л.: Academia, 1935),

---

¹ См.: *Рождественский Ю. В.* Виноградовская школа // *Лингвистический энциклопедический словарь*. М., 1990. С. 84—85.

² Так, Б. В. Томашевский в докладе об этапах изучения пушкинского творчества на общем собрании Отделения литературы и языка АН СССР 4 июня 1956 г., посвященном пятидесятилетию Пушкинского Дома, говорил: «В области литературно-филологической, по понятным причинам, особое внимание привлечено к вопросам языка и стиля. Но и здесь последнее значительное слово по-прежнему остается за двумя книгами В. В. Виноградова» (*Томашевский Б. В.* Основные этапы изучения Пушкина // *Томашевский Б. В.* Пушкин: В 2 кн. М.; Л., 1961. Кн. 2: Материалы к монографии (1824—1837). С. 472; имеются в виду книги Виноградова «Язык Пушкина» и «Стиль Пушкина». — *Д. Ц.*).

«Стиль Пушкина» (М.: ГИХЛ, 1941), а также несколько объемных статей о языковой специфике пушкинских текстов;³ также под его руководством была завершена подготовка четырехтомного «Словаря языка Пушкина» (М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956—1961). Однако значение Виноградова в истории отечественной филологии не исчерпывается вышеперечисленными заслугами:⁴ документальный контекст конца 1940-х — начала 1950-х годов отчетливо указывает на истинную роль трудов (прежде всего пушкиноведческих) ученого, «ненавидевшего советскую власть»,⁵ но тем не менее верно служившего ей в формировании риторического облика позднесталинской националистически ориентированной диктатуры.

Выпустившись в 1914 году из Рязанской духовной семинарии, Виноградов получил историко-филологическое образование в Пе-

---

³ См.: Виноградов В. В. 1) О стиле Пушкина // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 135—214; 2) Стиль «Пиковой дамы» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. Т. 2. С. 74—147; 3) Пушкин и русский литературный язык XIX в. // Пушкин — родоначальник новой русской литературы. М.; Л., 1941. С. 543—605; 4) К изучению языка и стиля пушкинской прозы: Работа Пушкина над повестью «Станционный смотритель» // Русский язык в школе. 1949. № 3. С. 18—32; 5) А. С. Пушкин — основоположник русского литературного языка // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1949. Т. 8. Вып. 3. С. 187—215. Также отметим, что Виноградов касался пушкинской темы и в работах, прямо не связанных с проблемами языка или стиля Пушкина.

⁴ Подробнее о направлениях и результатах научной деятельности Виноградова в качестве ученого, выдвинутого партией и правительством «на руководящую работу в области советского языкознания» см., например: Галкина-Федорук Е. М. Творческий путь академика В. В. Виноградова // Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию: Сб. статей. М., 1956. С. 3—11; Аллатов В. М. Академик Виноградов: Ученый и эпоха // Наш современник. 1998. № 11—12. С. 213—240; Бельчиков Ю. А. Виктор Владимирович Виноградов // Отечественные лингвисты XX века. 2002. № 1. С. 89—119 (позднее эта статья с незначительными уточнениями и добавлениями перепечатана в справочнике: Отечественные лингвисты XX века. М., 2016. С. 95—118). Также стоит упомянуть и несколько мемуарных свидетельств учеников Виноградова, дающих живое представление об облике ученого: Рождественский Ю. В. Виктор Владимирович Виноградов: (Воспоминания школяра) // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 1995. № 1. С. 51—56; Скворцов Л. И. Наставники — соратники — друзья: О тех, кто нас учил // Моховая, 9—11: Судьбы, события, память. М., 2010. С. 163—176; Из истории русской лингвистики XX века: Беседы с профессором Ю. А. Бельчиковым. М., 2022. С. 17—101.

⁵ По свидетельству Вяч. Вс. Иванова, который считал подлинно «гениальными» лишь те работы Виноградова, которые были созданы до конца 1930-х гг. (сообщила Н. К. Онипенко).

троградском университете, где в 1919 году под руководством А. А. Шахматова защитил магистерскую диссертацию, позднее опубликованную под названием «Исследования в области фонетики северно-русского наречия: (Очерки из истории звука Ъ в северно-русском наречии)» (1919). Собственно научная карьера Виноградова началась в первые годы двадцатых:⁶ в 1923 году он занял должность старшего научного сотрудника Института сравнительно-исторического изучения языков Востока и Запада при ЛГУ, где проработал вплоть до 1928 года. Серьезное влияние на ранние научные сочинения Виноградова оказывали не только его учителя — А. А. Потебня, А. И. Соболевский, А. А. Шахматов⁷ и Л. В. Щерба,⁸ но и круг Общества изучения поэтического языка (ОПОЯЗ) — ленинградской «формальной школы» — в лице В. М. Жирмунского,⁹ Ю. Н. Тынянова, Б. В. Томашевского, В. В. Шкловского и, как отмечал сам ученый в разговоре с А. П. Чудаковым, Б. М. Эйхенбаума.¹⁰ Объяснялось это сближение с формалистами не столько приметной общностью методологических воззрений (впрочем, уже в начале двадцатых в этих воззрениях намечаются принципиальные расхождения¹¹), сколько, прежде всего, биографическим и институ-

⁶ О ранних научных работах Виноградова см.: Робинсон М. А. Забытые работы В. В. Виноградова // Русская литература. 1971. № 1. С. 121—126.

⁷ См.: Виноградов В. В. 1) Алексей Александрович Шахматов. СПб., 1922; 2) Учение академика А. А. Шахматова о грамматических формах слов и о частях речи в современном русском языке // Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку: (Учение о частях речи). М., 1952. С. 3—26. Также см.: Робинсон М. А. А. А. Шахматов и В. В. Виноградов // Русская речь. 1985. № 1. С. 70—74.

⁸ См.: Виноградов В. В. Общелингвистические и грамматические взгляды академика Л. В. Щербы // Памяти академика Льва Владимировича Щербы: Сб. статей. [М.], 1951. С. 31—62.

⁹ В воспоминаниях Ю. В. Рождественского содержится эпизод, наглядно свидетельствующий об отношении Виноградова к Жирмунскому. Во время подготовки очередного выпуска «Вопросов языкознания» Рождественский высказал Виноградову сомнения по поводу качества предложенной Жирмунским статьи, на что Виноградов отреагировал резко: «Мы всегда будем слушаться Виктора Максимовича!» (см.: Рождественский Ю. В. Виктор Владимирович Виноградов. С. 52).

¹⁰ См.: Чудаков А. П. Ранние работы В. В. Виноградова о поэтике русской литературы // Виноградов В. В. Поэтика русской литературы: Избранные труды. М., 1976. С. 467. О влиянии формалистов на работы Виноградова о языке художественной прозы см. подробнее: Чудаков А. П. В. В. Виноградов и теория художественной речи первой трети XX века // Виноградов В. В. О языке художественной прозы: Избранные труды. М., 1980. С. 285—315.

¹¹ В опубликованной в 1923 г. работе Виноградов писал: «...большинство русских (особенно новых) попыток стилистического анализа (например, работы Б. М. Эйхенбаума, В. М. Жирмунского) неудовлетворительны методологи-

циональным контекстами: с марта 1924 года Виноградов числился заведующим Отделом словесных наук Государственного института истории искусств, а с 1925-го по 1929-й заведовал Секцией художественной речи (тогда же шла работа над книгой «О языке художественной прозы»). В 1930 году Виноградов (по всей видимости, из-за начавшегося разгрома института¹²) перебрался в Москву, где занял профессорскую должность сперва в Московском университете (1930—1932), а затем в Институте иностранных языков (1932—1934). Примечательно, что в предисловии к описи довольно скудного личного фонда ученого в архиве Академии наук подробно описывается деятельность Виноградова в Москве в период с 1930 по 1934 год, за этим следует трехлетний пробел — до 1937 года, с которого и возобновляется подробная биографическая справка.¹³ Дело в том, что 8 февраля 1934 года в квартиру Виноградова в Большом Афанасьевском переулке (д. 41, кв. 8) пришли с обыском, после которого ученый был арестован по так называемому «делу славистов»¹⁴ (дело «Российской национальной партии») за связь с Пражским лингвистическим кружком (вину с Виноградова снимут еще при жизни, в 1964 году). По воспоминаниям вдовы, вещественное доказательство — книгу Н. С. Трубецкого «К проблеме русского самопознания» (Париж, 1927), которая была передана Виноградову Н. Н. Дурново, — следователям обнаружить так и не удалось (несколькими днями позднее том был уничтожен).¹⁵ Виноградова приговорили к трем годам административной высылки, и 17 апреля 1934 года он был отправлен в Киров (Вятку). Сданную в набор рукопись книги «Язык Пушкина» по поручительству возглавлявшего издательство «Academia» Л. Б. Каменева не «обезглавили», сохранив на титуле имя арестованного автора. В ссылке Виноградов по ходатайству Д. Н. Ушакова смог продолжить работу

чески» (цит. по: Виноградов В. В. О задачах стилистики: Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума // В. В. Виноградов. О языке художественной прозы: Избранные труды. М., 1980. С. 39; курсив наш. — Д. Ц.). Интересно, что эту статью Трубецкой в письме к Якобсону от 18 августа 1924 г. назовет «превосходной» (см.: Письма и заметки Н. С. Трубецкого. М., 2004. С. 63).

¹² Подробнее см.: Кумпан К. А. Институт истории искусств на рубеже 1920—1930-х годов // Конец институций культуры двадцатых годов в Ленинграде (по архивным материалам): Сб. статей. М., 2014. С. 8—128.

¹³ АРАН, ф. 1602, оп. 1: Научные труды, биографические документы, фотографии, документы научно-организационной и общественной деятельности, репресска за 1911—1970 гг. С. 2—4.

¹⁴ См. об этом: Ашин Ф. Д., Алпатов В. М. «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994.

¹⁵ См. подробнее: Из воспоминаний Н. М. Мальшевой-Виноградовой // Вестник Европы. 2010. Т. 28—29. С. 216—238.

над четырехтомным «Толковым словарем русского языка» (1935—1940) — «уникальным памятником тоталитарного языка советского периода».¹⁶

Близился столетний юбилей кончины Пушкина. Ходатайства пушкинистов,¹⁷ дружественно расположенных к Виноградову еще с ленинградского периода его деятельности, послужили стимулом к досрочному освобождению ученого 1 мая 1936 года. Из-за невозможности законно жить в Москве Виноградов поселяется в Можайске, откуда ездит в столицу читать лекции в Пединституте имени А. С. Бубнова. Критика его пушкиноведческих работ в эти годы носит почти «проработочный» характер: одна за другой появляются разгромные рецензии, главный посыл которых точнее всего передаст вердикт защитившего в Пушкинском Доме диссертацию по теме «Пушкин и реакционный романтизм» (1935) Б. С. Мейлаха. В статье 1936 года он писал: «Выводы <Виноградова> неверны, верные наблюдения неправильно истолкованы».¹⁸ В годы Большого террора ученый все же смог избежать повторного ареста и умело пресек начавшуюся в конце 1930-х годов травлю, обратившись к Сталину в марте 1939 года и приложив к письму две свои книги.¹⁹ Виноградову было позволено вернуться в Москву; там и продолжились его научные занятия по проблемам языка и стиля Пушкина.²⁰

---

¹⁶ См. подробнее: *Купина Н. А.* Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь, 1995.

¹⁷ Впоследствии Виноградов принимал самое деятельное участие в подготовке юбилейного академического полного собрания сочинений Пушкина. Стоит отметить, что он входил в немногочисленный круг специалистов (среди них — С. М. Бонди, Ю. Г. Оксман, Б. В. Томашевский), способных продуктивно работать с черновыми автографами Пушкина (об этом см., в частности: *Виноградов В. В.* О принципах и приемах чтения черновых рукописей Пушкина // Проблемы сравнительной филологии: Сб. статей к 70-летию члена-корреспондента АН СССР В. М. Жирмунского. М.; Л., 1964. С. 277—290).

¹⁸ См. подробнее: *Мейлах Б. С.* [Рец. на статью:] В. В. Виноградов. О стиле Пушкина («Лит. Наследство», № 16—18) // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 342—345.

¹⁹ См. письмо Виноградова к Сталину, не ранее 5 февраля 1939 г. (Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917—1953. М., 1999. С. 426—427). По предположению Б. А. Успенского, этими книгами могли быть две части вышедшего в 1938 году «Современного русского языка» (М.: Учпедгиз, 1938).

²⁰ Накануне войны Виноградов публикует 60-страничную статью «Пушкин и русский литературный язык XIX века» в сборнике «Пушкин — родоначальник новой русской литературы» (М.; Л., 1941. С. 543—605) под редакцией Д. Д. Благого и В. Я. Кирпотины, напечатавшего важную для понимания культурных конфликтов той эпохи книгу «Наследие Пушкина и коммунизм» (М.: ГИХЛ, 1936).

С началом войны из Центрального комитета партии было спущено поручение «очистить Москву от социально-опасного элемента», в результате чего Виноградов должен был покинуть столицу и на правах «административно высланного» поселиться в Тобольске, куда он и прибыл 7 августа 1941 года. В июне 1943 года судимость с ученого была снята, и Виноградов вновь вернулся в Москву, где его научная карьера вступила в фазу непрерывного стремительного роста.²¹ Произошедший в середине 1940-х годов внезапный карьерный «взлет» неоднократно репрессированного Виноградова оказался бы попросту невозможным без личного участия Сталина, который в послевоенный период все больше внимания уделял вопросам «культурного строительства». Мотивы укрепления позиции Виноградова в ситуации обострявшегося «сталинского руссоцентризма»²² становятся понятными при рассмотрении политико-идеологической ситуации нескольких первых послевоенных лет, характеризующейся стремительным перерождением прямых форм вооруженного конфликта в глобальное противостояние СССР и «загнивающего капиталистического Запада», базирующееся в первую очередь на идейных противоречиях.

* * *

Холодная война уже в 1945—1946 годах оформилась как конфликт сугубо *текстуальный*:²³ его условное начало связывается с произнесенной 5 марта 1946 года в Вестминстерском колледже Фултонской речью будущего лауреата Нобелевской премии по литературе (1953) У. Черчилля и с последовавшим вскоре ответом И. Сталина, 14 марта 1946 года опубликованным в «Правде» в формате интервью корреспонденту партийной газеты.²⁴ В этом интервью проводились прямые аналогии между бывшим британским пре-

²¹ О буквальном «карьерном бешенстве» Виноградова, «уничтожившем в нем ученого», писала в записных книжках Л. Я. Гинзбург (см. подробнее: *Гинзбург Л. Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе.* СПб., 2002. С. 359—360).

²² См. об этом: *Бранденбергер Д. Л. Сталинский руссоцентризм: Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931—1956 гг.).* М., 2017 («История сталинизма»).

²³ Подробнее см.: *Цыганов Д. М. Холодная война с «модернизмом»: Международная Сталинская премия в контексте западно-советских литературных взаимодействий периода позднего сталинизма // Rossica: Литературные связи и контакты. 2022. № 2. С. 191—268. Схожий взгляд на специфику холодной войны представлен в кн.: *Hinds L., Windt T. The Cold War as Rhetoric: The Beginnings, 1945—1950.* New York; London, 1991.*

²⁴ Интервью тов. И. В. Сталина с корреспондентом «Правды» относительно речи г. Черчилля // *Правда. 1946. № 62 (10144). 14 марта. С. 1.*

мьер-министром (по Сталину — создателем «английской расовой теории») и Гитлером — создателем «немецкой расовой теории». Сталин усматривает в выступлении Черчилля призыв к новой войне (ср.: «Несомненно, что установка г. Черчилля есть установка на войну, призыв к войне с СССР»²⁵). Однако в этой передовице содержится еще одно положение, в известной мере проясняющее причудливые идеологические метаморфозы режима в эпоху позднего сталинизма. Давая вполне закономерный ответ на вопрос о негативных последствиях речи Черчилля для «дела мира и безопасности», респондент отметил:

Английская расовая теория приводит г. Черчилля и его друзей к тому выводу, что нации, говорящие на английском языке, как единственно полноценные, должны господствовать над остальными нациями мира. По сути дела, г. Черчилль и его друзья в Англии и США предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, и тогда все будет в порядке, — в противном случае неизбежна война.²⁶

Очевидная невозможность возобновления боевых действий привела к актуализации не столько глобальных политических и экономических, сколько культурно-идеологических противоречий: изменилась сама специфика межгосударственных отношений, ранее представлявшихся рядом разрозненных взаимодействий. В отношении к периоду позднего сталинизма справедливо говорить о целенаправленно осуществлявшемся процессе структурирования мирового политического пространства, эксплуатировавшем самые разнообразные институциональные ресурсы. Окончательно оформившийся в культурном пространстве послевоенной эпохи конфликт двух конкурировавших дискурсов требовал от советской стороны поиска новых *текстуальных* инструментов противодействия «поджигателям новой войны». Подобная постановка вопроса определила две наиболее значительные тенденции позднесталинской «культурной политики», которые по сути своей были сонаправленными.

Первое направление имело отчетливо репрессивный характер и было ориентировано на устранение из советского риторического пространства всех элементов, так или иначе соотносящихся с идеей «низкопоклонства перед Западом». Именно в рамках этого направления осуществлялось спровоцированное вышеприведенными сло-

---

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

вами Сталина вытеснение английского языка за пределы научного поля, маргинализация англистики как отрасли советского языкознания. В тяжелый для отечественной русистики период второй половины 1940-х годов жесткой критике подверглись занимавшиеся сравнительным литературоведением ленинградские филологи-«космополиты»,²⁷ в числе которых был избранный в 1946 году членом-корреспондентом Академии наук декан филологического факультета Ленинградского университета М. П. Алексеев. 16 октября 1947 года в университетской газете появилось подробное описание доклада ректора ЛГУ А. А. Вознесенского, в котором говорилось:

Иногда встречается в нашей среде и преувеличение роли культуры и языка того или иного народа. На одном из заседаний Ученого совета уважаемый член совета, академик, проводил ту мысль, что у нас можно предложить студентам изучать один язык, именно английский, а это потому-де, что это язык мировой культуры и что ему предстоит ведущая роль в ее развитии. «Мы вовсе не собираемся отдавать нашего революционного первенства другим народам, мы вовсе не полагаем, что русский язык имеет или будет иметь меньшее значение в истории развития человеческой культуры, чем английский язык», — заявил профессор А. А. Вознесенский под громкие аплодисменты присутствующих.²⁸

Не может быть сомнений в том, что этим «уважаемым членом совета» был именно Алексеев, в середине 1940-х годов опубликовавший ряд работ, посвященных роли английского языка в развитии русской литературной культуры.²⁹

Второе же направление было связано с усугублением наметившихся еще к середине 1930-х годов националистических настроений в обществе и закономерно провоцировало возрастание идеоло-

---

²⁷ См. подробнее: Дружинин П. А. Идеология и филология. Ленинград, 1940-е гг.: Документальное исследование. М., 2012. Т. 1—2.

²⁸ Против низкопоклонства перед буржуазной наукой // Ленинградский университет. 1947. № 32. 16 окт. С. 3.

²⁹ См., например: Алексеев М. П. 1) Английский язык в России и русский язык в Англии // Ученые записки ЛГУ. Сер. филологических наук. 1944. № 72. С. 77—137; 2) К истории понятия «английская литература» // Научная сессия [Ленинградского университета] (16—30 ноября 1945 г.): Тезисы докладов по секции филологических наук. Л., 1945. С. 29—37; 3) Восприятие иностранных литератур и проблема иноязычия // Труды юбилейной научной сессии [Ленинградского университета]. Секция филологических наук. Л., 1946. С. 179—223; 4) Несколько английских книг библиотеки А. С. Пушкина // Научный бюллетень ЛГУ. 1946. № 6. С. 27—32.

гической роли русского литературного языка, определявшегося как «национальный» язык, окончательно оформившийся в творчестве Пушкина.³⁰ Вместе с тем вопрос о русском языке в обстановке обострившихся западно-советских отношений приобретал откровенно инструментальный характер, что точнее всего выразилось в книге Виноградова «Великий русский язык» (1945):

Русский язык является очагом, откуда излучаются и распространяются социалистические, советские термины, выражения социалистических, советских идей и чувств не только во весь круг братских языков и народов нашего многоязычного государства, но и во все языки мира.³¹

Столкновение между двумя системами — «социализмом» и «капиталистическим империализмом» — мыслилось советской стороной как неизбывное: идеологические принципы внешней политики СССР вплоть до 1956 года³² базировались на работе В. И. Ульянова-Ленина «Социализм и война» (1915), где утверждалась неизбежность военного столкновения между государствами, принадлежащими к разным общественно-экономическим формациям; при этом сама война в официальной советской политической доктрине воспринималась как способ насаждения («экспорта») социализма, его распространения в общемировом масштабе. Но и сам русский литературный язык, следуя логике Виноградова, являлся инстру-

---

³⁰ Ср. хотя бы у М. Н. Петерсона, в 1920 г. возглавлявшего Московский лингвистический кружок, к идеям которого тяготел и Виноградов: «С эпохи Пушкина начинается новый период в развитии русского литературного языка. С этого времени можно считать начало современного русского языка» (*Петерсон М. Н. Лекции по современному русскому литературному языку: Пособие для студентов пединститутов.* М., 1941. С. 11).

³¹ Виноградов В. В. Великий русский язык. М., 1945. С. 171.

³² Именно в феврале 1956 г. в отчетном докладе на открытии XX съезда КПСС Н. С. Хрущев, обсуждая принципиальные вопросы международного развития, пойдет вразрез с ленинским учением и заметит, что «фатальной неизбежности войн нет», а главным принципом, определяющим внешнеполитический курс Советского Союза, назовет идею «мирного сосуществования государств с различным социальным строем» (см.: *Хрущев Н. С. Отчетный доклад Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии.* 14 февраля 1956 г. // XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14—25 февраля 1956 года: Стенографический отчет. М., 1956. Т. 1. С. 34, 37). Для точности заметим, что неизбежность войны отрицалась еще задолго до хрущевского доклада, однако отрицания эти имели сугубо декларативный характер и слабо соотносились с реальным политическим курсом Советского государства.

ментом этого «экспорта» социализма («советских идей»).³³ Позднее будет осознан и «боевой» потенциал русского языка, надежно связанный в сознании «советского человека» с образом Пушкина (ср. хотя бы у В. Инбер в стихотворении «Русский гений» (1949): «Неправда, будто на войне / Смолкает голос муз. / На фронте с Пушкиным вдвойне / Был крепок наш союз. // Без типографского свинца / И там не обошлось, / Он, спаян с пулею бойца, / Разил врага насквозь»³⁴). Господствующим положением этой тенденции в послевоенном СССР во многом объясняется возвышение Виноградова, с середины 1930-х годов последовательно разрабатывавшего вопрос о роли Пушкина в истории русского литературного языка. Примечательно, что в более ранних виноградовских работах мысль о ключевом значении пушкинского творчества для становления русского языка нового типа высказывалась еще не так определенно, тогда как в 1940-е годы она приобрела известный радикализм.

В книге «Язык Пушкина» (1935) еще довольно осторожно формулируется идея «демократической реформы», которая ляжет в основу концепции более поздних пушкиноведческих работ Виноградова. Ученый отмечает пушкинское «тяготение к созданию — на национальной основе — русского литературного языка, не уступающего европейским»,³⁵ но прямо о Пушкине как о создателе русского литературного языка не пишет. Отсутствие внятной формулировки, на первый взгляд, может объясняться авторской установкой на ил-

---

³³ О виноградовском понимании языка см.: *Ревзина О. Г. Язык писателя и литературный язык в концепции В. В. Виноградова // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2015. № 6. С. 7–23.*

³⁴ *Инбер В. Избранное. М., 1950. С. 32–33.* Представление Инбер о литературе как об инструменте ведения войны выразилось и в ее публицистике (ср. хотя бы: *Инбер В. Боеспособность стиха: [Из выступления на творческом совещании в Союзе писателей] // Литература и искусство. 1943. № 14 (66). 3 апреля. С. 2).*

³⁵ *Виноградов В. В. Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. М.; Л., 1935. С. 20.* Сформулированная Виноградовым идея «оригинального синтеза трех разных социально-языковых стихий», берущая исток в этой книге, в кругах ленинградской профессуры подверглась серьезной критике. В частности, В. А. Гофман в начале 1937 г. писал, что «даже после революции, в некоторых новейших работах, дается двусмысленная, неверная оценка, искажающая роль Пушкина в истории русского литературного языка. Вот любопытный образец новейшей теоретической путаницы в сочетании с высокомерной снисходительностью к создателю нашего литературного языка», после чего следовала пространная цитата из работы Виноградова, однако его имя прямо не называлось (см.: *Гофман В. А. Язык поэзии Пушкина // Звезда. 1937. № 1. С. 171).*

люстративность,³⁶ но более убедительной видится мысль о том, что Виноградов в 1930-е годы попросту не был готов назвать Пушкина «основоположником» русского литературного языка, отводя ему роль поэта, утвердившего «синтез “русско-французской” литературной речи с национально-бытовым просторечием, “славенским” книжным языком и с семантическими формами других западно-европейских литератур»,³⁷ выдвинувшего «принцип национально-исторического синтеза разных социально-языковых категорий», посредством которого поэт лишь «надеялся создать на основе дворянской культуры речи литературную систему общенационального выражения».³⁸ Кроме того, эта точка зрения внятно коррелирует с важной для Виноградова шахматовской концепцией языковой эволюции, сформулированной во вводном разделе к «Очерку современного русского литературного языка»; Шахматов писал: «Только в XVIII веке <...> книжному языку узаконивается единственный путь развития и совершенствования — это следование за языком разговорным, слияние с ним».³⁹ Не обретает однозначной трактовки вопрос о пушкинской роли в истории становления русского языка нового типа и во втором издании «Очерков по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.» (1938). В соответствующем разделе «Язык Пушкина и его значение в истории русского литера-

---

³⁶ Об этой черте «Языка Пушкина» довольно резко высказывался Г. А. Гуковский в книге, вышедшей посмертно в 1966 г.: «Обилие цитатных примеров у В. В. Виноградова объясняется тем, что его исследование эмпирично, тем, что исследователь не ищет единства и объяснения всех возможных цитат в основном для всего текста принципе стиля, тем, что о стиле Пушкина он не говорит, а говорит лишь об эмпирически-наблюденных и вынутых из общей связи частностях его» (Гуковский Г. А. Изучение литературного произведения в школе: Методологические очерки о методике. М.; Л., 1966. С. 126). Об этом же годом позднее, в 1967 г., скажет и И. Л. Андроников на банкете по случаю присуждения ученому Государственной премии: «Да, мой метод — рассказы прабабушек. Но для этого я должен поехать, разыскать, заставить вспомнить, словом, что-то сделать. У Виктора Владимировича все значительно проще: он достает одну книгу с полки своего кабинета, выписывает цитату, то же проделывается с другой и третьей книгами, затем цитаты помещаются одна за другой и издаются как научный труд Виктора Владимировича, где есть все, нет только собственных конструктивных положений» (цит. по: Глушаков П. С. Забытый эпизод из истории советского литературоведения (Андроников — Бонди — Виноградов — Гуковский — Оксман) // Новое литературное обозрение. 2011. № 1 (107). С. 393).

³⁷ Виноградов В. В. Язык Пушкина. С. 110.

³⁸ Там же. С. 194.

³⁹ Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка: (Курс, читанный в Санкт-Петербургском университете в 1911—12 учебном году). СПб., 1913. С. 21.

турного языка»⁴⁰ Виноградов пишет, всецело опираясь на опыт своего исследования 1935 года:

Язык Пушкина, отразив прямо или косвенно всю историю русского литературного языка, начиная с XVII в. до конца 30-х годов XIX в., вместе с тем определил во многих направлениях пути последующего развития русской литературной речи и продолжает служить живым источником и непревзойденным образцом художественного слова для современного читателя. <...> Пушкин прежде всего произвел новый, оригинальный синтез тех разных социально-языковых стихий, из которых исторически складывается система русской литературной речи...⁴¹

Однако Пушкин, несмотря на прошедшие в 1937 году торжества по случаю столетнего юбилея с момента кончины поэта,⁴² «основоположником» литературного языка по-прежнему не объявлялся. Речь шла лишь о том, что он «создал и санкционировал многообразие национальных стилей, многообразие стилистических контекстов, спаянных темой и содержанием».⁴³ Отсутствие радикализма в выводах о пушкинской роли могло объясняться как стремлением

---

⁴⁰ «Протографом» для этого раздела послужила объемная статья Виноградова, опубликованная в 1937 г. (см.: Виноградов В. В. Пушкин и русский язык // Вестник Академии наук СССР. 1937. № 2—3. С. 88—108).

⁴¹ Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938. С. 227. Отметим, что понятие «синтеза» для Виноградова являлось важнейшей аналитической категорией. Так, «синтез <...> достижений романтической культуры художественного слова», по Виноградову, совершил и Лермонтов, но лишь с помощью «пушкинской системы выражения» (см.: Виноградов В. В. Язык Лермонтова // Русский язык в школе. 1938. № 3. С. 39—43).

⁴² Однако уже в конце 1930-х гг. за Пушкиным в кругах профессиональных филологов закрепляется репутация создателя русского литературного языка и родоначальника новой русской литературы, но подавляющее большинство таких теоретических или историко-литературных выкладок в своей аргументации исходят из аргументов Виноградова, к тому моменту еще не решавшегося прямо заявлять о пушкинской роли «основателя» литературного языка. Из наиболее характерных работ укажем следующие: Томашевский Б. В. Язык и стиль Пушкина // Пушкин А. С. Соч. Л., 1935. С. 918—923; Гофман В. А. Язык Пушкина // Стиль и язык А. С. Пушкина. 1837—1937: [Сб. статей]. М., 1937; Орлов А. С. Пушкин — создатель русского литературного языка // Сто лет со дня смерти А. С. Пушкина: Труды Пушкинской сессии Академии наук СССР. 1837—1937. М.; Л., 1938. С. 97—115; Десницкий В. А. Пушкин — родоначальник новой русской литературы // Сто лет со дня смерти А. С. Пушкина. С. 117—140; Пушкин — родоначальник новой русской литературы: Сб. научно-исследовательских работ. М.; Л., 1941.

⁴³ Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка. С. 268.

к научной объективности, так и наличием у Виноградова целостного представления о принципах изменения и развития литературного языка, попросту не позволявшего «замкнуть» этот многосложный процесс на творчество одного — пусть даже наиболее выдающегося — поэта. Тем не менее в статье 1936 года «Язык Гоголя» Виноградов, которого в начале двадцатых причисляли к «гоголианцам»,⁴⁴ писал, что именно «перед Гоголем возникает задача: установить общий для всего этого “среднего сословия” национально-языковой фонд словесного выражения и при его посредстве сломать старую систему литературно-книжного языка».⁴⁵ Очевидно, что именно Гоголю Виноградов в середине 1930-х годов отдает приоритет в вопросе создания национального языка (осуществления искомого «синтеза»), однако вскоре ученый переменит свою позицию. Сходный рационализм суждений Виноградов проявляет и в упомянутой статье «Пушкин и русский литературный язык XIX в.» 1941 года. Объявленное в предисловии к вышедшему в Институте мировой литературы сборнику «изучение роли Пушкина как создателя нашего литературного языка» в статьях Винокура и Виноградова⁴⁶ вовсе не нашло отражения в указанных работах. Так, Виноградов лишь осторожно подмечает, что «Пушкин впервые в истории русской культуры практически разрешает в образцах своего искусства вопрос о единой семантической системе литературного языка, о национальных основах и истоках ее»,⁴⁷ следом делая оговорку: «Однако и после пушкинской реформы Белинский в конце 30-х — начале 40-х годов постоянно жаловался на то, что многие элементы морфо-

---

⁴⁴ В 1921 году Е. П. Казанович писала о Виноградове: «<Виноградов> открывает своими этюдами о Гоголе новую страницу в изучении этого крупного, причудливого художника. До сих пор так тщательно изучался в русской словесной науке только Пушкин <...>; во всяком случае, после работ Виноградова изучение Гоголя не может продолжаться по-прежнему» (цит. по: Робинсон М. А. Судьбы академической элиты: Отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М., 2004. С. 180).

⁴⁵ Виноградов В. В. Язык Гоголя // Н. В. Гоголь: Материалы и исследования. М.; Л., 1936. С. 340. Примечательно, что Пушкину в этой статье отводится довольно скромная роль. Виноградов пишет лишь, что «в сущности, Гоголь тесно примыкает в этом направлении (т. е. в борьбе с «дворянскими салонными стилями». — Д. Ц.) к Пушкину, продолжая его борьбу с “жеманством”, “чопорностью”, провинциальной манерностью во имя “нагой простоты”. Однако националистический демократизм Гоголя более прямолинеен, односторонен» (Там же. С. 311).

⁴⁶ От редакции // Пушкин — родоначальник новой русской литературы. М.; Л., 1941. С. [5].

⁴⁷ Виноградов В. В. Пушкин и русский литературный язык XIX века // Там же. С. 566.

логической системы русского языка еще находились в брожении».⁴⁸ То же отсутствие всякой определенности мы видим и в книге «Стиль Пушкина» (1941), где поэт провозглашался «создателем литературного слога»,⁴⁹ но отнюдь не литературного языка. В остальном же виноградовская концепция осталась неизменной. Ключевая роль в ней по-прежнему отводилась «синтезу» различных стилистических структур, осуществленному в творчестве Пушкина:

Пушкин ищет широкой синтетической системы национально-поэтического стиля, в которой и образы книжно-лирического языка, и обороты, выражения живой русской речи, и отражения старой литературно-художественной традиции должны объединиться и раствориться в струе русского народно-поэтического творчества.⁵⁰

И далее:

Именно с Пушкина и благодаря Пушкину русская литература становится европейской и входит в систему западноевропейских литератур как великая национальная литература великого народа.⁵¹

Проникнутые национальным пафосом пушкиноведческие труды Виноградова 1930-х годов тем не менее отмечены малой степенью политической ангажированности, что, по-видимому, обусловлено отсутствием в тот период устойчивого «спроса» на националистическую риторику.⁵² Более поздние работы ученого середины — конца

⁴⁸ Виноградов В. В. Пушкин и русский литературный язык XIX в. С. 567.

⁴⁹ Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1941. С. 37.

⁵⁰ Там же. С. 235—236.

⁵¹ Там же. С. 619.

⁵² Джонатан Брукс Платт замечает, что Виноградов был единственным ученым, которому в 1930-е гг. удалось создать монументальное двухтомное исследование, посвященное языковому и стилевому аспектам творчества Пушкина. Однако главной проблемой, волнующей исследователя, становится тайна, «как ему <Виноградову> удалось заниматься Пушкиным, не присоединяясь к обсуждению главного вопроса юбилея — вопроса о том, почему великий русский поэт А. С. Пушкин по-прежнему актуален *сегодня*?». Сам Платт утверждает, что Виноградов видел в Пушкине национального поэта, который всегда остается актуальным для русской нации: «Виноградов верил в это, и поэтому ему не приходилось заниматься текстологической работой или сравнительными исследованиями, чтобы уклониться от темы “Пушкин и современность”. В отличие от многих других, ему не приходилось искать убежища в идеологических штампах. Он просто методично занимался реализацией конкретного монументалистского проекта: он писал историю стилистики литературного русского языка, причем делал это так, как будто он жил в национальном сообществе, которое было способно оценить его труд» (Платт Дж. Б. Здравствуй, Пушкин! Сталинская культурная политика и русский национальный поэт. СПб., 2017. С. 164—165).

1940-х годов обнаруживают вполне явный отход от строго научного дискурса в сторону идеологического производства востребованных сталинским режимом нередко утрированных, а подчас и откровенно спекулятивных смыслов.

* * *

Вышедшая в 1944 году в издательстве «Правда» брошюра «Величие и мощь русского языка», позднее легшая в основу книги 1945 года «Великий русский язык», начинается цитатой из ранней работы Сталина «Марксизм и национальный вопрос» (1913), тогда как ни одна из предшествующих работ Виноградова подобных ритуальных ссылок не содержит. Серьезно изменилась не только виноградовская трактовка языка, который стал определяться как «один из существенных признаков нации», «мощное орудие культуры и важнейший фактор духовного развития нации»,⁵³ но и понимание пушкинской роли в истории становления литературного языка. Так, Виноградов писал, что «для Пушкина народность языка определяется всем содержанием национальной русской культуры в ее историческом развитии».⁵⁴ Это демагогическое суждение является дословным повтором из обсуждавшейся выше статьи Виноградова для сборника Института мировой литературы. Разница состоит лишь в том, что в работе 1941 года этот идеологически нагруженный тезис помещался в контекст языковедческих разысканий, в котором его «агитность» нейтрализовывалась, а в этом тексте тезис подается в качестве своеобразного комментария к пушкинской цитате (а далее следуют цитаты из статьи Гоголя «Несколько слов о Пушкине» (1835) и из заметки Ленина «Нужен ли обязательный государственный язык?» (1914); венчает этот ряд утверждение об Энгельсе как о «выдающемся лингвисте-полиготе».⁵⁵ Именно в этой брошюре Виноградов впервые прямо определяет Пушкина как «создателя нового русского литературного языка».⁵⁶ Однако интерес вызывает не столько сама постановка вопроса, в известной мере мотивированная восходящим к трудам Белинского представлением о «пушкиноцентрической» модели русской культуры, получив-

---

⁵³ Виноградов В. В. Величие и мощь русского языка. М., 1944. С. 3; курсив наш. — Д. Ц.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Интересно, что набор приводимых Виноградовым имен и высказываний является как бы кратким конспектом-протографом статьи «Народность» из «Большой советской энциклопедии» в 50 томах.

⁵⁶ Виноградов В. В. Величие и мощь русского языка. С. 5.

шей теоретико-литературное обоснование в трудах формалистов, сколько то, каким образом эта идея встраивалась в контекст западно-советских взаимоотношений, приспособляясь под нужды позднесталинской конфронтационной политики. Уже одно лишь сравнение параллельных мест двух виноградовских работ середины 1940-х годов внятно указывает на направление, в котором эволюционировала формулируемая в них концепция развития русского литературного языка:

Виноградов В. В. Величие *Виноградов В. В.* Великий русский язык. и мощь русского языка. М.: Гослитиздат, 1945.
М.: Правда, 1944.

«Пушкин, который по праву называется создателем нового русского литературного языка, много раз говорит о глубокой самобытности русского национального стиля» (с. 5).

«За Карамзиным и декабристами в истории русской речевой культуры следует Пушкин, который по праву называется создателем нового русского литературного языка. Пушкин не устает твердить о глубокой самобытности русского языка, об индивидуальных особенностях русского национального стиля, резко отличающих его от “европейского жеманства и французской утонченности”» (с. 15).

Однако здесь нельзя говорить о пресловутом приспособлении виноградовских построений под конъюнктуру или, напротив, о приближении идеологии к панславистским и славянофильским взглядам ученого:⁵⁷ точнее будет сказать, что это было взаимное движение, в результате которого мировоззренческая модель Виноградова и актуальная риторика, причудливо комбинируясь, образовывали сложное «единство в многообразии». Соответствующий акцент в книге делался и на теме национального строительства, неизбежно предполагавшего консолидацию социума и в условиях послевоенного периода обретшего существенное влияние на «культурную политику»,⁵⁸ направленную на формирование единого пространства сталинской соцреалистической культуры:

Стиль народной поэзии представляется Пушкину воплощением духа русского языка, тем бродильным началом национальности,

⁵⁷ Эта точка зрения выдвинута В. М. Алпатовым, который утверждает, что в середине 1940-х гг. «конъюнктура приблизилась к тому, что думал Виноградов» (см. подробнее: *Алпатов В. М.* Филологи и революция // Новое литературное обозрение. 2002. № 1 (53). С. 214–216).

⁵⁸ См. подробнее: *Зубкова Е. Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1954. М., 2000.

которое несет новую жизнь и движение в литературную речь. <...> В пушкинском языке была впервые найдена *общенародная норма русского языка*.⁵⁹

И далее:

...язык Пушкина представлял собой своеобразную квинтэссенцию национального русского словесного искусства, русского поэтического стиля. <...> Являясь высшим воплощением национальнорусской художественной нормы, словесное искусство Пушкина так же народно, как народны пословицы, песни, сказки, былины.⁶⁰

Завершает все эти рассуждения профессионального филолога соображение, что «жизнь и творчество Пушкина стали для многих символом русского национального духа. Гений писателя отождествился с гением России».⁶¹ В этом, по всей видимости, и состояло то «углубленное понимание» «национального значения творчества Пушкина», о котором в 1956 году говорил Б. В. Томашевский.⁶² Думается, не стоит лишней раз указывать на отнюдь не научные стимулы подобных тезисов. Ограничимся лишь констатацией очевидной перемены в приоритетах Виноградова: на смену стремлению к объективности и беспристрастности изложения фактов пришла ориентация на идеологическую обстановку и политическое «чутье», позволившее ученому в довольно короткий срок возглавить советскую русистику.

Награда за принесенную сталинскому режиму «жертву» не ставила себя долго ждать: уже 1 июня 1945 года в газете «Московский университет» появляется известие о присуждении Виноградову решением Ученого совета МГУ Ломоносовской премии первой степени за еще не опубликованную к тому моменту книгу «Русский

---

⁵⁹ Виноградов В. В. Великий русский язык. С. 104; курсив наш. — Д. Ц.

⁶⁰ Там же. С. 129—130. Особый интерес Виноградова к проблеме «народности» оказывается симптоматичным для риторического режима сталинизма, вступающего в финальную стадию своего развития. Примерно в это же время появляются другие тексты, в которых актуализируется полемика вокруг «народности» как одного из «критериев» сталинского официального дискурса; см., напр.: Ермилов В. В. Самая демократическая литература мира. М., 1947; Рьельский М. Ф. Литература и народ: Статьи. М., 1959. Подробнее об этом см.: Гюнтер Х. Тоталитарная народность и ее истоки // Соцреалистический канон. СПб., 2000. С. 377—389.

⁶¹ Виноградов В. В. Великий русский язык. С. 131.

⁶² Томашевский Б. В. Основные этапы изучения Пушкина. С. 472—473.

язык: Грамматическое учение о слове» (М.; Л.: Учпедгиз, 1947).⁶³ А уже через неделю, 8 июня, вышел приказ о назначении профессора деканом филологического факультета. Но на этом продвижение ученого в бюрократическом контексте советской гуманитаристики не прекратилось: 30 ноября 1946 года состоялось избрание Виноградова действительным членом Академии наук СССР по Отделению литературы и языка. Тезис о «демократической реформе», расширившийся к середине 1940-х годов до идеи осуществленного Пушкиным «национального сплочения», оградил Виноградова от обвинений в «космополитизме», которые посыпались на ученого после публикации в 1947 году книги «Русский язык». Самым грозным выпадом против Виноградова стала рецензия Б. Н. Агапова и К. Л. Зелинского «Нет, это — не русский язык», опубликованная 29 ноября 1947 года в «Литературной газете» (№ 59 (2374)). Вдова ученого вспоминала: «Его обвиняли в идеализме, формализме, низкопоклонстве перед Западом и даже хотели объявить его “космополитом”. Последнее обвинение было снято самим ЦК, где нашли, что В<иктор> В<ладимирович> русский ученый и для обвинения в космополитизме не подходит».⁶⁴ Он не был привлечен к ответственности и в связи с критической кампанией против книги И. М. Нусинова «Пушкин и мировая литература» (М.: Советский писатель, 1941),⁶⁵ тогда как уже упомянутого М. П. Алексеева,

---

⁶³ Этот том явился результатом основательной переработки более ранней книги Виноградова «Современный русский язык: Грамматическое учение о слове» (М.: Учпедгиз, 1938).

⁶⁴ Из воспоминаний Н. М. Малышевой-Виноградовой. С. 234. Подробнее о дискуссии по поводу книги Виноградова см.: *Дружинин П. А.* Идеология и филология. Т. 1. С. 574–581.

⁶⁵ 20 февраля 1947 г. генеральный секретарь Союза писателей А. А. Фадеев выступил в Институте мировой литературы с докладом, в котором он охарактеризовал упомянутую книгу как образец «раболопного преклонения перед всем, что идет из Западной Европы» (затем текст этого выступления был вновь воспроизведен Фадеевым в конце июня 1947 г. на XI пленуме правления Союза советских писателей; позднее доклад был напечатан в «Литературной газете» (см.: Советская литература после постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. о журналах «Звезда» и «Ленинград»: Доклад генерального секретаря ССП СССР тов. А. Фадеева // Литературная газета. 1947. № 26 (2341). 29 июня. С. 1–2). Позднее стенограмма фадеевского доклада была переработана им в статью «Задачи литературной теории и критики», печатавшуюся в периодике под разными названиями. Г. Костырченко, описывая травлю Нусинова Фадеевым, отмечает, что «ее непосредственным инициатором был писатель Н. С. Тихонов», в 1946 году смещенный с поста руководителя ССП. 9 мая 1947 года Тихонов опубликовал в «Культуре и жизни» статью «В защиту Пушкина», где обрушился на вышедшую семью годами ранее книжку Нусинова (см. подробнее: *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм. М., 2003. С. 314–

опубликовавшего в 1938 году статью «Пушкин в мировой литературе»,⁶⁶ эти события, несмотря на номинальное тождество их с Виноградовым управленческих позиций, серьезно затронули.

Очередной период «возвышения» Виноградова был связан со столетием юбилеем Пушкина 1949 года.⁶⁷ Не так широко отмечавшийся по сравнению с довоенными торжествами по случаю столетия со дня гибели поэта «праздник социалистической культуры» существенно изменил идеологическую «фокусировку»: на смену проблеме налаживания коммеморативных практик⁶⁸ и связанному с ней вопросу об актуальности пушкинского творчества в стране победившего социализма пришли иные идеологические установки, отвечавшие потребностям политики холодной войны.⁶⁹ В предисловии к сборнику материалов юбилейных торжеств 1949 года, в редколлегия которого входил Виноградов, недвусмысленно утверждалось: «150-летие со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина праздновалось в знаменательной обстановке мощного объединения прогрессивных сил всего передового человечества вокруг первого в мире социалистического государства».⁷⁰ Виноградов хоть и не участвовал в торжественных заседаниях собрания Академии наук в роли докладчика,⁷¹ но к юбилейной дате подгото-

---

318). Позднее на Нусинова обрушится и В. В. Ермилов, который напишет в статье «За боевую теорию литературы», что «взгляды, совершенно тождественные тем взглядам, которые нашли выражение в книжке И. Нусинова, имеют хождение и на других участках идеологического фронта» (Литературная газета. 1948. № 69 (2452). 29 авг. С. 3). Иначе говоря, по Ермилову, книга Нусинова — источник идеологии «безродного» космополитизма.

⁶⁶ См.: Сто лет со дня смерти А. С. Пушкина: Труды Пушкинской сессии Академии наук СССР. 1837—1937. М.; Л., 1938. С. 175—202.

⁶⁷ См. подробнее: А. С. Пушкин. 1799—1949: Материалы юбилейных торжеств. М.; Л., 1951.

⁶⁸ См. подробнее: Молок Ю. А. Пушкин в 1937 году: Материалы и исследования по иконографии. М., 2000.

⁶⁹ Ср. хотя бы суждение С. И. Вавилова о том, что «пушкинское драгоценное литературное наследство помогает формировать сознание советского человека» (А. С. Пушкин. 1799—1949: Материалы юбилейных торжеств. С. 12).

⁷⁰ Там же. С. 5. Здесь очевидно влияние панславистских взглядов Виноградова.

⁷¹ Это могло быть вызвано тем, что 30 марта 1949 г. министр высшего образования СССР С. В. Кафтанов направил Г. М. Маленкову письмо, в котором просил исключить Виноградова из состава членов Высшей аттестационной комиссии, называя его «сторонником старого языкознания, отстаивающим отжившие традиции русской дореволюционной лингвистики и проповедующим чуждые советской науке формалистические теории сосюрианства и структурализма» (цит. по: Сонин А. С. ВАК СССР в послевоенные годы: Наука, идеология, политика // Вопросы истории естествознания и техники. М., 2004. № 1. С. 20).

вил большую, двенадцатичастную, статью «Пушкин — основоположник русского литературного языка», которая была опубликована в сдвоенном выпуске «Известий Академии наук СССР» в июне 1949 года. Этот текст по праву может называться, перефразируя самого Виноградова, «квинтэссенцией» милитаристски ориентированной позднесталинской культуры. Уже в начале статьи с опорой на вышеприведенный фрагмент из книги 1945 года прямо формулируется установка на экспансию социалистического режима, осуществляющуюся посредством русского языка:

Язык великого народа, язык великой литературы и науки, он стал в наше время ярким выразителем социалистического содержания новой советской культуры и одним из ее живых *распространителей*. <...> ...современный русский язык является важнейшим источником, откуда <...> *распространяются по всему миру, по всем языкам мира понятия и термины советской культуры и цивилизации*.⁷²

Собственно лингвистическая аргументация Виноградова осталась прежней: Пушкин потому и является «основателем русского литературного языка», что именно в его творчестве произошло «слияние», «синтез» нескольких стилевых потоков, благодаря которому русский язык и вся русская культура встали «на широкий и свободный путь демократического развития».⁷³ Вполне симптоматичными для послевоенной эпохи оказываются обвинения «высшего дворянского круга» конца XVIII — начала XIX века в «антинародном, космополитическом стремлении к сближению среднего стиля с западноевропейской <...> лексикой и фразеологией».⁷⁴ В суждении Виноградова о том, что «в языке Пушкина вся предшествующая русская речевая культура» получила «качественное преобразование»,⁷⁵ нашла отражение ключевая идея сталинской

Однако уже в письме от 23 сентября того же года Кафтанов снял с Виноградова все обвинения, отзывав ходатайство Министерства об исключении академика из состава ВАК.

⁷² Виноградов В. В. А. С. Пушкин — основоположник русского литературного языка. С. 187; курсив наш. — Д. Ц. О насаждении соцреализма («новой советской культуры») в национальных культурах стран «народной демократии» см.: Socialist Realism in Central and Eastern European Literatures under Stalin: Institutions, Dynamics, Discourses. London; New York, 2018.

⁷³ Виноградов В. В. А. С. Пушкин — основоположник русского литературного языка. С. 188.

⁷⁴ Там же. С. 189.

⁷⁵ Там же. С. 191.

диалектики, предполагавшая неминуемый «скачкообразный переход» количества в качество. Материал для концептуального каркаса юбилейной статьи Виноградов, несомненно, черпал непосредственно из сферы позднесталинского идеологического дискурса.⁷⁶ Так, ученый писал: «Пушкинское слово сплавлено с бытом — сложным и противоречивым — и начинено взрывчатой силой его социальных, характеристических контрастов».⁷⁷ Эта же метафорическая модель (но с противоположным коннотативным значением) ляжет в основу заглавия антинобелевской статьи В. Дружинина «Премии, начиненные динамитом войны», напечатанной в «Литературной газете» 28 декабря 1950 года. Говоря о решении Пушкиным проблемы «гармонического соответствия мысли и ее словесного выражения»,⁷⁸ Виноградов предвосхитил сталинскую критику марризма в «Марксизме и вопросах языкознания» (1950), основанную на положении о «непосредственной связи языка и мышления».⁷⁹ Более того, тезис Сталина о том, что «современный русский язык по своей структуре мало чем отличается от языка Пушкина»,⁸⁰ также обнаруживает свои истоки именно в виноградовских построениях. В сталинской работе Пушкин единожды упомянут в приведенной выше фразе, но это не помешало Виноградову в 1953 году констатировать следующее:

Труды И. В. Сталина по вопросам языкознания внесли ясность в понимание исторического значения литературно-языковой деятельности Пушкина. В свете учения И. В. Сталина историческая заслуга Пушкина заключается в том, что силой своего творческого гения он способствовал развитию и совершенствованию элементов общенародного, национального русского языка. Пушкин обогатил язык русской художественной литературы новыми приемами стилистического использования народной речи, народной поэзии, новыми правилами стилистического сочетания и объединения разных элементов национального языка. Вместе с тем сама струк-

---

⁷⁶ Отметим, что этот аспект упущен в специальном исследовании Л. Н. Кузнецовой, посвященном идиостилю виноградовских текстов, — см.: *Кузнецова Л. Н. В. В. Виноградов как профессиональная языковая личность ученого-филолога: Лингвориторический аспект* (на материале текстов о языке и стиле русских писателей): Дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2013.

⁷⁷ Виноградов В. В. А. С. Пушкин — основоположник русского литературного языка. С. 199; курсив наш. — *Д. Ц.*

⁷⁸ Там же. С. 201.

⁷⁹ См. подробнее: *Сталин И. В. Марксизм и вопросы языкознания*. [М.], 1950. С. 38—39.

⁸⁰ Там же. С. 9.

тура общерусского национального языка в ее живых и продуктивных формах впервые получила свое наглядное, концентрированное и полное выражение в языке Пушкина.⁸¹

Это утверждение, явно имеющее на себе отпечаток позднесталинской эпохи, могло бы затеряться в длинном ряду подобных ему, если бы не явная неувязка: все эти мысли принадлежали отнюдь не автору «трудов по вопросам языкознания», а самому Виноградову (о чем свидетельствуют все отмеченные выше метаморфозы его концепции), но приписываются они именно Сталину. Иначе говоря, «подарив» свою идею вождю, ученый обрел право на производство «священного текста власти».⁸² Примечательно и то, что этот фрагмент помещен в статье о языке Гоголя, которому Виноградов в 1936 году, повторимся, отдавал первенство в вопросе создания национального общерусского языка. К 1953 году позиция ученого значительным образом изменилась:

Виноградов В. В. Язык Гоголя.

Виноградов В. В. Язык Гоголя и его значение в истории русского языка.

«<перед Гоголем стояла> проблема нормализации форм “общенационального” выражения, проблема создания устойчивой “самобытной” системы русского национального языка — и в связи с этим проблема синтеза и структурного соотношения разностильных элементов в этой национально-языковой системе» (с. 287).

«Из основных положений сталинского, марксистского языкознания нам всем ясно теперь, что Гоголь не создал и не мог создать нового языка, что основа русского языка литературно-художественного и разговорного осталась та же» (с. 5).

Выходя за очерченный круг проблематики, заметим, что позднее академик Виноградов лично возглавит кампанию по борьбе с «антимарксистским», «клеветническим» «новым учением о языке» Н. Я. Марра;⁸³ в 1950 году он выступит с опубликованным впо-

⁸¹ Виноградов В. В. Язык Гоголя и его значение в истории русского языка // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. М., 1953. Т. 3. С. 7.

⁸² Подорога В. А. «Голос власти» и «письмо власти» // Тоталитаризм как исторический феномен: Сб. статей. М., 1989. С. 111.

⁸³ Известно, что в библиотеке Виноградова был не только пятитомник избранных работ Н. Я. Марра (Л.: ГАИМК, 1933—1937), но и несколько изданий вышедшей в 1945 г. книги В. А. Миханковой «Николай Яковлевич Марр:

следствии докладом «Значение работ товарища Сталина для развития советского языкознания» (М.: Издательство Академии педагогических наук СССР, 1950), а позднее под его редакцией (и с его участием) выйдут двухтомник «Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании» (М.: Издательство Академии наук СССР, 1951—1952) и сборник статей «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию» (М.: Издательство Академии наук СССР, 1952). Брошюрой Виноградова «Основные задачи советской науки о языке в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию» (М.: Учпедгиз, 1952) будет открыта научно-популярная книжная серия «Вопросы советского языкознания», организованная Институтом языкознания Академии наук СССР.

После смерти Сталина Виноградов сохранил за собой репутацию «первого человека» в советской русистике. Его работы 1950-х годов надолго определили пути развития отечественной филологии, сформировав несколько новых научных дисциплин, особое место среди которых заняли прочно вошедшие в университетские программы стилистика⁸⁴ и история русского литературного языка. Существенная же в данной работе попытка контекстуализации пушкиноведческих трудов Виноградова, рассмотрения текстов ученого как документальных свидетельств в более широком историко-культурном поле сталинской эпохи — только шаг на пути к всестороннему осмыслению научного наследия филолога.

Очерк его жизни и научной деятельности» (М.; Л.: Соцэкгиз, 1935); один из экземпляров с маргиналиями Виноградова в настоящее время хранится в нашем книжном собрании.

⁸⁴ Подробнее об этом направлении научной деятельности Виноградова см.: Бельчиков Ю. А. Труды академика В. В. Виноградова по русской стилистике и развитие стилистических исследований в последней трети XX в. // *Stilistika VI*. Opole, 1997. С. 51—68; Долинин К. А. Социалистический реализм в лингвистике: (К истории функциональной стилистики в СССР) // Теоретические проблемы языкознания: Сб. статей к 140-летию кафедры общего языкознания филологического факультета СПбГУ. СПб., 2004. С. 607—620.

ПАВЕЛ ГЛУШАКОВ

**НЕОПУБЛИКОВАННОЕ ПИСЬМО
Н. В. ИЗМАЙЛОВА К Л. С. СИДЯКОВУ**

Поступив осенью 1954 года в аспирантуру Пушкинского Дома, Лев Сергеевич Сидяков (1932—2006) познакомился с Николаем Васильевичем Измайловым (1893—1981), однако сотрудничество со старейшим пушкиноведам ИРЛИ началось во время подготовки к защите кандидатской диссертации «Повести А. С. Пушкина и русская повесть конца 20-х—30-х годов XIX века» (1961).

Л. С. Сидяков вспоминал: «Николай Васильевич участливо отнесся ко мне, неоднократно беседовал со мной, написал о моей работе весьма благожелательный отзыв, хотя и отмечал некоторые ее недостатки, в частности, попенял мне на отсутствие сопоставления прозаических и поэтических повестей Пушкина, чем навел меня на мысль о теме моей будущей докторской диссертации: “Проза и поэзия Пушкина. Соотношение и взаимодействие”. Большое внимание уделил он и подготовке к печати автореферата моей кандидатской диссертации, буквально испещрив его рукопись многими редакционными поправками. Не удивительно, что, получив отзывы моих официальных оппонентов, я обратился прежде всего именно к Николаю Васильевичу с просьбой помочь мне подготовиться к защите. Он охотно согласился и пригласил меня к себе домой (это была первая наша встреча в неофициальной обстановке)».¹

Хотя Лев Сергеевич специально оговаривается, что не видит ничего «удивительного» в факте обращения к Измайлову, этот факт все же знаменателен. Небезынтересно, что формальным руководителем молодого ученого был Б. П. Городецкий, а в Пушкинской

---

¹ Сидяков Л. С. Годы с Н. В. Измайловым // Пушкинист Н. В. Измайлов: В Петербурге и Оренбурге. Калуга, 2008. С. 137.

группе ИРЛИ,² организованной в 1955 году, аспирант из Риги имел возможность советоваться с целым рядом крупных ученых³. И все же Сидяков обращается к Измайлову, что говорит о той степени доверия, которую создал вокруг себя Николай Васильевич. Вот почему позже, в 1964 году, Л. С. Сидяков, к тому времени уже доцент Латвийского университета, приглашает именно Н. В. Измайлова в Ригу для чтения курса лекций по архивоведению и текстологии.

Своего старшего коллегу и учителя Лев Сергеевич привлек и к консультированию неформального «пушкинского кружка», в котором будущие историки литературы (а тогда еще только студенты университета) Л. С. Флейшман, Р. Д. Тименчик, Е. А. Тоддес занимались пушкиноведческими штудиями. В первом ротапечатном печатном сборнике этого кружка появилась информация о том, что ленинградский ученый «рассказал о деятельности Института русской литературы (Пушкинский Дом), о рукописном отделе Пушкинского Дома, о современном состоянии пушкиноведения. Члены кружка благодарны Н. В. Измайлову за ряд ценных указаний по курсовым работам и докладам».⁴

Деятельная помощь, обмен отпечатками статей, пересылка книг (сопровождаясь памятливыми инскриптами)⁵ сопутствовала товарищеским отношениям Сидякова и Измайлова до самой кончины последнего. Лев Сергеевич писал: «Когда уходят из жизни близкие люди, подобные Николаю Васильевичу <...> всегда образуется невосполнимая пустота, появляется ощущение ухода целой эпохи. Тем более кончина Н. В. Измайлова действительно знаменовала собой завершение славной эпохи истории пушкиноведения, ознаменованной участием плеяды великих пушкинистов. Незадолго до него в 1978 году ушла из жизни Т. Г. Цявловская, вскоре после него С. М. Бонди (1983) и Д. Д. Благой (1984). Для меня же лично

---

² Сидяков стал фактически первым архивариусом и летописцем этой группы, о чем свидетельствуют краткие отчеты, появившиеся в первых двух томах труда «Пушкин. Исследования и материалы» (1956 и 1958).

³ Особенно ценил Сидяков Б. В. Томашевского, чей портрет находился на его письменном столе.

⁴ Пушкинский сборник. Рига, 1965. С. 65—66.

⁵ Так, на титульном листе отдельного отпечатка одной из глав коллективного труда «Пушкин. Итоги и проблемы изучения» (1966) Измайлов написал: «Дорогому Л. С. Сидякову на добрую память и, быть может, на некоторую пользу от автора», — а на книге «Очерки творчества Пушкина» (1975) сделал следующий инскрипт: «Дорогому Льву Сергеевичу Сидякову в качестве поздравления с докторской степенью и с наступающим Новым годом от любящего его автора. Н. Измайлов. 17. XII. 1975».

Л. С. Сидяков и Н. В. Измайлов. Рига, 1964

уход Николая Васильевича был особенно горестным, ибо он, наряду с Б. В. Томашевским и Ю. М. Лотманом, был одним из главных людей моей жизни, само присутствие которых было вдохновляющим стимулом для меня. Я сердечно любил Николая Васильевича, восхищался им, с большим уважением следил за тем, как он, уже очень немолодой человек, продолжает самоотверженно трудиться, приумножая свои научные достижения».⁶

Публикуемое письмо Н. В. Измайлова к Л. С. Сидякову как раз демонстрирует лучшие проявления личной и научной корректности, открытости и доброжелательности. В письме содержатся любопытные оценки событий и характеристики коллег-пушкинovedов, представляющие интерес для истории изучения творчества поэта в советскую эпоху.

---

⁶ Сидяков Л. С. Годы с Н. В. Измайловым. С. 150.

*Пушкинский кружок (слева направо): Г. А. Гайлит, Е. А. Тоддес,
Л. С. Флейшман, Р. Д. Тименчик. Рига, 1964*

Письмо печатается по оригиналу, хранящемуся в архиве сына ученого, Юрия Львовича Сидякова, которому я приношу свою благодарность.

Эта публикация посвящается девяностолетию со дня рождения Льва Сергеевича Сидякова, светлой его памяти.

Н. В. Измайлов — Л. С. Сидякову
23 декабря 1970

Дорогой Лев Сергеевич,

Вы, наверное, обижены на меня за долгое молчание — ведь писать открытки не значит отвечать на Ваши большие письма — и Вы поэтому совершенно правы. Но ряд обстоятельств — и домашних, и внешних — мешал мне сесть за «настоящее» письмо — я их Вам объясню дальше. Пока — и те и другие устранены, и я могу, от нас обоих, Наталии Александровны⁷ и себя, — сердечно поздравить все

---

⁷ Н. А. Измайлова-Чебышева (1905—1982) — супруга Н. В. Измайлова.

Ваше семейство — и Юлию Ивановну⁸, и вас, и Юру⁹ — с Новым годом, пожелать всем здоровья, благополучия и счастья, а каждому, в своей области, в Тарту¹⁰ и в Риге, больших успехов во всех делах. И так, с Новым годом!

Говоря о домашних обстоятельствах, я разумел состояние Наталии Александровны, которая осенью, особенно в октябре, чувствовала себя плохо и наконец, по совету врачей, прошла в нашей Академической больнице обследование и курс лечения. Все оказалось в порядке, и она вернулась домой, в начале декабря, в отличном состоянии, полная энергии и свежих сил. Сам я в общем здоров, но нога все побаливает, так что по улице хожу с палкой. Надо бы лечиться, да как-то не выходит. Главное же — то, что в последние месяцы, с лета, я был занят одной очень большой, трудоемкой и сложной работой, не дававшей мне отвлекаться на другие дела и слишком сильно запоздавшей: писал статью «Фантастическая повесть 20-х — 30-х годов» для нашей коллективной монографии «История русской повести XVIII—XIX вв.».¹¹ Набрал я ее вчерне летом, на даче, но там не имел никаких пособий и по-настоящему сел за нее только в сентябре, а на днях сдал редактору (Б. С. Мейлаху¹²), и монография была в целом утверждена Ученым советом. Вышло, кажется, хорошо, все читавшие нашли, что интересно, а рецензент, Гр. Абр. Бялый,¹³ отметил, что эта тема разработана *так* впервые. Но, конечно, я превзошел все лимиты, и теперь надобно будет сокращать (а некоторые разделы — дополнять) — а вы хорошо знаете, что сокращать — труднее, чем писать.

Сборник наш, посвященный монографическим статьям об отдельных стихотворениях Пушкина,¹⁴ все растет и пополняется новыми и хорошими статьями. Жду я и Вашей обещанной статьи о «Черепе»¹⁵ — написали ли Вы ее? Или пишете? Вы как будто со-

⁸ Ю. И. Сидякова (1931—1999) — супруга Л. С. Сидякова.

⁹ Юрий Львович Сидяков — сын Л. С. Сидякова.

¹⁰ С 1970 г. Ю. Л. Сидяков учился в Тартуском университете.

¹¹ Статья и книга вышли под иным названием: *Измайлов Н. В. Фантастическая повесть // Русская повесть XIX века: История и проблематика жанра. Л., 1973. С. 134—169.*

¹² Борис Соломонович Мейлах (1909—1987) — литературовед, в 1970 г. — старший научный сотрудник Сектора пушкиноведения.

¹³ Григорий Абрамович Бялый (1905—1987) — историк литературы, профессор Санкт-Петербургского университета.

¹⁴ Имеется в виду сборник под редакцией Н. В. Измайлова: *Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов: История создания и идейно-художественная проблематика. Л., 1974*; статьи Л. С. Сидякова в нем нет.

¹⁵ Статья о стихотворении «Послание Дельвигу» («Череп») опубликована не была.

бирались приехать сюда в начале декабря — видно, отложили? На-
деюсь, когда приедете, привезете с собой и «Череп».

В дальнейшем у нас вызревают большие пушкинские планы: с одной стороны, Татьяна Григорьевна¹⁶ сама предложила нам взять два тома «Летописи» Пушкина (III—IV, 1831—1837),¹⁷ на что мы охотно согласились. А с другой — есть предположение начать готовить издание сочинений и писем Пушкина в 20 томах с академическим комментарием (а может быть — один комментарий без текстов).¹⁸ Все это выяснится на днях, но поднять оба предприятия нам явно не по силам. Да и Б. С. Мейлаха ни то ни другое особенно не интересует: он ведь ушел в теоретические проблемы¹⁹ и сейчас уехал в Москву на симпозиум по ним. А Бор. Павлович Городецкий²⁰ — со времени ухода на пенсию не появляется в Пушкинском Доме, и совсем от нас отстранился. Все это затрудняет большие предприятия, так как фактически для руководства ими остался я один, а у меня еще висит макет издания новых писем Тургенева к Полине Виардо,²¹ где без моего участия не обойтись, так как это — французские тексты, а Михаил Павлович²² серьезно болеет глазами и разобрать не может.

О сенсации с новым письмом Пушкина (к Д. Н. Гончарову), найденном в Москве,²³ Вы, конечно, знаете; Яшин,²⁴ роясь в Гонча-

¹⁶ Татьяна Григорьевна Цявловская (1897—1978) — пушкиновед.

¹⁷ Издание осуществится только в 1999 г.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. / Сост. М. А. Цявловский, Н. А. Тархова. М., 1999.

¹⁸ Полное собрание сочинений Пушкина в 20 томах начнет выходить только с 1999 г. Будущему научному проекту были посвящены две статьи Н. В. Измайлова: 1) Академическое издание сочинений Пушкина // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1974. Т. 33. № 3. С. 254—266. 2) О принципах нового академического издания сочинений Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1979. Т. 9. С. 5—16.

¹⁹ С 1968 г. Б. С. Мейлах возглавлял Комиссию по комплексному изучению художественного творчества при Совете по истории мировой культуры АН СССР.

²⁰ Борис Павлович Городецкий (1896—1974) — историк литературы, до 1972 г. возглавлял в ИРЛИ Сектор новой русской литературы.

²¹ Н. В. Измайлов входил в редколлегия Полного собрания сочинений Тургенева.

²² Михаил Павлович Алексеев (1896—1981) — историк литературы, академик, главный редактор Полного собрания сочинений Тургенева.

²³ См. первоначальное сообщение об обнаружении письма: Дементьев М., Ободовская И. Неизвестное письмо Пушкина // Литературная газета. 1970. № 50. С. 6, а также саму публикацию: Дементьев М. А., Ободовская И. М. Неизвестное письмо А. С. Пушкина к Д. Н. Гончарову / Комментар. Т. Г. Цявловской // Временник Пушкинской комиссии. 1970. Л., 1972. С. 5—13.

²⁴ Михаил Иванович Яшин — писатель, автор статей о Пушкине.

ровском архиве,²⁵ его прозевал, опять-таки по незнанию французского языка. Другая сенсация (до сих пор!) — статья Янины Леоновны²⁶ о трудах того же Яшина (в «Русской литературе» № 2)²⁷ — она произвела сильное впечатление.

Однако же пора кончать. Приедете сюда — обо всем потолкуем. Не худо бы послушать одну из Ваших работ в заседании Пушкинской группы (недавно мы слушали доклад М. Л. Нольмана²⁸ о «возвышенном галле» — будто бы А. Шенье²⁹ (который Вы, вероятно, знаете) и дружно раскритиковали его). (Это я пишу не для того, чтобы Вас смутить, — с Вами этого быть не может.)³⁰

До свидания, дорогой Лев Сергеевич, не обижайтесь на меня и пишите или приезжайте. Шлю самый сердечный привет от нас обоим дорогой Юлии Ивановне и молодому студенту, однокашнику Языкова и Вульфа.³¹

Всего лучшего!

Ваш Н. Измайлов.

---

²⁵ Возможно, имеется в виду публикация: *Яшин М. И.* Пушкин и Гончаровы: (По неизвестным эпистолярным материалам) // *Звезда.* 1964. № 8. С. 169—189.

²⁶ Янина Леоновна Левкович (1920—2002) — пушкиновед.

²⁷ См.: «Стремление дать “новое” истолкование событий приводит к тому, что вместо анализа тех или иных данных автор предлагает читателю произвольные импровизации» (*Левкович Я. Л.* Две работы о дуэли Пушкина // *Русская литература.* 1970. № 2. С. 213).

²⁸ Михаил Лазаревич Нольман (1913—1992) — историк литературы.

²⁹ См.: *Нольман М. Л.* «След возвышенного галла»: (Пушкин и Андре Шенье) // *Герценовские чтения: XXIII. Филологические науки.* Л., 1970. С. 44—46.

³⁰ В воспоминаниях Л. С. Сидяков описал ранний эпизод, связанный с критикой Измайловым некоторых концепций в пушкиноведении: «В конце 1956 года в план занятий группы был включен доклад доцента Чувашского пединститута М. И. Мальцева, вскоре “прославившегося” как грубого вульгаризатора, крайне тенденциозно освещавшего проблемы мировоззрения и творчества Пушкина 1830-х годов. Помню, как, обратившись к Б. В. Томашевскому с приглашением прийти на это заседание, я услышал от него раздраженную реплику: “Передайте Борису Павловичу, что постановка таких докладов лишь компрометирует то учреждение, в котором они читаются”. Разумеется, Томашевский на доклад Мальцева не пришел, и дать отпор ему пришлось присутствовавшему на заседании Н. В. Измайлову. Он сел за стол президиума рядом с докладчиком и с чрезвычайно сердитым видом прямо в ухо (Мальцев был глуховат) нелюбезно высказал ему всё, что он думал о его нелепой “концепции”. Я просто любовался Николаем Васильевичем, горячо сочувствуя его гневной отповеди» (*Сидяков Л. С.* Годы с Н. В. Измайловым. С. 136).

³¹ Имеются в виду Ю. Л. Сидяков, в то время студент Тартуского университета, в котором некогда учились поэт Н. М. Языков (1803—1846) и мемуарист А. Н. Вульф (1805—1881).

V. ХРОНИКА

ВСЕРОССИЙСКИЙ МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА Санкт-Петербург (2021—2022)

Старейший пушкинский музей России продолжает свое развитие как современный музейный комплекс, знакомит посетителей с постоянными экспозициями, фондowymi выставками и актуальными просветительскими проектами. Ведется работа по хранению, инвентаризации, учету, реставрации, оцифровке музейных предметов. В 2021—2022 годах отреставрировано и возвращено к активной экспозиционной жизни более 600 музейных предметов. Продолжается наполнение базы Государственного каталога Министерства культуры РФ. Одно из важнейших направлений фондовой работы — комплектование музейных коллекций. Увеличился состав музейного собрания: предметы декоративно-прикладного искусства, графика, живопись, мебель дополнили экспозиции Мемориального музея-квартиры А. С. Пушкина, Музея-усадьбы Г. Р. Державина, Мемориального музея-квартиры Н. А. Некрасова. Редкие издания и новинки поступили в книжные фонды музея.

В 2021 году Всероссийский музей А. С. Пушкина отметил 200-летие со дня рождения Н. А. Некрасова. В первой половине года в Мемориальном музее-квартире Н. А. Некрасова происходила реэкспозиция, выставочные проекты, подготовленные к этой дате, проходили в залах Музея-усадьбы Г. Р. Державина. Выставка «Некрасов в иллюстрациях русских и советских художников» познакомила посетителей с работами Б. М. Кустодиева, А. И. Лебедева, Г. К. Савицкого, Н. И. Альтмана, Н. В. Иевлева. В мае 2022 года посетители смогли увидеть выставку «Дом поэта», которая была приурочена к 75-летию основания Мемориального музея-квартиры Н. А. Некрасова на Литейном проспекте. На выставке были пред-

ставлены документы, фотографии, мемориальные вещи, принадлежавшие Н. А. Некрасову, А. Я. Панаеву, Н. Г. Чернышевскому, исследователям творчества Некрасова — В. Е. Евгеньеву-Максимову и К. И. Чуковскому. В залах Музея-усадьбы Г. Р. Державина открылась совместная выставка Всероссийского музея А. С. Пушкина и Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге «Ф. М. Достоевский и Н. А. Некрасов. Собратья по перу. Сближения и расхождения». Она была посвящена 200-летним юбилеям русских литераторов. А в июле 2021 года Всероссийский музей А. С. Пушкина представил выставку «Н. А. Некрасов. От первого лица. (Портреты поэта и издания произведений)» в Доме-музее Н. А. Некрасова в Чудове. Завершила юбилейный год уже в выставочном зале обновленного Мемориального музея-квартиры Н. А. Некрасова выставка «На оный путь — журнальный путь...», посвященная 175-летию со дня основания журнала «Современник».

10 декабря 2021 года после двух лет напряженной работы Мемориальный музей-квартира Н. А. Некрасова встретил первых гостей. Принципиальное отличие новой экспозиции заключается в создании эффекта присутствия. Историческое пространство оживили приобретенные предметы быта и отреставрированные — из фондов музея. Появились два новых экспозиционных пространства — буфетная и камердинерская. Обновленный музей предлагает посетителям знакомство не только с мемориальной экспозицией, но и с временными выставками. Увлечение Н. А. Некрасова картами и шахматами стали темой выставки «Карты и прочие игры в квартире на Литейном». На выставке экспонировались французские игральные карты второй половины XIX века, русские карты для пасьянса 1850-х годов, лото XIX века. Произведения живописи и графики, документы, книжные издания, предметы декоративно-прикладного искусства представила выставка, посвященная писателю и критику И. И. Панаеву. Проекты Мемориального музея-квартиры Н. А. Некрасова вошли в программу масштабных культурных событий Санкт-Петербурга: праздник «День Достоевского», фестиваль «Текст в контексте» (к 140-летию К. И. Чуковского).

В 2021 году наша страна отмечала скорбную дату — 80 лет с начала Великой Отечественной войны. Выставка «Они сражались за Родину!» стала данью памяти художникам-фронтовикам, плодотворно работавшим с пушкинской темой: скульпторам М. К. Аникушину и Г. Д. Гликману, графикам В. М. Звонцову, В. Г. Старову, В. Г. Борисковичу, живописцу Е. Е. Моисеенко. Выставка «Все

вперед, все пока... Накануне» представила редкие фотографии городской жизни довоенной поры г. Пушкина, путеводители и альбомы, изданные в предвоенный год.

Славному боевому прошлому нашей страны была посвящена выставка «Их подвиги воспел Державин...», в состав которой вошли портреты русских полководцев XVIII века из собрания музея, а также редкие издания произведений поэта. О ратных подвигах XIX века рассказала выставка «“Честь имею!” (Военный портрет из собрания музея)». Из наиболее ярких экспонатов следует отметить акварельные и живописные портреты участников военных действий, графические изображения Бородинского сражения и битвы при Тарутине. Особое внимание уделено предкам и родственникам А. С. Пушкина, связавшим свою жизнь с военной службой. Экспонировались портреты генерал-аншефа И. А. Ганнибала, портреты подполковника Изюмского гусарского полка П. И. Ганнибала и полковника артиллерии А. Н. Пушкина. Выставка «Время славы и восторга!», подготовленная к 210-й годовщине Отечественной войны 1812 года, представила посетителям Мемориального музея-квартиры А. С. Пушкина документы первой четверти XIX века, медаль «В память Отечественной войны 1812 года», найденные при раскопках в 1976 году на Бородинском поле оружейные пули.

В 2021—2022 годах состоялись выставки, посвященные интерпретациям произведений Пушкина в жанре книжной иллюстрации. Среди музейных проектов, посвященных этой теме, заметное место заняла выставка «Мир Пушкина в иллюстрациях Владимира Фаворского», подготовленная к 135-летию со дня рождения книжного графика, мастера гравюры на дереве, театрального художника, искусствоведа и педагога. На выставке в залах Музея-усадьбы Г. Р. Державина были представлены иллюстрации к произведениям А. С. Пушкина и эскизы декораций к театральной постановке «Скупого рыцаря».

Лицейской пушкиниане петербургского художника-графика К. Е. Севастьянова посвящена выставка «А сердце оставляю вам» в Мемориальном Музее-Лицее. В экспозицию вошли книги с иллюстрациями художника; произведения, выполненные в технике силуэта и аппликации. В более полном составе музей представил коллекцию графических работ художника на выставке «“В садах Лицея!” Силуэты К. Севастьянова из собрания музея» в Государственном мемориальном историко-литературном и природно-ландшафтном музее-заповеднике «Михайловское».

В мемориальных пушкинских музеях, расположенных в г. Пушкине, к 70-летию со дня рождения художницы Надежды Руше-

вой была подготовлена выставка ее графической «пушкинианы». К 135-летию со дня рождения живописца, графика, театрального художника О. Ю. Клевера открылась выставка «Сказки Пушкина в произведениях Оскара Клевера». В состав выставки «Последняя глава», приуроченной к 190-летию издания восьмой главы романа в стихах «Евгений Онегин», вошли иллюстрации, выполненные Н. В. Кузьминым и К. И. Рудаковым, оригинальное издание 1832 года, хрустальная печатка А. С. Пушкина, модные бальные аксессуары первой трети XIX века, а также копии рукописей.

Партнерский проект музея и частных коллекционеров — выставка «Пушкин, не уходи» (К 100-летию скульптора, графика, керамиста В. С. Васильковского) познакомила посетителей с пушкинской темой в творчестве В. С. Васильковского.

Пушкинские поэмы «Кавказский пленник» и «Медный всадник» стали «героями» двух выставок. Посетители Основной литературно-монографической экспозиции «А. С. Пушкин. Жизнь и творчество» могли ознакомиться с прижизненным изданием «Кавказского пленника» и портретами А. С. Пушкина. В Музее-усадьбе Г. Р. Державина открылась выставка «Петербургские видения Пушкина в иллюстрациях ленинградских художников к поэме «Медный всадник».

Произведения медальерного искусства, в том числе редкие экземпляры XIX века, экспонировались на выставке «Памятная медаль из собрания Всероссийского музея А. С. Пушкина».

В Музее Г. Р. Державина и русской словесности его времени экспонировались выставки: «Старинные письма: поэзия Г. Р. Державина в рукописном исполнении», «Европейская гравюра XVIII века из собрания музея», «Янтарь в устах его дымился...», а также проекты, посвященные литературному процессу XVIII — начала XIX века. Выставка «По следам Анакреона» представила книжные издания, произведения печатной графики. На выставке «Соперник Анакреона и Парни», приуроченной к 235-летию К. Н. Батюшкова, — мемориальные реликвии, портреты поэта. Об обществе «Беседа любителей русского слова» как о грандиозном литературном проекте 1811 года можно было узнать, ознакомившись с портретами попечителей и председателей разрядов «Беседы», ее членов, а также с уникальными книжными и периодическими изданиями того времени. Выставка «Русский литературный Олимп XVIII века» была посвящена одной из самых ярких и динамичных эпох в истории русской литературы и представила портреты известных писателей, редкие издания произведений М. В. Ломоносова, А. П. Су-

марокова, М. М. Хераскова, Д. И. Фонвизина, Н. И. Новикова, Н. М. Карамзина.

В партнерстве с Культурным фондом «Эфес» подготовлен и представлен масштабный проект «Старые мастера. Путешествие во времени». Посетители Музея-усадьбы Г. Р. Державина смогли увидеть шедевры голландской и итальянской живописи XVI—XVIII веков из собраний московских коллекционеров.

Многие выставочные проекты музея были приурочены к юбилейным датам. Выставка «В ней больше истории, чем в “Пугачевском бунте”», открытая в Мемориальном музее-квартире А. С. Пушкина, посвящалась повести «Капитанская дочка», работа над которой завершена 190 лет назад. К 130-летию со дня рождения М. А. Булгакова состоялось открытие выставки «Пушкин в драматургии Михаила Булгакова». Выставка «Царское Село в поэзии» в Мемориальном Музее-Лицее была приурочена к 100-летию выхода в свет антологии библиофила, искусствоведа, художественного и литературного критика Э. Ф. Голлербаха. Выставка «Знаки и символы. К 100-летию Ю. М. Лотмана», посвященная юбилею литературоведа и историка русской культуры, представила изданные труды ученого, статьи, монографии, посвященные творчеству А. С. Пушкина и культуре первой половины XIX века, в том числе книги с автографами автора. К 400-летию со дня рождения Ж.-Б. Мольера подготовлена выставка «Блистательный театр», рассказавшая о влиянии классика французской литературы на русскую словесность начала XIX века. В состав выставки вошли редкие книги XVIII — начала XIX века, французские издания Мольера и других авторов времен Людовика XIV, первые переводы великого комедиографа на русский язык.

К 190-летию со дня издания «Повестей Белкина» экспонировалась выставка «Сказки моего друга И. П. Белкина». 190-летие окончания А. С. Пушкиным «Сказки о царе Салтане» и 145-летие со дня рождения И. Я. Билибина отмечены выставками: «В свете ж вот какое чудо...», «Что за прелесть эти сказки...» (Сказочный мир Пушкина в иллюстрациях Ивана Билибина), «Это диво, так уж диво...».

210-летию со дня рождения Н. Н. Пушкиной посвящена выставка «Женка моя прелесть». В Мемориальном музее-квартире А. С. Пушкина демонстрировались личные вещи жены поэта, фотоальбомы (в том числе ее последняя фотография 1863 года), веер и шкатулки дочерей Натальи Николаевны.

Героями выставок «За что ни брался, все ему удавалось усвоить» и «Труды и дни Н. И. Греча» стали современники А. С. Пуш-

кина. Выставка, открытая к 150-й годовщине со дня смерти В. И. Даля в Мемориальном музее-квартире А. С. Пушкина, рассказала о писателе, собирателе русского фольклора. На выставке, посвященной издателю и переводчику Н. И. Гречу, в залах Музея-усадыбы Г. Р. Державина экспонировались портреты, карикатуры, книжные и журнальные раритеты.

«Полвека с Некрасовым» — так назывался проект Мемориального музея-квартиры Н. А. Некрасова, созданный к 140-летию со дня рождения К. И. Чуковского. Именно Чуковский заново открыл читателям поэзию Некрасова в XX веке. На выставке были представлены автографы К. И. Чуковского, личные вещи, письма, фотографии, памятные издания стихотворений Некрасова под его редакцией, статьи и книги о творчестве поэта. К 140-летию юбилею историка и исследователя творчества Н. А. Некрасова подготовлен и онлайн-проект на официальном сайте музея, в основе которого автобиографическая статья К. И. Чуковского «О себе» и изображения из фондов музея.

К 220-летию со дня рождения Григория Чернецова приурочена выставка «Творческое наследие художников братьев Чернецовых в собрании Всероссийского музея А. С. Пушкина». Основу экспозиции составили подготовительные рисунки Г. Чернецова к самой известной его картине «Парад по случаю окончания военных действий в Царстве Польском 6-го октября 1831 года на Царицыном лугу».

В календаре Всероссийского музея А. С. Пушкина особое место занимают День памяти Пушкина и Пушкинский день России. Памятные церемонии и торжественные акции с участием сотрудников Всероссийского музея А. С. Пушкина, почетных гостей, актеров и литераторов традиционно проходят во дворе музея на Мойке, 12, и в Лицейском саду. Этим датам посвящаются новые выставки и проекты; проводятся тематические программы, экскурсии, концерты и спектакли.

В 2021—2022 годах памятные мероприятия, посвященные годовщинам дня гибели Пушкина состоялись в онлайн-формате: на портале «Культура.РФ» и на странице музея в социальной сети «ВКонтакте» транслировалось памятное собрание; в социальных сетях размещены видеообращения известных российских деятелей культуры. Во дворе музея на Мойке, 12, звучала трансляция стихов А. С. Пушкина и В. А. Жуковского, в записи прозвучали «Соловушка» М. Глинки и «Ave Maria» Дж. Каччини в исполнении Детского хора радио и телевидения Санкт-Петербурга. Несмотря на ограничения, связанные с посещением музея в период пандемии,

сотни поклонников творчества Пушкина побывали во дворе на Мойке, 12, и возложили цветы к памятнику поэта.

После пандемии музейный комплекс вернулся к привычному режиму работы, принимал посетителей, готовил и представлял новые проекты.

В 2022 году памяти Пушкина посвящена выставка «Памятники на месте дуэли А. С. Пушкина» в Мемориальном музее-квартире А. С. Пушкина. Среди уникальных экспонатов, представленных на выставке, карандашный рисунок художника И. Красницкого 1880 года с прикрепленным к листу фрагментом коры березы, возле которой, по преданию, во время поединка стоял поэт, и рисунок А. Боброва 1887 года, запечатлевший подготовку к панихиде, впервые устроенной здесь в год 50-летия со дня кончины А. С. Пушкина.

В день рождения поэта и государственного деятеля Г. Р. Державина ежегодно проходит «Праздник русской поэзии XVIII века», открываются выставки. В 2022 году экспонировалась выставка «Ода “Бог” Г. Р. Державина в изданиях XVIII—XX веков». Этому литературному произведению был посвящен и совместный проект Центра искусства каллиграфии «От Аза до Ижицы» и Всемирного клуба петербуржцев, выставка «Дух всюду сущий». Великая ода “Бог” Г. Р. Державина».

19 октября — в день открытия Императорского Царскосельского Лицея — по сложившейся традиции проходит торжественная церемония «Приношение поэту», в которой принимают участие жители и гости г. Пушкина и Санкт-Петербурга, представители исполнительной власти, ученые, артисты, музыканты. Ежегодно Всероссийский музей А. С. Пушкина приглашает гостей на Международный лицейский фестиваль «Царскосельская осень», в его афише новые выставки, концерты, спектакли, литературно-музыкальные вечера, литературные композиции.

В 2022 году широко праздновалось 100-летие создания Пушкинского заповедника. Выставка «Любимый уголок земли», открывшаяся в выставочном зале музея на Мойке, 12, представила гравюры, фотографии, путеводители, редко экспонируемые открытки, буклеты, афиши, книги с автографами пушкинистов. Виды Пушкинского заповедника, заснятые фотографами 1930-х годов, представила выставка «Советский фоторепортаж из пушкинских мест страны», размещенная в залах Музея-усадьбы Г. Р. Державина. Заметным событием стала выставка «Пушкинский заповедник в живописи и графике XIX — первой половины XX века из собрания Всероссийского музея А. С. Пушкина», которая открылась

в Государственном мемориальном историко-литературном и природно-ландшафтном музее-заповеднике «Михайловское».

В объявленный «Год народного искусства и нематериального культурного наследия» представлена масштабная выставка «Подлинные ценности России», на которой экспонировались произведения народных художественных промыслов.

В 2022 году продолжилась традиция создания выставки одной картины. В Мемориальном Музее-Лицее экспонировались картина П. И. Геллера «Пушкин и Жуковский слушают Гоголя», на которой писатели изображены во время посещения Царского Села. В Зеленом зале на Мойке, 12, открылась выставка «Иоганн-Непомук Раух. “Вид на Москву”», подготовленная к 185-летию написания картины и посвященная истории ее создания и вопросам атрибуции.

Всероссийский музей А. С. Пушкина развивает партнерские проекты с музеями в регионах России. Повседневная жизнь людей пушкинского круга — тема выставки «Бытовой альбом XIX века из собрания Всероссийского музея А. С. Пушкина», которая открылась в Литературно-художественном музее-усадьбе «Приютино». Посетители смогли познакомиться с разными видами бытового альбома этой эпохи, живописными портретами, предметами дворянского быта. В Музее изобразительных искусств Республики Карелия открылась выставка «Сказки Пушкина». Лаковая миниатюра из собрания музея». Эта же выставка с успехом экспонировалась в Псково-Изборском объединенном музее-заповеднике. Для Государственного объединенного музея «Выборгский замок» подготовлена выставка «Образ Пушкина в медальерном искусстве». В Доме-музее Н. А. Некрасова «Чудовская Лука» (филиале Новгородского объединенного музея-заповедника) экспонировалась выставка «Некрасовский “Современник”. 1847—1866».

Всероссийский музей А. С. Пушкина, продолжая межмузейное сотрудничество, предоставил свои залы проектам коллег из регионов России: в залах Музея-усадьбы Г. Р. Державина открылись выставки «Произведения А. С. Пушкина в карельском искусстве» из Государственного музея изобразительных искусств Республики Карелия, «“Два капитана” В. А. Каверина в иллюстрациях Петра Любаева» (к 120-летию со дня рождения писателя) из Пушкинского заповедника, «Сказки европейских писателей в графике Б. Л. Непомнящего» из Новгородского государственного объединенного музея-заповедника.

Практика культурно-просветительских инициатив реализуется в программах музея, подготовленных для участия в ежегодных Всероссийских акциях: «Неделя детской и юношеской книги», «Биб-

лионочь», «Ночь музеев», «Ночь искусств». С 2021 года музей присоединился к новой программе Министерства культуры РФ — «Пушкинская карта».

В 2021—2022 годах для широкой аудитории посетителей проводятся тематические экскурсии по мемориальным экспозициям, пешеходные и автобусные экскурсии, интерактивные программы в Мемориальном Музее-Лицее, Мемориальном музее-даче А. С. Пушкина, Мемориальном музее-квартире Н. А. Некрасова. В Музее-усадьбе Г. Р. Державина прошли концерты, спектакли, музыкальные вечера, в том числе театрализованная экскурсия «Сатиры смелый властелин», программы «Места, где я живу душой», «Звучала музыка в саду».

Для юных гостей музейного комплекса проводятся интерактивные программы. Путешествие в блистательную эпоху начала XIX века совершают посетители «Лицейского абонеента»: на занятиях ребята узнают о самых ярких исторических событиях, знакомятся с лицейской системой обучения. Цикл интерактивных занятий «Сказочные истории» включает в себя три программы, каждая из которых посвящена одному из произведений А. С. Пушкина — «Сказка о царе Салтане», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о золотом петушке». Познавательную и увлекательную игру предлагает программа «Путешествие под знаком орла», участники которой узнают о модных увлечениях и событиях в истории XIX века. Воспитанники детских садов принимают участие в программах «Нарисуй буквицу», «Сказочная азбука», «В гостях у сказки».

Особое внимание уделяется развитию инклюзивных проектов. В рамках ежегодной инклюзивной Всероссийской акции в Мемориальном Музее-Лицее организована программа для людей с ментальными нарушениями. С помощью интернет-технологий проходит цикл занятий отдела развивающих программ: инклюзивный культурно-образовательный проект «Простыми словами», направленный на вовлечение людей с инвалидностью из всех регионов России в творческую и культурную жизнь общества.

В 2021—2022 годах продолжилось сотрудничество с учреждениями культуры и образования в регионах России. Партнерские проекты развивают региональные центры Всероссийского музея А. С. Пушкина. Сегодня они действуют в Северо-Западном, Центральном, Южном, Уральском, Приволжском, Сибирском, Северо-Кавказском федеральных округах Российской Федерации. Специальные программы позволяют жителям городов и областей России познакомиться с коллекциями музея, стать участниками онлайн-встреч, тематических культурно-просветительских проектов. В ре-

гиональных центрах проходят выставки цифровых копий из собрания музея, посвященные жизни и творчеству А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова, знаковым событиям русской истории и культуры XVIII—XIX веков. Здесь же посетители могут ознакомиться с виртуальными турами по мемориальным экспозициям Всероссийского музея А. С. Пушкина, изданиями музея, мультимедиа и электронными галереями. В 2021—2022 годах ресурсы региональных центров пополнились новыми электронными выставками: «Они жили в Ленинграде», «Очаровательные франты», «“Евгений Онегин” на театральной сцене», «Чистейшей прелести чистейший образец», «История создания романа “Евгений Онегин”», «Сказки Пушкина для детей и взрослых», «От декабристов к Крымской войне», «Пушкинский Петербург», «Экзамен в Царскосельском Лицее», «Властелин судьбы», «По всей Руси великой», «Гроза двенадцатого года», «Поэт и издатель», «Литературная столица», «Родня по вдохновенью», «Лицейское братство», «Почетный гражданин кулис». Особое внимание в региональных центрах уделяется работе с подрастающим поколением, проводятся онлайн-программы «Память о поэте», «Дни Лицея», цикл видеолекций, посвященных русской культуре XIX века.

Всероссийский музей А. С. Пушкина поддерживает проекты Художественного музея «Арт-Донбасс» (г. Донецк). В музее Донецка представлены выставки оцифрованных материалов «Очаровательные франты», «Крымское путешествие Пушкина»; состоялись онлайн-лекции и виртуальные экскурсии. Сотрудники музея «Арт-Донбасс» принимают активное участие в профессиональных встречах, в ежегодных практических семинарах «Имя Пушкина — имя России». В сентябре 2022 года Всероссийский музей А. С. Пушкина и Художественный музей «Арт-Донбасс» инициировали проведение первой онлайн-встречи — вебинара «Культурный диалог» с представителями учреждений культуры и образования Донецка и Луганска. Сотрудничество продолжается: в ноябре 2022 года в Музее-усадьбе Г. Р. Державина открылась выставка детского рисунка «Я памятник себе воздвиг…» (рисунки детей Донбасса)», предоставленная музеем «Арт-Донбасс» города Донецка.

Новые технологии значительно расширили возможности музейной коммуникации и позволили представить музейное собрание в цифровом формате, продолжить увлекательный рассказ в виртуальном пространстве. В Медиацентре Всероссийского музея А. С. Пушкина размещены электронные галереи и мультимедийные ресурсы, представляющие оцифрованные редко экспонируемые материалы. Живописные и графические иллюстрации к произведени-

ям Г. Р. Державина, А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова дополняются отрывками из литературных произведений и мемуаров.

На официальном сайте Всероссийского музея А. С. Пушкина (www.museumpushkin.ru) регулярно публикуются видеозаписи экскурсий и онлайн-выставки, подготовленные сотрудниками Мемориального музея-квартиры А. С. Пушкина, Мемориального музея-квартиры Н. А. Некрасова, Музея Г. Р. Державина и русской словесности его времени, Мемориального Музея-Лицея, Мемориального музея-дачи А. С. Пушкина, отдела развивающих программ, выставочного отдела, Медиацентра, хранителями отдела фондов и экскурсоводами. Посетители могли познакомиться с онлайн-выставками: «Русские народные картинки в собрании Всероссийского музея А. С. Пушкина», «Память места», «Водились Пушкины с царями...», «Путешествие А. С. Пушкина по пугачевским местам. От Санкт-Петербурга до Нижнего Новгорода», «От Симбирска до Оренбурга», «А. С. Пушкин в Казани», «А. С. Пушкин в Оренбурге», «Музей и коллекционер. Н. П. Смирнов-Сокольский», «Сказочный мир в иллюстрациях Татьяны Мавриной», «Пред созданными искусствами и вдохновеньем...», «Друзья мои, прекрасен наш союз!», «Уж небо осенью дышало...», «Державинский Петербург», «Грустен и весел, вхожу я, ваятель...», «Уж полночь близится...», «Отрылась бездна, звезд полна», «Пушкин в книжном знаке», «А зимних праздников блестящие тревоги...», «Современники А. С. Пушкина в миниатюрных портретах», «Опаленные войной», «Мундир по-прежнему в моде», «Есть память обо мне...» и «Корабль мой — без якоря и сердце без надежды».

В 2021—2022 годах на официальном сайте Всероссийского музея А. С. Пушкина опубликованы новые онлайн-проекты: подкасты, посвященные жизни и творчеству А. С. Пушкина. В 2022 году особый интерес вызвали подкасты Мемориального музея-квартиры А. С. Пушкина «Что такое Болдинская осень» и «Пушкин и Пётр». Два подкаста («Как сложилась жизнь Дантеса после роковой дуэли»; «О личности и жизни убийцы Пушкина») были опубликованы на страницах официальных социальных сетей Радио Sputnik.

В 2021—2022 годах созданы новые интернет-ресурсы Всероссийского музея А. С. Пушкина. Проект «Некрасов 200» (http://www.museumpushkin.ru/Nekrasov_200/index.html) приурочен к 200-летию поэта и издателя. Совершить виртуальную прогулку по саду Музея-усадьбы Г. Р. Державина, узнать историю этого уникального места в центре города предлагает проект «Усадебный сад» (<http://museumpushkin.ru/gardenhomepage/>). Увлекательные экскурсии Всероссийского музея А. С. Пушкина размещены на пор-

тале Izi.travel. Развиваются и соцсети музея: в 2021 году музей вошел в ТОП-20 российских музеев с самым большим количеством подписчиков в соцсетях по версии издания «The Art Newspaper Russia».

Сотрудники музея принимают участие в научных конференциях и семинарах; поддерживают социокультурные и просветительские проекты по продвижению чтения, развитию интереса к русской классической литературе и популяризации творчества Г. Р. Державина, А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова: проводят лекции, дают интервью и готовят сообщения для СМИ, входят в состав жюри творческих конкурсов. Результаты исследовательских изысканий, просветительской работы и партнерских проектов публикуются в научно-популярных журналах, альманахах, сборниках конференций.

Научно-просветительские онлайн-проекты, подготовленные в Мемориальном музее-квартире А. С. Пушкина, востребованы как профессиональным сообществом, так и широкой аудиторией: доклады и лекции получили высокую оценку слушателей вебинара и онлайн-акции Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина, вебинара Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина, онлайн-заседания Пушкинской комиссии РАН, фестиваля «Книжный маяк Петербурга».

В 2021—2022 годах Всероссийский музей А. С. Пушкина в режиме офлайн и онлайн провел конференции, семинары, круглые столы. Медиациентр организовал ежегодную онлайн-конференцию «Пушкин в XXI веке», серию вебинаров «Пушкинские сюжеты в современной массовой культуре», онлайн-сессию ежегодного семинара «Имя Пушкина — имя России». Проходили ежегодные научные конференции: в Музее-усадьбе Г. Р. Державина состоялись «Державинские чтения», в Мемориальном музее-квартире А. С. Пушкина — «Беляевские чтения». В 2022 году «Беляевские чтения» впервые начали проводиться совместно с Санкт-Петербургским институтом истории РАН.

В 2021—2022 годах Всероссийский музей А. С. Пушкина подготовил новые издания: Пушкинский музей: Альманах. Вып. 9 / Под ред. С. М. Некрасова. СПб.: Всероссийский музей А. С. Пушкина, 2021; Г. Р. Державин и его время: Сборник научных статей. Вып. 16 / Под ред. Н. П. Морозовой. СПб.: Всероссийский музей А. С. Пушкина, 2022.

И. В. Розина

VI. IN MEMORIAM

ВЯЧЕСЛАВ АНАТОЛЬЕВИЧ КОШЕЛЕВ — ПУШКИНИСТ

Научные интересы Вячеслава Анатольевича Кошелева (1950—2020) — известного литературоведа, доктора филологических наук, профессора, работавшего в разные годы в вузах Череповца, Великого Новгорода, Арзамаса, — были чрезвычайно широки: от Ломоносова до Башлачева. Общий список его трудов составляет около восьмисот названий.¹ Среди русских классиков девятнадцатого столетия — а именно оно было главным историко-литературным полем работы ученого — едва ли найдется фигура, ни разу не привлекавшая его исследовательское внимание. Но все же особое место в его работе занимал Пушкин; по объему и значимости написанного им об этом поэте рядом можно поставить разве что Батюшкова, творчеству которого Вячеслав Анатольевич посвятил свою докторскую диссертацию (1987) и фигуру которого он естественным образом соотносил с фигурой его (Батюшкова) великого последователя; показательно название одной из книг В. А. Кошелева о Батюшкове: «В предчувствии Пушкина».²

Пушкиноведческое наследие В. А. Кошелева включает в себя несколько книг и множество статей, значительная часть которых, как ручьи в реки, «впадала» в книги. Он формировался как ученый и работал в русле пушкинодомской традиции: в ИРЛИ был в свое время аспирантом; позже постоянно сотрудничал с институтом, публиковал свои работы в академических изданиях. А традиция эта

---

¹ См.: Опубликованные научные труды В. А. Кошелева // «Чужое: мое сокровище!»: Сб. статей памяти В. А. Кошелева / Отв. сост. А. В. Кошелев. Великий Новгород, 2022. С. 402—457.

² См.: Кошелев В. А. В предчувствии Пушкина: К. Н. Батюшков в русской словесности начала XIX века. Псков, 1995.

предусматривает культ факта, опору на рукописные материалы, на творческую историю произведения, рассмотрение его в конкретном историко-литературном ракурсе, вообще некоторый «позитивизм» (у В. А. Кошелева он проявлялся, в частности, в постоянной опоре на словари, на лексические значения пушкинской эпохи, в которых ему виделся ключ к истолкованию того или иного текста).

Обратимся к пушкиноведческим книгам профессора Кошелева. Две из них, хронологически первые, посвящены отдельным произведениям поэта и содержат подробный анализ их творческой истории и их литературного контекста. Книга о поэме «Руслан и Людмила»,³ написанная на грани между научным и научно-популярным жанрами (оглядка на сравнительно широкого читателя для профессионального преподавателя естественна), — насколько нам известно, единственная в пушкинистике большая монографическая работа, посвященная этому произведению. Эту книгу можно назвать своеобразной литературной энциклопедией эпохи юности Пушкина. Главная цель, которую ставил в ней перед собой исследователь, — воссоздание историко-литературного генезиса «древнерусской» поэмы, который национальными корнями, как явствует из книги, не ограничивается. Круг ее источников включает в себя иноязычные литературные произведения, в пушкинскую эпоху воспринимавшиеся уже как классические: «Неистового Роланда» Ариосто, «Орлеанскую деву» Вольтера, творения Оссиана и Парни, переводных «Бову Королевича» и «Еруслана Лазаревича»... Рецензировавший книгу М. В. Строганов счел влияние европейских авторов в «Руслане» в трактовке В. А. Кошелева преувеличенным (по сравнению с влиянием русской прозы — Чулкова, Попова, Левшина).⁴ Но, может быть, одно другому в этом универсальном и объемном поэтическом своде не мешает? Тем более что и сам Кошелев пишет о влиянии довольно мягко, без нажима, зато подчеркивает пушкинскую оригинальность. Что касается бесспорных в этом смысле «Бовы» и «Еруслана», то они хотя и считались по преимуществу явлением «низовой» словесности, имели в нашей культуре более широкое значение и воспринимались Пушкиным «как символ текста, стоящего у начала человеческой жизни, как непрменный атрибут русского детства».⁵ Заметим, что анализ эпизода с головой в пушкинской поэме на фоне текста «Еруслана Лазаревича» и в контексте творче-

³ См.: Кошелев В. А. Первая книга Пушкина. Томск, 1997.

⁴ См.: Строганов М. [Рец.] // Новое литературное обозрение. 1998. № 5 (33). С. 412. См. здесь же, на с. 411—412, возражения касательно вопроса о соотношении редакций поэмы 1820 и 1828 годов.

⁵ Кошелев В. А. Первая книга Пушкина. С. 44.

ства самого Пушкина превосходит и составляет одно из «ударных» мест книги. И, отвлекаясь на минуту от пушкиноведческой тематики, напомним, что проблема национального самосознания вообще очень интересовала ученого, сначала посвятившего славянофильскому течению кандидатскую диссертацию (1977), а со временем ставшего автором нескольких книг, написанных в русле этой проблемы (в частности, об Аксаковых и Хомякове).

Во-вторых, книга о «Руслане» воссоздает современный для молодого Пушкина русский литературный контекст, в котором поэма замышлялась и создавалась. Здесь в центре внимания оказывается жанровая природа пушкинского произведения. Она имеет, как показывает В. А. Кошелев, «арзамасское» происхождение: среди членов этого литературного общества зрела мысль о необходимости «образцовой» поэмы, «на которую можно было бы указать как на безусловное достижение, отразившее литературные вкусы “новейшей эпохи”». ⁶ Пушкин, как показано в книге, отталкивается от накопленного к тому времени нашей литературой опыта в жанре «русской» поэмы («Илья Муромец» Карамзина, «Добрыня» Львова и др.) и создает своего «Руслана» с учетом опыта баллад Жуковского (особое внимание исследователь уделяет, естественно, пушкинской сцене с Ратмиром в «царстве красавиц» как полемически-пародийному отклику на один из эпизодов «Двенадцати спящих дев» «побежденного учителя»). Особая грань контекста — «открытая театральность» пушкинской поэмы, ставшая темой отдельной главки (Пушкин создает «Руслана», напомним, в годы сильного увлечения театром, запечатленного вскоре в первой главе «Онегина»). И наконец, суммированы в книге отклики современников на появление поэмы и обстоятельства дальнейшей судьбы произведения, в том числе — дан историко-культурный комментарий к знаменитому его прологу («У Лукоморья...»), появившемуся во втором издании (1828).

Вслед за книгой о «Руслане» в год большого пушкинского юбилея (1999) В. А. Кошелев выпускает книгу «“Онегина” воздушная громада...»; спустя десять лет ее переработанное и дополненное переиздание открыло собой серию «Монографии участников “Болдинских чтений”», ныне насчитывающую около десятка книг. ⁷ Кстати, в этой же серии недавно вышла книга сына ученого — Анатолия Вячеславовича, пошедшего по отцовским стопам, тоже пуш-

⁶ Там же. С. 27.

⁷ См.: Кошелев В. А. «Онегина» воздушная громада... СПб., 1999; 2-е изд., перераб. и доп. Б. Болдино; Арзамас, 2009.

киниста, доктора наук.⁸ Сам же Вячеслав Анатольевич приезжал в Болдино начиная с 1986 года многократно, и материалы его болдинских статей / докладов (но не только они) в книгу, конечно, вошли. Книга об «Онегине» внешне напоминает — как и сам роман — «собрание пестрых глав», но на деле эти главы или, лучше сказать, очерки выстроены, как и в предыдущей книге, вокруг двух больших проблемных узлов.

Узел первый — внутренняя жизнь романа, его уникальная природа, проявляющая себя в развитии авторского замысла, сюжетно-композиционном построении, в «противоречиях», «житейских» недосмотрах, неувязках» (например, одновременное обращение в первой главе к зимним и летним мотивам). Это внешние приметы «своевольного хотения», ставшего необычным конструктивным принципом пушкинского романа. Литературовед прочитывает «Онегина» как «небывалый доселе литературный эксперимент», где «повествователь следит за действиями и мыслями воссозданного им героя <...> но действовать предоставляет ему самому».⁹ Неожиданна и остроумна догадка пушкиниста о том, что эволюция героя в романе связана с... чтением им публикуемого главами пушкинского романа. После первоначального внутреннего сопротивления (мол, такого не может быть) понимаешь, что это вполне вписывается в особую природу пушкинского произведения, где пересечение литературы и жизни создает эффект своеобразной творческой игры. Очень убедительны анализ седьмой главы как потенциального «второго начала» романа (напомним, что глава шестая завершалась авторской припиской «Конец первой части») и реконструкция пропущенного в окончательном тексте путешествия Онегина как путешествия по Европе (Пушкин же сохранил в опубликованных фрагментах лишь российские топосы). Нам показалось только, что ученый преувеличивает роль святцев в романе, полагая, что пушкинская фраза «в нашем романе время расчислено по календарю» (вообще понимаемая пушкинистами по-разному) имеет в виду календарь православный. Трудно согласиться, например, с тем, что в подтексте появления Онегина в доме Татьяны-княгини («Идет, на мертвеца похожий») есть пасхальное содержание: дескать, дело происходит весной, на Страстной неделе (здесь следует цепочка хитроумных допущений в пользу такой привязки, но в романе это все же не сказано), а Онегин духовно «воскресает» благодаря любви. Все-таки «Евгений Онегин» — не «Преступление и наказание»,

⁸ См.: Кошелев А. В. Пушкин: Современники и наследники. Б. Болдино; Н. Новгород, 2020.

⁹ Кошелев В. А. «Онегина» воздушная громада... С. 30.

где в финале все именно так. Пушкинский роман создан в русле светской культуры, и «воскрешение» здесь другое.

Узел второй — пушкинская характеристика. Каждому из основных героев романа — Онегину, Ленскому, Татьяне, Ольге — в книге посвящены отдельные очерки, а кому-то из них даже два или три. Так, здесь мы находим подробный анализ природы онегинской «хандры» в ее «онтологическом» отличии от «английского сплина», с выходом на культурное сознание пушкинской эпохи в целом («хандрящие» Батюшков, Николай Тургенев...) и на проблематику позднейшей русской литературы: «Ему <Онегину>, как и Раскольникову (все-таки Раскольников неспроста занимает сознание пушкиниста! см. выше. — А. К.), надобно прежде всего “мысль разрешить” — то есть определить причины появления, возможности и способы излечения <...>. И для него недействительны те рецепты, которые могут быть даны в пределах трезвой житейской логики».¹⁰ И здесь же — логичный переход к фигуре Ленского, поэтичность которой (при всей авторской иронии) делает ее близкой автору, и именно поэзия, Онегину чуждая, становится, по В. А. Кошелеву, средством «утишения» томящей скуки. Автор романа и Ленский, два поэта, не «хандрят», потому Онегин и тянется к ним («С ним подружился я...»). Неспроста и стихи Ленского («отрывки северных поэм») воспринимаются исследователем в контексте пушкинской лирики середины 20-х годов: возникают любопытные параллели и переклички. В очерке об Ольге опорной становится звучащая в устах Онегина ассоциация героини с «Вандиковой Мадонной», позволяющая, с учетом ранних вариантов пушкинского текста, выстроить целый сюжет, в котором есть место не только Ван-Дейку, но и Рафаэлю, и Жуковскому как автору очерка «Рафаэлева Мадонна», и где многое объясняется «кощунственным» и оказавшимся в итоге нежелательным для Пушкина мотивом «иконы» в неожиданном поэтическом контексте (фраза Ленского в черновике третьей главы: «Всяк молится своей иконе»). Вместе с ним выпал из текста и важный для понимания образа Ольги мотив отсутствия мысли («В чертах у Ольги мысли нет»; в окончательном варианте, напомним: «жизни нет»). Образ Татьяны рассмотрен в книге в аспекте двух важных вопросов: об имени героини и о ее «русскости» («русская душой»). «Простонародность» имени, заявленная самим поэтом, рассмотрена пушкинистом в контексте «традиций литературного именованья в пушкинскую эпоху», и само имя становится «не столько бытовым знаком “простонародности”, сколько литературным

---

¹⁰ Там же. С. 50—51.

<...> сигналом ее народности в широком смысле: ее “старинности”, исконности типа “русской душой” женщины”.¹¹ Парадоксальное сочетание этой «русскости» и «плохого» знания русского языка («Она по-русски плохо знала, журналов наших не читала...») ученый убедительно объясняет тем, что в пушкинскую эпоху «русская литературная речь находится еще в процессе становления».¹²

В дополнение к «онегинскому» сюжету напомним, что В. А. Кошелев был одним из составителей двухтомной «Онегинской энциклопедии» (1999—2004), и для этого издания им написаны около восьмидесяти словарных статей, в том числе такие значимые, как «Английский сплин и русская хандра», «Время», «Деревня», «Дорога», «Семья, семейство», «Читатель»...

Две другие книги ученого связаны общей проблемой — проблемой соотношения в пушкинском творчестве «предания», «мифологии», с одной стороны, и реальности, биографической и исторической, — с другой. Книга «Пушкин. История и предание»¹³ включает в себя очерки, написанные именно под таким знаком. Так, анализ «Песни о вещем Олеге», которая сама по себе есть поэтическое воплощение предания, развернут с опорой на обширную историческую литературу; он приводит исследователя к мысли о столкновении в балладе (она же — «философская притча») «двух *вещих* знаний о жизни»,¹⁴ открывающем у Пушкина магистральную для него впоследствии тему соотношения поэта («кудесник») и «мирской власти» (Олег). Пушкинская «Песнь» тянет за собой большой историко-литературный контекст, включающий и отклики на нее «слева» (декабристы) и «справа» (Языков), и историю позднейшего стихотворения «Олегов щит» и стоящий за ним уже иной, тоже сложный, литературно-политический контекст: события Русско-турецкой войны 1828—1829 годов, стихи Тютчева как источник стихов Пушкина, противопоставившего тютчевскому «патриотизму» свою «осторожность» и сдержанность. По-своему неоднозначным оказывается под пером В. А. Кошелева и пушкинский замысел поэмы о Вадиме Новгородском (живя в Великом Новгороде, Вячеслав Анатольевич не мог обойти «местную» тему): в этом сюжете проступает не столько даже политическая (в свете которой обычно воспринимался этот легендарный герой) проблематика, сколько историсофская. Ключ к ней дают пушкинисту возникшие в одно время

¹¹ Кошелев В. А. «Онегина» воздушная громада... С. 119, 136.

¹² Там же. С. 141.

¹³ См.: Кошелев В. А. Пушкин. История и предание: Очерки. СПб., 2000.

¹⁴ Там же. С. 47.

с работой над «Вадимом» (1822) заметки о русской истории XVIII века, содержащие сложные, порой парадоксальные размышления о ходе исторических вещей. Ценностный выбор между «авторитаризмом» и «вольностью» оказывается не так прост, как казалось, например, литераторам декабристского лагеря: «Честолюбивый Вадим» <...> стремясь к реставрации “древнего порядка вещей”, неминуемо стремился к установлению собственной власти...»¹⁵ Сложная проблема не могла быть реализована в жанре романтической поэмы — и Пушкин оставил работу. До «Бориса Годунова» оставалось еще целых три года...

Очерки «Бова Королевич» и «Царь Салтан» возвращают нас к кругу проблем, затронутых в книге о «Руслане и Людмиле» (влияние фольклора и лубочной литературы). Вот здесь, в связи с традициями народной культуры, обращение к православному календарю оказывается более органичным и дает любопытные результаты. Так, простой хронологический подсчет, вызванный известными строчками «Сказки о царе Салтане...» о рождении царского дитяти («И роди богатыря мне к исходу сентября»); цензурный переписчик заменил «сентябрь» на «октябрь», но Пушкин восстановил нужный ему месяц!), позволяет развернуть важную для понимания поэтического мира пушкинской сказки атмосферу Святков (мотивы ожидания суженого, переодевания и проч.). Можно было бы принять и предложенную В. А. Кошелевым в очерке «Сват Иван» привязку к православному календарю появления коллективного экспромта Пушкина, Вяземского и Мятлева «Надо помянуть, помянуть непременно надо...», написанного 26 марта 1833 года, на следующий день после «родительской субботы», когда было принято поминать умерших близких. Мешает только одно обстоятельство, которое сам же исследователь и приводит: об «образцовых поминках» Мятлев пишет Пушкину уже 1 марта того же года, когда о «родительской субботе», наверное, еще не думалось.¹⁶

Связи пушкинского творчества с народной культурой прослеживаются и в очерке «Бесы разны», где одно из самых «загадочных» пушкинских стихотворений (конечно, это «Бесы», которые пушкинист трактует как «мятельный» пародийно-poleмический отклик на «Светлану» Жуковского с ее «прозрачной ясностью» и «завершенностью») становится отправной точкой для своеобразной «типологии» бесов у Пушкина (потому они и «разны»): «Бесы изначально живут по нормам “сниженной” морали — и в этом логи-

¹⁵ Там же. С. 106.

¹⁶ Там же. С. 180.

ка их обыденной жизни вполне соответствует характеру тех “соблазнов”, которые они устраивают людям». ¹⁷ Между тем затронуты в книге и новозаветные мотивы у Пушкина, которые В. А. Кошелев трактует, в соответствии с общей установкой и названием книги, «не столько с “богословской”, сколько с исторической точки зрения», ¹⁸ резонно возражая модной в постсоветское время тенденции искать в творчестве всех наших классиков признаки глубокой веры. Так, для понимания апокалиптических мотивов (очерк «Топот бледного коня») важно, что в пушкинское время Апокалипсис воспринимался не как нечто гибельное и ужасное, а как что-то не совсем ясное, не до конца истолкованное, как «пересечение сложных смыслов». Оно и становится предметом пушкинской поэтической рефлексии и в «Герое», и в «Стихах, сочиненных ночью во время бессонницы». ¹⁹ Толкование стихотворения «Стамбул гяуры нынче славят...» (очерк «Арзрум нагорный»), где культура Востока и культура Запада резко разведены, потребовало от пушкиниста подробного экскурса в историю осмысления проблемы «Запад — Восток» как большой проблемы русского сознания и в собственно пушкинский литературно-биографический контекст. Наконец, в очерке «Русский бунт» аналогия «Пугачев — Наполеон» дает основания говорить о «процессе превращения эмпирической данности в национально-исторический миф», согласно которому Пугачев «оказался “очищенным” от окружающей суеты и осознан как выдающаяся личность, ставшая во главе “черни” и растоптанная тою же “чернью” именно потому, что “высоко залез”...» ²⁰

Если книга «Пушкин. История и предание» по отбору литературного материала прихотливо-мозаична, то близкая ей по научному подходу «Таврическая мифология Пушкина», хотя имеет «свободный» подзаголовок «Литературно-исторические очерки» ²¹ и хотя рецензент в «НЛО» (на сей раз это И. Булкина) склонна называть материалы книги, едва ли не намекая на их разрозненность и даже

¹⁷ Кошелев В. А. Пушкин: История и предание: Очерки. С. 214.

¹⁸ Там же. С. 244.

¹⁹ Ср. со статьей, в которой ученый анализирует известный поэтический диалог между Пушкиным и митрополитом Филаретом, вскрывая парадоксальность и глубину пушкинского, не сводимого к религиозным постулатам, понимания смысла человеческого бытия: Кошелев В. А. Пушкинские признания на день рождения // А. П., Ф. Д. и В. В.: Сб. науч. трудов к 60-летию проф. В. А. Викторовича / Отв. ред. М. Я. Сорникова. Коломна, 2010. С. 9—30.

²⁰ Там же. С. 334—335.

²¹ См.: Кошелев В. А. Таврическая мифология Пушкина: Лит.-ист. очерки. Вел. Новгород; Симферополь; Н. Новгород, 2015.

случайность, вовсе «короткими (? — А. К.) заметками»,²² — сильна как раз своей монографической цельностью. Здесь все — о пушкинском Крыме, но не собственно биографическом (хотя без биографии не обойтись, и автор не обходится), а о воображаемо-поэтическом. То есть — именно об авторской «мифологии», о соотношении поэтического и реального в пушкинском творческом восприятии знаменитого полуострова (крымская тема, ее отражение в пушкинском «Отрывке из письма к Д.», рассматривалась ученым и в книге «Пушкин. История и предание»).

Тема оказывается обширной и многогранной, включающей такие, например, аспекты, как «ожившая античность», «окно в Европу», миф о Тмутаракани и «русском Крыме», судьба поэмы «Бахчисарайский фонтан», «колыбель Онегина», незавершенная пушкинская «Таврида» на фоне других «Таврид» (С. Бобров, Батюшков)... Творческие воспоминания о Крыме волновали Пушкина всю жизнь. Несколько недель, проведенные молодым поэтом в Крыму, стали для него своеобразным «эпицентром» многих тематических линий. Но, как ни странно, ни одной полноценной монографии об этом (несмотря на обильную «крымскую» биографическую пушкиниану) до В. А. Кошелева никто не написал.

Его работа — не описательная (хотя это и само по себе было бы уже неплохо), а концептуальная. Вот он рассматривает, например, предание о графине Потоцкой как прототипе Марии из «Бахчисарайского фонтана» или античный миф об Оресте и ПилADE в послании к Чаадаеву 1824 года «К чему холодные сомненья?...» (включая в поле своего внимания биографический аспект отношений Пушкина и Чаадаева) — и показывает, что Пушкин, «возвратившийся к “крымским” сюжетам в “далеком северном уезде”, помимо всего прочего, ставил целью преодолеть тот миф, который в течение пяти лет неволью возвращал в “священный Крым” его *воображение*...».²³ Здесь отчасти содержится ответ на интересующий уче-

---

²² Булкина И. [Рец.] // Новое литературное обозрение. 2016. № 3 (139). С. 363. Правда, здесь же у рецензента откуда-то возникает слово «статья». Перу И. Булкиной принадлежит отклик и на книгу «Пушкин. История и предание» (см.: Там же. 2000. № 5 (45). С. 421—423), но он написан в такой иронически-пренебрежительной по отношению к исследователю (которого, кстати, другой рецензент «Таврической мифологии...», профессор МГУ С. И. Кормилов, ушедший из жизни в одно лето с В. А. Кошелевым, назвал «одним из лучших наших пушкинистов и вообще историков русской литературы XIX в.»; см.: Кормилов С. И. [Рец.] // Вестник Московского ун-та. Сер. 9: Филология. 2017. № 5. С. 235) и вообще к академической науке манере, что полемизировать с ним не хочется.

²³ Кошелев В. А. Таврическая мифология Пушкина. С. 45.

ного вопрос о том, почему некоторые свои стихи михайловского периода (в том числе то самое послание к Чаадаеву) Пушкин в печати датировал 1820 годом. С другой стороны, Пушкин, как полагает В. А. Кошелев, мог создавать и поддерживать некую «мифологию» вокруг своего имени. Так, его «недовольство» публикацией в «Полярной звезде» полного текста стихотворения «Редеет облаков летучая гряда...» с «интимной» концовкой объясняется в книге «поддержанием <...> романтической роли “изгнанника”, томимого безответной любовью».²⁴

Важная грань «крымской мифологии» Пушкина — тема веры и безверия («тайны вечности и гроба»). Она запечатлена в его неоконченной «Тавриде», замысел которой В. А. Кошелев трактует как замысел поэмы (а не элегии; среди пушкинистов бытует и такое понимание). Ее творческая история полна «загадок» (здесь автор книги выступает как текстолог), и нити от нее протягиваются исследователем к разным пушкинским произведениям 20-х годов — от элегии «Надеждой сладостной младенчески дыша...» до «Евгения Онегина».

«Мифологичность» крымской темы у Пушкина проявила себя, как показано в книге, и в «постоянной актуализации» поэмы «Бахчисарайский фонтан» — то есть в ее многочисленных «перекодировках» на оперной и балетной сцене на рубеже XIX—XX веков. Небольшая глава, содержащая анализ стихотворения «Иностранке» («На языке, тебе невнятном...», 1822), напрямую с крымской темой не связана. По мысли В. А. Кошелева, на появлении этого стихотворения сказался вынесенный из Крыма интерес поэта к многонациональной России, к пестрой панораме «племен» и «наречий». Здесь, может быть, важнее кишиневские впечатления? Впрочем, и косвенные нити лишними не будут, а со временем могут оказаться ключевыми.

В нашей статье уже не раз звучало слово «миф», и звучало «с подачи» самого В. А. Кошелева, много размышлявшего о пушкиноведческой «мифологии» как следствии сакрализации фигуры великого поэта и ее «обрастания» всевозможными клише — и читательскими, и литературоведческими. Неспроста в названиях его трудов само слово «миф» — в том числе и в полемическом контексте — время от времени появлялось.²⁵ Давая на страницах литературно-

²⁴ Кошелев В. А. Таврическая мифология Пушкина. С. 57.

²⁵ См., например: Кошелев В. А. 1) Онегинский «миф» в прозе Чехова // Чеховиана: Чехов и Пушкин / Отв. ред. В. Б. Катаев. М., 1998. С. 147—154; 2) Пушкин и становление «кутузовского» мифа // Болдинские чтения. Саранск, 2010. С. 171—180.

художественного журнала, в статье с показательным названием «Пушкин без ретуши», советы, как правильно читать Пушкина, он первым делом заметил: «Необходимо воспринимать Пушкина безотносительно к пушкинскому “мифу”. Его стихи и проза не могут ни “подкреплять”, ни тем более “определять” текущую изменчивую идеологию».²⁶ Дело тут, как показывают труды самого В. А. Кошелева, не только в идеологии, но и вообще в стереотипах восприятия пушкинского творчества и пушкинской судьбы, которым нужно противопоставить, повторим, конкретные обстоятельства и конкретные источники.

В полемике с «мифами» исследователь, кажется, иногда жесток, по меньшей мере — провокативен. Так воспринимается, например, его замечание (в книге о «Руслане и Людмиле») о том, что к творениям Радищева Пушкин относился «без особого почтения».²⁷ Всякому пушкинисту понятно, что породившая целую научную литературу и вызывавшая идеологические спекуляции в советское время проблема «Пушкин и Радищев» (кажется, эти спекуляции и есть в данном случае подспудный источник «раздражения») в реальности гораздо сложнее, чем это выглядит в броском пассаже ученого. Но такой полемический, «снижающий» смысловой и речевой жест был вообще в духе В. А. Кошелева. Помнится, на конференции «Проблемы изучения лирики в школе» (Арзамас, 2003 год) он разбирал «Зимнее утро» и произнес фразу о «красавице» (которую лирический герой призывает «проснуться»), наверняка смутившую слушателей — учителей-словесников, настроившихся было мысленно примерить выступление гостя-профессора к своей школьной практике: «героиня, с которой герой провел ночь» (да там еще и «лежанка» упомянута). С житейской точки зрения он, может быть, прав, и только наведенный на стихи «хрестоматийный глянец» и стереотипы работы со школьниками «среднего звена» мешают нам задуматься об этом (другой вопрос: нужно ли вообще переводить восприятие лирики на такой буквальный уровень?). Точно так же провокативно он вынес в название своей статьи о «Зимнем вечере» (тоже школьно-хрестоматийном) полуанекдотическую формулу «Предложение выпить»,²⁸ принадлежащую некоему школьнику, получившему от учителя нелепое задание «составить план» этого стихотворения. Между тем «предложение выпить» («Выпьем, добрая

²⁶ Кошелев В. А. Пушкин без ретуши // Звезда. 1999. № 6. С. 139.

²⁷ Кошелев В. А. Первая поэма Пушкина. С. 91.

²⁸ См.: Кошелев В. А. «Предложение выпить»: О стихотворении «Зимний вечер» // Пушкин на пороге XXI века: Провинциальный контекст. Арзамас, 2008. Вып. 10 / Отв. ред. С. Н. Пяткин. С. 119–137.

подружка...») вовлекает у В. А. Кошелева в научный дискурс, как у него это обычно и бывает, широкий литературный контекст — от Державина до Николая Полевого, автора пародийного по отношению к Пушкину (а заодно и к Дельвигу с его стилизациями «в русском духе») стихотворения с таким же названием — «Зимний вечер». Так что Кошелев «снижает», но не снижения ради.

Мы заговорили уже не о книгах ученого, а об отдельных статьях, материалы которых в книгах не отражены. Их немало, и хотелось бы увидеть со временем сборник таких работ, разбросанных ныне по многочисленным журналам и сборникам; в него мог бы войти — хотя бы частично — и «пушкинский» раздел книги «Вологодские давности»,²⁹ написанной в череповецкий период работы литературоведа (кстати, в Вологодском пединституте он и учился). В этом разделе прослежены косвенные связи Пушкина с вологодской землей. Что касается возможной полемики с положениями В. А. Кошелева, которую мы себе здесь иногда позволяли, то любой научный труд хорош и силен, в частности, и тем, что оставляет поле для обсуждения. В работах безвременно ушедшего из жизни ученого бьется живой пульс филологической мысли. Мы уверены, что они еще не раз подскажут коллегам-последователям перспективные ходы и повороты — и, конечно, войдут, да уже и вошли, в золотой фонд нашей пушкинистики.

А. В. Кулагин

---

²⁹ См.: Кошелев В. А. Вологодские давности: Литературно-краеведческие очерки. Архангельск, 1985. С. 143—220.

ПАМЯТИ Н. Н. СКАТОВА

В середине прошлого века в изучении русской литературы — наряду с частичным обновлением проблематики и методологии, с влиянием некоторых философско-эстетических идей (огромным событием для молодых филологов было появление в 1963 году второго издания «Проблем поэтики Достоевского» М. М. Бахтина) — выделилось и стало на десятилетия устойчивым направлением, которое, по-моему, следовало бы назвать литературоведческим почвенничеством. Истоки его — в критике Белинского и Аполлона Григорьева, в публицистике Достоевского и др. От них оно унаследовало, а затем концептуализировало представления о народности, об «органической» культуре, выдвинув задачу изучать — уже на современном научном уровне, в новой понятийной системе — генетическую связь литературы с жизнью народа, с национальной историей и традициями, с национальным мирозерцанием. Отсюда проистекали и предметно-тематические предпочтения исследователей, и критерии для определения ценности литературного явления. В общественной ситуации 1960—1980-х годов названное направление оказывалось подчас в некоторой оппозиции как к «либерально-западническим» тенденциям в литературоведении, так и к официальной идеологии, диктовавшей приоритеты историко-литературных исследований — материалистическое мировоззрение, марксистскую социологию, апологетику революционно-освободительного движения, борьбу с консервативными и реакционными тенденциями в русской мысли и литературе.

От этого диктата уклонялся по возможности ряд крупных литературоведов почвеннического направления; видное место среди них занимал Николай Николаевич Скатов (1931—2021).

Окончив Костромской педагогический институт, он прошел хорошую филологическую школу в аспирантуре Московского педагогического института, написал под руководством А. И. Ревякина

диссертацию, посвященную критике и эстетике Белинского, и защитил ее в 1960 году. Опыт преподавания и научной работы в Костроме положил начало его успешной карьере как ученого и педагога. Вооруженный таким опытом, он с 1962 года продолжил свою деятельность на кафедре русской литературы Ленинградского педагогического института, которой тогда заведовал А. И. Груздев и на которой трудились Б. Ф. Егоров, Я. С. Билинkis, В. А. Западов и др.¹

Вполне закономерно, что именно Некрасов первым оказался в центре научных интересов Скатова. Врожденная чуткость к поэтическому слову (что ярко сказывалось и в лекциях, любимых студентами, и даже в обычном разговоре с коллегами), увлечение «разнопородностью» личности и творчества Некрасова, собственный гражданский темперамент ученого — все соединилось в этом выборе и привело к значительному научному результату. В 1971 году была защищена докторская диссертация «Н. А. Некрасов и русская поэзия второй половины XIX — начала XX века», а вскоре вышла книга «Некрасов. Современники и продолжатели», впоследствии переизданная и вошедшая в основной фонд некрасоведения. Скатов существенно расширил литературное пространство, в котором активно присутствовала поэзия Некрасова, и показал ее как сложную художественную величину, выраставшую из недр народной жизни, из традиций русской культуры и оказывавшую влияние на русскую словесность вплоть до двадцатого века. Также закономерно, что на исследовательском пути Скатова явилась фигура Кольцова, чье творчество в вышедшей в 1983 году книге «Кольцов» предстает как органическое выражение народного духа.

В исследованиях Скатова материал классической литературы был взят в очень большом объеме и в важнейших его подробностях. Он не был ограничен изначальными методологическими установками, хотя от почвеннического направления ученый при этом не отходил. Мне довелось не только наблюдать за его работой вблизи, когда я несколько лет преподавал вместе с ним на одной кафедре, но и участвовать в этой работе непосредственно. Мы предприняли издания избранных статей замечательных критиков А. В. Дружинина и Н. Н. Страхова. Скатов занимался составлением и вступительными статьями, я — подготовкой текстов и комментариями. Сотрудничество с Николаем Николаевичем было весьма полезно для движения филологического сюжета моей жизни, и я вспоминаю о тех годах с благодарностью.

¹ Список работ Скатова см. в его кн. «Избранные работы по русской литературе XIX века» (СПб., 2021. С. 396—419).

С наибольшим пафосом утверждение общенационального и всенародного начала в литературе проявилось в трудах Скатова о Пушкине. В них в полной мере сказались как оправданное эмоциональное пристрастие к личности поэта («мы исследуем то, что любим», говорил С. С. Аверинцев), так и стремление показать его исключительное дарование в высших художественных выражениях. Скатов увидел в Пушкине кульминацию развития всей русской культуры от Петровской эпохи до последующих стадий. Пушкин, считал Скатов, уникален как «русский гений» (так названа книга, вышедшая в 1987 году) в своем человеческом развитии, в духовном становлении, в творческой эволюции, чем он и задал «модель» развития русской культуры в целом.

При самом высоком профессионализме, талантливости, трудолюбии отдельного ученого современное литературоведение не может обойтись без коллективных усилий для решения больших научных задач. Это относится прежде всего к подготовке собраний сочинений, к созданию историко-литературных трудов и справочных изданий, к сохранению и использованию рукописного наследия писателей. Здесь очень важно, чтобы работу организовал авторитетный ученый, который ясно видел ближние и дальние цели научной деятельности коллектива. В роли такого организатора Скатов выступил, сначала возглавив кафедру русской литературы в Ленинградском педагогическом институте, а с 1987 года став директором Института русской литературы. Пробыв на этом посту почти два десятилетия, он очень много сделал для внутреннего и внешнего обновления института, для подтверждения его значения как мирового центра русистики.

И в гуманитарном научном сообществе, и среди деятелей образования в России о Николае Николаевиче Скатове надолго сохранится самая добрая память.

В. А. Котельников

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АРАН — Архив Российской академии наук (Москва)
- БАН — Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург)
- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)
- ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва)
- РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)

SUMMARY

Александр Валентинович Курочкин
Всероссийский музей А. С. Пушкина
(Санкт-Петербург)

alkurochkin@mail.ru

**КИШИНЕВСКАЯ ЗАПИСКА ПУШКИНА
К НЕИЗВЕСТНОМУ**

В статье уточняются мотивы и дата написания записок М. Е. Крупенского к Пушкину и самого поэта — 8 марта 1822 года. Устанавливается адресат пушкинской записки — полковник С. Н. Старов.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, С. Н. Старов, М. Е. Крупенский, И. П. Липранди, записка, адресат, датировка.

Alexander Valentinovich Kurochkin
The National Pushkin Museum
(Saint Petersburg)

DOI 10.31860/0236-2481-2023-37-555-155

**PUSHKIN'S CHISINAU NOTE
TO AN UNKNOWN ADDRESSEE**

The article specifies the motives and the date of writing of a note that M. Krupensky wrote to Pushkin and of a second note that the poet himself wrote to a hitherto unknown addressee. Both notes were written on March 8th 1822. The addressee of Pushkin's note, Colonel S. Starov, is also established —

Keywords: A. Pushkin, S. Starov, M. Krupensky, I. Liprandi, note, addressee, dating.

Список литературы и источников

- Бартенев П. И.* Пушкин в южной России // Русский архив. 1866. № 8—9.
Bartenev P. I. Pushkin v yuzhnoj Rossii // Russkij arhiv. 1866. № 8—9.
- Вигель Ф. Ф.* Записки. Издание «Русского архива» (дополненное с подлинной рукописи): В 7 ч. М., 1892. Ч. 5.
Vigel' F. F. Zapiski. Izdanie «Russkogo arhiva» (dopolnennoe s podlinnoj rukopisi): V 7 ch. M., 1892. Ch. 5.
- Горчаков В. П.* Воспоминание о Пушкине // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. 3-е изд., доп. СПб., 1998. Т. 1.
Gorchakov V. P. Vospominanie o Pushkine // Pushkin v vospominaniyah sovremennikov: V 2 t. 3-e izd., dop. SPb., 1998. T. 1.

- Долгоруков П. И.* 35-й год моей жизни, или Два дни вѣдра на 363 ненастья // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. 3-е изд., доп. СПб., 1998. Т. 1.
Dolgorukov P. I. 35-j god moej zhizni, ili Dva dni vyodra na 363 nenast'ya // Pushkin v vospominaniyah sovremennikov: V 2 t. 3-e izd., dop. SPb., 1998. T. 1.
- Жуйкова Р. Г.* Портретные рисунки Пушкина: Каталог атрибуций. СПб., 1996.
Zhujkova R. G. Portretnye risunki Pushkina: Katalog atribucij. SPb., 1996.
- Кибовский А. В.* 500 неизвестных. М., 2019.
Kibovskij A. V. 500 neizvestnyh. M., 2019.
- Левичева Т. И.* Письма А. С. Пушкина Южного периода, 1820—1824: Проблемы текстологии. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001.
Levicheva T. I. Pis'ma A. S. Pushkina Yuzhnogo perioda, 1820—1824: Problemy tekstologii. 2-e izd., ispr. i dop. M., 2001.
- Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина:* В 4 т. М., 1999. Т. 1 / Сост. М. А. Цявловский.
Letopis' zhizni i tvorchestva A. S. Pushkina: V 4 t. M., 1999. T. 1 / Sost. M. A. Cyavlovskij.
- Липранди И. П.* Из дневника и воспоминаний // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. 3-е изд., доп. СПб., 1998. Т. 1.
Liprandi I. P. Iz dnevnika i vospominanij // Pushkin v vospominaniyah sovremennikov: V 2 t. 3-e izd., dop. SPb., 1998. T. 1.
- Подмазо А. А.* Шефы и командиры регулярных полков русской армии (1796—1825). URL: http://www.museum.ru/1812/Library/Podmazo/alfshcom_s.html (дата обращения: 01.10.2022).
Podmazo A. A. Shefy i komandiry reguljarnyh polkov russkoj armii (1796—1825). URL: http://www.museum.ru/1812/Library/Podmazo/alfshcom_s.html
- Пушкин А. С.* Письма: В 3 т. / Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. М.; Л., 1926. Т. 1. 1928. Т. 2.
Pushkin A. S. Pis'ma: V 3 t. / Pod red. i s primech. B. L. Modzalevskogo. M.; L., 1926. T. 1. 1928. T. 2.
- Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2016. Т. 2. Кн. 2.
Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: V 20 t. SPb., 2016. T. 2. Kn. 2.
- Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Научное описание / Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. М.; Л., 1937.*
Rukopisi Pushkina, hranyashchiesya v Pushkinskom Dome: Nauchnoe opisanie / Sost. L. B. Modzalevskij i B. V. Tomashevskij. M.; L., 1937.
- Эйдельман Н. Я.* Пушкин и декабристы: Из истории взаимоотношений. М., 1979.
Ejdel'man N. Ya. Pushkin i dekabristy: Iz istorii vzaimootnoshenij. M., 1979.

Виктор Кушниренко

*Дом-музей А. С. Пушкина
в Кишиневе
(Кишинев, Республика Молдова)*

edvector@mail.ru

«БУДЬТЕ ДОБРЫ, ПОДОЖДИТЕ
МЕНЯ...»

**К истории ссоры в Кишиневе
опального Пушкина с яским боярином
Тодором Балшем**

6 января 1822 года в Кишиневе состоялась самая страшная дуэль поэта с полковником С. Н. Старовым. Она послужила поводом для ссоры Пушкина с боярином Тодором Балшем. Однако точная датировка ссоры, ход событий, круг лиц, участвовавших в примирении противников, оставались неизученными. В статье публикуется черновое письмо-жалоба Тодора Балша к наместнику Бессарабии генералу И. Н. Инзову, написанное на французском языке, обнаруженное в архивах семьи Балшей. Его перевод на русский язык публикуется впервые. Ссора состоялась в доме вдовы Богдан 5 марта 1822 года. Уточнено также, что сложные события, связанные с примирением противников, происходили 6–8 марта. В них участвовали Пушкин, Тодор Балш, его жена Мария, Янко Балш, Инзов, М. Крупенский, П. Пушчин и др. На основе новых данных автор предлагает внести уточнения в «Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина» и в издаваемое академическое Полное собрание сочинений поэта в 20 томах.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, Южная ссылка, Бессарабия, Кишинев, Т. Балш, И. Н. Инзов, М. Е. Крупенский, П. С. Пушчин.

Viktor Kushnirenko

*House-Museum of A. S. Pushkin,
Chisinau
(Chisinau, Republic of Moldova)*

DOI 10.31860/0236-2481-2023-37-16-25

“COULD YOU BE SO KIND AS TO WAIT
FOR ME...”

**On the history of the quarrel
between Pushkin and yassky boyar
Todor Balsh in Chisinau**

The most terrible duel between the poet and colonel S. Starov took place in Chisinau on January 6th, 1822. It served as a pretext for a quarrel between Pushkin and the boyar Todor Balsh. However, the exact dating of the quarrel, the course of events, and the circle of people involved in the reconciliation of the opponents remained thus far unexplored. The article publishes the draft of a letter of complaint written in French by Todor Balsh to the governor of Bessarabia, General I. Inzov. The letter was found in the archives of the Balsh family and its translation into Russian is published here for the first time. The letter makes it possible to establish that the quarrel took place in the house of the widow Bogdan on March 5th, 1822. It also clarifies the difficult events related to the reconciliation of the opponents that took place on March 6–8th at the presence of Pushkin, Todor Balsh, his wife Maria, Yanko Balsh, Inzov, M. Krupensky, P. Pushchin and others. On the basis of the new data, the author proposes to include clarifications in the “Chronicle of the life and work of A. Pushkin” and in the published academic Complete Works of the poet in 20 volumes.

Keywords: A. Pushkin, Southern exile, Bessarabia, Chisinau, T. Balsh, I. Inzov, M. Krupensky, P. Pushchin.

Список литературы и источников

- Бартенева П. И.* Пушкин в южной России // Русский архив. 1866. № 8—9.
Barteneva P. I. Pushkin v yuzhnoj Rossii // Russkij arhiv. 1866. № 8—9.
- Богач Г. Ф.* К истолкованию стихотворения Пушкина «Мой друг, уже три дня...» // Пушкин на юге. Кишинев, 1961. Т. 2.
Bogach G. F. K istolkovaniju stihotvoreniya Pushkina «Moj drug, uzhe tri dnya...» // Pushkin na yuge. Kishinev, 1961. Т. 2.
- Горчаков В. П.* Воспоминание о Пушкине // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1974. Т. 1.
Gorchakov V. P. Vospominanie o Pushkine // Pushkin v vospominaniyah sovremennikov: V 2 t. M., 1974. Т. 1.
- Двойченко-Маркова Е. М.* Пушкин в Молдавии и Валахии. М., 1979.
Dvoichenko-Markova E. M. Pushkin v Moldavii i Valahii. M., 1979.
- Долгоруков П. И.* 35-й год моей жизни, или Два дни ведра на 363 ненастья // Звенья: Сборник материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века. М., 1951. Т. 9.
Dolgorukov P. I. 35-j god moej zhizni, ili Dva dni vyodra na 363 nenast'ya // Zven'ya: Sbornik materialov i dokumentov po istorii literatury, iskusstva i obshchestvennoj mysli XIX veka. M., 1951. Т. 9.
- Кушниренко В.* «В стране сей отдаленной...»: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина в Бессарабии, Каменке, Киеве и Одессе и связанных с ним событий с 20 сентября 1820 года по 1 августа 1824 года. Новое издание: В 2 т. Кишинев, 1999. Т. 2.
Kushnirenko V. «V strane sej otдалennoj...»: Letopis' zhizni i tvorchestva A. S. Pushkina v Bessarabii, Kamenke, Kieve i Odesse i svyazannyh s nim sobytij s 20 sentyabrya 1820 goda po 1 avgusta 1824 goda. Novoe izdanie: V 2 t. Kishinev, 1999. Т. 2.
- Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 1 / Сост. М. А. Цявловский.
Letopis' zhizni i tvorchestva A. S. Pushkina: V 4 t. M., 1999. Т. 1 / Sost. M. A. Cyavlovskij.
- Липранди И. П.* Из дневника и воспоминаний // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1974. Т. 1.
Liprandi I. P. Iz dnevnika i vospominanij // Pushkin v vospominaniyah sovremennikov: V 2 t. M., 1974. Т. 1.
- Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Научное описание / Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. М.; Л., 1937.
Rukopisi Pushkina, hranyashchiesya v Pushkinskom Dome: Nauchnoe opisanie / Sost. L. B. Modzalevskij i B. V. Tomashevskij. M.; L., 1937.
- Bezviconi G. și Callimachi S.* Pușkin în exil. București, 1947.
- Dvoicenco E.* Pușkin et les Balscha a Kișinev // Revue des études slaves. 1938. Т. 18. F. 1—2.

Светлана Вениаминовна Березкина
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург)

s.berezkina@mail.ru

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ «АРЗАМАССКИЕ»
ПИСЬМА Д. Н. БЛУДОВА
К В. А. ЖУКОВСКОМУ
(1815—1817)

Вступ. статья и примеч. С. В. Березкиной
Подготовка текста С. В. Березкиной
и Н. Л. Дмитриевой

Публикация четырех неопубликованных писем Д. Н. Блудова к В. А. Жуковскому за 1815—1817 гг. предлагает ряд важных уточнений, связанных с историей общества «Арзамас». Одно из них написано в стиле «арзамасского» протокола и содержит описание заседания общества 29 мая 1817 г., о котором сведений в других источниках не имеется. На этом заседании речь шла о помощи поэту А. И. Мещёвскому.

Ключевые слова: Д. Н. Блудов, В. А. Жуковский, переписка, общество «Арзамас».

Svetlana Veniaminovna Berezkina
The Institute of Russian Literature
(Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg)

DOI 10.31860/0236-2481-2023-37-26-38

D. BLUDOV'S UNPUBLISHED
"ARZAMAS" LETTERS
TO V. ZHUKOVSKY
(1815—1817)

Introductory article and notes by S. Berezkina
Text preparation by S. Berezkina and
N. Dmitrieva

The publication of four unpublished letters from D. Bludov to V. Zhukovsky from 1815—1817 provides a number of important clarifications on the history of the Arzamas society. One of the letters is written in the style of the "Arzamas" protocol and contains a description of the meeting of the society on May 29th, 1817, about which there is no information in other sources. This meeting was about helping the poet A. Meshchevskii.

Keywords: D. Bludov, V. Zhukovsky, correspondence, the Arzamas society.

Список литературы и источников

Арзамас и арзамасские протоколы / Ввод. ст., ред. и примеч. М. С. Боровковой-Майковой. Л., 1933.

Arzamas i arzamasskie protokoly / Vvod. st., red. i primech. M. S. Borovkovej-Majkovej. L., 1933.

«Арзамас»: Сб. в 2 кн. / Под общ. ред. В. Э. Вацура и А. Л. Осповата. М., 1994.

«Arzamas»: Sb. v 2 kn. / Pod obshch. red. V. E. Vacuro i A. L. Ospovata. M., 1994.

Долгих Е. В. К проблеме менталитета российской административной элиты первой половины XIX века: М. А. Корф, Д. Н. Блудов. М., 2006.

Dolgiĥ E. V. K probleme mentaliteta rossijskoj administrativnoj elity pervoj poloviny XIX veka: M. A. Korf, D. N. Bludov. M., 2006.

Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2018. Т. 15.

Zhukovskij V. A. Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. M., 2018. T. 15.

- Зыкова Г. В.* Мещёвский Александр Иванович // Русские писатели. 1800—1917: Биограф. словарь. М., 1999. Т. 4.
Zykova G. V. Meshchyovskij Aleksandr Ivanovich // Russkie pisateli. 1800—1917: Biogr. slovar'. M., 1999. T. 4.
- Ковалевский Е. П.* Граф Блудов и его время: (Царствование императора Александра I). СПб., 1866.
Kovalevskij E. P. Graf Bludov i ego vremya: (Carstvovanie imperatora Aleksandra I). SPb., 1866.
- Козлов В. П.* Колумбы российских древностей. М., 1981.
Kozlov V. P. Kolumby rossijskikh drevnostej. M., 1981.
- Майофис М. Л.* Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815—1818 годов. М., 2008.
Majofis M. L. Vozzvanie k Evrope: Literaturnoe obshchestvo «Arzamas» i rossijskij modernizacionnyj projekt 1815—1818 godov. M., 2008.
- Панов С. И.* Из литературной почты «Арзамаса» // Литературный факт. 2016. № 1—2.
Panov S. I. Iz literaturnoj pochty «Arzamas» // Literaturnyj fakt. 2016. № 1—2.
- Песков А. М.* Блудов Дмитрий Николаевич // Русские писатели. 1800—1917: Биограф. словарь. М., 1989. Т. 1.
Peskov A. M. Bludov Dmitrij Nikolaevich // Russkie pisateli. 1800—1917: Biogr. slovar'. M., 1989. T. 1.
- Ружницкая И. В.* Государственный совет при Николае I: Особенности функционирования. М.; СПб., 2018.
Ruzhickaya I. V. Gosudarstvennyj sovet pri Nikolae I: Osobennosti funkcionirovaniya. M.; SPb., 2018.
- Ружницкая И. В.* Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. М.; СПб., 2015.
Ruzhickaya I. V. Zakonodatel'naya deyatel'nost' v carstvovanie imperatora Nikolaya I. M.; SPb., 2015.
- Ружницкая И. В.* Просвещенная бюрократия (1800—1860-е гг.). М., 2009.
Ruzhickaya I. V. Prosveshchennaya byurokratiya (1800—1860-e gg.). M., 2009.

Елена Валерьевна Кардаш

*Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург)*

ekar4@yandex.ru

Elena Valerievna Kardash

*The Institute of Russian Literature
(Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg)*

DOI 10.31860/0236-2481-2023-37-64-89

КАК УСТРОЕН «МАЛЕНЬКИЙ ШЕДЕВР»

Заметки о мадригале Пушкина

«Цветы последние милей...»

Статья представляет собой подробный историко-литературный коммен-

**HOW A “LITTLE MASTERPIECE”
IS MADE**

**NOTES ON PUSHKIN'S MADRIGAL
“THE LAST FLOWERS ARE DEARER...”**

This article presents a detailed historical and literary commentary on Pushkin's

тарий к мадригалу А. С. Пушкина «Цветы последние милей...» (1825). Отмечая ряд не учтенных в пушкиноведении претекстов и возможных источников стихотворения, автор прослеживает его связи с французской культурной традицией XVIII — начала XIX в. («языком цветов», переложениями «Науки любви» Овидия, либертинским нарративом) и демонстрирует, как обращение к этой традиции становится для поэта инструментом трансформации устойчивого элегического сюжета. Таким образом, мадригал рассматривается как еще одна реплика в развернувшихся в первой половине 1820-х годов литературных дебатах о возможностях преодоления элегического канона.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, К. Н. Батюшков, Констан Дюбо, «Наука любви» Овидия, либертинский нарратив, элегический канон, французская легкая поэзия XVIII в., «язык цветов», история эмоций.

madrigal "The Last Flowers Are Dearer..." (1825). The author highlights a range of pretexts and probable sources of the poem and traces its relations to the 18th and early 19th century French cultural tradition ("the language of flowers", adaptations of Ovid's poem "Ars amatoria", libertine narrative), thus demonstrating how it becomes for the poet an instrument to transform the standard elegiac plot. Thus, the madrigal is considered in the context of critical and literary debates of the first half of the 1820s on the ways to overcome the elegiac canon.

Keywords: A. Pushkin, K. Batyushkov, Constant Dubos, Ovid's "Ars amatoria", libertine narrative, elegiac canon, French light poetry of the 18th century, "the language of flowers", history of emotions.

Список литературы и источников

- Аринштейн Л. М.* Пушкин. Непричесанная биография. М., 2007.
Arinshtejn L. M. Pushkin. Neprichesannaya biografiya. M., 2007.
- Баратынский Е. А.* Полное собрание стихотворений. Л., 1957.
Baratynskij E. A. Polnoe sobranie stihotvorenij. L., 1957.
- Батюшков К. Н.* Опыты в стихах и прозе. СПб., 1817. Ч. 2.
Batyushkov K. N. Opyty v stihah i proze. SPb., 1817. Ch. 2.
- Вацуро В. Э.* «Северные цветы»: История альманаха Дельвига — Пушкина. М., 1978.
Vacuro V. E. «Severnnye cvety»: Istorija al'manaha Del'viga — Pushkina. M., 1978.
- Вацуро В. Э.* Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома (1750—1840-е годы) // Ежегодник Рукописного отдела на 1977 год. Л., 1979.
Vacuro V. E. Literaturnye al'bomy v sobranii Pushkinskogo Doma (1750—1840-e gody) // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela na 1977 god. L., 1979.
- Вацуро В. Э.* Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». СПб., 2002.
Vacuro V. E. Lirika pushkinskoj poru: «Elegicheskaya shkola». SPb., 2002.
- Виролайнен М. Н.* Лирика Пушкина в период Михайловской ссылки // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2019. Т. 3. Кн. 1.

- Virolajnen M. N.* Lirika Pushkina v period Mihajlovskoj syyki // Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: V 20 t. SPb., 2019. T. 3. Kn. 1.
- Гроссман Л. П.* Мадригалы Пушкина // Собр. соч.: В 4 т. М., 1928. Т. 1.
Grossman L. P. Madrigaly Pushkina // Sobr. soch.: V 4 t. M., 1928. T. 1.
- Делон М.* Искусство жить либертена: Французская либертинская проза XVIII века. М., 2013.
Delon M. Iskusstvo zhit' libertena: Francuzskaya libertinskaya proza XVIII veka. M., 2013.
- Дмитриев И. И.* Полное собрание стихотворений. Л., 1967.
Dmitriev I. I. Polnoe sobranie stihotvorenij. L., 1967.
- Добрицын А.* Либертинская модель поведения и язык французского либертинажа в «Евгении Онегине» // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2016. Вып. 32.
Dobricyn A. Libertinskaya model' povedeniya i yazyk francuzskogo libertinazha v «Evgenii Onegine» // Vremennik Pushkinskoj komissii. SPb., 2016. Вып. 32.
- Егорова Е. Н.* «Парнасские цветы»: Флористическая символика в поэзии Пушкина // Егорова Е. Н. «Приют задумчивых дриад». Пушкинские усадьбы и парки. М., 2006.
Egorova E. N. «Parnasskie cvety»: Floristicheskaya simbolika v poezii Pushkina // Egorova E. N. «Priyut zadumchivyh driad». Pushkinskie usad'by i parki. M., 2006.
- Кюхельбекер В. К.* Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979.
Kyuhel'beker V. K. Puteshestvie. Dnevnik. Stat'i. L., 1979.
- Мазур Н. Н.* Еще раз о деве-розе (в связи со стихотворением Баратынского «Еще как Патриарх не древен я...») // Пушкинские чтения в Тарту. Пушкинская эпоха: проблемы рефлексии и комментария: Материалы международной конференции. Тарту, 2007.
Mazur N. N. Eshche raz o deve-roze (v svyazi so stihotvorenijem Baratynskogo «Eshche kak Patriarh ne dreven ya...») // Pushkinskie chteniya v Tartu. Pushkinskaya epoha: problemy refleksii i kommentariya: Materialy mezhdunarodnoj konferencii. Tartu, 2007.
- Мартынов И. И.* Три ботаника, или Сокращение систем Турнефорта, Линнея и Жюльё. СПб., 1821.
Martynov I. I. Tri botanika, ili Sokrashchenie sistem Turneforta, Linneya i Zhyus'yo. SPb., 1821.
- Мартынов И. И.* Словарь родовых имен растений. СПб., 1826.
Martynov I. I. Slovar' rodovyh imen rastenij. SPb., 1826.
- Мейер А.* Ботанический подробный словарь, или Травник. М., 1781. Ч. 1.
Mejer A. Botanicheskij podrobnij slovar', ili Travnik. M., 1781. Ch. 1.
- Михайлова Н. И.* Психея, задумавшаяся над цветком: О Пушкине. М., 2015.
Mihajlova N. I. Psiheya, zadumavshayasya nad cvetkom: O Pushkine. M., 2015.
- Модзалевский Б. Л.* Каталог библиотеки <А. С. Пушкина> // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1910. Вып. 9/10.
Modzalevskij B. L. Katalog biblioteki <A. S. Pushkina> // Pushkin i ego sovremenniki: Materialy i issledovaniya. SPb., 1910. Вып. 9/10.
- Монтень М.* Опыты. М.; Л., 1960. Кн. 3.
Monten' M. Opyty. M.; L., 1960. Kn. 3.

- Пеньковский А. Б. Загадки пушкинского текста и словаря: Опыт филологической герменевтики. М., 2005.
Pen'kovskij A. B. Zagadki pushkinskogo teksta i slovyara: Opyt filologicheskoy germenevtiki. M., 2005.
- Петина Л. И. Структурные особенности альбома пушкинской эпохи // Проблемы типологии русской литературы: Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Тарту, 1985. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 645).
Petina L. I. Strukturnye osobennosti al'boma pushkinskoj epohi // Problemy tipologii russkoj literatury: Trudy po russkoj i slavyanskoj filologii. Literaturovedenie. Tartu, 1985. (Uchen. zap. Tartuskogo gos. un-ta. Vyp. 645).
- «Полярная звезда», изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. М.; Л., 1960.
«Polyarnaya zvezda», izdannaya A. Bestuzhevym i K. Ryleevym i. M.; L., 1960.
- Проскурин О. А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. М., 2000.
Proskurin O. A. Literaturnye skandaly pushkinskoj epohi. M., 2000.
- Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. 18/19: Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии».
Pushkin: Issledovaniya i materialy. SPb., 2004. T. 18/19: Pushkin i mirovaya literatura. Materialy k «Pushkinskoj enciklopedii».
- Сандомирская В. Б. К вопросу о датировке помет Пушкина во второй части «Опытов» Батюшкова // Временник Пушкинской комиссии. 1972. Л., 1974.
Sandomirskaya V. B. K voprosu o datirovke pomet Pushkina vo vtoroj chasti «Opytov» Batyushkova // Vremennik Pushkinskoj komissii. 1972. L., 1974.
- Северные цветы на 1825 г. СПб., 1824.
Severnye cvety na 1825 g. SPb., 1824.
- Туманский В. И. Сочинения и письма. СПб., 1912.
Tumanskij V. I. Sochineniya i pis'ma. SPb., 1912.
- Хитрова Д. Послание «Богдановичу» и литературная позиция раннего Баратынского // Лотмановский сборник. М., 2004. [Вып.] 3.
Hitrova D. Poslanie «Bogdanovichu» i literaturnaya poziciya rannego Baratynskogo // Lotmanovskij sbornik. M., 2004. [Vyp.] 3.
- Шарафадина К. И. Алфавит Флоры в образном языке литературы пушкинской эпохи. Источники, семантика, формы. СПб., 2003.
Sharafadina K. I. Alfavit Flory v obraznom yazyke literatury pushkinskoj epohi. Istochniki, semantika, formy. SPb., 2003.
- Шервинский С. В. Цветы в поэзии Пушкина // Поэтика и стилистика русской литературы. Л., 1971.
Shervinskij S. V. Cvety v poezii Pushkina // Poetika i stilistika russkoj literatury. L., 1971.
- Шмарakov P. Л. «Я убрал в саду беседку по моему вкусу...»: Горациевское убранство «Беседки Муз» Батюшкова // Вопросы литературы. 2008. № 3.
Shmarakov R. L. «Ya ubral v sadu besedku po moemu vkusu...»: Goracievskoe ubranstvo «Besedki Muz» Batyushkova // Voprosy literatury. 2008. № 3.
- Элиаш Н. М. К вопросу о влиянии Батюшкова на Пушкина // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. 19—20. Пг., 1914.
Eliash N. M. K voprosu o vliyanii Batyushkova na Pushkina // Pushkin i ego sovremenniki: Materialy i issledovaniya. Vyp. 19—20. Pg., 1914.

- Åkerman S.* Queen Christina of Sweden and her Circle: The Transformation of a Seventeenth-Century Philosophical Libertine. Leiden; New York; København; Köln, 1991.
- Almanach des muses, ou Annales poétiques depuis la naissance de la poésie française. Paris, 1779. T. 12.
- Aubigné Th. A.* Les Tragiques. Au Dezert: L.B.D.D., 1616.
- Bernard P.-J.* Œuvres. Paris, 1823.
- Bowles C.* Lines Suggested by the Sight of Some Late Autumn Flowers // Blackwood Edinburgh Magazine. 1821. Vol. 9.
- Carpentier L.-J.-M.* Le Gradus français, ou Dictionnaire de la langue poétique... Paris, 1822.
- Costea M., Tardif F. J.* The Name of the Amaranth: Histories of Meaning // SIDA, Contributions to Botany. 2003. Vol. 20, № 3.
- Delille J.* Œuvres complètes. Bruxelles, 1819.
- Dictionnaire de l'Académie française. Paris, 1762. T. 1.
- Douville J.-V.* A French Grammar for the Use of English Students. 2 vol. London, 1824. Vol. 2.
- Dubos E. C.* Les Fleurs, idylles morales, suivies de poésies diverses. Paris, 1808.
- Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, par une société de gens de lettres. Mis en ordre et publié par M. Diderot, et quant à la partie mathématique, par M. D'Alembert. 3e éd. Genève, 1778. T. 1–2.
- Fontenelle B.* Œuvres. Nouvelle Édition. Paris. 1761. T. 10.
- <Friedrich II> Lettre d'un Académicien de Berlin à un Académicien de Paris. Berlin, 1753.
- Genlis S.-F.* La Botanique historique et littéraire. Paris, 1810.
- Grécourt J.-B.-J.* Œuvres diverses. Nouvelle Edition... Londres, <S. a.>. T. 6–7.
- La Harpe J.-F. de.* Lycée, ou Cours de littérature ancienne et moderne. Paris, An VII (1799). T. 5–6.
- Horace* Les Œuvres, traduites en français par M. Binet. 1783. Vol. 1.
- Le Langage des fleurs par Madame Charlotte de Latour. Paris, 1820.
- Linnaeus C.* Species plantarum, exhibentes plantas rite cognitatas, ad genera relatas, cum differentiis specificis, nominibus trivialibus, synonymis selectis, locis natalibus, secundum systema sexuale digestas. Vindobonae, 1764. T. 2.
- Loubère S.* «L'Art d'aimer» au siècle des Lumières. Oxford, 2007.
- Masson N.* La Poésie fugitive au XVIIIe siècle. Paris, 2002.
- Montaigne M. de.* Essais. Paris, 1818. T. 4.
- Mornet D.* La Pensée française au dix-huitième siècle. Paris, 1951.
- Le Nouveau Secrétaire du cabinet, contenant des lettres familières sur toutes sortes de sujets. Paris, 1781.
- Ovide.* Œuvres complètes d'Ovide; traduites en français <...> Edition imprimée sous les yeux et par les soins de J. Ch. Poncelet. Paris. An VII [1799]. T. 4.
- Les Poètes français, depuis le XIIe siècle jusqu'à Malherbe, avec une notice historique et littéraire sur chaque poète <publié par P.-R. Auguis>. 6 vol. Paris, 1824. T. 5.

- Poque S.* Des roses du printemps à la rose d'automne: La culture patristique d'Agrippa d'Aubigné // Revue d'Études Augustiniennes et Patristiques. 1971. Vol. 17. № 1—2.
- Racine J.* Œuvres, avec des commentaires par J. L. Geoffroy. Paris, 1808. T. 5.
- Read Ch.* Avant-propos: d'une nouvelle édition des "Tragiques" d'Agrippa d'Aubigné // Bulletin historique et littéraire (Société de l'Histoire du Protestantisme Français). 1872. Vol. 21, № 12.
- Sainte-Beuve Ch.-Au.* Tableau historique et critique de la poésie française et du théâtre français au XVI siècle. Paris, 1828. T. 1.
- Schrenck G.* La réception d'Agrippa d'Aubigné au XVIIe siècle // Revue d'histoire et de philosophie religieuses. 1986. An. 66. № 4.
- Schrenck G.* Agrippa d'Aubigné, Les Tragiques, Livres VI ("Vengeances") et VII ("Jugement") au programme de l'agrégation de Lettres 2004 // Les Belles lettres. 2004. Vol. 56.
- Seaton B.* French Flower Books of the Early Nineteenth Century // Nineteenth-Century French Studies. 1982—1983. Vol. 11, № 1/2.
- Shakespeare W.* Œuvres complètes <...>, traduites de l'anglais par Letourneur. Nouvelle édition, revue et corrigée, par F. Guizot et A. P., Traducteur de Lord Byron; précédée d'une Notice biographique et littéraire sur Shakspeare; Par F. Guizot. Paris. 1821. T. 7.
- Tessier A.-H., Thouin A., Fougeroux de Bondaroy Au.-D.* Encyclopédie méthodique. Agriculture, par M. l'abbé Tessier, docteur-régent de la Faculté de médecine, de l'Académie royale des sciences, de la Société royale de médecine, M. Thouin et M. Fougeroux de Bondaroy, de l'Académie royale des sciences. Paris; Liège, 1787. T. 1.
- Théis A. de.* Glossaire de botanique, ou Dictionnaire étymologique de tous les noms et termes relatifs à cette science. Paris, 1810.
- Trublet N.-Ch.-J.* Essais sur divers sujets de littérature et de morale... 5e éd. Paris, 1754. T. 2.
- Valmont de Bomare J.-C.* Dictionnaire raisonné universel d'histoire naturelle: contenant l'histoire des animaux, des végétaux et des minéraux et des principaux phénomènes de la nature. Lyon, 1791. T. 1.
- Vergier J.* Œuvres. Londres, 1780. T. 2.
- Vie privée du maréchal de Richelieu, contenant ses amours et intrigues et tout ce qui a rapport aux divers rôles qu'a joués cet homme célèbre pendant plus de quatre-vingts ans. Paris, 1791. T. 3.
- Voisenon C.-H. de Fusée de, Turpin de Crissé C. de, Guillard N.-F., Favart Ch.-S.* Journée de l'Amour, ou Heures de Cythère. Paris, 1776.

Нина Львовна Дмитриева
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург)

ninalvovna@mail.ru

**ЛЫСЫЙ НАПОЛЕОН
В «<РЕФУТАЦИИ
Г-НА БЕРАНЖЕРА>»**

В стихотворении Пушкина «<Рефутация г-на Беранжера>» есть строка, где говорится о «лысом» Наполеоне. Известно, что Наполеон не был лыс, почему он здесь так охарактеризован? Образ лысого французского императора изображен на одной из карикатур в лубочном стиле художника И. И. Теребенева. Именно эта карикатура должна была быть известна Пушкину и послужила моделью для изображения Наполеона в стилизованном под солдатскую песню стихотворении.

Ключевые слова: Наполеон, карикатура, стилизация, И. И. Теребнев.

Nina Lvovna Dmitrieva
*The Institute of Russian Literature
(Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg)*

DOI 10.31860/0236-2481-2023-37-89-92

**THE BALD NAPOLEON
IN “<REFUTATION
OF M-R BERANGER>”**

In Pushkin's poem “<Refutation of M-r Beranger>” there is a line that speaks of “bald” Napoleon. It is known that Napoleon was not bald. Why is he pictured like this? The image of the bald French emperor is drawn from one popular print (in the manner of a lubok) by the artist I. Terebenev. This very caricature, which Pushkin must have known, served as the model for the image of Napoleon in a poem stylized as a soldier's song.

Keywords: Napoleon, caricature, stylization, I. Terebenev.

Список литературы и источников

Варшавский Л. Р. Иван Иванович Теребнев. 1780—1815. М., 1950.
Varshavskij L. R. Ivan Ivanovich Terebenev. 1780—1815. М., 1950.

Война 1812 года и концепт «отечество»: Из истории осмысления государственной и национальной идентичности в России. Тверь, 2012.

Vojna 1812 goda i koncept «otchestvo»: Iz istorii osmysleniya gosudarstvennoj i nacional'noj identichnosti v Rossii. Tver', 2012.

Каганович А. Л. Иван Иванович Теребнев. 1780—1815. М., 1956.
Kaganovich A. L. Ivan Ivanovich Terebenev. 1780—1815. М., 1956.

Сын отчества. 1815. Ч. 19. № 4.

Syn otchestva. 1815. Ch. 19. № 4.

Татьяна Александровна Китанина
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург)

tkitanina@gmail.com

**ТАК ЧТО ЖЕ ЧЕРНЕЕТ СКВОЗЬ
РУБАШКУ ТАТЬЯНЫ ЛАРИНОЙ?**
Текстологическая проблема
одной пушкинской эпитаграммы

Заметка посвящена проблеме выбора источника текста первого стиха пушкинской эпитаграммы «Пупок чернеет сквозь рубашку...». Эта эпитаграмма в собраниях сочинений печатается по авторитетной копии из рукописного сборника С. А. Соболевского «*Avant les voyages*», однако первый стих ее, во всех известных копиях совпадающий с вариантом Соболевского, выправляется на основании текста из воспоминаний М. И. Пущина, владевшего некогда автографом, но утратившего этот автограф и воспроизводившего текст по памяти через много лет. В заметке приводятся аргументы в пользу правильности этого отнюдь не очевидного решения.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, «Пупок чернеет сквозь рубашку», текстология.

Tatyana Alexandrovna Kitanina
The Institute of Russian Literature
(Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg)

DOI 10.31860/0236-2481-2023-37-93-97

**SO WHAT TURNS BLACK THROUGH
TATYANA LARINA'S SHIRT?**
Textological problems
in one epigram by Pushkin

The note focuses on the problem of choosing the text source of Pushkin's epigram "The navel turns black through the shirt...". This epigram in the Complete Works is printed according to an authoritative copy from the manuscript collection of S. Sobolevsky "Avant les voyages", but its first verse, which coincides with Sobolevsky's version in all known copies, is corrected according to the text from the memoirs of M. Pushchin, who owned once an autograph, but then lost it and reproduced the text from memory many years later. The note provides arguments in favor of the correctness of this solution, although it is by no means obvious.

Keywords: A. Pushkin, "The navel turns black through the shirt...", textology.

Список литературы и источников

- Невский альманах на 1829 год, изданный Е. Аладьиным. СПб., 1828.
Nevskij al'manah na 1829 god, izdannij E. Alad'inym. SPb., 1828.
- А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1974. Т. 2.
A. S. Pushkin v vospominaniyah sovremennikov: V 2 t. M., 1974. T. 2.
- Тархова Н. А. Заметки к «Летописи»: (О новых датировках некоторых писем и произведений Пушкина) // Пушкин и его современники. (Нов. серия). СПб., 2002. Вып. 3 (42).
Tarhova N. A. Zametki k «Letopisi»: (O novyh datirovках nekotoryh pisem i proizvedenij Pushkina) // Pushkin i ego sovremenniki. (Nov. seriya). SPb., 2002. Vyp. 3 (42).

Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1988.
Cherejskij L. A. Pushkin i ego okruzenie. 2-e izd., dop. i pererab. L., 1988.

Дмитрий Наилевич Чердаков
Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург)

dm.cherdakov@gmail.com

**К ПРЕДЫСТОРИИ СОЧЕТАНИЯ
БОГ ИЗОБРЕТАТЕЛЬ
В ЧЕРНОВОМ НАБРОСКЕ ПУШКИНА
1829 ГОДА**

В черновом наброске «О сколько нам открытий чудных...» лексической нестандартностью выделяется сочетание *бог изобретатель*, нехарактерное для светской словесной традиции. Отнесение глагола *изобретать* и его производных к атрибутам высшей мистической силы характерно для церковной и церковно ориентированной письменности. Сочетание *бог изобретатель* в контексте противопоставления ложного, человеческого знания и подлинной, божественной мудрости обнаруживается, в частности, в одном из предисловий к Елизаветинской Библии 1751 г. Переиздания Библии, содержащие это предисловие, продолжались до 1810-х годов. Употребление, характерное для церковной словесности, метонимически указывающее на тщетность внерелигиозного поиска истины, семантически осложняет текст, посвященный закономерностям человеческого познания мира.

Ключевые слова: «О сколько нам открытий чудных...», «бог изобретатель», научное познание, философия случая, церковнославянский язык, церковная словесность, Елизаветинская Библия.

Dmitry Nailevich Cherdakov
Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg)

DOI 10.31860/0236-2481-2023-37-97-105

**ON THE PREHISTORY
OF THE PHRASE *GOD THE INVENTOR*
IN A DRAFT BY PUSHKIN
IN 1829**

In the draft “Oh, how many wonderful discoveries we have...”, the lexical non-standard combination *god the inventor*, uncharacteristic within the secular verbal tradition, stands out. The association of the verb *to invent* and its derivatives to the attributes of the highest mystical power is typical of church and church-oriented writing. In particular, the combination *god the inventor* in the context of the opposition of false, human knowledge and genuine, divine wisdom is found, in one of the prefaces to the Elizabethan Bible of 1751. Reprints of the Bible containing this preface continued until the 1810s. The use, typical for church literature, metonymically indicating the futility of the non-religious search for truth, semantically complicates the text devoted to the laws of human knowledge of the world.

Keywords: “Oh, how many wonderful discoveries we have...”, “god the inventor”, scientific knowledge, philosophy of chance, Church Slavonic, church literature, Elizabethan Bible.

Список литературы и источников

- Алексеев М. П.* Пушкин и наука его времени // Алексеев М. П. Избранные труды. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л., 1984.
Alekseev M. P. Pushkin i nauka ego vremeni // Alekseev M. P. Izbrannye trudy. Pushkin. Sravnitel'no-istoricheskie issledovaniya. L., 1984.
- Біблія, сирѣчь книги Свѣщеннагѡ писанїа Ветхагѡ и Новагѡ завѣта. СПб., 1751.
Біблія, или книги Свѣщеннагѡ писанїа Ветхагѡ и Новагѡ завѣта. СПб., 1816.
- Великие Минеи Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Октябрь. Дни 1—3. СПб., 1870.
Velikie Minei Chetii, sobrannye vserossiiskim mitropolitom Makariem. Oktyabr'. Dni 1—3. SPb., 1870.
- Грибоедов А. С.* <Путевые письма к С. Н. Бегичеву> // Грибоедов А. С. Сочинения / Подгот. текста, предисл. и коммент. В. Н. Орлова. М.; Л, 1959.
Griboedov A. S. <Putevye pis'ma k S. N. Begichevu> // Griboedov A. S. Sochineniya / Podgot. teksta, predisl. i komment. V. N. Orlova. M.; L, 1959.
- Громбах С. М.* Пушкин и медицина его времени. М., 1989.
Grombah S. M. Pushkin i medicina ego vremeni. M., 1989.
- Долгоруков И. М.* Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни / Подгот. текста Н. В. Кузнецовой, М. О. Мельцина. СПб., 2004. Т. 1.
Dolgorukov I. M. Povest' o rozhdenii moem, proiskhozhdenii i vsej moej zhizni / Podgot. teksta N. V. Kuznecovoj, M. O. Mel'cina. SPb., 2004. T. 1.
- Жуковский В. А.* Собрание сочинений в 4 т. М.; Л., 1959. Т. 2. Баллады. Поэмы и повести.
Zhukovskij V. A. Sbranie sochinenij v 4 t. M.; L., 1959. T. 2. Ballady. Poemy i povesti.
- Иннокентий (Борисов).* Жизнь святого апостола Павла // Сочинения Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического. СПб.; М., 1872. Т. 9.
Innokentij (Borisov). Zhizn' svyatogo apostola Pavla // Sochineniya Innokentiya, arhiepiskopa Hersonskogo i Tavricheskogo. SPb.; M., 1872. T. 9.
- Мазур Н. Н.* К источникам пушкинской «философии случая»: Гельвеций // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2013. Вып. 31.
Mazur N. N. K istochnikam pushkinskoj «filosofii sluchaya»: Gel'vecij // Vremennik Pushkinskoj komissii. SPb., 2013. Vyp. 31.
- Модзалевский Б. Л.* Каталог библиотеки <А. С. Пушкина> // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1910. Вып. 9/10.
Modzalevskij B. L. Katalog biblioteki <A. S. Pushkina> // Pushkin i ego sovremenniki: Materialy i issledovaniya. SPb., 1910. Vyp. 9/10.
- Модзалевский Л. Б.* Библиотека Пушкина: Новые материалы // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16—18: Александр Пушкин.
Modzalevskij L. B. Biblioteka Pushkina: Novye materialy // Literaturnoe nasledstvo. M., 1934. T. 16—18: Aleksandr Pushkin.
- Муравьева О. С.* «О сколько нам открытий чудных...» // Пушкинская энциклопедия: Произведения. СПб., 2017. Вып. 3.
Murav'eva O. S. «O skol'ko nam otkrytij chudnyh...» // Pushkinskaya enciklopediya: Proizvedeniya. SPb., 2017. Vyp. 3.

Перцов Н. В. Об одном опыте «научной поэзии» у Пушкина: («О сколько намъ открытій чудныхъ...») // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2009. Т. 68. № 3.

Percov N. V. Ob odnom opyte «nauchnoj poezii» u Pushkina: («O skol'ko nam otkrytij chudnyh...») // *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. 2009. T. 68. № 3.

Платон (Левшин). Слово в день Первоверховных Апостол Петра и Павла, и тезоименитства Его Императорского Высочества (1770) // Платон (Левшин). Поучительные слова и другие сочинения. М., 1780. Т. 2.

Platon (Levshin). Slovo v den' Pervoverhovnyh Apostol Petra i Pavla, i tezoimenitstva Ego Imperatorskogo Vysochestva (1770) // *Platon (Levshin). Pouchitel'nye slova i drugie sochineniya*. M., 1780. T. 2.

Платон (Левшин). Слово при миропомазании Благоверныя Государыни Великия Княгини Марии Федоровны (1776) // Платон (Левшин). Поучительные слова и другие сочинения. М., 1780. Т. 3.

Platon (Levshin). Slovo pri miropomazanii Blagovernyya Gosudaryni Velikiya Knyagini Marii Fedorovny (1776) // *Platon (Levshin). Pouchitel'nye slova i drugie sochineniya*. M., 1780. T. 3.

Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.) / Гл. ред. Р. И. Аванесов. М., 1991. Т. 4.

Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI—XIV vv.) / *Gl. red. R. I. Avanesov*. M., 1991. T. 4.

Словарь русского языка XI—XVII веков / Гл. ред. С. Г. Бархударов. М., 1979. Вып. 6.

Slovar' russkogo yazyka XI—XVII vekov / *Gl. red. S. G. Barhudarov*. M., 1979. Vyp. 6.

Словарь русского языка XVIII века / Гл. ред. Ю. С. Сорокин. СПб., 1997. Вып. 9.

Slovar' russkogo yazyka XVIII veka / *Gl. red. Yu. S. Sorokin*. SPb., 1997. Vyp. 9.

Словарь церковнославянского и русского языка. СПб., 1847. Т. 2.

Slovar' cerkovnoslavjanskogo i russkogo yazyka. SPb., 1847. T. 2.

Словарь языка Пушкина: в 4 т. / Отв. ред. В. В. Виноградов. 2-е изд., доп. М., 2020.

Slovar' yazyka Pushkina: v 4 t. / *Otv. red. V. V. Vinogradov*. 2-e izd., dop. M., 2020.

Старославянский словарь (по рукописям X—XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1994.

Staroslavjanskij slovar' (po rukopisjam X—XI vekov) / *Pod red. R. M. Cejtin, R. Vecherki, E. Blagovoj*. M., 1994.

Тредиаковский В. К. Мнение о начале поэзии и стихов вообще // Тредиаковский В. К. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою / Сост., статьи и коммент. Н. Ю. Алексеевой. СПб., 2009.

Trediakovskij V. K. Mnenie o nachale poezii i stihov voobshche // *Trediakovskij V. K. Sochineniya i perevody kak stihami, tak i prozoyu* / *Sost., stat'i i komm.* N. Yu. Alekseevoj. SPb., 2009.

Тредиаковский В. К. Слово «О терпении и нетерпеливости» Фонтенелево, получившее награждение за красноречие // Тредиаковский В. К. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою / Сост., статьи и комм. Н. Ю. Алексеевой. СПб., 2009.

Trediakovskij V. K. Slovo «O terpenii i neterpelivosti» Fontenelevo, poluchivshee nagrazhdenie za krasnorechie // Trediakovskij V. K. Sochineniya i perevody kak stihami, tak i prozoyu / Sost., stat'i i komm. N. Yu. Alekseevoj. SPb., 2009.

Феофан (Прокопович). Слово о власти и чести царской (6 апреля 1718 г.). СПб., 1718.

Foфан (Prokopovich). Slovo o vlasti i chesti carskoj (6 aprelya 1718 g.). SPb., 1718.

Ювеналий (Медведский). Христианская богословия для желающих в благочестии высшего успеха. М., 1806. Ч. 2.

Yuvenalij (Medvedskij). Hristianskaya bogosloviya dlya zhelayushchih v blagochestii vyshshego uspekha. M., 1806. Ch. 2.

Юр'ева И. Ю. “Библию, Библию!": Священное Писание в творчестве Пушкина // Московский пушкинист. М., 1997. Вып. 4.

Yur'eva I. Yu. “Bibliyu, Bibliyu!”: Svyashchennoe Pisanie v tvorchestve Pushkina // Moskovskij pushkinist. M., 1997. Вып. 4.

Fontenelle. De la Patience, & du Vice qui lui est contraire // Pièces d'éloquence qui ont remporté le prix de l'Académie Française, depuis 1671 jusqu'en 1748. Т. 1. Paris, 1766.

Helvétius. De l'homme // Œuvres complètes d'Helvétius. Paris, 1818. Т. 2.

Schiller F. Gedichte. Leipzig, 1807. Bd. 1.

Voltaire. Épître à l'auteur du nouveau livre: Des trois imposteurs. [S. l.], 1769.

Сергей Александрович Фомичев

*Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург)*

sfomichev@mail.ru

**«ГРИБОЕДОВСКИЙ ЭПИЗОД»
ВО ВТОРОЙ ГЛАВЕ
«ПУТЕШЕСТВИЯ В АРЗРУМ»**

В статье обоснован (в противовес точке зрения А. А. Долинина) художественный вымысел в описании Пушкиным его встречи в 1829 году с прахом Грибоедова в Гергерях, о чем по слухам стало известно Булгарину еще в 1830 году. Вездесущий журналист вполне мог разведать о намерении Пушкина опубликовать (вслед за статьей «Военная Грузинская дорога») в «Литературной газете» соответствующую статью (ко-

Sergei Alexandrovich Fomichev

*The Institute of Russian Literature
(Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg)*

DOI 10.31860/0236-2481-2023-37-106-118

**THE “GRIBOEDOV EPISODE”
IN THE SECOND CHAPTER
OF “A JOURNEY TO ARZRUM”**

The article substantiates (as opposed to the point of view of A. A. Dolinin) the fictionality in Pushkin's description of his meeting in 1829 with the ashes of Griboedov in Gergery, which, according to rumors, became known to Bulgarin as early as 1830. The ubiquitous journalist could have well found out about Pushkin's intention to publish (following the article “Georgian Military Road”) in *Literaturnaya Gazeta* a corresponding article

торая в то время, по-видимому, не прошла цензуру) с целью дезавуировать появившиеся в печати воспоминания Булгарина о Грибоедове. Неслучайно поэтому перед начальными словами грибоедовского эпизода в автографе «Путешествия в Арзрум» появилась на полях помета (предположительно рукою Плетнева): «Статья II».

Ключевые слова: Грибоедов, «Путешествие в Арзрум»

(which, apparently, was not censored at that time) in order to discredit Bulgarin's memoirs about Griboyedov. It is no coincidence, therefore, that before the opening words of the Griboyedov episode in the autograph of "A Journey to Arzrum" the words "Article II" appeared at the margins (presumably in Pletnev's hand).

Keywords: "A Journey to Arzrum", Griboyedov

Список литературы и источников

- Айвазян К. В.* «Путешествие в Арзрум» Пушкина: (Пушкин и Армения) // Пушкин и литература народов Советского Союза. Ереван, 1975.
Ajvazyan K. V. «Puteshestvie v Arzrum» Pushkina: (Pushkin i Armeniya) // Pushkin i literatura narodov Sovetskogo Soyuz. Erevan, 1975.
- Асатиани Л.* Пушкин и грузинская культура. Тбилиси, 1949.
Asatiani L. Pushkin i gruzinskaya kul'tura. Tbilisi, 1949.
- Булгарин Ф. В.* Памятные записки титулярного советника Чухина, или Простая история обыкновенной жизни. СПб., 1835. Ч. 1.
Bulgarin F. V. Pamyatnye zapiski titulyarnogo sovetnika Chuhina, ili Prostaya istoriya obyknovnoy zhizni. SPb., 1835. Ch. 1.
- Вацуро В. Э.* Встреча: (Из комментариев к мемуарам о Карамзине) // Вацуро В. Э. Записки комментатора. СПб., 1994.
Vacuro V. E. Vstrecha: (Iz kommentarijev k memuarom o Karamzine) // Vacuro V. E. Zapiski kommentatora. SPb., 1994.
- Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И.* Сквозь умственные плотины: Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. М., 1986.
Vacuro V. E., Gillel'son M. I. Skvoz' umstvennyye plotiny: Oчерki o knigah i presse pushkinskoj pory. M., 1986.
- Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч.: В 3 т. СПб., 1999. Т. 2.
Griboedov A. S. Poln. sobr. soch.: V 3 t. SPb., 1999. T. 2.
- Дарвин М. Н., Тура В. И.* Циклизация в творчестве Пушкина: Опыт изучения поэтики конвергентного сознания. Новосибирск, 2001.
Darvin M. N., Tura V. I. Ciklizacija v tvorcestve Pushkina: Oпыt izucheniya poetiki konvergentnogo soznaniya. Novosibirsk, 2001.
- Долинин А. А.* «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» в редакции и интерпретации Ю. Н. Тынянова // Озерная школа: Труды пятой Международной летней школы на Карельском перешейке по русской литературе. Поляны (Усукирко), 2009.
Dolinin A. A. «Puteshestvie v Arzrum vo vremya pohoda 1829 goda» v redakcii i interpretacii Yu. N. Tynyanova // Ozernaya shkola: Trudy pyatoy Mezhdunarodnoj letnej shkoly na Karel'skom pereshejke po russkoj literature. Polyany (Uusikirko), 2009.

- Долинин А. А.* Dichtung und Wahrheit Пушкина: «Грибоедовский эпизод» в «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года» // История литературы. Поэтика. Кино: Сб. в честь М. О. Чудаковой. М., 2012.
Dolinin A. A. Dichtung und Wahrheit Pushkina: «Griboedovskij epizod» v «Puteshestvii v Arzrum vo vremena pohoda 1829 goda» // Istorija literatury. Poetika. Kino: Sb. v chest' M. O. Chudakovoj. M., 2012.
- Краснобородько Т. И.* Тема «Литература и власть» на страницах второго тома пушкинского «Современника» // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1989. Т. 13.
Krasnoborod'ko T. I. Tema «Literatura i vlast'» na stranicah drugogo toma pushkinskogo «Sovremennika» // Pushkin: Issledovaniya i materialy. L., 1989. T. 13.
- Левкович Я. Л.* Кавказский дневник Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1983. Т. 11.
Levkovich Ya. L. Kavkazskij dnevnik Pushkina // Pushkin: Issledovaniya i materialy. L., 1983. T. 11.
- Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М., 1999. Т. 3.
 Letopis' zhizni i tvorchestva A. S. Pushkina. M., 1999. T. 3.
- Мильчина В. А.* Французская литература в произведениях Пушкина 1830-х годов // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1987. Т. 46. № 3.
Mil'china V. A. Francuzskaya literatura v proizvedeniyah Pushkina 1830-h godov // Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka. 1987. T. 46. № 3.
- Мойга А. А.* Литературный травелог: Специфика жанра // Филология и культура. 2014. № 3 (37).
Mojga A. A. Literaturnyj travelog: Specifika zhanra // Filologiya i kul'tura. 2014. № 3 (37).
- Пушкин А. С.* Дневники. Автобиографическая проза. М., 1989.
Pushkin A. S. Dnevnik. Avtobiograficheskaya proza. M., 1989.
- Пушкин А. С.* Дневники. Записки. СПб., 1995.
Pushkin A. S. Dnevnik. Zapiski. SPb., 1995.
- Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 5 т. СПб., 1994. Т. 4.
Pushkin A. S. Sobr. soch.: V 5 t. SPb., 1994. T. 4.
- Пушкинская энциклопедия: Произведения. СПб., 2020. Вып. 4.
 Pushkinskaya enciklopediya: Proizvedeniya. SPb., 2020. Вып. 4.
- Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 1992. Т. 2.
 Russkie pisateli. 1800—1917: Biograficheskij slovar'. M., 1992. T. 2.
- Сидоров И. С.* «Великая иллюзия» или «мнимая нелепость»? : (О встрече Пушкина с телом убитого Грибоедова) // Московский пушкинист. М., 1999. Вып. 6.
Sidorov I. S. «Velikaya illyuziya» ili «mnimaya nelepost'»? : (O vstreche Pushkina s telom ubitogo Griboedova) // Moskovskij pushkinist. M., 1999. Вып. 6.
- Фесенко Ю. П.* Пушкин и Грибоедов // Временник Пушкинской комиссии. 1980. Л., 1983.
Fesenko Yu. P. Pushkin i Griboedov // Vremennik Pushkinskoj komissii. 1980. L., 1983.
- Фомичев С. А.* «Грибоедовский эпизод» в «Путешествии в Арзрум» Пушкина // А. С. Грибоедов: Хмелитский сборник. Смоленск, 1998.
Fomichev S. A. «Griboedovskij epizod» v «Puteshestvii v Arzrum» Pushkina // A. S. Griboedov: Hmelitskij sbornik. Smolensk, 1998.

Фомичев С. А. Пушкинская перспектива. М., 2007.

Fomichev S. A. Pushkinskaya perspektiva. M., 2007.

Эйхенбаум Б. М. О поэзии. Л., 1969.

Ejhenbaum B. M. O poezii. L., 1969.

Эткинд Е. Незамеченная книга Пушкина: Перелистывая «Современник» — сто пятьдесят лет спустя // *Revue des Etudes Slaves*. Paris, 1987. Т. 59.

Etkind E. Nezamechennaya kniga Pushkina: Perelistyvaya «Sovremennik» — sto pyat' desyat let spustya // *Revue des Etudes Slaves*. Paris, 1987. Т. 59.

Вера Проскурина

Университет Эмори

(Атланта, Джорджия; США)

vprosku@emory.edu

ГОГОЛЕВСКИЙ «НОС»

В ПУШКИНСКОМ КРУГУ

**О редакции повести в журнале
«Современник» 1836 года**

В статье исследуется литературно-исторический контекст повести Гоголя в ее второй редакции. В 1836 году, готовя «Нос» для публикации в пушкинский «Современник», Гоголь внес в свой текст такие изменения, которые никак не были связаны с цензурными проблемами. Эти вставки усиливали эротическое звучание «Носа», привносили дополнительный пародийный, игровой элемент. Отвергнутая «Московским наблюдателем» как «сальная», или непристойно-грязная, повесть была оценена лишь немногими в окружении Пушкина, и эта вторая версия повести, созданная в период тесного взаимодействия Гоголя с пушкинским кругом, проливает свет на важные аспекты литературной, языковой, идеологической позиции Пушкина и его окружения в 1836 году.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, А. С. Пушкин, П. А. Вяземский, «Современник», пушкинский круг, эротика, рецепция текста.

Vera Proskurina

Emory University

(Atlanta, Georgia; USA)

DOI 10.31860/0236-2481-2023-37-118-138

GOGOL'S "THE NOSE"

IN PUSHKIN'S CIRCLE

**On the 1836 edition of the story
in the journal "Sovremennik"**

This article examines the literary and historical context of Gogol's novella in its second edition. In 1836, preparing *The Nose* for publication in Pushkin's *Sovremennik*, Gogol made changes to his text that were in no way related to censorship problems. These insertions intensified the erotic sounding of *The Nose* and introduced an additional parodic, playful element. Rejected by the *Moscow Observer* as indecent or obscene and dirty, the story was appreciated only by a few in Pushkin's circle, and this second version of the story, created at a time when Gogol was working closely with the Pushkin circle, sheds light on important aspects of the literary, linguistic and ideological position of Pushkin and his friends in 1836.

Keywords: N. Gogol, A. Pushkin, P. Vyazemsky, "Sovremennik", Pushkin circle, eroticism, text reception.

Список литературы и источников

- Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. М., 1955. Т. 6.
Belinskij V. G. Polnoe sobranie sochinenij. M., 1955. T. 6.
- Бёмиг М. Повесть Н. В. Гоголя «Нос»: пародия на «Физиогномику» Лафатера? // Образы Италии в русской словесности. Томск, 2011.
Vyomig M. Povesť N. V. Gogolya «Nos»: parodiya na «Fiziognomiku» Lafatera? // Obrazy Italii v russkoj slovesnosti. Tomsk, 2011.
- Бёмиг М. «Нос» Н. В. Гоголя в контексте европейской «носологии» // Русская литература и журналистика в движении времени: Ежегодник. 2018. М., 2019.
Vyomig M. «Nos» N. V. Gogolya v kontekste evropejskoj «nosologii» // Russkaya literatura i zhurnalistika v dvizhenii vremeni: Ezhegodnik. 2018. M., 2019.
- Бычкова А. Ю. Ринология Н. В. Гоголя: Типологические аспекты. Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2014.
Vuchkova A. Yu. Rinologiya N. V. Gogolya: Tipologicheskie aspekty. Dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 2014.
- Вайскопф М. Птица-тройка и колесница души: Работы 1978—2003 годов. М., 2003.
Vajskopf M. Ptica-trojka i kolesnica dushi: Raboty 1978—2003 godov. M., 2003.
- Вацуро В. Э. «Великий меланхолик» // Вацуро В. Э. Записки комментатора. СПб., 1994.
Vacuro V. E. «Velikij melanholik» // Vacuro V. E. Zapiski kommentatora. SPb., 1994.
- Виноградов В. В. Натуралистический гротеск: (Сюжет и композиция повести Гоголя «Нос») // Виноградов В. В. Поэтика русской литературы: Избранные труды. М., 1976.
Vinogradov V. V. Naturalisticheskij grotesk: (Syuzhet i kompoziciya povesti Gogolya «Nos») // Vinogradov V. V. Poetika russkoj literatury: Izbrannye trudy. M., 1976.
- Вольф А. И. Хроника петербургских театров. СПб., 1877. Ч. 1.
Volf A. I. Hronika peterburgskih teatrov. SPb., 1877. Ch. 1.
- Вяземский П. А. Полное собрание сочинений. СПб., 1880. Т. 5.
Vyazemskij P. A. Polnoe sobranie sochinenij. SPb., 1880. T. 5.
- Гиппиус В. В. Литературное общение Гоголя с Пушкиным // Ученые записки Пермского государственного университета: Отдел общественных наук. Пермь, 1931. Вып. 2.
Gippius V. V. Literaturnoe obshchenie Gogolya s Pushkinym // Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo universiteta: Otdel obshchestvennyh nauk. Perm', 1931. Vyp. 2.
- Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. [М.], 1938. Т. 3; [М.], 1940. Т. 10.
Gogol' N. V. Poln. sobr. soch. [M.], 1938. T. 3; [M.], 1940. T. 10.
- Гоголь в неизданной переписке современников // Литературное наследство. М., 1952. Т. 58.
Gogol' v neizdannoj perepiske sovremennikov // Literaturnoe nasledstvo. M., 1952. T. 58.
- Державин Г. Р. Стихотворения. Л., 1957.
Derzhavin G. R. Stihotvoreniya. L., 1957.
- Княжнин Я. Б. Избранные произведения. Л., 1961.
Knyazhnin Ya. B. Izbrannye proizvedeniya. L., 1961.
- Князь Александр Иванович Урусов: Статьи его о театре, о литературе и об искусстве. Письма его. Воспоминания о нем. М., 1907. Т. 1.

Knyaz' Aleksandr Ivanovich Urusov: Stat' ego o teatre, o literature i ob iskusstve. Pis'ma ego. Vospominaniya o nem. M., 1907. T. 1.

Кузовкина Т. Феномен Булгарина: Проблема литературной тактики. Тарту, 2007.

Kuzovkina T. Fenomen Bulgarina: Problema literaturnoj taktiki. Tartu, 2007.

Курганов Е. Я. Анекдот как жанр. СПб., 1997.

Kurganov E. Ya. Anekdot kak zhanr. SPb., 1997.

Лямина Е. Э., Самовер Н. В. Чужой (о стратегии вхождения Гоголя в пушкинский литературный круг) // Unacknowledged Legislators. Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel. Берлин, 2020.

Lyamina E. E., Samover N. V. Chuzhoj (o strategii vkhozhdeniya Gogolya v pushkinskij literaturnyj krug) // Unacknowledged Legislators. Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel. Berlin, 2020.

Манн Ю. В. Гоголь. Труды и дни. 1809—1845. М., 2004.

Mann Yu. V. Gogol'. Trudy i dni. 1809—1845. M., 2004.

Мордовченко Н. И. Гоголь и журналистика. 1835—1836 гг. // Н. В. Гоголь: Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 2.

Mordovchenko N. I. Gogol' i zhurnalistika. 1835—1836 gg. // N. V. Gogol': Materialy i issledovaniya. M.; L., 1936. T. 2.

Ознобишин Д. П. Стихотворения. Проза. М., 2001. Т. 2.

Oznobishin D. P. Stihotvoreniya. Proza. M., 2001. T. 2.

Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 3.

Ostaf'evskij arhiv knyazej Vyazemskih. SPb., 1899. T. 3.

Петрунина Н. Н., Фридлиндер Г. М. Пушкин и Гоголь в 1831—1836 годах // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1969. Т. 6.

Petrunina N. N., Fridlender G. M. Pushkin i Gogol' v 1831—1836 godah // Pushkin: Issledovaniya i materialy. L., 1969. T. 6.

Пильщиков И. А. К поэтике и семантике гоголевского «Носа», или Что скрывают говорящие детали // Литературоман(н)ия: К 90-летию Ю. В. Манна. М., 2019.

Pil'shchikov I. A. K poetike i semantike gogolevskogo «Nosa», ili Chto skryvayut govoryashchie detali // Literaturoman(n)iya: K 90-letiyu Yu. V. Manna. M., 2019.

Проскурина В. Ю. Второй «Портрет» Гоголя // Новые безделки: Сборник статей к 60-летию В. Э. Вацууро. М., 1996.

Proskurina V. Yu. Vtoroj «Portret» Gogolya // Noveye bezdelki: Sbornik statej k 60-letiyu V. E. Vacuro. M., 1996.

Проскурина В. Стратегии либертинажа в XVIII веке: (Князь Д. П. Горчаков и его «Святки») // Русско-французский разговорник, или / ou Les Causeries du 7 September: Сборник статей в честь В. А. Мильчиной. М., 2015.

Proskurina V. Strategii libertinazha v XVIII veke: (Knyaz' D. P. Gorchakov i ego «Svyatki») // Russko-francuzskij razgovornik, ili / ou Les Causeries du 7 September: Sbornik statej v chest' V. A. Mil'chinoj. M., 2015.

Проскурина В. Ю. Империя пера Екатерины II: Литература как политика. М., 2017.

Proskurina V. Yu. Imperiya pera Ekateriny II: Literatura kak politika. M., 2017.

Пушкин А. С. Письма последних лет. 1834—1837. Л., 1969.

Pushkin A. S. Pis'ma poslednih let. 1834—1837. L., 1969.

- Рейфман П.* Две программы пушкинского «Современника» // Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1996.
Rejzman P. Dve programy pushkinskogo «Sovremennika» // Trudy po russkoj i slavyanskoj filologii. Tartu, 1996.
- Розен Е. Ф.* Ссылка на мертвых // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 2.
Rozen E. F. Ssylka na mertvyh // A. S. Pushkin v vospominaniyah sovremennikov. M., 1974. T. 2.
- Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989.
Smirnova-Rosset A. O. Dnevnik. Vospominaniya. M., 1989.
- Соллогуб В. А.* Воспоминания. М.; Л., 1931.
Sollogub V. A. Vspominaniya. M.; L., 1931.
- Стерн Л.* Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии. М., 1968.
Stern L. Zhizn' i mneniya Tristrama Shendi, dzhentl'mena. Sentimental'noe puteshestvie po Francii i Italii. M., 1968.
- Успенский Б. А.* Время в гоголевском «Носе»: («Нос» глазами этнографа) // Успенский Б. А. Историко-филологические очерки. М., 2004.
Uspenskij B. A. Vremya v gogolevskom «Nose»: («Nos» glazami etnografa) // Uspenskij B. A. Istoriko-filogicheskie ocherki. M., 2004.
- Шевырев С. П.* О «Миргороде» Гоголя // Московский наблюдатель. 1835. Кн. 2.
Shevyrev S. P. O «Mirgorode» Gogolya // Moskovskij nablyudatel'. 1835. Kn. 2.
- Шевырев С. П.* Похождения Чичикова, или «Мёртвые души»: Поэма Н. Гоголя. Статья вторая // Москвитянин. 1842. Ч. 4. Кн. 8.
Shevyrev S. P. Pohozhdeniya Chichikova, ili «Myortvye dushi»: Poema N. Gogolya. Stat'ya vtoraya // Moskvityanin. 1842. Ch. 4. Kn. 8.
- Pilshchikov I.* “The Nose”: Between Linguistic Indeceny and Religious Blasphemy // Religions. 2021. Vol. 12 (8).

Михаил Красиков

Национальный технический университет «Харьковский политехнический институт» (Харьков, Украина)

mmkrasikov@gmail.com

**«ОТНОШЕНИЕ ХАРЬКОВА
 К А. С. ПУШКИНУ»
 Н. Ф. СУМЦОВА
 Некоторые комментарии**

В работе анализируется и комментируется ряд фрагментов из статьи

Michael Krasikov

National Technical University «Kharkov Polytechnic Institute» (Kharkov, Ukraine)

DOI 10.31860/0236-2481-2023-37-139-151

**“KHARKOV’S RELATION
 TO A. PUSHKIN” BY N. SUMTSOV
 Some comments**

The paper analyzes and comments on a number of passages from a 1904 article

профессора Харьковского университета, известного филолога Н. Ф. Сумцова (1854—1922) «Отношение Харькова к А. С. Пушкину (К открытию памятника Пушкина)», опубликованной в 1904 году в газете «Южный край». Уточняются некоторые положения автора, в частности, время первых рецензий творчества поэта литераторами Харьковщины. Впервые выясняется, с кем именно беседовал о Пушкине в Харькове А. Дельвиг и почему следствием письма последнего была фраза в «Путешествии в Арзрум», что Харьковский университет «не стоит курской ресторации». Поясняется, почему Пушкин не явился к В. Одоевскому на чтение харьковским профессором В. Якимовым перевода «Венецианского купца» Шекспира. Опровергается тезис Н. Ф. Сумцова о том, что профессор Харьковского университета А. А. Потебня не уделял внимания творчеству Пушкина ни в лекциях, ни в монографиях. Вводится в научный оборот забытая газетная заметка В. И. Харцьева, где содержится полемика по этому поводу. Отмечается, что Н. Ф. Сумцов был одним из первых, кто прочел университетский спецкурс, посвященный А. С. Пушкину.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, Н. Ф. Сумцов, А. А. Потебня, Харьков, Харьковский университет.

on the unveiling of the monument to Pushkin entitled “Kharkov’s relation to A. Pushkin”, published in the newspaper “Southern Land” by the famous philologist and professor at Kharkov University N. Sumtsov (1854—1922). Some of the claims of the author are specified more accurately. In particular, this concerns the time of the first receptions of the poet’s work by the writers of the Kharkov region. For the first time, it is clarified, whom exactly A. Delvig talked to about Pushkin in Kharkov and why the consequence of Delvig’s letter was the phrase in “Journey to Arzrum” that Kharkov University “is not worth a Kursk restaurant”. It is explained why Pushkin did not come to V. Odoevsky for the reading of the translation of Shakespeare’s “The Merchant of Venice” by Kharkov professor V. Yakimov”. Sumtsov’s thesis that Professor of Kharkov University A. Potebnya did not pay attention to Pushkin’s work either in lectures or in monographs, is refuted. A forgotten newspaper note by V. Khar-tsiiev, which contains polemics on this issue, is presented for scientific discussion. It is pointed out that N. Sumtsov was one of the first who delivered a specialized university course devoted to A. Pushkin.

Keywords: A. Pushkin, N. Sumtsov, A. Potebnya, Kharkov, Kharkov University.

Список литературы и источников

Боровиковский И. И. Воспоминания о Полтавской гимназии и Харьковском университете за полстолетия назад // Харківський університет ХІХ — початку ХХ століття у спогадах його професорів та вихованців: У 2 т. Харків, 2008. Т. 1.

Borovikovskij I. I. Vospominaniya o Poltavskoj gimnazii i Har'kovskom universitete za pol-stoletiya nazad // Kharkivskiy universytet ХІХ — pochatku ХХ stolittia u spohadakh yoho profesoriv ta vykhovantsiv: У 2 т. Kharkiv, 2008. Т. 1.

- Лосиевский И. Я. Русская лира с Украины: Русские писатели Украины первой четверти XIX века. Харьков, 1993.
Losievskij I. Ya. Russkaya lira s Ukrainy: Russkie pisateli Ukrainy pervoj chetverti XIX veka. Har'kov, 1993.
- Мандебура О. Микола Сумцов і проблеми соціокультурної ідентичності. Київ, 2011.
Mandebura O. Mykola Sumtsov i problemy sotsiokulturnoi identychnosti. Kyiv, 2011.
- Михайлин І. Нарис історії журналістики Харківської губернії. 1812—1917. Харків, 2007.
Mukhailyn I. Narys istorii zhurnalistyky Kharkivskoi hubernii. 1812—1917. Kharkiv, 2007.
- Модзалевский Б. Л. Каталог библиотеки <А. С. Пушкина> // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1910. Вып. 9/10.
Modzalevskij B. L. Katalog biblioteki <A. S. Pushkina> // Pushkin i ego sovremenniki: Materialy i issledovaniya. SPb., 1910. Vyp. 9/10.
- Потебня А. А. Из записок по теории словесности: Поэзия и проза. Тropy и фигуры. Мышление поэтическое и мифическое. Приложение / Вступит. ст. В. И. Харциева. Харьков, 1905.
Potebnya A. A. Iz zapisok po teorii slovesnosti: Poeziya i proza. Tropy i figury. Myshlenie poeticheskoe i mificheskoe. Prilozhenie / Vstupit. st. V. I. Harcieva. Har'kov, 1905.
- Потебня А. А. Слово и миф. М., 1989.
Potebnya A. A. Slovo i mif. M., 1989.
- Олександр Опанасович Потебня: (До 170-річчя з дня народження): Біобібліогр. покажч. / Уклад. В. Ю. Франчук, Ф. Х. Широкопад, Ю. Ю. Полякова; Вступ. ст. Ф. Х. Широкопад; Бібліогр. ред.: С. Б. Глибичка. Харків, 2005.
Oleksandr Opanasovych Potebnia: (Do 170-richchia z dnia narodzhennia): Biobibliogr. pokazhch. / Uklad. V. Yu. Franchuk, F. Kh. Shyrokorad, Yu. Yu. Poliakova; Vstup. st. F. Kh. Shyrokorad; Bibliogr. red.: S. B. Glybytska. Kharkiv, 2005.
- Пушкин в прижизненной критике: 1828—1830 / Под общ. ред. Е. О. Ларионовой. СПб., 2001.
Pushkin v prizhiznennoj kritike: 1828—1830 / Pod obshch. red. E. O. Larionovoj. SPb., 2001.
- Розальон-Сошальский А. Г. Мои воспоминания // Харківський університет XIX — початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців: У 2 т. Харків, 2008. Т. 1.
Rozal'on-Soshal'skij A. G. Moi vospominaniya // Kharkiv'skyi universytet XIX — pochatku XX stolittia u spogadakh yogo profesoriv ta vyhovantsiv: U 2 t. Harkiv, 2008. T. 1.
- Романтики 20—40-х років XIX ст. / Упоряд., підготовка текстів, біограф. довідки і примітки Б. А. Деркача та С. А. Крижанівського; Вступ. ст. І. Айзенштока. Київ, 1968.
Romantyky 20—40-kh rokiy XIX st. / Uporiad., pidhotovka tekstiv, biohraf. dovidky i prymitky B. A. Derkacha ta S. A. Kryzhanivskoho; Vstup. st. I. Aizenshtoka. Kyiv, 1968.
- Сумцов Н. Ф. Князь В. Ф. Одоевский. Харьков, 1884.
Sumtsov N. F. Knyaz' V. F. Odoevskij. Har'kov, 1884.
- Сумцов Н. Ф. А. С. Пушкин: Исследования. Харьков, 1900.
Sumtsov N. F. A. S. Pushkin: Issledovaniya. Har'kov, 1900.

- Сумцов Н. Ф. Отношение Харькова к А. С. Пушкину: (К открытию памятника Пушкина) // Южный край. 1904. № 8102. 26 мая.
Sumcov N. F. Otnoshenie Har'kova k A. S. Pushkinu: (K otkrytiu pamyatnika Pushkina) // Yuzhnyj kraj. 1904. № 8102. 26 maya.
- Сумцов Н. Ф. Пушкин и Шевченко // Украинская жизнь. 1917. № 3—6.
Sumcov N. F. Pushkin i Shevchenko // Ukrainskaya zhizn'. 1917. № 3—6.
- Сумцов М. Ф. Дослідження з етнографії та історії культури Слобідської України: Вибр. пр. / Упоряд., підготовка тексту, передм., післямова та прим. М. М. Красикова. Харків, 2008.
Sumtsov M. F. Doslidzhennia z etnografii ta istorii kul'tury Slobids'koi Ukrainy: Vybr. pr. / Uporiad., pidgotovka tekstu, peredm., pislamova ta prym. M. M. Kras'ykova. Har'kiv, 2008.
- Микола Федорович Сумцов (1854—1922): Бібліографічний покажчик / Уклад. Н. І. Полянська, В. О. Савчук, В. З. Фрадкін, В. О. Ярошик за участю Г. М. Єрофеевої. Київ, 1999.
Mykola Fedorovych Sumtsov (1854—1922): Bibliografichnyi pokazhchuk / Uklad. N. I. Polianska, V. O. Savchuk, V. Z. Fradkin, V. O. Yaroshyk za uchastiu H. M. Yerofeiv-evoi. Kyiv, 1999.
- Харциев В. И. Воспоминания об Александре Афанасьевиче Потемне // Славянское обозрение. 1892. Т. 2.
Narciev V. I. Vospomynaniya ob Aleksandre Afanas'eviche Potebne // Slavyanskoe obozrenie. 1892. T. 2.
- Харциев В. И. Посмертные материалы А. А. Потемни // Памяти А. А. Потемни. Харьков, 1892.
Narciev V. I. Posmertnyye materialy A. A. Potebni // Pamyati A. A. Potebni. Har'kov, 1892.
- Харциев В. И. Новый труд по истории языка и мысли А. А. Потемни: (Посмертное издание) // Труды Пед. отдела при Харьковском историко-филологическом обществе. 1899. Вып. 5.
Narciev V. I. Novyj trud po istorii yazyka i mysli A. A. Potebni: (Posmertnoe izdanie) // Trudy Ped. otдела pri Har'kovskom istoriko-filologicheskome obshchestve. 1899. Vyp. 5.
- Харциев В. И. Пушкинские принципы в творчестве Гоголя // Харьковский университетский сборник в память В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя. Харьков, 1903.
Narciev V. I. Pushkinskie principy v tvorchestve Gogolya // Har'kovskij universitetskij sbornik v pamyat' V. A. Zhukovskogo i N. V. Gogolya. Har'kov, 1903.
- Харциев В. И. Письмо в редакцию // Харьковский листок. 1904. № 1438. 28 мая.
Narciev V. I. Pis'mo v redakciyu // Har'kovskij listok. 1904. № 1438. 28 maya.
- Харциев В. И. Основы поэтики: (Лекции Потемни) // Вопросы теории и психологии творчества. СПб., 1910. Т. 2. Вып. 2.
Narciev V. I. Osnovy poetiki: (Lekcii Potebni) // Voprosy teorii i psihologii tvorchestva. SPb., 1910. T. 2. Vyp. 2.
- Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1988.
Cherejskij L. A. Pushkin i ego okruzhenie. 2-e izd., dop. i pererab. L., 1988.

Чтение об Александре Сергеевиче Пушкине 26 мая 1899 г., в 100-летнюю годовщину его рождения / Сост. В. И. Харциев; Под ред. И. П. Хрущева. Харьков, 1899.

Chtenie ob Aleksandre Sergeeviche Pushkine 26 maya 1899 g., v 100-letnyuyu godovshchinu ego rozhdeniya / Sost. V. I. Harciev; Pod red. I. P. Hrushcheva. Har'kov, 1899.

Илья Виницкий

*Принстонский университет
(Принстон, Нью-Джерси; США)*

ivinitisk@gmail.com

**ПУШКИН В КИЕВСКОМ
СОФИЙСКОМ СОБОРЕ**

О ключевом эпизоде романа

И. А. Новикова «Пушкин на юге»

В статье рассматривается кульминационный эпизод из известного романа писателя И. А. Новикова «Пушкин на юге» (1943—1944), изображающий видение поэта в киевском Софийском соборе, связанное, согласно гипотезе писателя, с «южной любовью» поэта и ставшее источником его будущей поэмы «Гавриилиада». В статье исследуются идеологический подтекст и источники этой биографической мистификации в творчестве Новикова, русском символизме 1900-х годов и русской пушкинистике 1920—1940-х годов.

Ключевые слова: биографический роман, Благовещение, Софийский собор, «Гавриилиада», символизм, Вечная женственность, А. А. Блок, В. В. Вересаев, общество «Темный Пушкин», мистификация как прием.

Ilya Vinitsky

*Princeton University
(Princeton, New Jersey; USA)*

DOI 10.31860/0236-2481-2023-37-152-180

**PUSHKIN IN THE SAINT SOPHIA
CATHEDRAL IN KYIV
Concerning the Key Scene
of Ivan Novikov's Novel
"Pushkin in the South"**

The article considers a central episode in Ivan Novikov's popular biographical novel *Pushkin in the South* (1943—1944), which portrays the poet's vision in the St. Sophia Cathedral in Kyiv. According to the novelist's hypothesis, this vision is closely associated with Pushkin's "secret love" and represents the main source of the poet's erotic narrative poem *The Gavriliad*. The article analyzes the ideological implications of the scene and reconstructs the sources of this biographical mystification in the context of Novikov's oeuvre, Russian Symbolism of the 1900s and Russian debates on Pushkin of the 1920s—1940s.

Keywords: biographical novel, Annunciation, St. Sophia Cathedral, Gavriliada, Symbolism, Eternal Femininity, A. Blok, V. Veresaev, the group "Cryptic Pushkin", mystification as device.

Список литературы и источников

Алексеев М. П. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. Л., 1972.
Alekseev M. P. Pushkin: Sravnitel'no-istoricheskie issledovaniya. L., 1972.

- Альфонсов В. Н. Слова и краски. СПб., 2006.
Al'fonsov V. N. Slova i kraski. SPb., 2006.
- Андроников И. Л. Лермонтов: Исследования и находки. М., 1964.
Andronikov I. L. Lermontov: Issledovaniya i nahodki. M., 1964.
- Берлинский М. Ф. Краткое описание Киева. СПб., 1820.
Berlinskij M. F. Kratkoe opisaniye Kieva. SPb., 1820.
- Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1997. Т. 3.
Blok A. A. Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. M., 1997. T. 3.
- Булкина И. Киевский текст в русском романтизме // Лотмановский сборник. М., 2004. Вып. 3.
Bulkina I. Kievskij tekst v russkom romantizme // Lotmanovskij sbornik. M., 2004. Vyp. 3.
- Бухаров В. Г. Усыпальница семьи Раевских, Мария Николаевна Волконская и Александр Сергеевич Пушкин // Декабристское кольцо: Вестник Иркутского музея декабристов: Сборник статей. Иркутск, 2011. Вып. 1.
Buharov V. G. Uspal'nica sem'i Raevskih, Mariya Nikolaevna Volkonskaya i Aleksandr Sergeevich Pushkin // Dekabristskoe kol'co: Vestnik Irkutskogo muzeya dekabristov: Sbornik statej. Irkutsk, 2011. Vyp. 1.
- Вересаев В. В. Поэт: (Комментарии) // Красная новь. 1924. № 2.
Veresaev V. V. Poet: (Kommentarii) // Krasnaya nov'. 1924. № 2.
- Веробьян Б. С. Пушкин Александр Сергеевич: (Бессарабско-крымский изгнанник. Михайловский узник). М., 2011.
Verob'yan B. S. Pushkin Aleksandr Sergeevich: (Bessarabsko-krjmskij izgnannik. Mihajlovskij uznik). M., 2011.
- Виницкий И. Ю. «Прием Гавриила» и американское эротическое воображение: Перевод как захват // Pushkin Review. 2020—2021. Vol. 22—23.
Vinickij I. Yu. «Priem Gavrila» i amerikanskoje eroticheskoe voobrazhenie: Perevod kak zahvat // Pushkin Review. 2020—2021. Vol. 22—23.
- Виницкий И. Ю. «Ах! Как люблю я птицу эту»: О чем молчит соловей в романе Юрия Тынянова «Пушкин» // Виницкий И. Ю. О чем молчит соловей: Филологические новеллы о русской культуре от Петра Великого до кобылы Буденного. СПб., 2022.
Vinickij I. Yu. «Ah! Kak lyublyu ya pticu etu»: O chem molchit solovej v romane Yuriya Tjunaonova «Pushkin» // Vinickij I. Yu. O chem molchit solovej: Filologicheskie novelly o russkoj kul'ture ot Petra Velikogo do kobyly Budennogo. SPb., 2022.
- Волконская М. Н. Записки / Перевод с франц. оригинала А. Н. Кудрявцевой; Биографич. очерк и примеч. П. Е. Щеголева. Изд. 2-е. СПб., 1914.
Volkonskaya M. N. Zapiski / Perevod s franc. originala A. N. Kudryavcevoj; Biografich. ocherk i primech. P. E. Shchegoleva. Izd. 2-e. SPb., 1914.
- Гофман М. Л. Пушкин — Дон-Жуан. Париж, 1935.
Gofman M. L. Pushkin — Don-Zhuan. Parizh, 1935.
- Грачева А. М. А. А. Блок и И. А. Новиков: Литературные контакты // Александр Блок: Исследования и материалы. Л., 1991.
Gracheva A. M. A. A. Blok i I. A. Novikov: Literaturnye kontakty // Aleksandr Blok: Issledovaniya i materialy. L., 1991.

- Грачева А. М. Новиков Иван Алексеевич // Русская литература XX века. Прозанки, поэты, драматурги: Библиографический словарь: В 3 т. / Под ред. Н. Н. Скатова. М., 2005. Т. 2.
Gracheva A. M. Novikov Ivan Alekseevich // Russkaya literatura XX veka. Prozaiki, poetry, dramaturgi: Biobibliograficheskij slovar': V 3 t. / Pod red. N. N. Skatova. M., 2005. T. 2.
- Губер П. К. Дон-Жуанский список Пушкина: Главы из биографии. Пб., 1923.
Guber P. K. Don-Zhuanskij spisok Pushkina: Glavy iz biografii. Pб., 1923.
- Долинин А. А. Еще раз о загадке «Таврической звезды» // Седьмая международная летняя школа по русской литературе: Статьи и материалы. 2-е изд. СПб., 2012.
Dolinin A. A. Eshche raz o zagadke «Tavrisheskoj zvezdy» // Sed'maya mezhdunarodnaya letnyaya shkola po russkoj literature: Stat'i i materialy. 2-e izd. SPb., 2012.
- Кирпонос Е. М., Новикова М. Н. На истребителе «Александр Пушкин». М., 1981.
Kirponos E. M., Novikova M. N. Na istrebitеле Aleksandr Pushkin. M., 1981.
- Киселева Л. Н. «Боже, Царя храни...» в зеркале пародии // «Образ мира, в слове явленный...»: Сб. в честь 70-летия профессора Ежи Фарыно. Siedlce, 2011.
Kiseleva L. N. «Bozhe, Carya hrani...» v zerkale parodii // «Obraz mira, v slove yavlennyj...»: Sb. v chest' 70-letiya professaora Ezhi Faryno. Siedlce, 2011.
- Копылов А. Ф. Мемуары графа Олизара // Русский вестник. 1893. № 9.
Kopylov A. F. Memuary grafa Olizara // Russkij vestnik. 1893. № 9.
- Ларионова Е. О. Полтава // Пушкинская энциклопедия: Произведения. СПб., 2020. Вып. 4.
Larionova E. O. Poltava // Pushkinskaya enciklopediya: Proizvedeniya. SPb., 2020. Vyp. 4.
- Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 1.
Letopis' zhizni i tvorchestva A. S. Pushkina: V 4 t. M., 1999. T. 1.
- Лотман Ю. М. Посвящение «Полтавы»: (Адресат, текст, функция) // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки. 1960—1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб., 1995.
Lotman Yu. M. Posvyashchenie «Poltavy»: (Adresat, tekst, funkciya) // Lotman Yu. M. Pushkin: Biografiya pisatelya; Stat'i i zametki. 1960—1990; «Evgenij Onegin»: Kommentarij. SPb., 1995.
- Маковский С. К. На Парнасе «Серебряного века». Мюнхен, 1962.
Makovskij S. K. Na Parnase «Serebryanogo veka». Mунhen, 1962.
- «...Не зарастет народная тропа»: Пушкинский альбом. Киев, 1999.
«...Ne zarastet narodnaya tropa»: Pushkinskij al'bom. Kiev, 1999.
- Новиков И. А. Дыхание земли: Вторая книга стихотворений. Киев, 1910.
Novikov I. A. Dyhanie zemli: Vtoraya kniga stihotvorenij. Kiev, 1910.
- Новиков И. А. Пушкин на юге // Новый мир. 1943. № 7—11.
Novikov I. A. Pushkin na yuge // Novyj mir. 1943. № 7—11.
- И. А. Новиков в кругу писателей-современников: Сб. научных статей, посвященный 125-летию со дня рождения И. А. Новикова. Ореда; Мценск, 2003.
I. A. Novikov v krugu pisatelej-sovremennikov: Sb. nauchnyh statej, posvyashchennyj 125-letiyu so dnya rozhdeniya I. A. Novikova. Orel; Mzensk, 2003.

- Новиков И. А.* Золотые кресты: Роман. Повести и рассказы. Мценск, 2004.
Novikov I. A. Zolotyie kresty: Roman. Povesti i rassказы. Mcensk, 2004.
- Новикова Л. С.* Из архива Новиковых. 1889—1991. М., 2006.
Novikova L. S. Iz arhiva Novikovykh. 1889—1991. M., 2006.
- Орловский П. И.* Св. София Киевская, ныне Киево-Софийский кафедральный собор. Киев, 1998.
Orlovskij P. I. Sv. Sofiya Kievskaya, nune Kievo-Sofijskij kafedral'nyj sobor. Kiev, 1998.
- Осповат Л. С.* Дальняя подруга: Пушкинский миф о безыменной любви в творческом истолковании Тьянова—Эйзенштейна // Киноведческие записки. 1999. № 42.
Ospovat L. S. Dal'nyaya podrugа: Pushkinskij mif o bezymennoj lyubvi v tvorcheskom istolkovanii Tjunanova—Ejzenshtejna // Kinovedcheskie zapiski. 1999. № 42.
- Павловец М.* Функция парафразиса романа Ф. М. Достоевского «Бесы» в повести Г. Сапгира «Армагеддон» // Сусрети народа и культура. Косовска Митровица, 2015.
Pavlovec M. Funkcija parafrazisa romana F. M. Dostoevskogo «Besy» v povesti G. Sapgira «Armageddon» // Susreti naroda i kultura. Kosovska Mitrovica, 2015.
- Петровская Н. И.* Иван Новиков. Золотые кресты. М., 1908 // Весы. 1908. № 1.
Petrovskaya N. I. Ivan Novikov. Zolotyie kresty. M., 1908 // Vesy. 1908. № 1.
- Проскурин О. А.* Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. М., 1999.
Proskurin O. A. Poeziya Pushkina, ili Podvizhnyj palimpsest. M., 1999.
- Проскурина В.* Стратегии либертинажа в XVIII веке: (Князь Д. П. Горчаков и его «Святки») // Русско-французский разговорник, или / ou Les Causeries du 7 September: Сборник статей в честь В. А. Мильчиной. М., 2015.
Proskurina V. Strategii libertinazha v XVIII veke: (Knyaz' D. P. Gorchakov i ego «Svyatki») // Russko-francuzskij razgovornik, ili / ou Les Causeries du 7 September: Sbornik statej v chest' V. A. Mil'chinoj. M., 2015.
- Пушкин А. С.* Гавриилада: Поэма / Ред., примеч. и коммент. Б. В. Томашевского. Пб., 1922.
Pushkin A. S. Gavriiliada: Poema / Red., primech. i komment. B. V. Tomashevskogo. Pb., 1922.
- Лев Сергеевич Пушкин в кругу современников / Вступ. ст., сост., подгот. теста и коммент И. А. Муравьевой.* СПб., 2005.
Lev Sergeevich Pushkin v krugu sovremennikov / Vstup. st., sost., podgot. testa i komment I. A. Murav'evoj. SPb., 2005.
- Соболев А. Л.* Эпизод из истории русской пушкинистики // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2022. Вып. 36.
Sobolev A. L. Epizod iz istorii russkoj pushkinistiki // Vremennik Pushkinskoj komissii. SPb., 2022. Вып. 36.
- Соловьев С. М.* Воспоминания об Александре Блоке // Александр Блок в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1980. Т. 1.
Solov'ev S. M. Vospominaniya ob Aleksandre Bloke // Aleksandr Blok v vospominaniyah sovremennikov: V 2 t. M., 1980. T. 1.

- Строганов М. В. Гавриилиада // Пушкинская энциклопедия: Произведения. СПб., 2009. Вып. 1.
Stroganov M. V. Gavriiliada // Pushkinskaya enciklopediya: Proizvedeniya. SPb., 2009. Vyp. 1.
- Толстой И. И., Кондаков Н. П. Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1891. Вып. 4.
Tolstoj I. I., Kondakov N. P. Russkie drevnosti v pamyatnikah iskusstva. SPb., 1891. Vyp. 4.
- Турбин В. Н. Незадолго до Водолея: Сб. статей. М., 1994.
Turbin V. N. Nezasolgo do Vodoleya: Sb. statej. M., 1994.
- Флейшман Л. С. Поэзия как проза: Нарратор в пушкинской «Полтаве» // *Analysieren als Deuten: Wolf Schmid zum 60. Geburtstag. Hamburg, 2004.*
Flejšman L. S. Poeziya kak proza: Narrator v pushkinskoj "Poltave" // Analysieren als Deuten: Wolf Schmid zum 60. Geburtstag. Hamburg, 2004.
- Фрейд З. Толкование сновидений // Собр. соч.: В 10 т. М., 2004. Т. 2.
Frejd Z. Tolkovanie snovidenij // Sobr. soch.: V 10 t. M., 2004. T. 2.
- Цявловская Т. Г. «Храни меня, мой талисман...» // Прометей. М., 1974. Т. 10.
Syavlovskaya T. G. «Hrani menya, moj talisman...» // Prometej. M., 1974. T. 10.
- Цявловский М. А., Цявловская Т. Г. Вокруг Пушкина: Дневники, статьи. 1928—1965. М., 2000.
Syavlovskij M. A., Syavlovskaya T. G. Vokrug Pushkina: Dnevniky, stat'i. 1928—1965. M., 2000.
- Щеголев П. Е. Из разысканий в области биографии и текста Пушкина // Пушкин и его современники. СПб., 1911. Вып. 14.
Schhegolev P. E. Iz razyskanij v oblasti biografii i teksta Pushkina // Pushkin i ego sovremenniki. SPb., 1911. Vyp. 14.

Дмитрий Михайлович Цыганов

*Московский государственный
 университет им. М. В. Ломоносова
 (Москва)*

tzyganoff.mitia@yandex.ru

Dmitry Mikhailovich Tsyganov

*Lomonosov Moscow State University
 (Moscow)*

DOI 10.31860/0236-2481-2023-37-181-203

**ПУШКИНОВЕДЧЕСКИЕ ТРУДЫ
 АКАДЕМИКА В. В. ВИНОГРАДОВА
 И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ
 ЭПОХИ СТАЛИНИЗМА**

**WORKS ON PUSHKIN
 BY ACADEMICIAN V. VINOGRADOV
 AND THE IDEOLOGICAL CONTEXT
 OF THE ERA OF STALINISM**

В статье многочисленные пушкино-ведческие труды В. В. Виноградова рассматриваются в идеологическом контексте сталинской эпохи. На широком материале напечатанных в 1930—1950-е гг. текстов филолога, архивных

In the article, numerous works on Pushkin by V. Vinogradov are considered in the ideological context of the Stalin era. On the basis of wide array of texts printed in the 1930s—1950s texts by the philologist, archival documents, periodicals of

документов, периодики тех лет, а также опубликованных воспоминаний нами последовательно восстанавливается ход эволюции виноградовского взгляда на роль Пушкина в истории русского литературного языка. Работы ученого представляются в компаративной перспективе, что позволяет проследить траекторию развития этого частного сегмента интеллектуальной истории XX столетия.

Ключевые слова: интеллектуальная история, пушкиноведение, В. В. Виноградов, «Язык Пушкина», сталинизм, холодная война, идеология и филология.

those years, as well as published memoirs, we consistently restore the course of evolution of Vinogradov's view of the role of Pushkin in the history of Russian literary language. The works of the scholar are presented in a comparative perspective, which makes it possible to trace the trajectory of the development of this particular segment of the intellectual history of the twentieth century.

Keywords: intellectual history, Pushkin studies, V. Vinogradov, Pushkin's Language, Stalinism, Cold War, ideology and philology.

Список литературы и источников

- Алексеев М. П.* Английский язык в России и русский язык в Англии // Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук. 1944. № 72.
Alekseev M. P. Anglijskij yazyk v Rossii i russkij yazyk v Anglii // Uchenye zapiski LGU. Seriya filologicheskikh nauk. 1944. № 72.
- Алексеев М. П.* К истории понятия «английская литература» // Научная сессия [Ленинградского университета] (16—30 ноября 1945 г.): Тезисы докладов по секции филологических наук. Л., 1945.
Alekseev M. P. K istorii ponyatiya «anglijskaya literatura» // Nauchnaya sessiya [Leningradskogo universiteta] (16—30 noyabrya 1945 g.): Tезisy dokladov po sekcii filologicheskikh nauk. L., 1945.
- Алексеев М. П.* Несколько английских книг библиотеки А. С. Пушкина // Научный бюллетень ЛГУ. 1946. № 6.
Alekseev M. P. Neskol'ko anglijskikh knig biblioteki A. S. Pushkina // Nauchnyj byulleten' LGU. 1946. № 6.
- Алпатов В. М.* Академик Виноградов: Ученый и эпоха // Наш современник. 1998. № 11—12.
Alpatov V. M. Akademik Vinogradov: Uchenyj i epoha // Nash sovremennik. 1998. № 11—12.
- Алпатов В. М.* Филологи и революция // Новое литературное обозрение. 2002. № 1 (53).
Alpatov V. M. Filologi i revolyuciya // Novoe literaturnoe obozrenie. 2002. № 1 (53).
- Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М.* «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994.
Ashnin F. D., Alpatov V. M. «Delo slavistov»: 30-e gody. M., 1994.
- Бельчиков Ю. А.* Труды академика В. В. Виноградова по русской стилистике и развитие стилистических исследований в последней трети XX в. // Stilistika VI. Opole, 1997.

Bel'chikov Yu. A. Trudy akademika V. V. Vinogradova po russkoj stilistike i razvitie stilisticheskikh issledovanij v poslednej treti XX v. // Stilistika VI. Opole, 1997.

Бельчиков Ю. А. Виктор Владимирович Виноградов // Отечественные лингвисты XX века. 2002. № 1.

Bel'chikov Yu. A. Viktor Vladimirovich Vinogradov // Otechestvennye lingvisty XX veka. 2002. № 1.

Бранденбергер Д. Л. Сталинский руссоцентризм: Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931—1956 гг.). М., 2017.

Brandenberger D. L. Stalinskij russocentrizm: Sovetskaya massovaya kul'tura i formirovanie russkogo nacional'nogo samosoznaniya (1931—1956 gg.). M., 2017.

Виноградов В. В. Алексей Александрович Шахматов. СПб., 1922.

Vinogradov V. V. Aleksej Aleksandrovich Shahmatov. SPb., 1922.

Виноградов В. В. О стиле Пушкина // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16—18.

Vinogradov V. V. O stile Pushkina // Literaturnoe nasledstvo. M., 1934. T. 16—18.

Виноградов В. В. Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. М.; Л., 1935.

Vinogradov V. V. Yazyk Pushkina: Pushkin i istoriya russkogo literaturnogo yazyka. M.; L., 1935.

Виноградов В. В. Стиль «Пиковой дамы» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. [Вып.] 2.

Vinogradov V. V. Stil' «Pikovoju damy» // Pushkin: Vremennik Pushkinskoj komissii. M.; L., 1936. [Vyp.] 2.

Виноградов В. В. Язык Гоголя // Н. В. Гоголь: Материалы и исследования. М.; Л., 1936.

Vinogradov V. V. Yazyk Gogolya // N. V. Gogol': Materialy i issledovaniya. M.; L., 1936.

Виноградов В. В. Пушкин и русский язык // Вестник Академии наук СССР. 1937. № 2—3.

Vinogradov V. V. Pushkin i russkij yazyk // Vestnik Akademii nauk SSSR. 1937. № 2—3.

Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938.

Vinogradov V. V. Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII—XIX vv. M., 1938.

Виноградов В. В. Язык Лермонтова // Русский язык в школе. 1938. № 3.

Vinogradov V. V. Yazyk Lermontova // Russkij yazyk v shkole. 1938. № 3.

Виноградов В. В. Пушкин и русский литературный язык XIX в. // Пушкин — родоначальник новой русской литературы. М.; Л., 1941.

Vinogradov V. V. Pushkin i russkij literaturnyj yazyk XIX v. // Pushkin — rodonachal'nik novoj russkoj literatury. M.; L., 1941.

Виноградов В. В. Величие и мощь русского языка. М., 1944.

Vinogradov V. V. Velichie i moshch' russkogo yazyka. M., 1944.

- Виноградов В. В.* К изучению языка и стиля пушкинской прозы: Работа Пушкина над повестью «Станционный смотритель» // Русский язык в школе. 1949. № 3.
Vinogradov V. V. K izucheniyu yazyka i stilya pushkinskoj prozy: Rabota Pushkina nad povest'yu «Stancionnyj smotritel'» // Russkij yazyk v shkole. 1949. № 3.
- Виноградов В. В.* А. С. Пушкин — основоположник русского литературного языка // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1949. Т. 8. Вып. 3.
Vinogradov V. V. A. S. Pushkin — osnovopolozhnik russkogo literaturnogo yazyka // Izvestiya AN SSSR. Otdelenie literatury i yazyka. 1949. T. 8. Vyp. 3.
- Виноградов В. В.* Общелингвистические и грамматические взгляды академика Л. В. Щербы // Памяти академика Льва Владимировича Щербы: Сб. статей. [М.], 1951.
Vinogradov V. V. Obshchelingvisticheskie i grammaticheskie vzglyady akademika L. V. Shcherby // Pamyati akademika L'va Vladimirovicha Shcherby: Sb. statej. [M.], 1951.
- Виноградов В. В.* Учение академика А. А. Шахматова о грамматических формах слов и о частях речи в современном русском языке // Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку: (Учение о частях речи). М., 1952.
Vinogradov V. V. Uchenie akademika A. A. Shahmatova o grammaticheskikh formah slov i o chastyah rechi v sovremennom russkom yazyke // Iz trudov A. A. Shahmatova po sovremennomu russkomu yazyku: (Uchenie o chastyah rechi). M., 1952.
- Виноградов В. В.* О принципах и приемах чтения черновых рукописей Пушкина // Проблемы сравнительной филологии: Сб. ст. к 70-летию члена-корреспондента АН СССР В. М. Жирмунского. М.; Л., 1964.
Vinogradov V. V. O principah i priemah chteniya chernovyh rukopisej Pushkina // Problemy sravnitel'noj filologii: Sb. st. k 70-letiyu chlena-korrespondenta AN SSSR V. M. Zhirmunskogo. M.; L., 1964.
- Галкина-Федорук Е. М.* Творческий путь академика В. В. Виноградова // Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию: Сб. статей. М., 1956.
Galkina-Fedoruk E. M. Tvorcheskij put' akademika V. V. Vinogradova // Akademiku Viktoru Vladimirovichu Vinogradovu k ego shestidesyatiletiju: Sb. statej. M., 1956.
- Гинзбург Л. Я.* Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб., 2002.
Ginzburg L. Ya. Zapisnye knizhki. Vospominaniya. Esse. SPb., 2002.
- Глушаков П. С.* Забытый эпизод из истории советского литературоведения (Андроников — Бонди — Виноградов — Гуковский — Оксман) // Новое литературное обозрение. 2011. № 1 (107).
Glushakov P. S. Zabytyj epizod iz istorii sovetskogo literaturovedeniya (Andronikov — Bondi — Vinogradov — Gukovskij — Oksman) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2011. № 1 (107).
- Гофман В. А.* Язык поэзии Пушкина // Звезда. 1937. № 1.
Gofman V. A. Yazyk poezii Pushkina // Zvezda. 1937. № 1.
- Гуковский Г. А.* Изучение литературного произведения в школе: Методологические очерки о методике. М.; Л., 1966.
Gukovskij G. A. Izuchenie literaturnogo proizvedeniya v shkole: Metodologicheskie ocherki o metodike. M.; L., 1966.

- Гюнтер Х. Тоталитарная народность и ее истоки // Соцреалистический канон. СПб., 2000.
 Gyunter H. Totalitarnaya narodnost' i ee istoki // Socrealisticheskij kanon. SPb., 2000.
- Десницкий В. А. Пушкин — родоначальник новой русской литературы // Сто лет со дня смерти А. С. Пушкина: Труды Пушкинской сессии Академии наук СССР. 1837—1937. М.; Л., 1938.
 Desnickij V. A. Pushkin — rodonachal'nik novej russkoj literatury // Sto let so dnya smerti A. S. Pushkina: Trudy Pushkinskoj sessii Akademii nauk SSSR. 1837—1937. M.; L., 1938.
- Долинин К. А. Социалистический реализм в лингвистике: (К истории функциональной стилистики в СССР) // Теоретические проблемы языкознания: Сб. статей к 140-летию кафедры общего языкознания филологического факультета СПбГУ. СПб., 2004.
 Dolinin K. A. Socialisticheskij realizm v lingvistike: (K istorii funkcional'noj stilistiki v SSSR) // Teoreticheskie problemy yazykoznanija: Sb. statej k 140-letiju kafedry obshchego yazykoznanija filologicheskogo fakul'teta SPbGU. SPb., 2004.
- Дружинин П. А. Идеология и филология. Ленинград, 1940-е гг.: Документальное исследование. М., 2012. Т. 1—2.
 Druzhinin P. A. Ideologiya i filologiya. Leningrad, 1940-e gg.: Dokumental'noe issledovanie. M., 2012. T. 1—2.
- Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945—1954. М., 2000.
 Zubkova E. Yu. Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost'. 1945—1954. M., 2000.
- Из воспоминаний Н. М. Мальшевой-Виноградовой // Вестник Европы. 2010. Т. 28—29.
 Iz vospominanij N. M. Malyshevoj-Vinogradovoj // Vestnik Evropy. 2010. T. 28—29.
- Из истории русской лингвистики XX века: Беседы с профессором Ю. А. Бельчиковым. М., 2022.
 Iz istorii russkoj lingvistiki XX veka: Besedy s professorom Yu. A. Bel'chikovym. M., 2022.
- Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм. М., 2003.
 Kostyrchenko G. V. Tajnaya politika Stalina: Vlast' i antisemitizm. M., 2003.
- Кумпан К. А. Институт истории искусств на рубеже 1920—1930-х годов // Конец институций культуры двадцатых годов в Ленинграде (по архивным материалам): Сб. статей. М., 2014.
 Kumpun K. A. Institut istorii iskusstv na rubezhe 1920—1930-h godov // Konec institucij kul'tury dvadcatyh godov v Leningrade (po arhivnym materialam): Sb. statej. M., 2014.
- Купина Н. А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь, 1995.
 Kirina N. A. Totalitarnyj yazyk: Slovar' i rechevye reakcii. Ekaterinburg; Perm', 1995.
- Мейлах Б. С. [Рец. на статью:] В. В. Виноградов. О стиле Пушкина («Лит. Наследство», № 16—18) // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. [Вып.] 1.
 Mejlax B. S. [Rec. na stat'yu:] V. V. Vinogradov. O stile Pushkina («Lit. Nasledstvo», № 16—18) // Pushkin: Vremennik Pushkinskoj komissii. M.; L., 1936. [Vyp.] 1.

- Молок Ю. А.* Пушкин в 1937 году: Материалы и исследования по иконографии. М., 2000.
Molok Yu. A. Pushkin v 1937 godu: Materialy i issledovaniya po ikonografii. M., 2000.
- Орлов А. С.* Пушкин — создатель русского литературного языка // Сто лет со дня смерти А. С. Пушкина: Труды Пушкинской сессии Академии наук СССР. 1837—1937. М.; Л., 1938.
Orlov A. S. Pushkin — sozdatel' russkogo literaturnogo yazyka // Sto let so dnya smerti A. S. Pushkina: Trudy Pushkinskoj sessii Akademii nauk SSSR. 1837—1937. M.; L., 1938.
- Петерсон М. Н.* Лекции по современному русскому литературному языку: Посobie для студентов пединститутов. М., 1941.
Peterson M. N. Lekcii po sovremennomu russkomu literaturnomu yazyku: Posobie dlya studentov pedinstitutov. M., 1941.
- Платт Дж. Б.* Здравствуй, Пушкин!: Сталинская культурная политика и русский национальный поэт. СПб., 2017.
Platt Dzh. B. Zdravstvuj, Pushkin!: Stalinskaya kul'turnaya politika i russkij nacional'nyj poet. SPb., 2017.
- Подорога В. А.* «Голос власти» и «письмо власти» // Тоталитаризм как исторический феномен: Сб. статей. М., 1989.
Podoroga V. A. «Golos vlasti» i «pis'mo vlasti» // Totalitarizm kak istoricheskij fenomen: Sb. statej. M., 1989.
- Пушкин — родоначальник новой русской литературы: Сб. научно-исследовательских работ. М.; Л., 1941.
 Pushkin — rodonachal'nik novoj russkoj literatury: Sb. nauchno-issledovatel'skih rabot. M.; L., 1941.
- А. С. Пушкин. 1799—1949: Материалы юбилейных торжеств. М.; Л., 1951.
 A. S. Pushkin. 1799—1949: Materialy jubilejnyh torzhestv. M.; L., 1951.
- Ревзина О. Г.* Язык писателя и литературный язык в концепции В. В. Виноградова // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2015. № 6.
Revzina O. G. Yazyk pisatelya i literaturnyj yazyk v koncepcii V. V. Vinogradova // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya. 2015. № 6.
- Робинсон М. А.* Забытые работы В. В. Виноградова // Русская литература. 1971. № 1.
Robinson M. A. Zabytye raboty V. V. Vinogradova // Russkaya literatura. 1971. № 1.
- Робинсон М. А.* А. А. Шахматов и В. В. Виноградов // Русская речь. 1985. № 1.
Robinson M. A. A. A. Shahmatov i V. V. Vinogradov // Russkaya rech'. 1985. № 1.
- Робинсон М. А.* Судьбы академической элиты: Отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М., 2004.
Robinson M. A. Sud'by akademicheskoy elity: Otechestvennoe slavyanovedenie (1917 — nachalo 1930-h godov). M., 2004.
- Рождественский Ю. В.* Виноградовская школа // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
Rozhdestvenskij Yu. V. Vinogradovskaya shkola // Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'. M., 1990.

- Рождественский Ю. В.* Виктор Владимирович Виноградов: (Воспоминания школяра) // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 1995. № 1.
Rozhdestvenskij Yu. V. Viktor Vladimirovich Vinogradov: (Vospominaniya shkolyara) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9: Filologiya. 1995. № 1.
- Рыльский М. Ф.* Литература и народ: Статьи. М., 1959.
Ryl'skij M. F. Literatura i narod: Stat'i. M., 1959.
- Скворцов Л. И.* Наставники — соратники — друзья: О тех, кто нас учил // Моховая, 9—11: Судьбы, события, память. М., 2010.
Skvortsov L. I. Nastavniki — soratniki — druž'ya: O tekh, kto nas uchil // Mohovaya, 9—11: Sud'by, sobytiya, pamyat'. M., 2010.
- Сталин И. В.* Марксизм и вопросы языкознания. [М.], 1950.
Stalin I. V. Marksizm i voprosy yazykoznaniya. [M.], 1950.
- Томашевский Б. В.* Язык и стиль Пушкина // Пушкин А. С. Соч. Л., 1935.
Tomashevskij B. V. Yazyk i stil' Pushkina // Pushkin A. S. Soch. L., 1935.
- Томашевский Б. В.* Основные этапы изучения Пушкина // Томашевский Б. В. Пушкин: В 2 кн. М.; Л., 1961. Кн. 2: Материалы к монографии (1824—1837).
Tomashevskij B. V. Osnovnye etapy izucheniya Pushkina // Tomashevskij B. V. Pushkin: V 2 kn. M.; L., 1961. Kn. 2: Materialy k monografii (1824—1837).
- Цыганов Д. М.* Холодная война с «модернизмом»: Международная Сталинская премия в контексте западно-советских литературных взаимодействий периода позднего сталинизма // Rossica: Литературные связи и контакты. 2022. № 2.
Cyganov D. M. Holodnaya vojna s «modernizmom»: Mezhdunarodnaya Stalinskaya premiya v kontekste zapadno-sovetskih literaturnyh vzaimodejstvij perioda pozdnego stalinizma // Rossica: Literaturnye svyazi i kontakty. 2022. № 2.
- Чудаков А. П.* Ранние работы В. В. Виноградова о поэтике русской литературы // Виноградов В. В. Поэтика русской литературы: Избранные труды. М., 1976.
Chudakov A. P. Rannie raboty V. V. Vinogradova o poetike russkoj literatury // Vinogradov V. V. Poetika russkoj literatury: Izbrannye trudy. M., 1976.
- Чудаков А. П.* В. В. Виноградов и теория художественной речи первой трети XX века // Виноградов В. В. О языке художественной прозы: Избранные труды. М., 1980.
Chudakov A. P. V. V. Vinogradov i teoriya hudozhestvennoj rechi pervoj treti XX veka // Vinogradov V. V. O yazyke hudozhestvennoj prozy: Izbrannye trudy. M., 1980.
- Шахматов А. А.* Очерк современного русского литературного языка: (Курс, читанный в Санкт-Петербургском университете в 1911—12 учебном году). СПб., 1913.
Shahmatov A. A. Oчерk sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: (Kurs, chitannij v Sankt-Peterburgskom universitete v 1911—12 uchebnom godu). SPb., 1913.
- Hinds L., Windt T.* The Cold War as Rhetoric: The Beginnings, 1945—1950. New York; London, 1991.
- Socialist Realism in Central and Eastern European Literatures under Stalin: Institutions, Dynamics, Discourses. London; New York, 2018.

Павел Глушаков
Независимый исследователь
(Рига, Латвия)

glushakovp@mail.ru

Pavel Glushakov
Independent researcher
(Riga, Latvia)

DOI 10.31860/0236-2481-2023-37-204-210

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ ПИСЬМО
Н. В. ИЗМАЙЛОВА
к Л. С. СИДЯКОВУ

AN UNPUBLISHED LETTER
BY N. IZMAILOV TO L. SIDYAKOV

Публикуется письмо старейшего научного сотрудника Пушкинского Дома Николая Васильевича Измайлова к профессору Латвийского университета Льву Сергеевичу Сидякову. Публикуемое письмо демонстрирует лучшие проявления личной и научной корректности, открытости и доброжелательности. В письме содержатся любопытные оценки событий и характеристики коллег-пушкинovedов, представляющие интерес для истории изучения творчества поэта в советскую эпоху.

Ключевые слова: Н. В. Измайлов, Л. С. Сидяков, переписка, инскрипт, история науки.

A letter from the oldest researcher of the Pushkin House Nikolay Izmailov to the professor of the University of Latvia Lev Sidyakov is published. The published letter demonstrates the best manifestations of personal and scientific correctness, openness and goodwill. The letter contains some curious assessments on the events and characteristics of fellow Pushkin scholars, which are of interest for the history of the study of the poet's work in the Soviet era.

Keywords: N. Izmailov, L. Sidyakov, correspondence, inscription, history of science.

Список литературы и источников

- Дементьев М., Ободовская И. Неизвестное письмо Пушкина // Литературная газета. 1970. № 50.
Dement'ev M., Obodovskaya I. Neizvestnoe pis'mo Pushkina // Literaturnaya gazeta. 1970. № 50.
- Дементьев М. А., Ободовская И. М. Неизвестное письмо А. С. Пушкина к Д. Н. Гончарову // Временник Пушкинской комиссии. 1970. Л., 1972.
Dement'ev M. A., Obodovskaya I. M. Neizvestnoe pis'mo A. S. Pushkina k D. N. Goncharovu // Vremennik Pushkinskoj komissii. 1970. L., 1972.
- Измайлов Н. В. Фантастическая повесть // Русская повесть XIX века: История и проблематика жанра. Л., 1973.
Izmailov N. V. Fantasticheskaya povest' // Russkaya povest' XIX veka: Istoriya i problematika zhanra. L., 1973.
- Левкович Я. Л. Две работы о дуэли Пушкина // Русская литература. 1970. № 2.
Levkovich Ya. L. Dve raboty o dueli Pushkina // Russkaya literatura. 1970. № 2.

Нольман М. Л. «След возвышенного галла»: (Пушкин и Андре Шенье) // Герценовские чтения: XXIII. Филологические науки. Л., 1970.

Nol'man M. L. «Sled vozvyshennogo galla»: (Pushkin i Andre Shen'e) // Gercenovskie chteniya: XXIII. Filologicheskie nauki. L., 1970.

Сидяков Л. С. Годы с Н. В. Измайловым // Пушкинист Н. В. Измайлов: В Петербурге и Оренбурге. Калуга, 2008.

Sidyakov L. S. Gody s N. V. Izmajlovym // Pushkinist N. V. Izmajlov: V Peterburge i Orenburge. Kaluga, 2008.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абдуллаев Е. В. 48, 53, 54, 56, 58—60
Аванесов Р. И. 100
Аввакум (Петров), протопоп 184
Аверинцев С. С. 237
Агапов Б. Н. 198
Айвазян К. В. 107
Айзеншток И. Я. 142
Акимов Э. Б. 54, 55
Акимова Н. Н. 60
Аксаков К. С. 126
Аксаковы 225
Аладьин Е. В. 96
Александр I, имп. 21
Александров В. С. 142
Александров П. А. 93
Алексеев А. П. 10, 13
Алексеев М. П. 98, 161, 188, 198, 209
Алексеев Н. С. 8, 11—13, 16, 23, 24
Алексеева Н. Ю. 101
Алпатов В. М. 182, 184, 196
Алтунян А. Г. 44
Альбрехт Е. Г. 17
Альми И. Л. 57
Альтман Н. И. 211
Альтшуллер М. Г. 58
Альфонсов В. Н. 173
Амирханян М. Д. 55
Анакреон 214
Андроников И. Л. 153, 191
д'Анжан Ж. 71
Аникушин М. К. 212
Анненкова (урожд. Бухарина) В. И. 152
Антоний см. Марк Антоний
Аринштейн Л. М. 64, 65
Ариосто Л. 224
Ардт У. 173
Асатиани Л. 113
Ахматова А. А. 47, 48, 57
Ашнин Ф. Д. 184
Багалец Д. И. 140, 150
Баевский В. С. 42
Байрон (Вугоп) Дж. Г. 55, 74
Балакин А. Ю. 153
Балш А. 18, 23
Балш И. (Янко, Иордаки) 8, 17, 23
Балш (урожд. Богдан) М. 8 (Богдан), 10, 11 (жена Балша), 17
Балш Т. 3, 8, 9, 13, 15-19, 21—25
Балши, семейство 23
Бальмонт К. Д. 139
Бантыш-Каменский Д. Н. 153
Баратынский Е. А. 55, 65, 87, 139
Барков И. С. 44
Бартенева П. И. 7, 8, 10, 11, 25
Бархударов С. Г. 100
Батюшков К. Н. 37, 38, 85—87, 214, 223, 231
Батюшков Н. Л. 37 (отец), 38
Бахтин М. М. 235
Башлачев А. Н. 223

- Бегичев С. Н. 101
Безвикони Г. 18
Бекфорд У. 59
Белинский В. Г. 126, 170, 193, 235, 236
Бельчиков Ю. А. 182, 203
Белый А. А. 45, 49, 55
Бёминг М. 131, 132
Бенуа Г.-Ф. 159
Беранже П.-Ж. де 3, 90
Березкина С. В. 3, 26, 27, 60, 162
Беркен (Berquin) А. 30
Бернар (Жангиль-Бернар, Gentil-Bernard) П.-Ж. 80
Бертен (Vertin) Т.-Р. 30
Бестужев А. А. 87
Бетеа Д. 47
Билибин И. Я. 215
Билинкис Я. С. 236
Бине (Binet) Р. 86
Битов А. Г. 112
Благова Э. 100
Благой Д. Д. 161, 185, 205
Блейк У. 180
Блок А. А. 44, 59, 170—173, 180
Блудов Д. Н. (Кассандра) 3, 26—29, 31 (Кассандра), 32—38
Блудова А. Д. (Антуанетта) 35, 36
Бобович А. С. 76
Бобров А. А. 217
Бобров С. С. 231
Богач Г. Ф. 18, 21
Богдан С. 17, 21—23
Богданович И. Ф. 87
Бологовский Д. Н. 7
Бонди С. М. 185, 191, 205
Бонфельд М. 45
Борзенков Д. С. 144, 145
Борискович В. Г. 212
Боровиковский И. И. 145, 146
Боровкова-Майкова М. С. 26
Боулз (Bowles) К. 79
Бочаров С. Г. 52
Буазар (Boisard) Ж. Ж. 70
Бубнов А. С. 185
Буденный С. М. 165
Булгаков А. Я. 35, 36
Булгаков М. А. 215
Булгарин Ф. В. 60, 109—114, 122, 123, 142, 143, 146
Булкина И. С. 180, 230, 231
Бунин И. А. 159
Бурцов И. Г. 115
Бутурлин Н. А. 112
Бычкова А. Ю. 131
Бялый Г. А. 208
- Вавилов С. И.** 199
Вайскопф М. Я. 129
Валленштейн А. фон 61
Ван-Дейк А. 227
Варфоломей Е. К. 7
Варшавский Л. Р. 92
Васильковский В. С. 214
Вацуро В. Э. 26, 66, 70, 73, 79, 82—84, 109, 113, 119, 122, 136
Веневитинов А. В. 148
Вересаев В. В. 158, 159, 161, 174
Вержье (Vergier) Ж. 78
Веробьян Б. С. 178, 179
Верховский Ю. Н. 174
Вечерка Р. 100
Виардо П. 209
Вигель Ф. Ф. (Ивиков журавль) 14, 15, 32 (Ивиков журавль), 34, 38, 121
Виельгорский М. Ю. 123
Викторович В. А. 230
Виницкий И. Ю. 152, 165, 174
Виноградов В. В. 99, 131, 181—203
Винокур Г. О. 193
Виролайнен М. Н. 52, 65, 66
Витале С. 42
Восейков А. Ф. (Две огромные руки) 31 (Две руки), 32 (Две огромных руки), 34
Восейкова А. А. 35
Вознесенский А. А. 188
Волконская М. Н. см. Раевская М. Н.
Вольперт Л. И. 73, 76
Вольтер (Voltaire) 100, 155, 163, 169, 224
Вольф А. И. 123
Воронцов М. С. 13

- Воронцова Е. К. 174
 Воронцова С. М. 174
 Востоков А. Х. 91
 Вревские 93, 94, 96
 Врубель М. А. 180
 Вульф А. Н. 210
 Вяземские 121, 123, 124
 Вяземский П. А. (Асмодей) 9, 14, 28,
 31 (Асмодей), 32, 34, 36, 76, 95—
 97, 120—124, 131, 135, 141, 147,
 229
- Гаевский М. С. 16
 Гайдн Й. 27
 Гайлит Г. А. 207
 Галич А. И. 145
 Галкина-Федорук Е. М. 182
 Гальцева Р. А. 57
 Ганнибал И. А. 213
 Ганнибал П. И. 213
 Гед Г. С. 14
 Гейтман Е. И. 93
 Геккерен (Геккерн) Л. ван, барон 42
 Геллер П. И. 218
 Гельвеций (Helvétius) К. 98, 99
 Георгий Кониский 116
 Герцен А. И. 139
 Гершензон М. О. 136
 Герштейн Э. Г. 39
 Гессен А. И. 177, 178
 Гизо (Guizot, урожд. Де Мелан) П.
 29, 30
 Гизо (Guizot) Ф. 75
 Гиллельсон М. И. 113
 Гиппиус Вас. В. 119
 Гиппократ 98
 Гишар (Guichard) Ж.-Ф. 70
 Глебкин В. В. 62
 Глибицкая (Глибицька) С. Б. 149
 Гликман Г. Д. 212
 Глинка М. И. 114, 216
 Глушаков П. С. 204
 Гнедич Н. Н. 14, 54
 Гоголь Н. В. 3, 61, 118—139, 193,
 195, 202, 218
 Голлербах Э. Ф. 215
 Головастиков К. А. 53
- Головачева А. Г. 46, 48
 Гомбо (Gombaud) А. 71
 Гомер 59, 142, 148
 Гонорский Р. Т. 144
 Гончаров Д. Н. 209
 Гончаров И. А. 53
 Горащий (Hogace) 85, 86, 145
 Городецкий Б. П. 204, 209
 Горчаков В. П. 10—12, 16, 17, 25
 Горчаков Д. П. 131, 159
 Гофман В. А. 190, 192
 Гофман М. Л. 159
 Грачева А. М. 153, 156, 170
 Грекур (Grécourt) Ж.-Б. де 78, 84
 Греч Н. И. 144, 215, 216
 Грибоедов А. С. 58, 101, 106—118,
 139
 Григорьев А. А. 235
 Григорьев В. Н. 109
 Громбах С. М. 98
 Гроссман Л. П. 72, 73, 87, 174
 Груздев А. И. 236
 Губер П. К. 160, 161
 Гудкова С. П. 50
 Гуковский Г. А. 191
 Гулак-Артемовский П. П. 145
 Гумбольдт А. фон 98
 Гусев Ю. П. 51
 Гюнтер Х. 197
- Давид Ж.-Л. 90, 91
 Давыдов В. Л. 159
 Давыдова А. А. 51
 Давыдовы 177
 Д'Аламбер Ж. Л. 68
 Даль В. И. 216
 Данте А. 142
 Дантес Геккерн Ж.-Ш. 13, 42, 221
 Дарвин М. Н. 116
 Даун Б. 49
 Дашков Д. В. (Чул!) 32, 34
 Дашкова Е. Р. 133
 Двойченко-Маркова (Dvoicenco) Е. М.
 18, 19
 Дебро (Debraux) Э. 90
 Дей (Day) Т. 30
 Дейч Е. К. 155

- Декарт Р. 117
 Де Ла Борд (La Borde) Ж.-Б. 81
 Делиль (Delille) Ж. 86
 Делон М. 81
 Дельвиг А. А. 73, 142—144, 146, 208, 234
 Дементьев М. А. 209
 Де-Пуле М. Ф. 147, 148
 Державин Г. Р. 135, 136, 211, 213—222, 234
 Деркач Б. А. 142
 Десницкий В. А. 192
 Джагалов Р. 44
 Дидро (Diderot) Д. 68
 Димитров Л. 44
 Дмитриев И. И. 36, 37 (Иван Иванович), 38, 86
 Дмитриев-Мамонов Ф. И. 136
 Дмитриева Е. Е. 57
 Дмитриева Н. Л. 3, 26, 92
 Добрицын А. А. 82
 Долгих Е. В. 26
 Долгоруков И. М. 101
 Долгоруков Н. А. 93
 Долгоруков П. И. 7, 10, 17, 21, 22, 24
 Долинин А. А. 107—112, 115, 153, 157, 203
 Дорохов Р. И. 141
 Достоевский Ф. М. 53, 59, 60, 179, 212
 Дробязко Е. (Дроб'язко Є.) 152
 Дружинин А. В. 236
 Дружинин В. Н. 201
 Дружинин П. А. 188, 198
 Дувиль (Douville) Ж.-В. 73
 Дудрович А. И. 146
 Дурново Н. Н. 184
 Дюбо (Dubos) К. 67—69, 71, 73, 74, 87, 88

 Ефимов В. А. 136
 Евгенийев-Максимов В. Е. 212
 Егоров Б. Ф. 236
 Егорова Е. Н. 67
 Егорова Л. 59
 Екатерина II, имп. 123, 133, 136
 Елагина А. П. 28, 36
 Елиферова М. В. 43, 47—49, 53
 Ельцин Б. Н. 222
 Епифаний Славинецкий 103
 Ермилов В. В. 197, 199
 Ермолов А. П. 114
 Ерофеева (Ерофеёва) Г. М. 139
 Ерохина И. В. 48
 Есипов В. М. 41, 42, 44, 46, 48, 49, 51, 52, 54, 57, 58, 62, 63
 Ефремов П. А. 93, 161

Жанлис (Genlis) С.-Ф. де 52, 70
 Жирмунский В. М. 183, 185
 Жихарев П. С. 37 (отец), 38
 Жихарев С. П. (Громобой) 31, 32 (Громобой), 34, 37, 38
 Жуйкова Р. Г. 13
 Жуковский В. А. (Светлана, Бессменный секретарь) 3, 15, 26—38, 58, 82, 101, 117, 120, 121, 123, 124, 127, 136, 139, 140, 147, 154, 162, 216, 218, 225, 227, 229
 Жюлье А. Л. де 67

Завалистая А. 20
 Зайцев Б. К. 153, 170
 Замошкин Н. И. 155
 Западов В. А. 236
 Заславский О. Б. 62
 Збруев А. А. 93
 Звонцов В. М. 212
 Зелинский К. Л. 198
 Зельченко В. В. 20
 Зингер Е. А. 47
 Золотарев И. Я. 144, 146
 Зорин А. Л. 50
 Зубарева В. К. 57, 60, 62
 Зубкова Е. Ю. 196
 Зыкова Г. В. 28

Иванов Вяч. Вс. 182
 Иванюшина И. Ю. 39
 Иевлев Н. В. 211
 Иезуитова Р. В. 32
 Измайлов Н. В. 204—210
 Измайлова-Чебышева Н. А. 207, 208
 Инбер В. М. 190

- Инзов И. Н. 8, 10, 17, 21, 22, 23, 24, 177
- Иннокентий (Борисов), архиеп. 103
- Ишполитов С. С. 58
- Искра И. И. 153
- Кавелин Д. А (Пустынник) 31—34**
- Каверин В. А. 218
- Каверин П. П. 141
- Каганович А. Л. 91, 92
- Казакова С. К. 56
- Казанович Е. П. 193
- Калайдович К. Ф. 36
- Калинников Л. А. 61
- Каллимаки С. 18
- Каменев Л. Б. 184
- Кант И. 45, 58, 59, 61
- Кантакузины 7
- Капнист В. В. 85
- Карамзин Н. М. 27, 29, 32, 36, 38, 53, 113, 153, 196, 215, 225
- Карасев Л. В. 52
- Кардаш Е. В. 3, 89
- Карлгоф Н. 132
- Карпантье (Carpentier) Л.-Ж.-М. 73
- Карташевская М. Г. 126
- Касаткина Т. А. 59
- Катаев В. Б. 232
- Катакази Т. А. 9
- Кафтанов С. В. 199
- Каченовский Д. И. 147
- Каччини Дж. 216
- Квитка-Основьяненко Г. Ф. 140
- Келли К. 44
- Кертман Л. П. 47
- Кибовский А. В. 14
- Кирпичников А. И. 151
- Кирпонос Е. М. 177
- Кирпотин В. Я. 185
- Киселева Л. Н. 162
- Китанина Т. А. 3, 97
- Клевер О. Ю. 214
- Клеопатра, царица Египта 85
- Климова С. Б. 55
- Княжнин А. Я. 133
- Княжнин Я. Б. 133—135
- Кобургский герцог см. Эрнест I, герцог Саксен-Кобургский
- Ковалевский Е. П. 27
- Коган Л. А. 42
- Козлов В. П. 36
- Козлов Никита 24
- Козловский П. Б. 123
- Кольцов А. В. 236
- Кондаков Н. П. 165
- Коперник Н. 180
- Копылов А. Ф. 160
- Коржавин Н. М. 44
- Кормилов С. И. 40, 42, 55, 231
- Корнилов В. 40
- Коровин В. И. 57
- Короленко В. Г. 139
- Кортамбер (Cortambert) Л. см. Латур Ш. де
- Корф М. А. 26
- Костомаров Н. И. 147
- Костырченко Г. В. 198
- Котельников В. А. 237
- Коули (Cowley) А. 71
- Кочубей В. Л. 153
- Кошанский Н. Ф. 52
- Кошелев А. В. 223
- Кошелев В. А. 4, 223—234
- Краевский А. А. 137
- Красиков М. М. 139
- Красницкий И. Я. 217
- Краснобородько Т. И. 116, 161
- Краснощекова Е. А. 53
- Красухин Г. Г. 40, 41, 45, 46, 50, 53, 55
- Крафт К. 173
- Кристина, королева Швеции 70
- Кронеберг И. Я. 141, 145
- Крукшенк Дж. 91
- Крупенская Е. Х. 7
- Крупенский (Крупянский) М. Е. 5—9, 13, 15, 18—20, 22—25
- Крыжановский (Крижанівский) С. А. 142
- Крылов И. А. 48, 120
- Кубе Л. И. 30
- Кудрявцева А. Н. 157
- Кузичева М. В. 56

- Кузнецова Л. Н. 201
 Кузнецова Н. В. 101
 Кузовкина Т. Д. 123
 Кузьмин Н. В. 214
 Кулагин А. В. 61, 234
 Кумпан К. А. 184
 Купина Н. А. 185
 Курганов Е. Я. 137
 Куркин Б. А. 63
 Курочкин А. В. 3, 5
 Кустодиев Б. М. 211
 Кушниренко В. Ф. 3, 16, 20
 Кюи Ц. 53
 Кюхельбекер В. К. 82
- Лавровский Н. А.** 148
 Лагарп (La Harpe) Ж.-Ф. де 78, 86
 Ларионова Е. О. 143, 158
 Латур (Latour) Ш. де 69, 70, 71, 73
 Лафатер И. К. 132
 Лебедев А. И. 211
 Левин Ю. Д. 76
 Левина Т. М. 53
 Левичева Т. И. 5, 6
 Левкович Я. Л. 106—108, 114, 210
 Левшин В. А. 224
 Ленин (Ульянов-Ленин) В. И. 189, 195
 Леонидов Л. М. 174
 Лермонтов М. Ю. 43, 127, 139, 153, 180, 192
 Летурнер (Letourneur) П. 75
 Линней К. 67
 Липранди И. П. 5—16, 23
 Липранди М. И. 14
 Липранди П. П. 14
 Лобанова А. С. 64, 66, 84
 Ломинадзе С. В. 39
 Ломоносов М. В. 214, 223
 Лонгинов М. Н. 93
 Лосиевский И. Я. 141
 Лотман Ю. М. 158, 206, 215
 Лохвицкая М. А. 166
 Лужский В. В. 174
 Лукач Д. 51
 Львов Н. А. 225
 Любаев П. С. 218
- Людовик XIV, король Франции 215
 Лямина Е. Э. 119
- Маврина Т. А.** 221
 Мазур Н. Н. 65, 98, 99
 Майофис М. Л. 26
 Макарий, митрополит 103
 Макаров, прапорщик 111
 Макаровский М. М. 140, 142
 Маковский С. К. 172
 Маленков Г. М. 199
 Мальшева-Виноградова Н. М. 184, 198
 Мальцев М. И. 210
 Мандебура О. 139
 Мандельштам О. Э. 54
 Манн Ю. В. 123, 131
 Манни Дж. (ди Паоло) 170, 172, 173
 Маричева Л. М. 163
 Мария Федоровна, вел. княгиня 102
 Марк Антоний, римский государственный деятель 85
 Марр Н. Я. 202
 Мартынов И. И. 67, 70
 Массон (Masson) Н. 66
 Массон де Сент-Аман (Masson de Saint-Amand) К. 74
 Маяковский В. В. 39, 53, 180
 Мейер А. 67, 68
 Мейлах Б. С. 185, 208, 209
 Мейнерс К. 144
 Мельдин М. О. 101
 Мережковский Д. С. 139
 Мешков В. А. 58
 Мещёвский А. И. 28, 31—34
 Мильчина В. А. 117, 131, 159
 Михайлин И. (I.) 140
 Михайлова А. К. 3, 4, 39
 Михайлова М. В. 166, 168
 Михайлова Н. И. 65, 78, 79
 Миханкова В. А. 202
 Мицкевич А. 58
 Могилевский А. Г. 146
 Модзалевский Б. Л. 5, 73, 75, 76, 105, 148, 161
 Модзалевский Л. Б. 15, 105, 162
 Моисеенко Е. Е. 212

- Мойга А. А. 108
 Молок Ю. А. 199
 Мольер Ж.-Б. 41, 215
 Монтень (Montaigne) М. 75, 76
 Моргенштерн К. С. 29
 Мордовченко Н. И. 119, 126
 Мориер Д. Ю. 47
 Морне (Mornet) Д. 89
 Морозов П. О. 161
 Морозова Н. П. 222
 Моцарт В. А. 41, 56
 Мудров М. Я. 98
 Муравьева И. А. 162
 Муравьева О. С. 105
 Мурза Г. 112
 Мурьянов М. Ф. 40
 Мясковский Н. Л. 157
 Мясоедова Н. Е. 106
 Мятлев И. П. 229
- Нахимов А. Н.** 141, 144
 Наполеон I Бонапарт 3, 89—92, 117, 230
 Некрасов Н. А. 44, 211, 212, 216, 218—222, 236
 Непомнящий Б. Л. 218
 Николай I, имп. 26, 27, 41, 42, 113, 123
 Николай (Ярушевич), митрополит Киевский и Галицкий 176
 Николетти, кишиневский ресторатор 17
 Никулчев Ю. В. 40, 41, 43
 Новиков В. И. 61
 Новиков И. А. 152—180
 Новиков Н. И. 215
 Новикова Л. С. 174
 Новикова-Принц М. Н. 157, 177
 Новиковы 174
 Нольман М. Л. 210
 Нотбек А. В. 93
 Нусинов И. М. 198, 199
- д'Обинье (d'Aubigné) Т. А. 72, 73
 Ободовская И. М. 209
 Овидий (Ovide) 74, 75, 77, 80, 81, 84
- Огарев Н. Г. 114
 Одоевский В. Ф. 120, 137, 139, 147, 148
 Ознобишин Д. П. 132
 Оксман Ю. Г. 5, 46, 58, 185, 191
 Октавиан Август, римский император 85
 Оленин А. Н. 30
 Оленина (урожд. Полторацкая) Е. М. 30
 Олизар Г. Ф. 160
 Онипенко Н. К. 182
 Орлов А. С. 192
 Орлов В. Н. 101
 Орлов М. Ф. (Рейн) 7, 9—11, 32 (Рейн), 34, 161, 162
 Орлов Ф. Ф. 9, 10
 Орловский П. И. 165
 Оруэлл Дж. 42
 Осипова П. А. 64, 67, 84
 Осповат А. Л. 26
 Осповат Л. С. 180
 Оссиан 224
 Охотин Н. Г. 74, 158
- Павлова Т. Г.** 140
 Павловец М. Г. 179
 Панаев И. И. 212
 Панаева А. Я. 212
 Панов С. И. 28
 Парни Э. 155, 163, 169, 214, 224
 Паррот Г. Ф. 29
 Паскевич И. Ф. 107, 115
 Пастернак Б. Л. 48, 50
 Пащенко М. В. 51, 52
 Пеньковский А. Б. 56, 70
 Перельмутер В. Г. 46
 Перзеке А. Б. 50, 53
 Перовский А. А. 141
 Перовский В. А. 61
 Перпер М. И. 22
 Перуджино П. 52
 Перцов Н. В. 49, 97—99
 Песков А. М. 27
 Пестель П. И. 5, 57
 Петерсон М. Н. 189
 Петина Л. И. 85

- Петр I Великий, имп. 165, 221
 Петраков Н. Я. 45
 Петровская Н. И. 167, 168
 Петрунина Н. Н. 119
 Пиксанов Н. К. 109
 Пильщикова (Pilhchikov) И. А. 53, 129, 131
 Писаревский Степан 140
 Пискунова С. И. 56, 63
 Пишо (Pichot) А. 75
 Платон 48, 58, 59
 Платон (Левшин), митрополит 102
 Платт Дж. Б. 194
 Плетнев П. А. 73, 74, 87, 110, 116, 120
 Плещеева (урожд. Веригина) Н. Ф. 30
 Плотникова И. 177
 Поварцов С. Н. 40
 Погодин М. П. 125, 135, 148
 Подковырин Ю. В. 56
 Подмазо А. А. 10
 Подорога В. А. 202
 Пок (Роке) С. 72
 Полевой Н. А. 105, 234
 Полонски Р. 47
 Полторацкий А. П. 12, 17
 Полторацкий С. Д. 93
 Полякова Ю. Ю. 149
 Полянская Н. И. (Полянська Н. І.) 139
 Попов М. И.
 Потапова В. А. 175
 Потемкина А. А. 148—150, 183
 Потокский Н. Б. 113
 Потоцкая С. С. 231
 Потоцкий Я. 57
 Прожогин Н. П. 41
 Проскурин О. А. 82, 83, 153, 155, 158, 159, 164, 174
 Проскурина В. Ю. 3, 119, 131, 136, 138, 159
 Пруцких А. С. 174
 Пугачев Е. И. 58, 230
 Пушкин В. Л. 36
 Пушкин Л. С. 96, 161, 162, 168
 Пушкина Н. Н. 215
 Пуцин М. И. 93—96
 Пуцин П. С. 8, 10, 11, 17, 22—25
 Пяткин С. Н. 233
 Рабле Ф. 137
 Радищев А. Н. 233
 Раевская Е. Н. 157, 161
 Раевская Ек. Н. 157
 Раевская (в замуж. Волконская) М. Н. 157—161, 163, 169, 179
 Раевские, семья 157
 Раевские, сестры 157, 161
 Раевский Н. Н., младший 76, 153—155, 178
 Раевский Н. Н., старший 152, 157
 Рак В. Д. 46, 78, 106
 Расин (Racin) Ж. 86
 Раскольников Ф. А. 45
 Распе Э. 52
 Рассадин С. Б. 48
 Раух И.-Н. 218
 Рафаэль 52, 154, 227
 Ребель Г. М. 60
 Ревзина О. Г. 190
 Ревякин А. И. 235
 Рейфман П. С. 119
 Рецпетер В. Э. 48, 59
 Рижский И. С. 144, 145
 Ризнич А. 47
 Рихтер Ж.-П. 136
 Ришелье де, герцог (Виньеро дю Плесси Л.-Ф.-Ф. де) 81
 Робинсон М. А. 183, 193
 Роднянская И. Б. 57
 Рождественский Ю. В. 181
 Розальон-Сошальский А. Г. 145
 Розанова С. А. 42
 Розен Е. Ф. 118—121
 Розина И. В. 222
 Романовский А. 52
 Рубанович В. 46
 Рудаков К. И. 214
 Ружицкая И. В. 26, 38
 Румянцев Н. П. 35, 36
 Румянцев С. П. 29, 30
 Руставели Ш. 58
 Рылеев К. Ф. 87
 Рыльский М. Ф. 197

- Савельзон И. В. 61
 Савицкий Г. К. 211
 Савчук В. О. 139
 Садовский (Садовской) Б. А. 170
 Сайтов В. И. 96
 Самовер Н. В. 119
 Сандомирская В. Б. 85
 Санковский П. С. 114
 Сапгир Г. В. 179
 Саркисян С. Г. 112
 Сарнов Б. М. 42, 45
 Сахаров В. И. 42, 43
 Свенцицкая Э. М. 40
 Святослав Ярославич, князь 36
 Себежко Е. С. 59
 Севастьянов К. Е. 213
 Северин Д. П. (Резвый кот) 32, 34—38
 Селезнев В. 46
 Селицкий А. Я. 53
 Семенко И. М. 162
 Сенесе А. Б. де 7
 Сен-Мор Ш. де 71
 Сент-Бёв (Sainte-Beuve) Ш.-О. 73, 117
 Сен-Флоран Ф. 30
 Сергеева-Клятис А. Ю. 46, 47
 Серман И. Э. 48
 Сидоров И. С. 106, 107, 109, 110
 Сидяков Л. С. 204—210
 Сидяков Ю. Л. 208, 210
 Сидякова Ю. И. 210
 Синцов Е. В. 53
 Ситон (Seaton) Б. 69
 Скатов Н. Н. 4, 153, 235—237
 Скворцов А. 56
 Скворцов Л. И. 182
 Склабовский А. В. 141
 Слёнин И. В. 91
 Сливкин Е. А. 57
 Смирнов А. 44
 Смирнов-Сокольский Н. П. 58, 221
 Смирнова-Россет А. О. 52, 136, 137
 Собаньская К. А. 41
 Соболев А. Л. 174
 Соболев Л. И. 47
 Соболевский А. И. 183
 Соболевский С. А. 93-97
 Соллогуб В. А. 13, 137
 Соловьев В. С. 180
 Соловьев П. 50
 Соловьев С. М. 172
 Сонин А. С. 199
 Сорникова М. Я. 230
 Сорокин Ю. С. 99
 Спечинский В. Н. 60
 Сталин И. В. 176, 177, 185—187, 195, 198, 200—203
 Старов В. Г. 212
 Старов С. Н. 3, 10—13, 15—17, 24
 Стендаль 61
 Степанова Т. М. 55
 Стерн Л. 132, 133
 Страхов Н. Н. 236
 Стрекалов С. С. 109
 Строганов М. В. 177, 224
 Строев П. М. 36
 Суворов А. В. 90
 Сумароков А. П. 214, 215
 Сумцов Н. Ф. 139—151
 Сурат И. Э. 54
 Сухомлинов М. И. 147, 148
 Схаляхо Д. С. 55
 Тархова Н. А. 95, 96, 107, 209
 Темненко Г. М. 59
 Терebeneв (Теребенёв) И. И. 91, 92
 Тессье (Tessier) А.-А. 68
 Тибулл 86
 Тименчик Р. Д. 205, 207
 Тираспольский Г. И. 41
 Тихонов Н. С. 198
 Тихонравов Н. С. 93
 Тициан 159
 Тоддес Е. А. 205, 207
 Толстой И. И. 165
 Толстой Л. Н. 42, 53, 60, 139, 153
 Томашевский Б. В. 15, 76, 161, 162, 181, 183, 185, 192, 197, 205, 206, 210
 ТрEDIAKовский В. К. 101
 Трипиччионе Л. 4
 Трубецкой Н. С. 184
 Туманишвили Д. 113, 114

- Туманский В. И. 84
Турбин В. Н. 180
Тургенев А. И. (Эолова Арфа) 28—33, 65, 120, 124
Тургенев И. С. 60, 139, 209
Тургенев Н. И. (Варвик) 32 (Варвик), 34
Тургеневы 32
Турнефор (Турнефорт) Ж. П. де 67
Турчаненко В. В. 4
Туэн (Thouin) А. 68
Тынянов Ю. Н. 107, 110, 164, 165, 180, 183
Тюпа В. И. 116
Тютчев Ф. И. 52, 139, 148, 228
- У**
Уваров С. С. (Старушка) 32, 34
Урарту А. 112
Урусов А. И. 137
Успенский Б. А. 129, 185
Ушаков Д. Н. 184
- Ф**
Фаворский В. А. 213
Фадеев А. А. 198
Фарыно Е. 162
Феофан (Прокопович) 102
Фесенко Ю. П. 106
Фет А. А. 44
Финкель А. М. 150
Флейшман Л. С. 50, 153, 205, 207
Фок М. Я. фон 50
Фомичев С. А. 3, 106, 107, 118
Фонвизин Д. И. 121, 123, 135, 215
Фонтенель (Fontenelle) Б. де 76, 77, 101
Фор (Faur) Л.-Ф. 81
Фрадкин (Фрадкін) В. З. 139
Франк С. Л. 56
Францова Н. В. 48—50
Франчук В. Ю. 149
Фрейд З. 166, 167
Фридлиндер Г. М. 119
Фролов М. А. 58
Фужеру де Бондаруа (Fougeroux de Bondarouy) О.-Д. 68
- Х**
Халанский М. Г. 140, 150
Харциев В. И. 149, 150
- Херасков М. М. 215
Хинкулов Л. Ф. 177
Хитрова Д. М. 87
Хозров-Мирза 113
Хомяков А. С. 225
Хрущев Н. С. 189
- Ц**
Цветаева М. И. 47
Цейтлин Р. М. 100
Цимбаева Е. Н. 62
Цшоке Г. 132
Цыганов Д. М. 181, 186
Цявловская (урожд. Зенгер) Т. Г. 97, 174, 175, 205, 209
Цявловский М. А. 7, 21, 93, 152, 174, 175, 209
- Ч**
Чаадаев П. Я. 118, 231, 232
Чердаков Д. Н. 3, 105
Черейский Л. А. 96, 146—148
Черемисинов Я. Я. 7
Чернецов Г. Г. 216
Черниговский Д. 51
Чернышевский Н. Г. 212
Черчилль У. 186, 187
Чехов А. П. 48, 139, 232
Чилачишвили И. 114
Чудаков А. П. 183
Чудакова М. О. 107
Чуковский К. И. 212, 216
Чулков М. Д. 224
Чулков Г. И. 174
Чумаков Ю. Н. 52
Чуяко Ю. 55
- Ш**
Шад И. Б. 144
Шайтанов И. О. 43, 51
Шапир М. И. 53
Шапошникова В. В. 62
Шарафадина К. И. 67
Шахматов А. А. 183, 191
Шевченко Т. Г. 140, 148, 152
Шевырев С. П. 126
Шекспир (Shakespeare) У. 43, 47, 54, 56, 75, 76, 142, 144, 147, 148
Шенье А. 210
Шервинский С. В. 67

- Шехтер Б. С. 157
 Шиллер (Schiller) Ф. 101, 144, 148, 151
 Шилинг П. Л. 98
 Широкоград Ф. X. 149
 Шкловский В. В. 183
 Шмараков Р. Л. 85
 Шпигоцкий О. Г. 142
 Шульман Ф. М. 9
 Шульц С. А. 61
- Щ**еголев П. Е. 157—159
 Щеголев Я. И. 142
 Щерба Л. В. 183
 Щербина Н. Ф. 142
 Щербинин М. А. 141
- Эдельман О. В. 57
 Эзон 70
 Эйдельман Н. Я. 14
 Эйзенштейн С. М. 180
 Эйсмонт А. М. 10
 Эйхенбаум Б. М. 111, 115, 183
 Элиаш Н. М. 85
 Энгельс Э. 195
 Эрнест I, герцог Саксен-Кобургский 136
- Ю**веналий (Медведский) 103
 Юзэфович М. В. 141
 Юрьева И. Ю. 105
 Юсуф-паша 21
- Я**зыков Н. М. 42, 210, 228
 Якимов В. А. 146—148
 Якобсон Р. О. 184
 Ярошик В. О. 139
 Яшин М. И. 209, 210
- Åkerman S. 70
- B**alsch A. *см.* Балш А.
 Balsch T. *см.* Балш Т.
 Bernard P.-J. 81
 Berquin A. *см.* Беркен А. 30
- Bertin T.-P. *см.* Бертен Т.-П.
 Bezviconi G. *см.* Безвикони Г.
- C**allimachi S. *см.* Каллимаки С.
 Costea M. 70
- D**ay T. *см.* Дей Т.
 Dvoicenco E. *см.* Двойченко-Маркова Е. М.
- E**tkind E. 116
- F**avart Ch.-S. 80
 Fontenelle V. *см.* Фонтенель В.
 Friedrich II 78
- G**enlis S.-F. *см.* Жанлис С.-Ф. де
 Geoffoy J. L. 86
 Guillard N.-F. 80
 Guizot P. *см.* Гизо П.
- H**inds L. 186
- K**roupensky *см.* Крупенский М. Е.
- L**ebedeva O. B. 60
 Loubère S. 77, 81
- P**ilshchikov I. *см.* Пильщикова И. А.
- R**ead Ch. 72
- S**chmid W. 153
 Schrenck G. 72
- T**ardif F. J. 70
 Théis A. de 70
 Trublet N.-Ch.-J. 77
 Turpin de Crissé C. de 80
- V**almont de Bomare J.-C. 68
 Voisenon C.-H. de Fusé de 80
- W**achtel M. 119
 Windt T. 186

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. С. ПУШКИНА

Анджело 43

Бахчисарайский фонтан 158, 160, 231, 232

Бесы 229

«Блажен в златом кругу вельмож...» 55

Борис Годунов 45, 63, 143, 229

Братья разбойники 178

«В младенчестве моем она меня любила...» см. Муза

«В прохладе сладостной фонтанов...» 58

Вадим 229

Виноград 64, 65

Влюбленный бес 18

Вольность 40

«Вот перешед чрез мост Кокушкин...» 93—97

Выстрел 52

Гавриилада 152, 155, 160, 161, 167, 172, 177, 178, 180

Герой 90, 230

Гусар 152

Домик в Коломне 136

«Завидую тебе, питомец моря смелый...» 13, 14

Зимнее утро 233

Зимний вечер 233, 234

Евгений Онегин 42, 43 (Онегинское), 44 (Ольга и Татьяна), 46 (Онегин), 48,
50, 52, 59, 62, 82, 93, 94, 158, 164, 214, 220, 225—227, 231, 232

Египетские ночи 149

«И я бы мог, как шут...» 57
Из Пиндемонти 44
Иностранке («На языке тебе невнятном...») 232
История Пугачева см. История Пугачевского бунта
История Пугачевского бунта 58, 59, 61

К другу стихотворцу 47
«К чему холодные сомненья?..» см. Чедаеву
Кавказский пленник 178, 214
Каменный гость 41, 55 (Дон Жуан, Дон Гуан)
Капитанская дочка 46, 57, 59, 61, 62, 135, 215
«Крив был Гнедич поэт...» (К переводу Илиады) 54

Легенда 59

Мадона 59, 172
Маленькие трагедии 41, 49
Медный всадник 39, 42, 47, 50, 53, 214
Мера за меру 43
Младенцу 174
«Мой друг, уже три дня...» 9, 21, 24
Моцарт и Сальери 45, 57, 58, 115
Муза («В младенчестве моею она меня любила...») 44

«Надеждой сладостной младенчески дыша...» 232
«Надо помянуть, непременно помянуть надо...» 229
Наполеон 50, 90
«Не пой, красавица, при мне...» 47
Недавно бедный музюльман...» 7
«Недвижный страж дремал на царственном пороге...» 90
Нереида 158, 159, 161
Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем 60
«Ночь тиха, в небесном поле...» 46

«О, сколько нам открытий чудных...» 3, 97—105
Олегов щит 228
Отрывок из письма к Д.

Памятник см. «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»
Песни западных славян 40
Песнь о вещем Олеге 152, 228
Пиковая дама 53, 57 (Германн), 60, 182
Пир во время чумы 48, 53, 58
Пир Петра Первого 116

- Повести Белкина 41—43, 53, 57, 62, 215
 «Под небом голубым страны своей родной...» 57
 Полтава 153, 158
 Послание Дельвигу (Череп) 208, 209
 Послание Лиде 59
 «Послушай, дедушка, мне каждый раз...» 78
 Поэт и толпа 46
 Поэту 54
 Пророк 42, 59,
 «Пупок чернеет сквозь рубашку...» 93—97
 Путешествие в Арзум 3, 47, 106—118, 141, 146
- Разговор книгопродавца с поэтом** 149
 «Редет облаков летучая гряда...» 157
 <Рефутация г-на Беранжера> 89—92
 Родословная моего героя 149
 Руслан и Людмила 152, 224, 225, 229, 233
- Сказка о золотом петушке 51, 52 (Сняющий петух), 219
 Сказка о мертвой царевне и семи богатырях 57
 Сказка о рыбаке и рыбке 219
 Сказка о царе Салтане 215, 219, 229
 Скупой рыцарь 41, 51, 54
 «Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи...» (На перевод Иллиды) 54
 «Стамбул гяуры нынче славят...» 230
 Станционный смотритель 182
 Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы 230
 Сцена из Фауста 82
 Сцены из рыцарских времен 55
- Таврида 231, 232
- Философ** 59
- «Цветы последние милей...» 3, 64—89
 Цыганы 142, 143
- Чедаеву** («К чему холодные сомненья?») 231
 Череп см. Послание Дельвигу
 Чернь 149
 «Что в имени тебе моем?...» 41
- Эпиграмма** (На А. А. Давыдову) («Оставя честь судьбе на произвол...») 51
- «Я** памятник себе воздвиг нерукотворный...» 50, 61, 62, 220

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

I. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

А. В. Курочкин. Кишиневская записка Пушкина к неизвестному Виктору Кушниренко (Молдова). «Будьте добры, подождите меня...». К истории ссоры в Кишиневе опального Пушкина с яским боярином Тодором Балшем.	5
Неопубликованные «арзамасские» письма Д. Н. Блудова к В. А. Жуковскому (1815—1817). Вступительная статья и примечания С. В. Березкиной, подготовка текста С. В. Березкиной и Н. Л. Дмитриевой.	16
	26

II. ОБЗОРЫ

Пушкиноведение на страницах журнала «Вопросы литературы» (2000—2020). Аннотированная библиография. Составила А. К. Михайлова	39
--	----

III. СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

Е. В. Кардаш. Как устроен «маленький шедевр». Заметки о мадригале Пушкина «Цветы последние милей...»	64
Н. Л. Дмитриева. Лысый Наполеон в «<Рефутации г-на Беранжера>»	89
Т. А. Китанина. Так что же чернеет сквозь рубашку Татьяны Лариной? Текстологическая проблема одной пушкинской эпиграммы	93
Д. Н. Чердаков. К предыстории сочетания 'Бог изобретатель' в черновом наброске Пушкина 1829 года	97
С. А. Фомичев. «Грибоедовский эпизод» во второй главе «Путешествия в Арзрум»	106
Вера Проскурина (США). Гоголевский «Нос» в пушкинском кругу. О редакции повести в журнале «Современник» 1836 года	118

IV. ИЗ ИСТОРИИ ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

Михаил Красиков (Украина). «Отношение Харькова к А. С. Пушкину» Н. Ф. Сумцова. Некоторые комментарии	139
--	-----

Илья Виницкий (США). Пушкин в киевском Софийском соборе. О ключевом эпизоде романа И. А. Новикова «Пушкин на юге»	152
Д. М. Цыганов. Пушкиноведческие труды академика В. В. Виноградова и идеологический контекст эпохи сталинизма	181
Павел Глушаков (Латвия). Неопубликованное письмо Н. В. Измайлова к Л. С. Сидякову	204

V. ХРОНИКА

И. В. Розина. Всероссийский музей А. С. Пушкина. Санкт-Петербург (2021—2022)	211
--	-----

VI. IN MEMORIAM

А. В. Кулагин. Вячеслав Анатольевич Кошелев — пушкинист	223
В. А. Котельников. Памяти Н. Н. Скатова	235

Условные сокращения	238
Summary	239
Указатель имен	278
Указатель произведений А. С. Пушкина	289

CONTENTS

Foreword.....	3
---------------	---

I. MATERIALS AND PUBLICATIONS

Alexander Kurochkin. Pushkin's Chisinau Note to an unknown Adressee	5
Viktor Kushnirenko. "Could you be so kind as to wait for me..." <i>On the history of the quarrel between A. Pushkin and yassky boyar Todor Balsh in Chisinau.</i>	16
D. Bludov's Unpublished "Arzamas" letters to V. Zhukovsky (1815—1817). <i>Introductory article and notes by Svetlana Berezkina. Text preparation by Svetlana Berezkina and Nina Dmitrieva.</i>	26

II. REVIEWS

Pushkiniana in the journal "Voprosy Literaturny" (2000—2020). <i>Annotated bibliography. Compiled by Anna Mikhailova.</i>	39
--	----

III. ARTICLES AND NOTES

Elena Kardash. How a "Little Masterpiece" Is Made. <i>Notes on Pushkin's Madrigal "The Last Flowers Are Dearer..."</i>	64
Nina Dmitrieva. The Bald Napoleon in "<Refutation of M-r Beranger>"	89
Tatyana Kitanina. So what turns black through Tatyana Larina's shirt? <i>Textological problems in one epigram by Pushkin</i>	93
Dmitry Cherdakov. On the prehistory of the phrase 'god the inventor' in a draft by Pushkin in 1829	97
Sergei Fomichev. The "Griboedov episode" in the Second chapter of "A Journey to Arzrum"	106
Vera Proskurina. Gogol's "The Nose" in Pushkin's Circle. <i>On the 1836 edition of the story in the journal "Sovremennik".</i>	118

IV. FROM THE HISTORY OF PUSHKIN STUDIES

Michael Krasikov. "Kharkov's relation to A. Pushkin" by N. Sumtsov. <i>Some comments.</i>	139
Ilya Vinitzky. Pushkin in the Saint Sophia Cathedral in Kyiv. Concerning the Key Scene of Ivan Novikov's Novel "Pushkin in the South"	152

Dmitry Tsyganov. Works on Pushkin by academician V. Vinogradov and the ideological context of the era of Stalinism	181
Pavel Glushakov. An Unpublished letter by N. Izmailov to L. Sidyakov	204

V. CHRONICLES

Irina Rozina. The National Pushkin Museum. Saint Petersburg (2021—2022)	211
--	-----

VI. IN MEMORIAM

Anatoly Kulagin. Vyacheslav Anatol'evich Koshelev as a Pushkin Scholar	223
Vladimir Kotelnikov. In Memory of N. N. Skatov	235
List of Abbreviations	238
Summary	239
Index of Names	278
Index of Pushkin's Works	289

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации,
причиняющей вред их здоровью и развитию»,
«книга предназначена для детей старше 14 лет»

Научное издание

ВРЕМЕННОК ПУШКИНСКОЙ КОМИССИИ
Выпуск 37

Сборник научных трудов

Утверждено к печати
Пушкинской комиссией
при Отделении историко-филологических наук
Российской Академии наук

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-64948 от 24 февраля 2016 г.

Редактор издательства *О. Э. Карпеева*
Корректор *А. С. Лобанова*
Компьютерная верстка *С. В. Степанова*

Сдано в набор 23.09.2022. Подписано к печати 03.11.2022.
Формат 60 × 90¹/₁₆. Гарнитура Академическая.
Усл. печ. л. 18,5. Тираж 300 экз.

ООО «Издательство «Росток»
E-mail: rostokbooks@yandex.ru
URL: <http://www.rostokbooks.ru>
По вопросам оптовых закупок
обращаться по тел.: (812) 937-98-70

ИП «Варваркин А. И.»
199155, Санкт-Петербург, ул. Уральская, д. 17, корп. 3, оф. 4